

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 2 (46) 2011

2

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий третий: переход от среднего к верхнему палеолиту в Африке и проблема заселения Евразии человеком современного антропологического типа

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И., Лозей Р.Дж., Савельев Н.А. Использование бухты Улан-Хада на озере Байкал в голоцене (по фаунистическим материалам)

30

Киришин Ю.Ф., Киришин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии в III тыс. до н.э.

37

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Серебряные украшения конской упряжи из кургана 20 могильника Сүцзүктэ (Ноин-Ула, Монголия)

46

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье

55

Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры)

70

Салугина Н.П. Результаты изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения

82

Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Жилище бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища

95

Зиливинская Э.Д. Традиции архитектуры Среднего Востока в усадебном домостроительстве Золотой Орды

102

ЭТНОГРАФИЯ

Шитова Н.И. Ярость и аскетизм в одежде уймонских кержачек (XX – начало XXI века)

113

Зориктуев Б.Р. Якутские хоролоры: кто они? (К проблеме этнической идентификации)

119

АНТРОПОЛОГИЯ

Аксянова Г.А. Этнодемография Западной Сибири в конце XX века

128

Добропольская М.В., Медникова М.Б. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса

143

СТРАНИЦА НЕВЫДУМАННЫХ ИСТОРИЙ

157

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

158

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

159

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903

А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

ТРИ СЦЕНАРИЯ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

**Сценарий третий:
переход от среднего к верхнему палеолиту в Африке
и проблема заселения Евразии
человеком современного антропологического типа**

В предыдущих статьях цикла были рассмотрены евразийский и китайско-малайский сценарии перехода от среднего к верхнему палеолиту. Иная модель прослеживается на территории Африки. На материалах широчайшего круга источников показано, что несмотря на большую вариабельность палеолитических индустрий на Африканском континенте, для них характерна общая тенденция – сохранение среднепалеолитической стратегии расщепления ядриц. Для переходных индустрий Северной и Восточной Африки типичны атерийские наконечники и орудия геометрических форм с притупленным краем.

Ключевые слова: Южная, Северная и Восточная Африка, переход от среднего к верхнему палеолиту, индустрии стилей, ховисонсорт, атер, даббан, сакутиек.

Введение

В трех предыдущих статьях, опубликованных в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» [2010а, б; 2011] рассмотрены два сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту в Евразии, выделенных на основе анализа каменной индустрии и палеоантропологического материала местонахождений в хронологическом диапазоне 100–30 тыс. л.н. Первый, характеризующийся спецификой форм пластинчатого расщепления, стандартизацией орудийного набора (скребки, резцы, сверла, проколки, остроконечники на пластинках и т.д.), прослеживается в Северной, Центральной, Юго-Западной, Малой Азии и Европе. На этой обширной территории наблюдается большая вариабельность в позднесреднепалеолитических индустриях, но в то же время имеется много

общих элементов в первичной и вторичной обработке камня, что позволяет говорить о едином сценарии перехода к верхнему палеолиту. Здесь на протяжении среднего и финального этапов среднего палеолита увеличивалась роль пластинчатого расщепления и получаемые заготовки становились основой для изготовления каменных орудий многих верхнепалеолитических типов.

Другой сценарий перехода от среднего к верхнему палеолиту прослеживается в Восточной и Юго-Восточной Азии. Археологический материал убедительно свидетельствует о несомненном единстве палеолитических индустрий на этой территории в течение 1,5 млн лет и их существенном отличии от индустрий остальной части Евразии. В китайско-малайской зоне не выявлена леваллуазская система первичного расщепления, преобладают нуклеу-

сы для снятия отщепов, орудия труда оформлены на отщепах или специальных заготовках. Бифасиальная система возникла на этой территории конвергентно, и орудия типа рубил и кливеров появились ок. 1 млн л.н., на 400 тыс. лет раньше, чем в Европе. В Восточной и Юго-Восточной Азии палеолитические индустрии развивались эволюционно таким образом, что нет убедительных критериев для выделения среднего палеолита. Отсутствие здесь леваллуазской системы не могло привести к конвергентному появлению пластинчатого расщепления. Оно появилось на этой территории ок. 30 тыс. л.н., а может быть, и несколько ранее с приходом мигрантов из сопредельных регионов Монголии и Южной Сибири. Пластинчатое, а позднее и микропластинчатое расщепление сосуществовало в китайско-малайской зоне с отщеповым на протяжении 10–30 тыс. лет, причем доля отщепов, используемых в качестве заготовок, в Южном Китае и Юго-Восточной Азии значительно больше, чем пластин. Все это свидетельствует о существенных отличиях процессов перехода от среднего к верхнему палеолиту в китайско-малайской зоне по сравнению с другими территориями Евразии. В Восточной и Юго-Восточной Азии в интервале 100–30 тыс. л.н. не прослеживается прихода популяции человека современного антропологического и генетического типа с запада с другой индустрией. Физический тип человека и его индустрия автохтонно формировались на этой территории. Таким образом, другой сценарий перехода от среднего к верхнему палеолиту в китайско-малайской зоне имел в своей основе своеобразие развития не только индустрий, но и самого человека.

Существенные отличия от евразийского и китайско-малайского сценариев имел переход от среднего к верхнему палеолиту в Африке. Современные археологические, антропологические, палеогенетические данные убедительно доказывают: человек современного антропологического и генетического типа сформировался на Африканском континенте ок. 190–150 тыс. л.н. Но имеющийся обширный археологический материал, с моей точки зрения, свидетельствует о том, что, во-первых, если и происходил 80–30 тыс. л.н. выход *Homo sapiens sapiens* из Африки в Евразию, то не в тех масштабах, которые предполагают моноцентристы, и, во-вторых, приход африканских популяций на ту или иную территорию не приводил к полному замещению автохтонного населения пришлым. Безусловно, имели место аккультурация, дифузия и диалог культур.

На территории Африки в интервале 100–20 тыс. л.н. переход от среднего к верхнему палеолиту в различных районах происходил в разное время и существенно отличался от евразийского и китайско-малайского сценариев. Более того, изучение индустрий в Африке

и Евразии не дает никаких оснований для утверждения о глобальном миграционном потоке из Африки в Европу и на восток, в Австралию 70–30 тыс. л.н. Весь археологический материал палеолитических местонахождений Азии и Австралии, относящийся к этому хронологическому интервалу, свидетельствует об отсутствии каких-либо существенных изменений в первичной, вторичной обработке и типах каменных орудий. Миграционный поток популяций человека современного антропологического и генетического типа из Африки обязательно должен был привести если не к полной смене индустрий (в случае замещения автохтонного населения пришлым) на транзитных территориях, то к значительным изменениям (при аккультурации и диффузии культур), что совершенно не прослеживается на палеолитических местонахождениях в Центральной, Северной, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Кратко рассмотрим развитие индустрий в Южной и Восточной Африке в интервале 100–30 тыс. л.н., чтобы понять своеобразие африканского сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту, его отличие от евразийского и китайско-малайского.

Переход от среднего к верхнему палеолиту в Южной Африке

Средний палеолит в Африке лучше всего изучен на юге, где известно и исследуется значительное число многослойных местонахождений в пещерах, под скальными навесами, а также открытого типа: Бордер, Бломбос, Бумплаас, Сибууду, Роуз Коттедж, Дьепклоф, Аполло-11, Нельсон Бэй, Пирса, Сехонгхонг, Умхлатузана и др. (рис. 1). Начало среднего палеолита, или, как его обычно называют исследователи, среднего каменного века (MSA), фиксируется исчезновением на палеолитических местонахождениях бифасов, кливеров и других изделий, типичных для позднего ашеля. Хронологическая граница перехода в различных районах определяется по-разному: от 250 до 200 тыс. л.н. Наиболее важное значение для периодизации и характеристики индустрий среднего палеолита имеют местонахождения на р. Класиес. Р. Сингер и И. Уаймер [Singer, Wymer, 1982] выделили несколько стадий развития среднепалеолитической индустрии: MSA I, MSA II, ховисонс порт, MSA III, MSA IV. В дальнейшем делались попытки уточнения этой схемы, в частности, Т. Вольман [Volman, 1984] предложил более дробное деление, но в целом она остается основополагающей.

Для решения проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту важное значение имеют местонахождения, относящиеся к периоду 80–30 тыс. л.н. Одна из самых ранних хронологических после-

Рис. 1. Расположение основных местонахождений позднего этапа среднего палеолита в Южной Африке (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]).

1 – Роуз Коттедж; 2 – Сибуду; 3 – Класиес Ривер Майут; 4 – Бордер; 5 – Умхлатузана; 6 – Ховисонс Порт; 7 – Нельсон Бэй; 8 – Бумплаас; 9 – Бломбос; 10 – Пирс Кейв; 11 – Дьеクロф; 12 – Аполло-11.

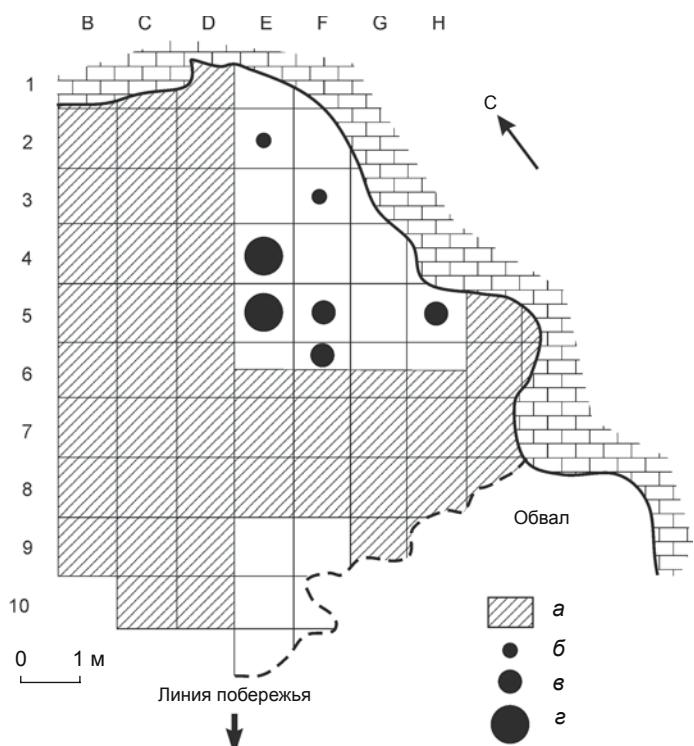

Рис. 2. План раскопа в пещере Бломбос (по: [D'Errico et al., 2005]).
а – нераскопанные участки; б–г – концентрация раковин на 1 м²: б – 1,
в – 2–5; г – более 5.

довательностей в этом диапазоне прослежена в пещере Бломбос, расположенной в 300 км от Кейптауна в прибрежной части м. Доброй Надежды, в 100 м от океана [Henshilwood et al., 2001; D'Errico et al., 2005]. Пещера находится на высоте 34,5 м над ур. м. Вход в нее был почти полностью засыпан дюнным песком, который перекрывал примерно на 20 см неолитические культурные горизонты, что является свидетельством непотревоженности рыхлых отложений пещеры [Henshilwood, 2005]. Внутри они занимают более 50 м², за пределами капельной линии – ок. 18 м² (рис. 2). Раскопки производились с 1991 по 2004 г. в течение более семи полевых сезонов.

Среднепалеолитические рыхлые отложения представлены в основном золо-выми песками морского происхождения. В них имелись включения раковин, гумусных остатков и известняка. Среднепалеолитические отложения перекрывали слой стерильного песка толщиной 5–50 см, выше которого залегал позднепалеолитический горизонт.

В нижней части рыхлых отложений, определенных как фаза M3 (рис. 3), найдено большое количество раковин моллюсков, более 8 тыс. кусков охры, многие со следами обработки в виде выскабливания и огранки. Фаунистические остатки свидетельствуют о том, что люди охотились на крупных и мелких животных, добывали моллюсков, морских млекопитающих, ловили рыбу и рептилий. Каменный инвентарь не совсем типичный для MSA I и MSA II. Для этой фазы был предложен ориентировочный возраст более 100 тыс. лет. Четыре вышележащих уровня с карбонизированными прослойками, крупными очагами и остатками моллюсков отнесены к фазе M2. Из этих отложений извлечено несколько бифасиально обработанных каменных изделий и более 20 костяных орудий, в т.ч. острия, которые использовались, возможно, в качестве наконечников и шильев [Henshilwood et al., 2001]. Термолюминесцентным методом получены даты 76 ± 7 и 105 ± 9 тыс. л.н. [D'Errico et al., 2005]. Следующее стратиграфическое подразделение M1 составляли пять слоев. В них обнаружены небольшие чашевидные очаги с остатками угля, пепла, золы. Карбонизированные про-

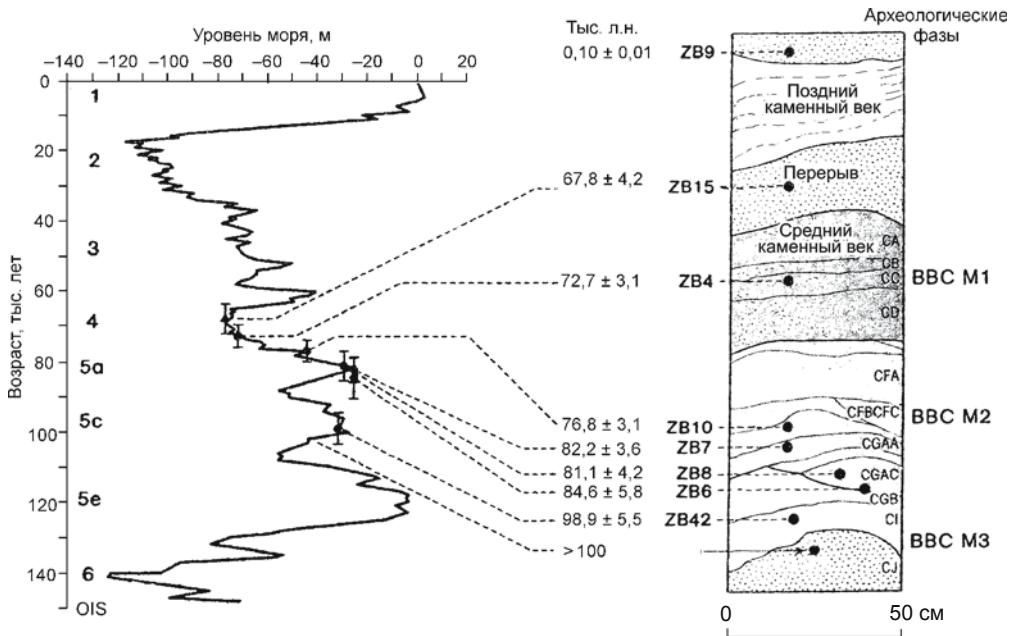

Рис. 3. Разрез в пещере Бломбос (по: [Jacobs et al., 2006]).

слойки толщиной в несколько миллиметров являлись маркерами, разделявшими этапы обитания. Верхняя часть культуроодержащего горизонта включала индустристию стилбей. В слое обнаружено ок. 400 двусторонне обработанных наконечников, в т.ч. с хорошо оформленным насадом, более 10 костяных орудий, фрагмент кости с выгравированными продольными линиями. Термолюминесцентным методом определены возраст от 67 ± 7 до 82 ± 8 тыс. лет [Ibid.], OSL-дата $75,2 \pm 3,9$ тыс. л.н.[Jacobs, Wintle, Duller, 2003].

В процессе раскопок в пещере Бломбос обнаружена 41 бусина из раковин *Nassarius kraussianus* с прошитыми в них отверстиями: 39 – в верхней части с индустристией стилбей, на всех уровнях фазы M1, а 2 – в нижележащем горизонте M2. Не все исследователи поддерживают мнение об искусственном происхождении отверстий в раковинах и использовании их в качестве украшений или символов. Ф. Д’Эррико с соавторами провели специальное исследование [D’Errico et al., 2005] и доказали, что раковины были собраны и принесены в пещеру людьми, которые их обрабатывали и использовали. Авторами установлено залегание этих находок *in situ*: свидетельствует попадания их из более поздних вышележащих культурных горизонтов не обнаружено.

Моллюски *Nassarius kraussianus* доставлялись в пещеру не для употребления в пищу, поскольку их мягкие ткани составляли менее 1 г и очень важные в диете человека жирные кислоты можно было получить из более крупных моллюсков и рыбы. Для изготовления бусин использовались раковины взрослых

особей, наиболее пригодные для проделывания в них отверстий. Микроскопическое исследование краев отверстий показало, что орудием для прокалывания служило костяное шило или клешня краба. Истергость краев отверстий свидетельствует о ношении раковин, нанизанных на тонкий, вероятно, кожаный шнурок, в виде бус. На четырех раковинах имелись микроскопические следы охры. Бусины найдены на небольшом расстоянии друг от друга и объединяются в группы по цвету и размеру. Можно предположить принадлежность каждой из групп одному и тому же ожерелью, потерянному или намеренно оставленному здесь в ходе какого-то события и позднее подвергнувшемуся минимальному перемещению [Ibid., p. 18].

Исследователи справедливо отмечают, что при наличии большого количества публикаций авторы мало внимания уделяют детальной характеристике индустрисии с палеолитических местонахождений [Вишняцкий, 2008]. Для раннего этапа MSA I характерно пластинчатое расщепление. Несмотря на не очень качественное местное сырье, в основном кварцит, среди заготовок преобладают пластины и удлиненные острия, которые часто использовались без дополнительной обработки. На следующей стадии (MSA II) увеличивается число острий, причем некоторые имеют выделенное основание, предназначенное для крепления, а также орудий, изготовленных из мелкозернистого материала – селькерита, роговика и др. В индустрисии стилбей большое распространение получают бифасиально обработанные лавролистные наконечники с выделенным основанием для крепления.

Следующая стадия – ховисонс порт. Этую индустрию некоторые исследователи считают особой, отличной от других [Singer, Wymer, 1982; Thackeray J.F., 1992; и др.]. Ее специфика заключается в появлении орудий геометрических форм с притупленным крутой ретушью краем и использовании в значительно большем количестве неместного сырья.

Наиболее полно рассмотрены различия между индустриями MSA I, MSA II и ховисонс порт на местонахождениях на р. Класиес [Wurz, 2005]. MSA II подразделяется на верхний и нижний. Данный подход позволил С. Вурц выделить более широкий набор различий между MSA I, MSA II и ховисонс порт на р. Класиес. Средний каменный век на этой территории, как и на сопредельных, характеризуется пластинчатыми индустриями и индустриями остроконечников, для скальвания пластин использовались подготовленные нуклеусы. Большая часть каменных изделий изготовлена из кварцитовых булыжников, найденных вблизи местонахождений. В индустриях MSA I и MSA II

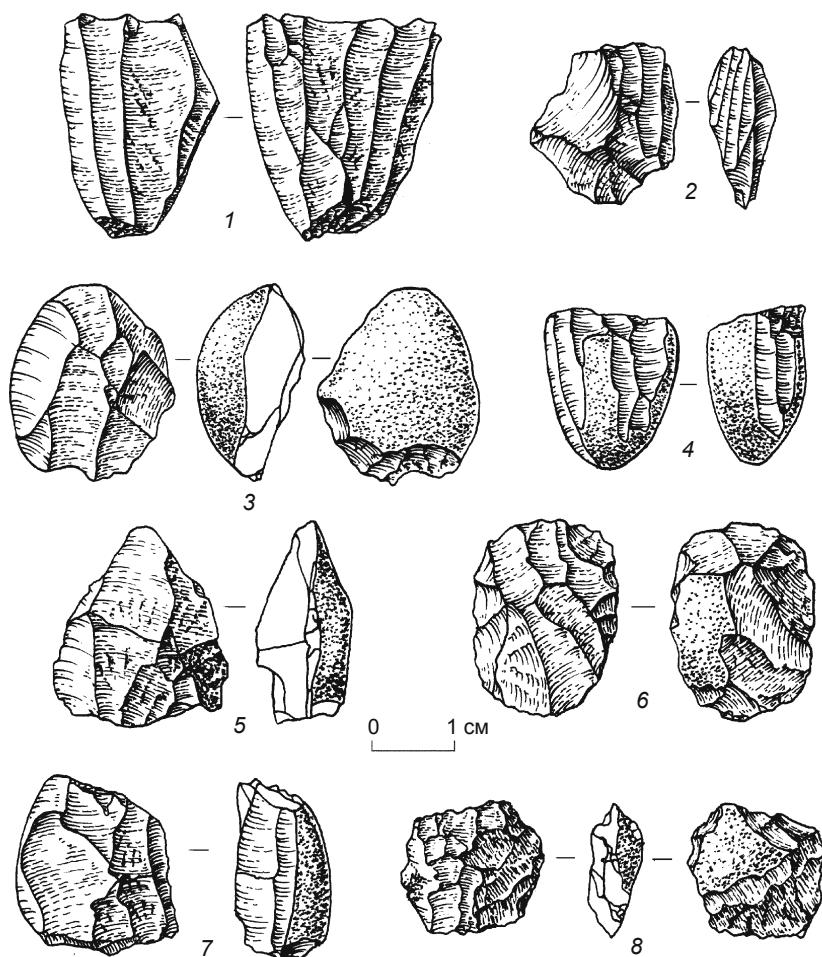

Рис. 4. Нуклеусы со среднепалеолитических местонахождений на юге Африки (по: [Wurz, 2005]).

1, 2 – MSA I; 3, 5, 7 – MSA II; 4, 6, 8 – ховисонс порт.

более 98 % артефактов из кварцита [Ibid.]. На местонахождениях ховисонс порт наряду с кварцитом использовался тонкозернистый материал неместного происхождения, из него изготовлено ок. 30 % изделий. По исходному каменному сырью эта индустрия отличается от других среднепалеолитических.

С. Вурц [Ibid.] на местонахождениях среднего каменного века на юге Африки выделяет две стратегии подготовки и расщепления ядрищ. Наиболее часто встречающимися являются нуклеусы радиального типа (рис. 4, 3, 6, 8). Тыльная сторона у них обрабатывалась короткими сколами от края к центру, где часто оставалась галечная поверхность. Противолежащая сторона была фронтом снятия заготовок или рабочей площадкой. На местонахождениях MSA I пластинчатые заготовки снимались преимущественно с одной ударной площадки, а на стадии ховисонс порт – часто с двух во встречном направлении. Для MSA II наиболее характерна леваллуазская система расщепления, когда с рабочего фронта скальвались острия

(рис. 4, 3, 5). Для MSA I и ховисонс порт типичны т.н. пирамидальные нуклеусы (рис. 4, 1, 4). Это объемные ядрища верхнепалеолитического поворотного типа с рабочим фронтом на двух или трех сторонах. В небольшом количестве имеются и торцевые нуклеусы (рис. 4, 2). На стадии MSA I с ядрищами радиального типа, большинство которых с типологической точки зрения следует относить к леваллуазским нуклеусам, снимались остроконечники и пластины, а с пирамидальных – пластины. На местонахождениях MSA II в качестве заготовок использовались в основном леваллуазские острия, пирамидальные нуклеусы не обнаружены. На стадии ховисонс порт пирамидальные и двухплощадочные нуклеусы служили для снятия пластин, леваллуазские острия не известны. На местонахождениях среднего палеолита на юге Африки подготовка ядрищ к работе и скальвание заготовок производились мягким и жестким отбойниками.

Пластины и остроконечники были основными заготовками для изготовления изделий. На местонахождениях ховисонс порт пластины более мелкие, геометрических форм, с притупленной ретушью спинкой и небольшой ударной площадкой, технологические характе-

ристики которой указывают на снятие заготовки с нуклеуса мягким отбойником. Предназначались они, по мнению исследователей, для изготовления составных орудий. На местонахождениях MSA I пластины также снимались мягким отбойником, хотя площадки у них крупнее. Для MSA II типичны фасетированные ударные площадки, асимметричные, т.е. ударный бугорок и ось нанесения удара не симметричны продольной оси. Согласно точке зрения Л. Мейгнен [Meignen, 1995], такие заготовки получаются при применении рекуррентного способа расщепления в конвергентной стратегии. По мнению С. Вурц, при сравнении заготовок MSA I и MSA II выявляются большие различия. У первых ширина площадок пластин и остроконечников значительно меньше, а значения отношения длины заготовки к длине площадки выше; остроконечники верхнего MSA II намного короче, чем в нижнем MSA II и MSA I [Wurz, 2005, р. 433].

Сравнительный анализ индустрий MSA I, MSA II, ховисонс порт убедительно подтвердил близость первичного расщепления MSA I и ховисонс порт. Для них характерны объемные нуклеусы верхнепалеолитического поворотного типа, тогда как для MSA II – леваллуазская система. В индустриях MSA I и ховисонс порт ударные площадки небольшие, нередко со следами абразии и специального утончения, что предполагает применение для снятия пластин мягкого отбойника. В MSA II ударные площадки больших размеров, широкие, фасетированные, заготовки скальвались с использованием жесткого отбойника. На стадии ховисонс порт, так же как в верхнем палеолите, производились пластины, которые затем с помощью мягкого ретушера модифицировались крутой ретушью в стандартизованные орудия геометрических форм.

Ряд исследователей [Beaumont, D'Villiers, Vogel, 1978; Singer, Wymer, 1982; Thackeray J.F., 1992; Wadley, 1997; и др.] относили индустрии стилбей и ховисонс порт к переходным от средне- к верхнепалеолитическим, и не без оснований. Существуют разные точки зрения на хронологическое соотношение этих индустрий. Имеющиеся даты, полученные различными методами, достаточно противоречивы. Основные местонахождения по древности были за пределами возможностей радиоуглеродного метода. Термолюминесцентный (ТЛ), торий-урановый (Th/U), электронно-парамагнитного резонанса (ЭПР), оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ) и другие не всегда были применимы ввиду специфики рыхлых отложений и часто давали большие погрешности в определении возраста.

За последнее десятилетие получены новые результаты датирования, а самое главное, на многослойных местонахождениях в пещерах Бордер, Нельсон Бей, Дъепкроф и других слоях ховисонс порт перекрыты стилбейскими. Наиболее полно индустрия стилбей

изучена в пещере Бломбос, где культуросодержащие горизонты достаточно надежно датированы. Для этой индустрии диагностирующими являются бифасально обработанные листовидные остроконечники с выделенным насадом для закрепления в деревянной основе. Как уже отмечалось выше, в пещере Бломбос в большом количестве обнаружены бусины из раковин, ок. 30 костяных орудий, изготовленных при помощи строгания и шлифования абразивами. Шилья из кости могли применяться при изготовлении бусин из раковин. Три шлифованных изделия, возможно, использовались в качестве наконечников [D'Ettico, Henshilwood, 2007]. Несмотря на ранние даты индустрии стилбей, от 85 до 75 тыс. л.н., в ней прослеживается много верхнепалеолитических элементов.

Гораздо больше верхнепалеолитических элементов в индустрии ховисонс порт. Для нее характерны верхнепалеолитические пирамидальные нуклеусы, использование в первичной и вторичной обработке посредника и мягкого отбойника, отжимной ретуши, геометрические формы каменных изделий, оформленных крутой краевой ретушью. На всех местонахождениях ховисонс порт основной формой заготовки являются пластины и пластинки. На памятнике Дъепкроф найдена скрлупа страусовых яиц с прочерченным сетчатым орнаментом, а в пещере Бордер – две перфорированные раковины.

Индустрия ховисонс порт привлекает внимание исследователей с 1927 г., когда было открыто местонахождение, давшее ей название. Одно из местонахождений с этой индустрией располагалось в пещере Роуз Коттедж [Soriano, Villa, Wadley, 2007; Harper, 1997]. Она находится на высоте 1 676 м, ориентирована на север и имеет длину 20 м, ширину 10 м. Раскопки в пещере велись в 1943–1946, 1962, 1987, 1989, 1991, 1997 гг. Были выделены культуросодержащие горизонты преховисонс порт (литологические слои, обозначенные LEN, KUB и KUA), ховисонс порт (от EMD до SUZ) и постховисонс порт (от BYR до KAR) (рис. 5) и установлена хронологическая последовательность слоев (см. таблицу).

С. Сориано с соавторами проанализировали 1139 артефактов из пещеры Роуз Коттедж [Soriano, Villa, Wadley, 2007]; из них из горизонтов постховисонс порт – 805, в т.ч. 129 нуклеусов и их фрагментов и 245 орудий. Основное сырье – халцедоны и опалы, в небольшом количестве использовался вулканический туф и песчаник. В слоях EMD и SUZ пластин и отщепов из халцедонов и опалов соответственно 96,8 и 92,5 %. Нуклеусов, изготовленных из этих пород камня, – 96,5 %, а ретушированных изделий – 99 %. Такое же сырье использовалось и в период постховисонс порт.

Среди продуктов расщепления в нижних слоях ховисонс порт EMD и MAS преобладают небольшие

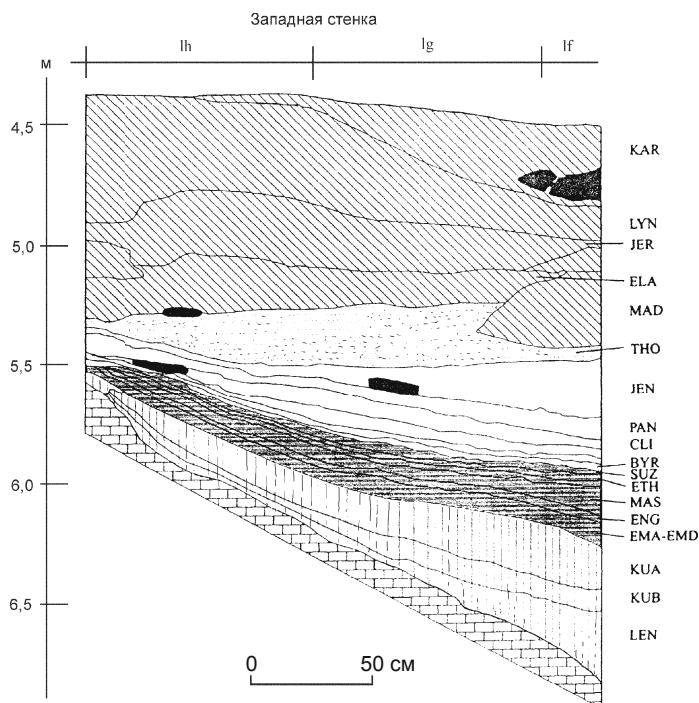

Рис. 5. Разрез в пещере Роуз Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]).

пластины (рис. 6). Около 70 % пластинчатых сколов имеют ширину менее 12 мм. Среднее значение ширины пластинок ок. 10 мм. Пластины, имеющие отношение длины к ширине более 4, в слоях EMD и MAS составляют соответственно 7,2 и 6,4 %.

Многие нуклеусы в начальной стадии эксплуатации имеют галечную поверхность (рис. 7, 1–4). У 20–30 % пластин ударные площадки также сохраняют галечную поверхность [Ibid., р. 686]. Среди нуклеу-

сов преобладают пирамидальные, подпризматические и в небольшом количестве представлены леваллуазские для снятия отщепов (рис. 7). Процесс расщепления начинался в большинстве случаев на узкой поверхности конкреции с использованием длинного естественного ребра. С. Сориано с соавторами реконструируют две конфигурации в последовательности расщепления пластинчатых нуклеусов (рис. 8). Нуклеусы выходили из употребления, когда длина поверхности скальвания уменьшалась до 20–25 мм (см. рис. 7, 1–5, 7). Процесс расщепления происходил главным образом с использованием одной площадки, но имеются и двухплощадочные ядрища.

На местонахождении Роуз Коттедж для скальвания пластин применялись жесткий и мягкий отбойники. Удалось определить, что в каждом из слоев EDM и MAS жестким отбойником было снято 47,3 % заготовок, а мягким – соответственно 8,5 и 8,6 % [Ibid.]. Оба инструмента могли использоваться в операционной цепочке скальвания заготовок с одного и того же нуклеуса на разных стадиях его утилизации. По заключению С. Сориано и его соавторов, на местонахождении Роуз Коттедж в период ховисонс порт для снятия заготовок не применялся посредник, что противоречит выводам других исследователей [Singer, Wymer, 1982]. Техника скальвания пластин посредством краевого удара с помощью каменного отбойника имеет аналогии в европейском среднем палеолите и не может считаться инновационной в индустрии ховисонс порт [Soriano, Villa, Wadley, 2007]. Она была широко распространена в верхнем палеолите.

Хронология слоев MSA в пещере Роуз Коттедж*

Фаза	Слой	TL-дата (тыс. л.н.)	Слой	OSL-дата (тыс. л.н.)
Постховисонс порт	THO	47,1 ± 10,2	LYN	33 ± 2
	CLI	49,4 ± 10,1		
	BYR	50,5 ± 4,6	BYR/ANN/L	57 ± 3
	SUZ	58,6 ± 6,6		
	ETH	41,7 ± 3,7	SUZ/ETH/BER	59 ± 4
	BER	56,3 ± 4,5 60,0 ± 4,6		
Ховисонс порт	EMD	48,9 ± 5,3	EMB/EMC/EMD	66 ± 4
			KUA	61 ± 4
	LEN (четыре независимые выборки)	64,5 ± 6,6 68,4 ± 8,3 72,5 ± 6,8 76,3 ± 14,8	LEN	86 ± 6

*По: [Soriano, Villa, Wadley, 2007, р. 682].

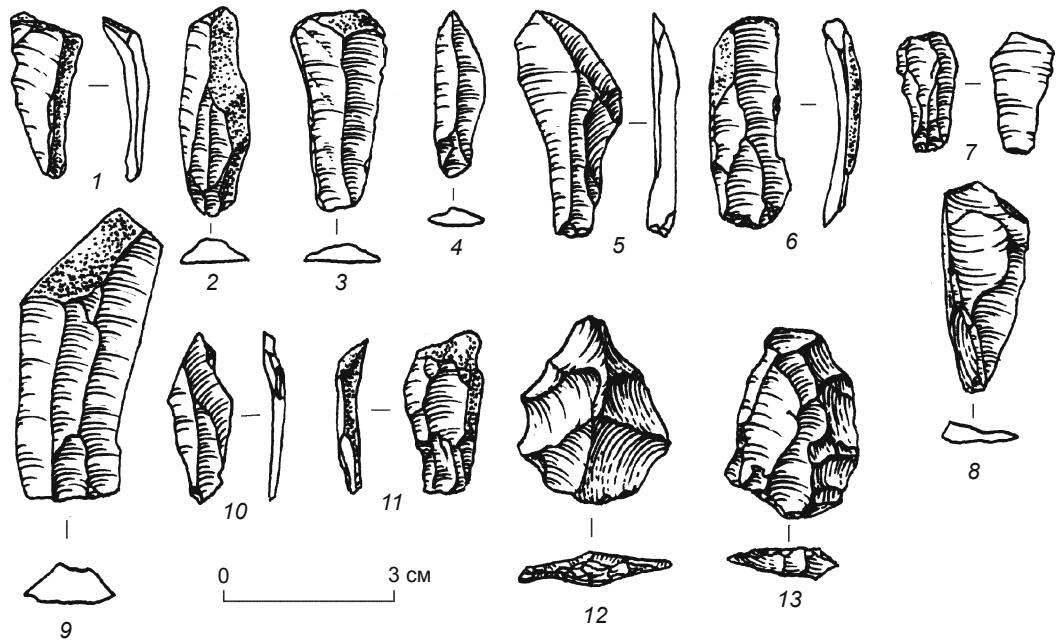

Рис. 6. Продукты расщепления из слоев ховисонс порт в пещере Роуз Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]).

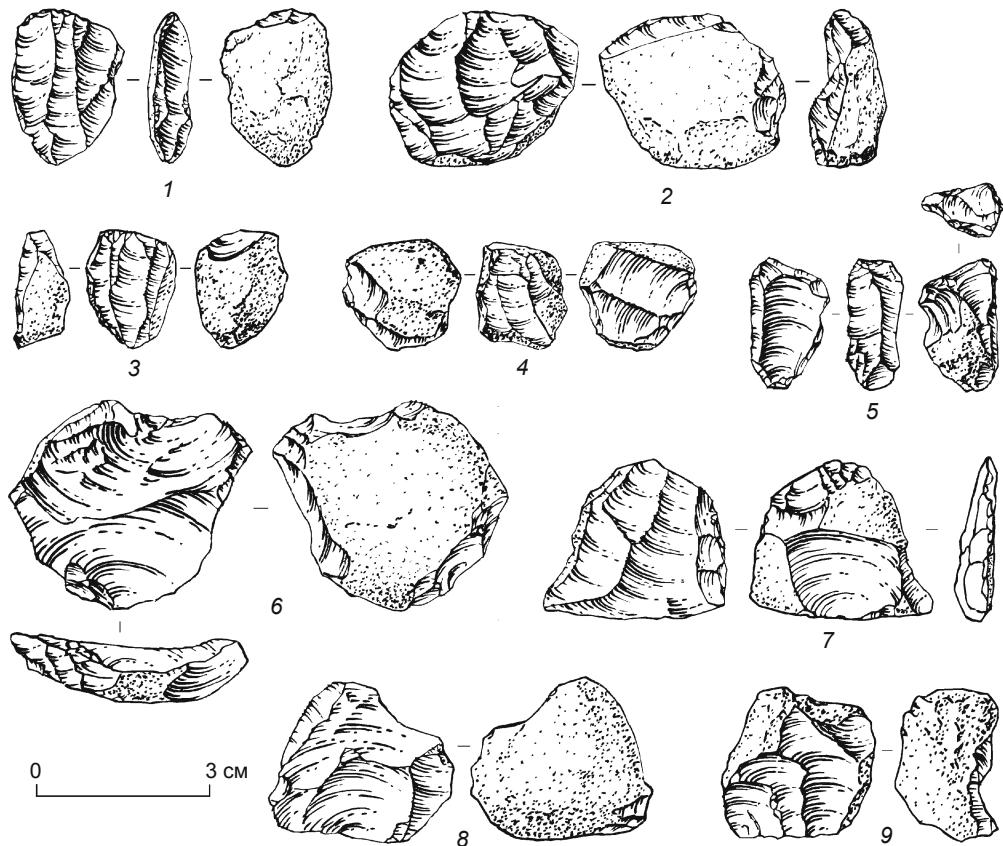

Рис. 7. Нуклеусы из слоев ховисонс порт в пещере Роуз Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]).
1–5, 7 – пластинчатые; 6 – леваллуа для снятия отщепов; 8, 9 – односторонние для снятия отщепов.
1, 2 – слой EMD; 4, 5 – слой MAS; 3, 8 – слой ETH; 6, 7, 9 – слой SUZ.

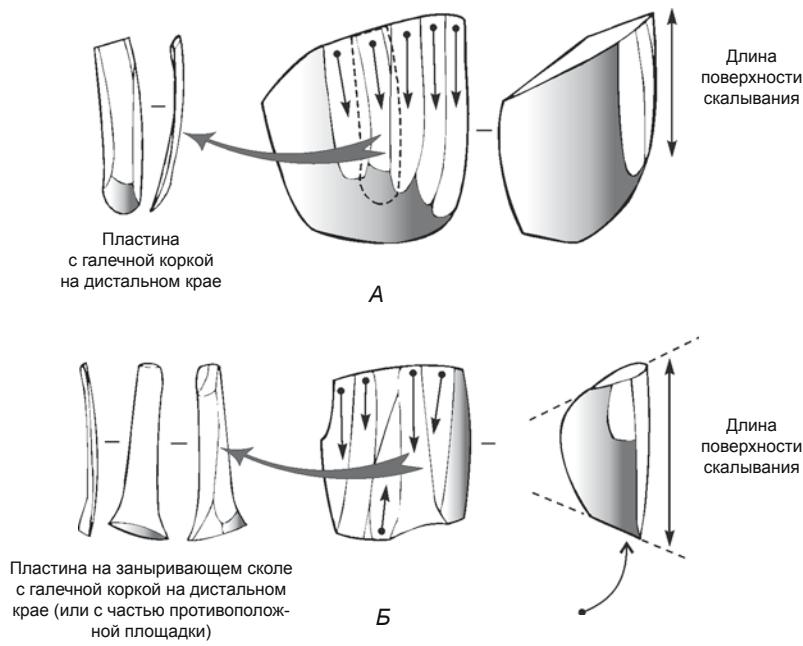

Рис. 8. Две конфигурации в последовательности расщепления пластинчатых нуклеусов из пещеры Роуз Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]). А – увеличение эксплуатируемой длины поверхности расщепления; Б – уменьшение этой длины.

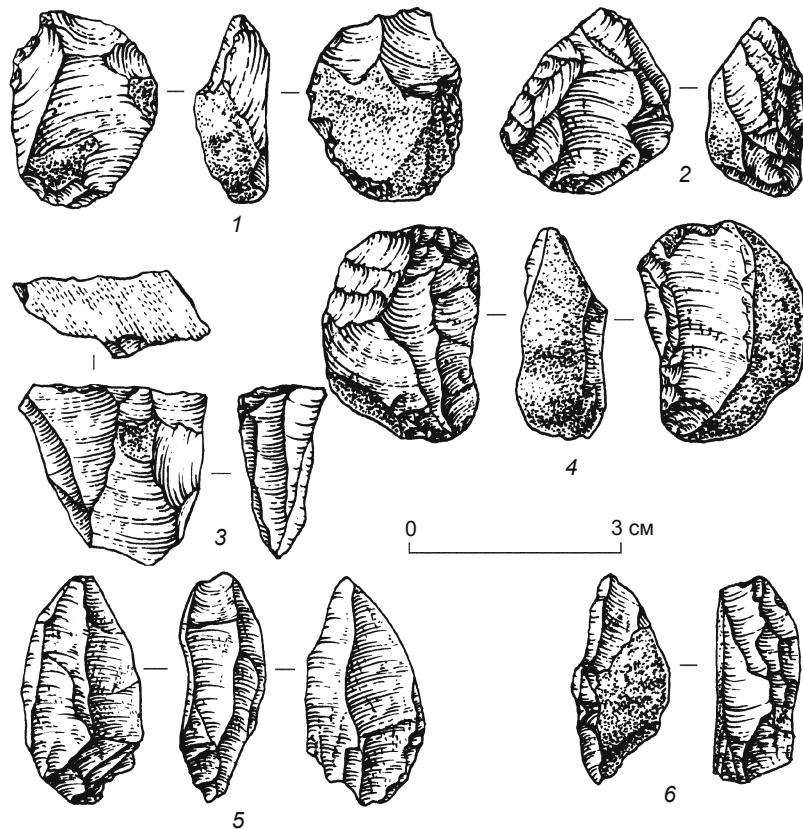

Рис. 9. Нуклеусы из культуроодержащих горизонтов постховисонс порт в пещере Роуз Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]).

В слоях постховисонс порт наблюдается некоторая архаизация в первичной и вторичной обработке: значительно уменьшается количество пластин и увеличивается число отщепов, используемых в качестве заготовок, а также нуклеусов для снятия отщепов, среди них немало и леваллуазских ядрищ (рис. 9). В слое ТНО широко представлена биполярная техника скальвания заготовок. Производство пластин теряет свое значение, и леваллуазские нуклеусы для снятия отщепов становятся преобладающими, а пластинчатые почти исчезают. В качестве исходного материала чаще используется вулканический туф, доля халцедоновых пород уменьшается [Ibid.].

Орудийный набор в индустрии ховисонс порт в пещере Роуз Коттедж весьма разнообразен: резцы, концевые скребки, боковые и конвергентные скребла, остроконечники, унифасиальные орудия, шилья, зубчато-вымчатые изделия, ретушированные пластины и отщепы, изделия из кости и др. Численность ретушированных изделий в слоях ховисонс порт на различных местонахождениях варьирует от 4 до 8 % от общего количества артефактов. Большинство орудий (90 %) оформлялось на пластинах. Наиболее многочисленны изделия геометрических форм с притупленной крутой краевой ретушью спинкой. Они включают сегменты, треугольники, частично пластины (рис. 10). Длина этих изделий $27,3 \pm 7,4$ мм, что, по мнению исследователей, обусловлено размерами исходного сырья [Ibid.]. Крутой краевой ретушью оформлялись часто проксимальный и дистальный концы. Пластины с краевой ретушью по всей длине боковой грани редки.

Орудия геометрических форм с притупленной спинкой – специфика среднего палеолита Африки. Они появились в Центральной Африке в индустрии лупембан в самом начале среднего каменного века. Но наибольшее их распространение наблюдается в период ховисонс порт. Техника краевой притупляющей ре-

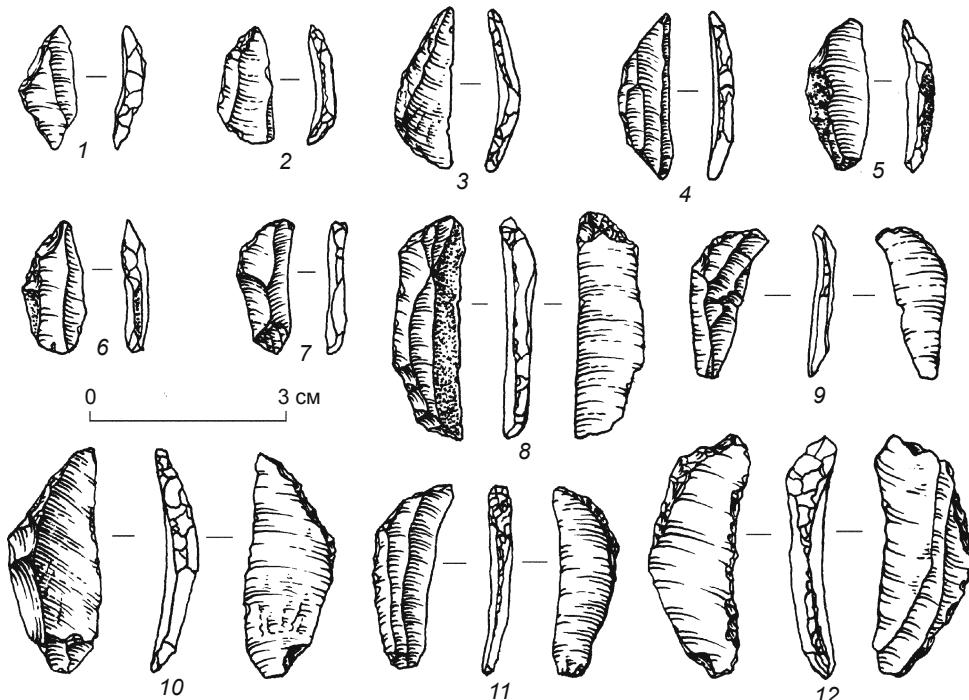

Рис. 10. Пластины с притупленной спинкой из пещеры Роуз Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]).

туши известна в среднем палеолите и в Европе. Но орудия геометрических форм с притупленной спинкой, безусловно, инновационный продукт именно Центральной и Южной Африки. Такие изделия не известны в среднем палеолите на Ближнем Востоке. Они использовались, вероятно, в качестве вкладышей для составных орудий типа остроконечников, ножей и кинжалов, у которых была, скорее всего, деревянная, а не костяная основа, как у более поздних верхнепалеолитических и мезолитических подобных изделий.

Резцы на местонахождении Роуз Коттедж представлены небольшим количеством экземпляров. На конце пластины сделан резцовый скол по краю, а второе снятие диагонального типа – от этого края к противоположному (рис. 11, 3). Другой двусторонний резец оформлен на крупном фрагменте пластинчатого скола. Один конец у него остроугольный. С дорсальной стороны по скошенному диагональному краю нанесена ретушь, а резцовые снятия сделаны по краю пластиначатого скола. С против-

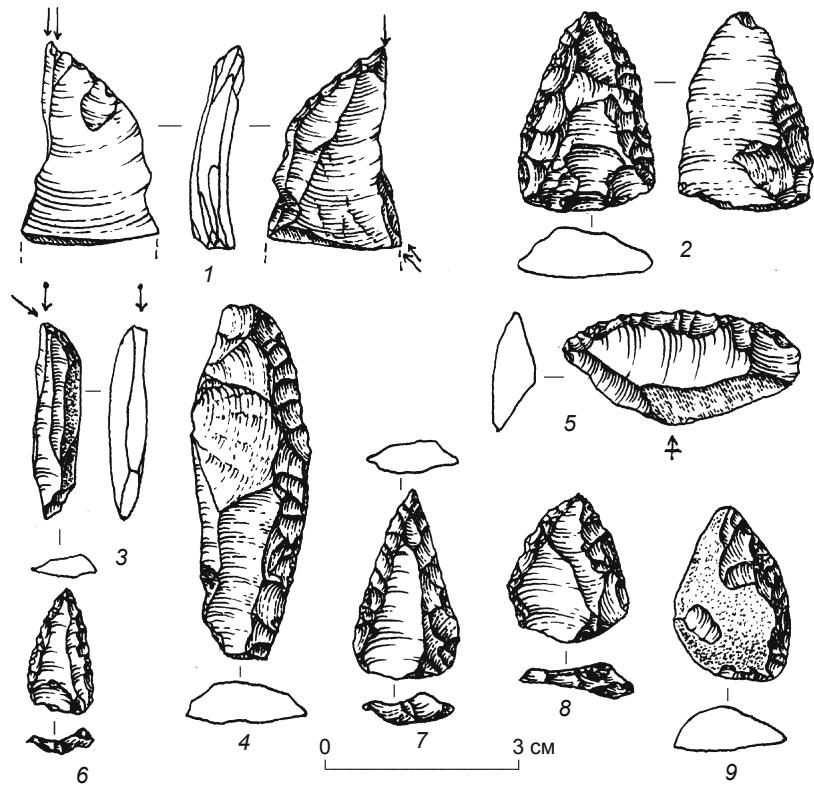

Рис. 11. Орудия труда из слоев ховисонс порт (1–3) и постховисонс порт (4–9) в пещере Роуз Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]). 1 – двусторонний резец; 2, 6–8 – унифасиальные острия; 3 – резец с боковым и дистальным резцовыми сколами; 4, 5 – скребла; 9 – боковой скребок (?) на отщепе.

воположного конца по этому краю произведено еще несколько снятий (рис. 11, 1). Скребки и скребла изготавливались из пластинчатых сколов и отщепов. Рабочее лезвие оформлялось преимущественно крупной однорядной ретушью с частичной подправкой по самому краю лезвия. Другие орудия из культуросодержащих горизонтов ховисонс порт изготавливались из пластин или пластинчатых сколов и обрабатывались преимущественно крутой ретушью.

Местонахождение Роуз Коттедж важно тем, что культуросодержащие горизонты ховисонс порт перекрываются слоями, материалы которых позволяют получить представление о более поздней индустрии. Как уже отмечалось выше, на стадии постховисонс порт пластинчатое расщепление постепенно сменяется отщеповым и пластинчатые нуклеусы замещаются леваллуазскими для снятия отщепов. В слоях выше BYR законченных орудий выявлено от 9,1 (KAR и LYN) до 26,5 % (THO). Наиболее распространенными являются трансверсальные и конвергентные скребла (рис. 11, 4, 5), а также унифасиальные острия (рис. 11, 6–8). Имеются орудия типа *pièces esquillées*, зубчато-выемчатые изделия, шилья, ретушированные пластины, отщепы и др.

В орудийном наборе особо выделяются унифасиальные острия, изготовленные преимущественно из отщепов, – 96,2 % от общего количества. Они обрабатывались в основном однорядной ретушью с дополнительной подправкой края ретушью с дорсальной стороны. Во всех слоях местонахождения Роуз Коттедж найдено 43 целых острия и 7 фрагментов. Заготовками для них являлись небольшие (длина $36,6 \pm 8,7$ мм) отщепы подтреугольной формы. На местонахождении Сибуду в слоях постховисонс порт найдено 272 унифасиальных острия длиной 45–47 мм.

Материалы из пещеры Роуз Коттедж хорошо демонстрируют динамику позднего этапа среднего палеолита на юге Африки. С. Сориано с соавторами [Ibid.] выделяют два этапа развития индустрии. Первый прослежен в слоях EMD и MAS. Это «классический» ховисонс порт, для которого характерны нуклеусы для снятия пластин и пластинок, геометрические орудия с притупленной спинкой, составляющие 60–68 % ретушированных изделий. В качестве исходного материала для изготовления орудий использовались халцедоновые породы камня. На втором, финальном, этапе ховисонс порт (слои ETH и SUZ) уменьшается количество пластин-заготовок, которые к тому же по качеству значительно уступают более ранним: у них менее правильная форма и не так хорошо подготовлена ударная площадка. Происходит изменение и в технологии производства пластин: исчезает техника краевого скальвания, появляется техника леваллуа. Среди заготовок возрастает доля отщепов. Уменьшается количество орудий

геометрических форм с притупленной спинкой и увеличивается число скребел. В качестве исходного материала часто использовался вулканический туф. Для исследователей остаются дискуссионными причины постепенного исчезновения пластин с притупленной спинкой, присутствующих на всех стоянках с индустрией ховисонс порт в Южной Африке. Существуют различные точки зрения на эту проблему (обзор см.: Ibid., р. 699–700]), но ни одну из них нельзя признать достаточно убедительной.

В индустрии ховисонс порт много элементов, более типичных для верхнего палеолита. Из верхнепалеолитических орудий представлены резцы, долотовидные изделия, скребки. Безусловно, инновационными являются изделия геометрических форм с притупленной спинкой, которые могли быть вкладышами для составных орудий. Первичная обработка также характеризуется в основном верхнепалеолитическими технологиями. Нельзя исключать и наличия на местонахождениях ховисонс порт костяных изделий. В пещере 1А на р. Класиес найден костяной остроконечник, что предполагает возможность обработки кости в этой индустрии.

Относительно хронологических рамок индустрии ховисонс порт также нет единой точки зрения. Ряд исследователей считает ее кратковременным явлением. Эту индустрию соотносили с изотопными стадиями 5, 4, 3 [Avery et al., 1997; Thackeray J.F., 1987; Parkington, 1990; и др.]. Ш. Триболово с соавторами [Tribolo, Mercier, Valladas, 2005] сделали подробный анализ дат, полученных для местонахождений ховисонс порт. Для этой индустрии в пещере Бордер имеются шесть дат от 76 ± 4 до 58 ± 2 тыс. л.н. Две – $62,4 \pm 2$ и $65,6 \pm 5,3$ тыс. л.н. – получены ураноториевым методом (U/Th) на местонахождениях на р. Класиес и Бумплаас. Для последнего на основании аминокислотной рацемизации определены даты 56 и 65 тыс. л.н. в зависимости от метода калибровки, для Аполло-11 – 63 ± 6 и 69 ± 7 тыс. л.н. Для этих же горизонтов местонахождения Бумплаас известны более ранние даты (80–72 тыс. л.н.). Для уровней ховисонс порт в устье р. Класиес путем комбинации результатов датирования термолюминесцентным и оптико-люминесцентным (применялся на зернах кварца и полевого шпата) методами определены даты $52,4 \pm 4$ и $46,7 \pm 3,3$ тыс. л.н.

Ш. Триболово с соавторами [Ibid.] для всех уровней ховисонс порт получили 13 TL-дат от 62 до 51 тыс. л.н. Среднее значение 56 ± 3 тыс. л.н. Это позволило им утверждать, что индустрия ховисонс порт ближе к 60, чем к 70 тыс. л.н. Согласно новым данным, полученным TL-методом, возраст отложений под скальным навесом Дьеクロф 55–65 тыс. лет, а верхних уровней в пещере Роуз Коттедж – в среднем 57 ± 4 тыс. лет. Широкий диапазон дат для индустрии ховисонс порт

в пещере Бордер приводит авторов к заключению, что ее хронологические рамки на данном местонахождении 70–60 тыс. л.н. Около 60 тыс. л.н. эта индустрия появилась на местонахождениях Роуз Коттедж, Бумплаас в устье р. Класиес.

При всей дискуссионности проблемы датировки индустрии ховисонс порт на основании имеющихся разноречивых дат, полученных для различных местонахождений Южной Африки, в качестве рабочей гипотезы можно принять следующую схему: в пещере Бордер эта индустрия появилась 80–70 тыс. л.н., что подкрепляется тремя возрастными определениями более 70 тыс. лет; в Сибуду она существовала 64–50 тыс. л.н.; в пещере Роуз Коттедж – ок. 60–55 тыс. л.н.; на местонахождении Класиес Ривер Март – 60–50 тыс. л.н. Таким образом, основные хронологические рамки существования индустрии ховисонс порт, видимо, 70–50 тыс. л.н.

Ховисонс порт позднее 55–50 тыс. л.н. сменяется индустрией MSA III, которая существенно отличается от более ранних. На заключительной стадии среднего каменного века в Южной Африке первичное расщепление характеризуется плоскими, в основном леваллуазского типа нуклеусами для снятия укороченных острый и отщепов. Исчезают бифасиальные орудия, изделия геометрических форм с притупленным краем, нет свидетельств символизма. Наиболее распространены скребла, зубчато-выемчатые изделия, укороченные остроконечники.

Очень своеобразное развитие индустрий среднего каменного века в Южной Африке вызывает оживленные дискуссии, и остается много нерешенных вопросов. Остановимся на главной, с моей точки зрения, проблеме преемственности и наличия закономерности в динамике среднепалеолитических индустрий на этой территории. Большинство исследователей придерживаются следующей схемы: MSA I > MSA IIa, b (заключительная стадия представлена индустрией стилбей) > ховисонс порт > MSA III. На ранней стадии среднего палеолита (MSA I) индустрия характеризуется пластинчатой направленностью. В качестве заготовок больше всего использовались пластины, часто без дополнительной ретуши. Они снимались преимущественно с дисковидных и пирамидальных нуклеусов. Первичное расщепление MSA I по технико-типологическим характеристикам близко к таковому индустрии ховисонс порт и верхнепалеолитическому. Ранний этап MSA II по основным технико-типологическим показателям существенно отличается от предшествующего и последующего. Индустрия, которая сменяет MSA I, слабо изучена, пока нет надежных свидетельств их преемственности. С формальной точки зрения невозможно найти истоки бифасиальных остроконечников стилбей на раннем этапе MSA II. Хотя на местонахождении Умхлатузана в раннем комплексе

ховисонс порт имеются бифасиальные наконечники, но нет других веских аргументов для утверждения о его преемственной связи с индустрией стилбей. Орудия геометрических форм неожиданно появляются на стадии ховисонс порт и так же неожиданно исчезают – их нет в MSA III. В целом индустрия заключительного этапа среднего каменного века в Южной Африке многим исследователям видится более архаичной, чем предшествующие. Имеющийся материал позволяет выделить указанные стадии среднего палеолита, но между ними пока не прослеживается бесспорной преемственности. Особенно резкая граница наблюдается между индустриями стилбей и ховисонс порт, с одной стороны, и MSA III – с другой. Если в первых двух много верхнепалеолитических элементов, то последняя по всем основным технико-типологическим характеристикам выглядит гораздо архаичнее. Очень важно отметить, что орудия геометрических форм с притупленным краем и бифасиально обработанные остроконечники встречаются в форсмите – переходной от раннего к среднему палеолиту индустрии в Южной Африке, но нигде они не обнаружены на сопредельных территориях в хронологическом диапазоне 80–50 тыс. л.н., т.е. невозможно объяснить их появление извне. Этот парадокс в динамике индустрии среднего каменного века до настоящего времени не получил однозначной трактовки. Наиболее приемлемыми, с моей точки зрения, могут быть две основные причины: первая – существенные изменения климата, обусловившие формирование новых адаптационных стратегий; вторая – приход на территорию Южной Африки нового населения, что привело, соответственно, к значительным технико-типологическим изменениям в индустрии. В последнем случае могли происходить как замещение автохтонных популяций, так и аккультурация. Наиболее вероятной причиной коренных изменений в духовной и материальной культуре являются именно миграционные процессы в Африке в интервале 120–60 тыс. л.н.

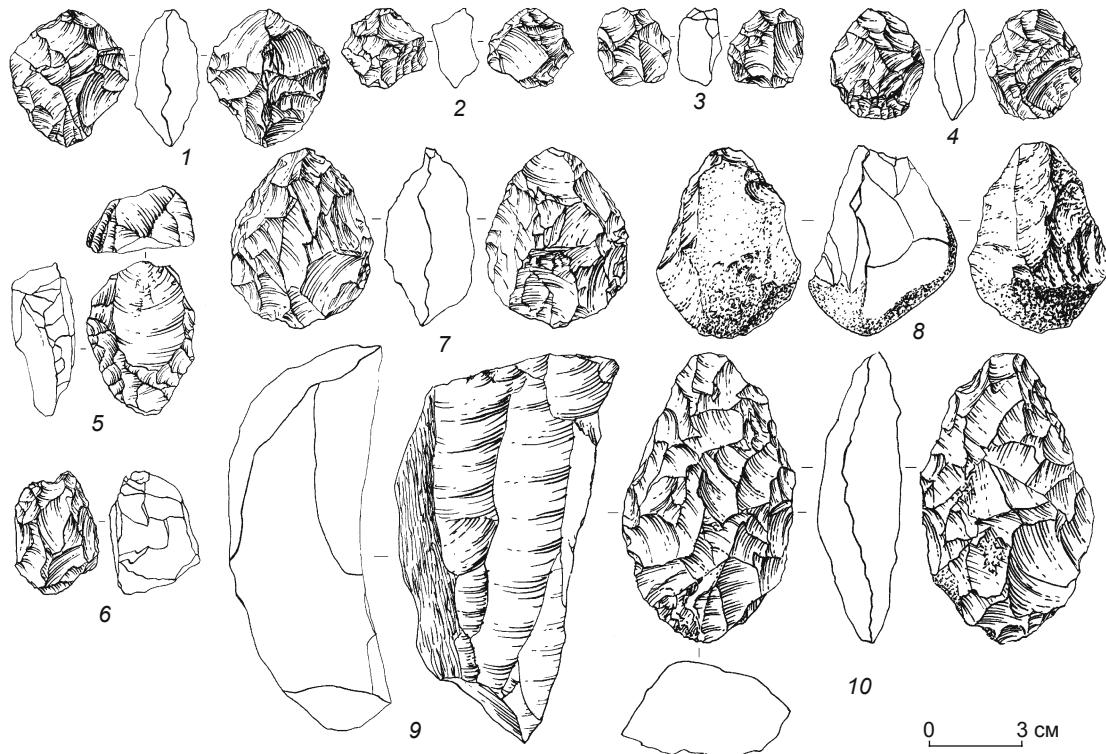
Одним из факторов, существенно влиявших на численность населения, а вследствие этого и на интенсивность миграционных процессов, была смена аридных и плювиальных периодов. Аридные условия в Африке соответствовали похолоданиям, а плювиали – потеплениям. Это находит подтверждение не только в голоцене, но и в позднем плейстоцене [Deacon, 1995, 2000; Henshilwood, 2005]. Начало позднего плейстоцена (140–118 тыс. л.н.) характеризуется максимальной влажностью. Более теплая стадия ок. 103–84 тыс. л.н. включала периоды с меньшей пиковой влажностью. После 60 тыс. л.н. наблюдается похолодание и сильная засушливость до 47 тыс. л.н. Затем прослеживаются кратковременные плювиальные и аридные периоды. Максимум засушливости приходится в верхнем плейстоцене на 18 тыс. л.н. В интервале 140–65 тыс. л.н. на

Африканском континенте происходил наибольший рост численности населения и шел интенсивный процесс расселения людей современного физического типа [Deacon, 2000, p. 214–215]. Несмотря на разные точки зрения на временные рамки потеплений и похолоданий, общая закономерность, состоящая в том, что население в Африке увеличивалось в плювиальные и сокращалось в аридные периоды, видимо, имела место. Дж. Теккерей [Thackeray J.F., 1987], проведя многомерный статистический анализ микрофауны на р. Класиес и дополнив его результатами исследований по колебаниям количества остатков моллюсков, пришел к выводу, что индустрия ховисонс порт была распространена в теплый период, соответствующий стадии 3 изотопно-кислородной шкалы, – 58–48 тыс. л.н.

Вероятно, индустрия ховисонс порт, а возможно, и стилей связана с приходом в Южную из Центральной Африки другого населения [Barham, 2002]. Это подтверждается значительным количеством артефактов из неместного мелкозернистого камня, а также тем, что данные индустрии не связаны своим происхождением с ранним этапом MSA II. Вероятно, во время, соответствующее стадии 5b кислородно-изотопной шкалы, вследствие ухудшения климата популяции с севера, с территории внутренней части Конго через горный складчатый пояс Кейпа продвину-

лись на юг, в т.ч. и в прибрежные районы Индийского океана. Мигранты могли прийти также с территории Зимбабве и Замбии, где были распространены индустрии типа люпембан или близкие к ним. Люпембан делится на нижний, верхний и люпембо-тшитол [Clark, 1982]. Нижний характеризуется изделиями типа пик, нуклеусными рубильцами, копьевидными орудиями, различными скреблами, ретушированными отщепами, отщепами и сколами без ретуши, но со следами работы; верхний – хорошо оформленными рубильцами, бифасиальными листовидными остроконечниками. В люпембо-тшитолской индустрии сохраняется бифасиальная обработка, широко представлено леваллуазское расщепление, продукты которого использовались для изготовления различных скребел и других изделий, в т.ч. зубчато-выемчатых.

В пользу такого сценария свидетельствуют материалы местонахождения Твин Риверс в Замбии [Clark, 1971; Clark, Brown, 2001; Barham, 2002]. Оно расположено в 24 км к юго-западу от г. Лусаки. Раскопки местонахождения производились с 1953 по 1956 г., а затем в 1996–1997 гг. на 52-метровой возвышенности, сложенной известняками. Эта возвышенность, окруженная низменностью, которая заливается во время разлива рек водой, была хорошим убежищем для животных. В направлении с востока на запад по склонам холма

Ruc. 12. Каменный инвентарь с памятника Твин Риверс (по: [Clark, Brown, 2001]).

1 – кварцевый дисковидный нуклеус; 2 – кварцевый биполярный нуклеус; 3 – сланцевый дисковидный нуклеус; 4, 6 – кварцевые нуклевидные скребки; 5 – леваллуазский нуклеус; 7 – кварцевый биконический нуклеус; 8 – кварцевое рубило; 9 – крупный кварцитовый нуклеус для снятия пластин; 10 – кварцевое рубило.

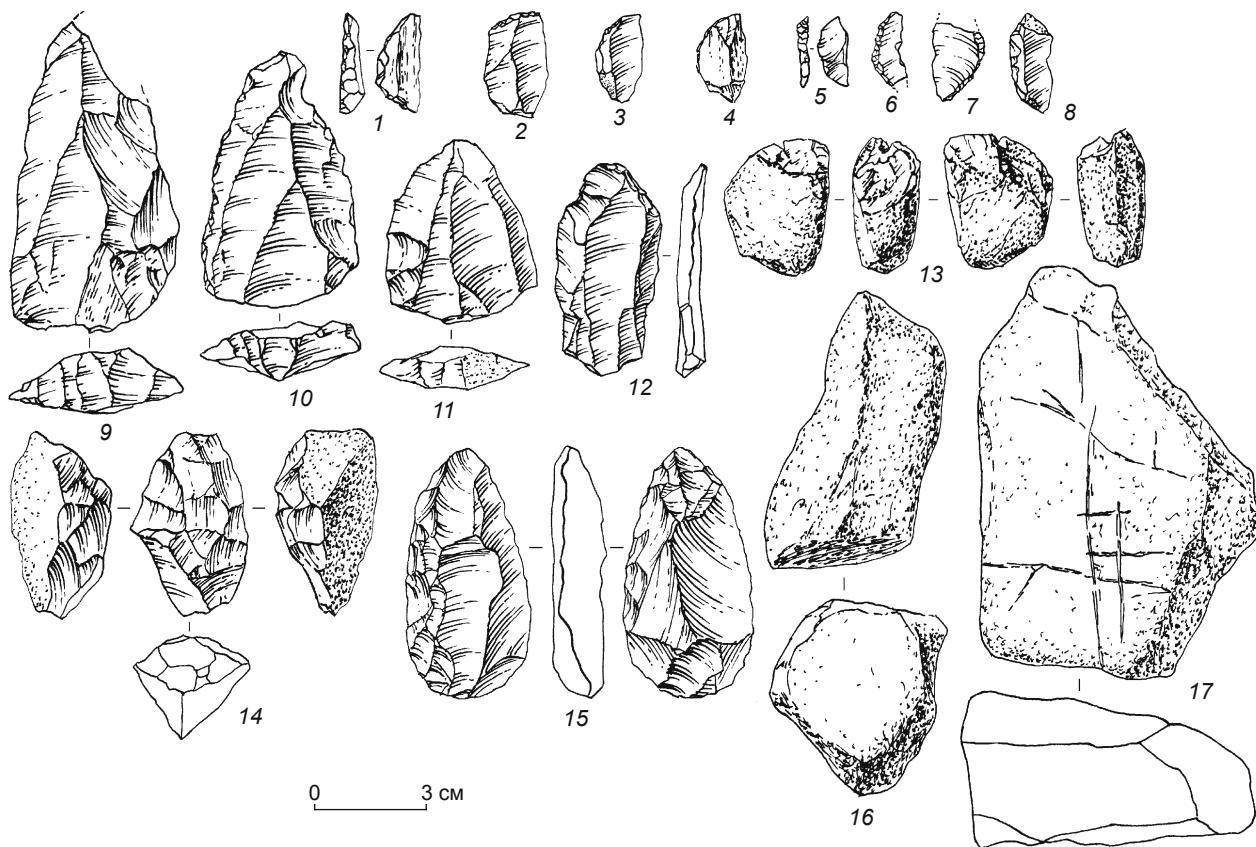

Рис. 13. Каменный инвентарь с памятника Твин Риверс (по: [Clark, Brown, 2001]).

1, 4, 5 – кварцевые сегменты; 2 – трапециевидный скол из плотного глинистого сланца; 3 – сегментовидная тронкированная пластина; 6 – фрагмент сегмента из кристаллического кварца; 7 – фрагмент кварцевого сегмента; 8 – кварцевая скосенная тронкированная пластина с обушком; 9, 11 – треугольные отщепы с фасетированной площадкой; 10 – треугольный отщеп с фасетированной площадкой с выемкой; 12 – пластина с ретушью утилизации; 13 – гематитовый обломок; 14 – кварцитовое скребло; 15 – бифасиальный остроконечник из кварцита; 16 – фрагмент лимонита; 17 – доломитовое выветрелое точило с насечками.

проходит несколько карстовых расщелин и воронок, заполненных землей и красной глиной с включениями грубообломочного материала. Отложения сильно зацементированы. Уже в ходе первых разведочных раскопок К.П. Оакли в 1953 г. в одной из карстовых воронок, позднее обозначенной как Блок А, были выделены верхняя, коричневая и нижняя, розовая пачки брекчий, в которых содержались кости животных и различные каменные изделия. Нижний культуроноситель горизонт был отнесен к раннему палеолиту, а верхний – к среднему, что подтвердил и побывавший на раскопках выдающийся палеонтолог, археолог и философ П. Тейяр-де-Шарден (см.: [Clark, Brown, 2001]).

С 1954 г. раскопки велись в шести пунктах, пять из которых (Блоки А–Д) располагались в разных местах одной карстовой расщелины, а один (Блок Е) – в другой небольшой, находившейся примерно в 100 м. Из-за плотности брекчий для ее рыхления применялось контурное взрывание. Раскопки не подтвердили большой длительности процесса осадконакопления. Все культуроносительные горизонты относятся к ин-

дустрии люпембан и датируются финалом среднего – первой половиной верхнего плейстоцена.

В качестве исходного материала использовался кварц, кварцит, кремнистый известняк, которые находились поблизости. Мастера при обработке выбирали булыжники и угловатые желваки, а также блоки. Большинство нуклеусов оформлялось на желваках и небольшой процент – на крупной гальке и отщепах. Подготовка ядрищ осуществлялась в другом месте, а на стоянку они приносились уже для получения заготовок. Среди нуклеусов представлены дисковидные, леваллуазские, полиэдры, биконические, протобиконические, многоплоскостные (рис. 12). Ядрищ для снятия пластин небольшое количество. Длина большинства нуклеусов 20–40 см. Скалывание заготовок производилось жесткими отбойниками. Применялась и биполярная техника. Среди заготовок сравнительно редко встречаются стандартизированные пластины и отщепы. Имеются треугольные в плане отщепы с фасетированными площадками, снятые с леваллуазских нуклеусов (рис. 13, 9–11).

Типологически каменный инвентарь с памятника Твин Риверс очень разнообразный. Достаточно широко представлены пики, рубильца, чопперы, сфероиды, скребла различных модификаций, в т.ч. крупные, а также оформленные на сработанных нуклеусах, скребки, бифасиальные остроконечники, усеченные пластины и отщепы, односторонние и двусторонние острия, резцы, долотовидные изделия, проколки (рис. 14). Особое значение для определения культурной принадлежности комплекса имеют бифасиальные остроконечники и орудия геометрических форм. Большинство остроконечников найдено в виде фрагментов, но возможность считать их прообразом стилбейских очень большая. Геометрические орудия с притупленным краем представлены в основном сегментами и трапециями (см. рис. 12, 1–8). Эти обушковые изделия, по мнению авторов, относятся к позднему люпембану [Ibid., р. 319]. Одним из интересных орудий является кварцитовый пест с вкраплениями гематита, который хорошо виден на рабочей поверхности. В пунктах А, В, F обнаружено также несколько отшлифованных «стержней» из лимонита,

гематита и марганца (см. рис. 13, 13, 16). Возраст позднего люпембана может быть, как считают Д. Кларк и К. Браун, 95 тыс. лет и более. Очень вероятно, что к этому времени относится миграционная волна с севера на юг Африки. Р. Флинт, изучавший разрез карстовой полости в пункте А, отмечал, что брекчия в воронке постепенно формировалась на слое из нанесенных камней и оба стратиграфических подразделения содержали кости животных и артефакты, указывающие на «протостилбейскую культуру» [Flint, 1959, р. 357–358]. Для подтверждения этой гипотезы нужны новые фактические данные. В любом случае, связь происхождения индустрий стилбей и ховисонс порт с предшествующим периодом – ранним этапом MSA II – еще более проблематична. Нельзя исключать и другого сценария. На более раннем этапе, в индустрии форсмит появляются бифасиально оформленные остроконечники и орудия геометрических форм с притупленным краем. Эти инновации в Центральной и Южной Африке не исчезают бесследно. На протяжении всего среднего каменного века они продолжают использоваться в большей или меньшей

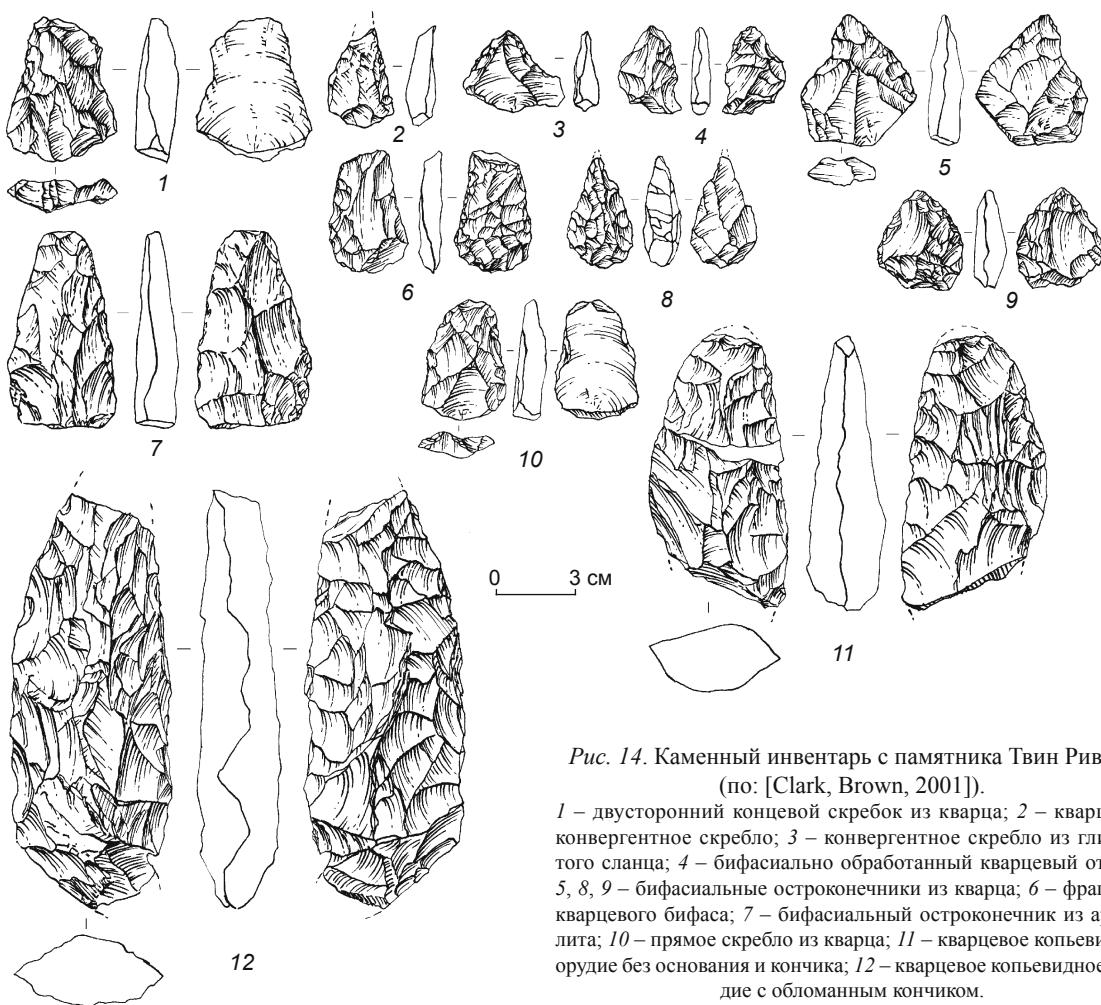

Рис. 14. Каменный инвентарь с памятника Твин Риверс (по: [Clark, Brown, 2001]).

1 – двусторонний концевой скребок из кварца; 2 – кварцевое конвергентное скребло; 3 – конвергентное скребло из глинистого сланца; 4 – бифасиально обработанный кварцевый отщеп; 5, 8, 9 – бифасиальные остроконечники из кварца; 6 – фрагмент кварцевого бифаса; 7 – бифасиальный остроконечник из аргиллита; 10 – прямое скребло из кварца; 11 – кварцевое кольевидное орудие без основания и кончика; 12 – кварцевое кольевидное орудие с обломанным кончиком.

степени в зависимости от меняющихся экологических условий и формирования новых адаптационных стратегий. Такие инновации MSA I, как пластинчатое расщепление, пирамидальные поворотные нуклеусы, орудия геометрических форм с притупленной спинкой и другие верхнепалеолитические элементы, проявляются в индустрии ховисонс порт. Суть этого процесса аргументировать пока трудно из-за отсутствия надлежащего фактического материала. Главная причина в фрагментарной изученности среднепалеолитических индустрий в Центральной и Южной Африке.

Трудно полностью согласиться с С. Мак-Брерти и А. Бруксом, которые утверждают, что в Африке уже в среднем каменном веке появляются многие элементы, характеризующие верхний палеолит Евразии [McBrearty, Brooks, 2000]. Действительно, в обработке камня, типах каменных орудий, обработке кости, украшениях и других проявлениях символизма такие элементы в той или иной степени представлены на среднепалеолитических местонахождениях на юге Африки, и эти инновации не должны были исчезнуть бесследно. Но в результате каких процессов они могли появиться в Евразии – большая нерешенная проблема. Очень важно установить, кем оставлена индустрия ховисонс порт, в которой наиболее полно проявляются многие диагностирующие признаки верхнего палеолита.

На местонахождениях в устье р. Класиес найдено небольшое количество палеоантропологического материала. В отложениях SAS обнаружены человеческие лобная кость, часть височной, фрагменты челюстей и зубы, а также некоторые посткрайиальные части скелета. На лобной кости взрослой особи сохранились следы подреза для удаления мяса с головы. Не исключено, что это свидетельство каннибализма [Rightmire, 2001]. Локтевая кость с основной стоянки Класиес Ривер Маут по результатам анализа канонических величин очень близка к центру тяжести архаичного человека. Ее морфология позволяет предположить, что гоминиды среднего каменного века с р. Класиес не были полностью анатомически современными. Архаичные элементы посткрайиальной анатомии в контексте черепной или лицевой эволюции могут отражать сохранение архаичных моделей использования верхних конечностей [Churchill et al., 1996, p. 233].

Несмотря на небольшое количество посткрайиальных частей скелета (фрагмент ключицы, лучевая и локтевая, три метатарзальные кости), удалось рассчитать рост гоминидов с р. Класиес: для мужчин – 1 580 мм, для женщин – 1 523 мм. Эти особи регулярно принимали положение с согнутыми в коленях ногами [Rightmire et al., 2006]. Анализ и сравнение всех фрагментов скелета с другими палеоантропологическими находками привели исследователей к выводу, что гоминиды с местонахождений Омо-1, Херто в

Эфиопии и на р. Класиес свидетельствуют о наличии африканской линии (или линий) эволюции, представители которой обладали морфологией *Homo sapiens* или находились в процессе развития в данном направлении [Ibid., p. 102]. Это согласуется с оценкой уровня поведенческих возможностей гоминидов Южной Африки. По мнению исследователей, изучение фаунистических остатков и орудийного набора показывает, что они оставались примитивными по поведению [Klein, 1989; Grine, Klein, Volman, 1991]. Полностью с этим трудно согласиться, т.к. у исследователей нет единой точки зрения относительно диагностирующих признаков, которые должны определять поведение, характеризующее человека современного типа, у палеолитических людей. Поведенческой инновацией у гоминидов Южной Африки в среднем плейстоцене является использование морских ресурсов – новый элемент для характеристики адаптационных способностей человека в то время.

Местонахождение Пиннакл Пойнт (PP 13 B), где выделены три горизонта, относящиеся к среднему каменному веку (MSA), находится в бухте Мосол на юге Африки. Оно дислоцируется в пещере в прибрежных скалах, которая располагается на 15 м выше среднего уровня Индийского океана [Marean et al., 2007]. Внизу залегает песчанистый горизонт, наименее зацементированный, с многочисленными линзами обожженных углесодержащих материалов, представляющих собой результат горения *in situ*. Каменные артефакты обнаружены преимущественно в этих линзах. Методом оптически стимулированной люминесценции была получена дата 164 ± 12 тыс. л.н. Средний горизонт MSA пепловый, с многочисленными очажными линзами темного цвета. Методом ОСЛ для него получена дата 132 ± 12 тыс. л.н. Верхний горизонт MSA состоял из трех прослоек. Внизу залегали пески и илы, содержащие переработанный пепел. Их перекрывали дюнны пески со слоем ископаемых ракообразных. Дата этой прослойки 120 ± 7 тыс. л.н. Выше залегали дюнны пески, которые закрывали пещеру. Для них получена дата 90 ± 6 тыс. л.н. Верхний горизонт MSA перекрывали слоистые отложения, датированные $92\text{--}39$ тыс. л.н., что предполагает закрытость пещеры в этом хронологическом промежутке.

В среднепалеолитических горизонтах найдено 1836 артефактов, 78 % которых изготовлены из кварцита. Для первичного расщепления наиболее типична леваллуазская система. Кроме того, имеются нуклеусы поворотного типа для снятия пластин и пластинок. В материалах из нижнего слоя пластинчатых заготовок 64 экз., что превышает количество (47 экз.) заготовок, полученных в результате леваллуазского расщепления.

Среди находок имеются 57 кусков пигментной породы различных размеров, из них 46 – обогащенная

железом осадочная порода, имеющая розовато- или красновато-бурый цвет поверхности. По составу все относятся к «красной охре» [Ibid.]. Десять фрагментов несут явные следы использования (восемь растерты и два имеют шлифовку). Образцы охры, по мнению исследователей, обладали всеми свойствами краски для нанесения на тело человека и, возможно, раскрашивания предметов органического происхождения.

Особенностью культуроздержащих горизонтов среднего каменного века является наличие большого количества ископаемых морских беспозвоночных. Всего определено 15 видов. Превалирует коричневая мидия (*Perna perna*), за ней следуют гигантская береговая улитка (*Turbo Sarmaticus*) и небольшие брюхоногие моллюски. Исходя из среды обитания, можно предположить, что подавляющее число ракообразных было собрано на каменистых открытых берегах, а также в приливных остаточных водоемах. Ракообразные являлись, видимо, основным источником питания, способствовавшим выживанию людей, когда в результате похолодания происходила аридизация климата и сокращались пищевые ресурсы.

Исследования на местонахождении Пиннакл Пойнт (PP 13 B) свидетельствуют о высоком когнитивном уровне людей среднего палеолита в Южной Африке и возможности изменения у них адаптационных стратегий при изменении экологических условий обитания.

Финальный этап среднего каменного века (MSA III) на юге Африки (ок. 55–50 тыс. л.н.) существенно отличался от предшествующей стадии ховисонс порт по используемому сырью и многим технико-типологическим характеристикам. Наиболее хорошо изучены культуроздержащие горизонты позднего MSA на местонахождениях Ди Келдерс, Сибду, Роуз Коттедж и др. В них представлена преимущественно леваллуазская система первичного расщепления. Нуклеусы в основном с одним фронтом скальвания. С них снимали укороченные отщепы и острия. Нет в индустрии MSA III орудий геометрической формы с притупленным краем и бифасиальные остроконечники с основанием, подготовленным для крепления. В орудийном наборе преобладают скребла различной модификации и зубчато-выемчатые изделия. Остроконечники оформлялись на леваллуазских конвергентных сколах преимущественно однорядной ретушью с дорсальной стороны.

Истоки финального этапа среднего каменного века пока еще не могут быть установлены. Большинство исследователей не видят преемственности между индустриями ховисонс порт и MSA III. Показателен вывод, сделанный Э. Теккерей: «Даже если будущие технологически ориентированные подходы к изучению артефактов MSA покажут, что южно-африканские последовательности MSA будут отличаться большей

вариабельностью и изменчивостью, чем мы представляем себе сегодня, контраст между артефактами среднего и позднего каменного века будет по-прежнему указывать на отсутствие непрерывности в археологических материалах» [Thackeray A.J., 2000, p. 166].

В верхних горизонтах MSA III ок. 40 тыс. л.н. появляются лавролистные остроконечники с основанием, оформленным для крепления, элементы символизма, костяные изделия и другие артефакты верхнепалеолитического облика. На переходном этапе от среднего к верхнему палеолиту происходит как бы возрождение некоторых технико-типологических инноваций, существовавших в индустрии ховисонс порт, но причины этого процесса до настоящего времени нельзя считать установленными.

Палеолитические памятники на юге Африки, датируемые в интервале 40–20 тыс. л.н., немногочисленны, и археологический материал из них не очень выразительный для характеристики перехода от среднего к верхнему палеолиту. В верхнепалеолитических горизонтах местонахождений Аполло-11, Роуз Коттедж, Умхлатузана, Уайт Пэйнингс, Бордер и др. преобладают леваллуазская и радиальная системы первичного расщепления, острия и остроконечники, отщепы и пластинчатые сколы с ретушированными площадками, скребла и другие изделия, типичные для среднего палеолита. Наряду с типологически среднепалеолитическими артефактами имеются скребки, долотовидные изделия, орудия с подтеской для крепления, резцы, ретушированные пластины. На местонахождении Уайт Пэйнингс найдено ок. 10 костяных изделий, в т.ч. наконечники и зубчатые гарпуны. В вышележащей пачке рыхлых отложений встречены бусины и заготовки бусин из скорлупы страусовых яиц. Они также найдены в пещере Бордер, как и шлифованные костяные наконечники.

Комплекс без среднепалеолитических элементов в первичном раскалывании, с преобладанием верхнепалеолитических типов орудий относится к индустрии робберг, которая датируется временем позже 20 тыс. л.н.

Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной и Восточной Африке

На севере Африки широкое распространение в середине верхнего плейстоцена получила атерийская индустрия. Ее истоки – североафриканское мустье [Hahn, 1984; Straus, 2001]. Индустрия атер распространяется в Северной Африке, частично в Аравии, а возможно, и на юге Европы.

На местонахождении Айн-Метерхем в Тунисе в первичном расщеплении преобладают дисковидные нуклеусы. Доля леваллуазских ядрищ незначительная,

леваллуазские острия единичны [Григорьев, 1977]. Наиболее типичны для этой индустрии черешковые орудия. Выделенный крутой ретушью черешок имеется не только у остроконечников, но и у скребел, некоторых других изделий (рис. 15). Скребла на этом местонахождении различных модификаций: продольные, поперечные, двойные и тройные, конвергентные. В небольшом количестве встречаются пластинки с притупленной спинкой, резцы, проколки, зубчато-выемчатые изделия.

Местонахождение в гроте Эль Алия в Марокко изучалось в течение многих лет в довоенное и послевоенное время (1936–1940; 1945–1947, 2000 гг.) экспедициями ученых из разных стран [Bouzouggar et al., 2001; Bouzouggar, Kozlowski, Otte, 2002]. В первичном расщеплении использовалось несколько систем. Есть одноплощадочные нуклеусы с одним фронтом снятия заготовок. Ударная площадка подготавливается одним

сколом (рис. 16, 10). Во всех культуроодержащих горизонтах представлены дисковидные и леваллуазские ядрища (рис. 16, 4; 17, 15). Имеются двухплощадочные нуклеусы для скальвания пластин. Особенности площадок и ударных бугорков свидетельствуют о том, что во всех операционных цепочках, кроме нелеваллуазских, представленных в материалах из слоя 9, использовались мягкие отбойники [Bouzouggar, Kozlowski, Otte, 2002, p. 236].

На местонахождении Эль Алия во всех горизонтах найдены бифасиально обработанные остроконечники (см. рис. 16, 3; 17, 2, 3). Листовидные острия обрабатывались поочередно с обоих краев. В сечении большинство из них двояковыпуклые. Листовидные острия по мере их использования переоформлялись вторичной ретушью, как правило, более глубокими и нерегулярными снятиями, и форма их менялась в сторону овально-асимметричной. Острия оформля-

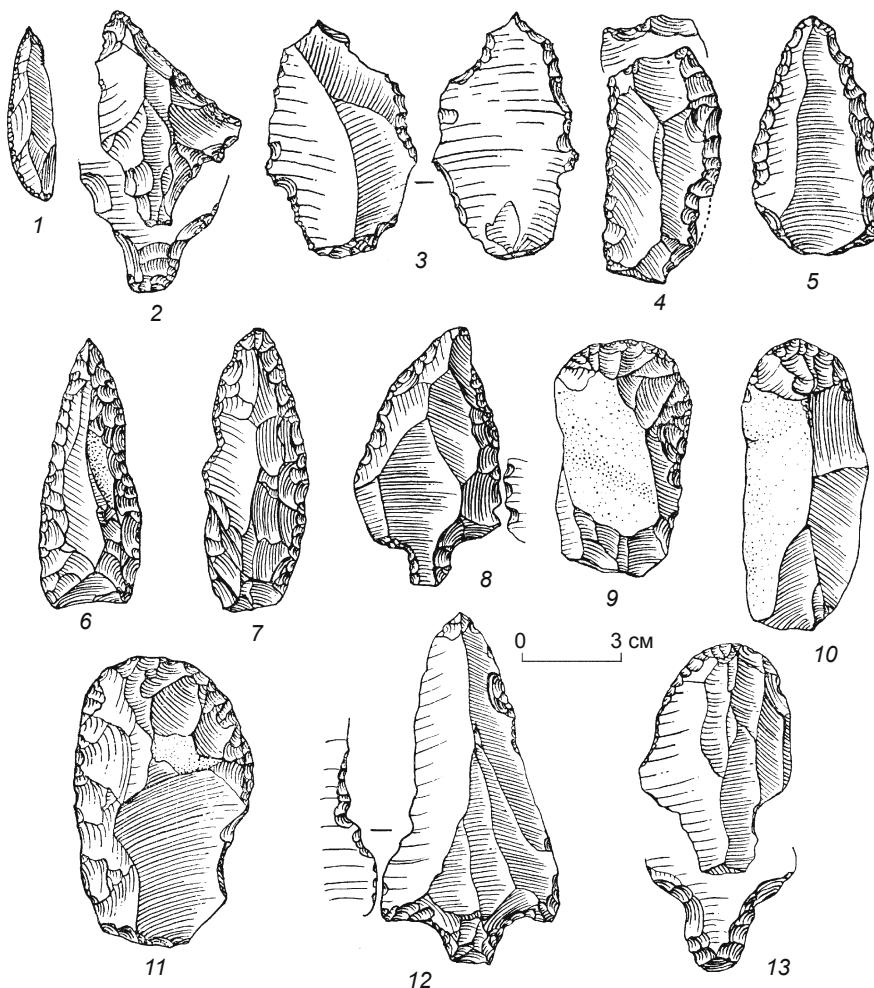

Рис. 15. Атерийская индустрия из пунктов «почва» (1–7) и Джуф (8–13) памятника Айн-Метерхем (по: [Григорьев, 1977]).

1 – пластина с притупленным краем; 2 – скребло с черешком; 3 – зубчатое орудие; 4, 5 – двойные скребла; 6, 7 – остроконечники; 8, 12 – острия с черешком; 9–11 – скребки; 13 – скребок с черешком.

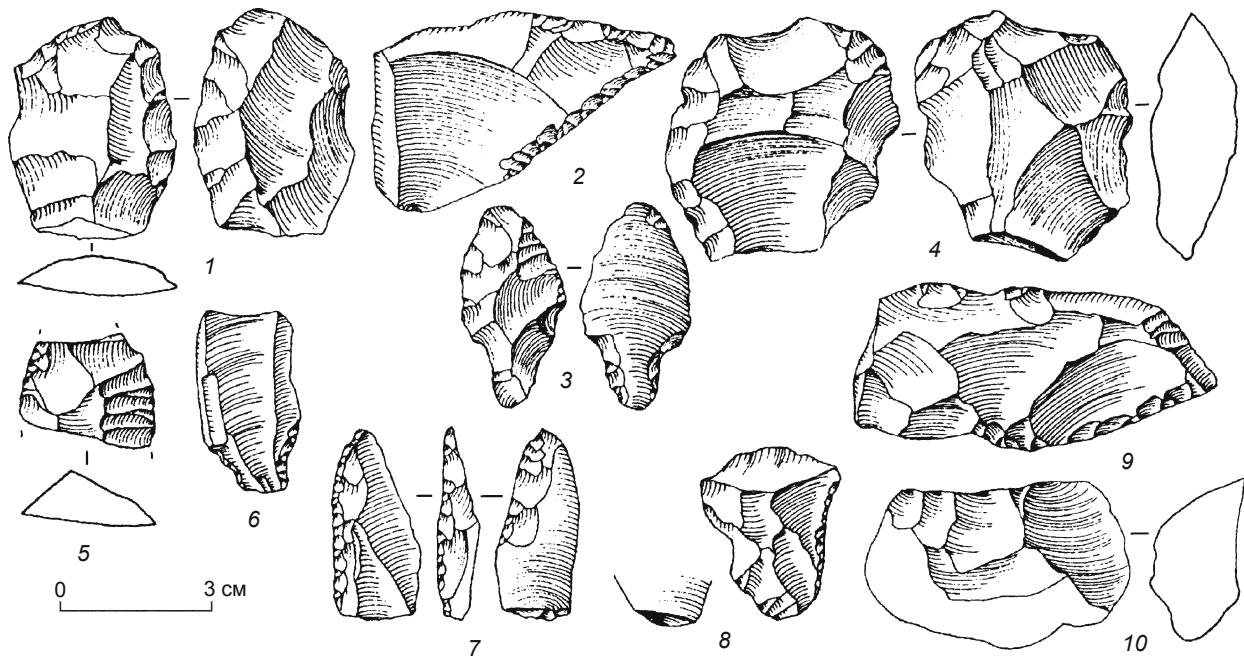

Рис. 16. Каменная индустрия из слоев 7 (1–4) и 9 (5–10) в гроте Эль Алия (по: [Bouzouggar, Kozlowski, Otte, 2002]).

1, 2, 8, 9 – скребла; 3 – острье с черешком; 4, 10 – нуклеусы; 5 – фрагмент односторонне обработанного острия; 6, 7 – ножи.

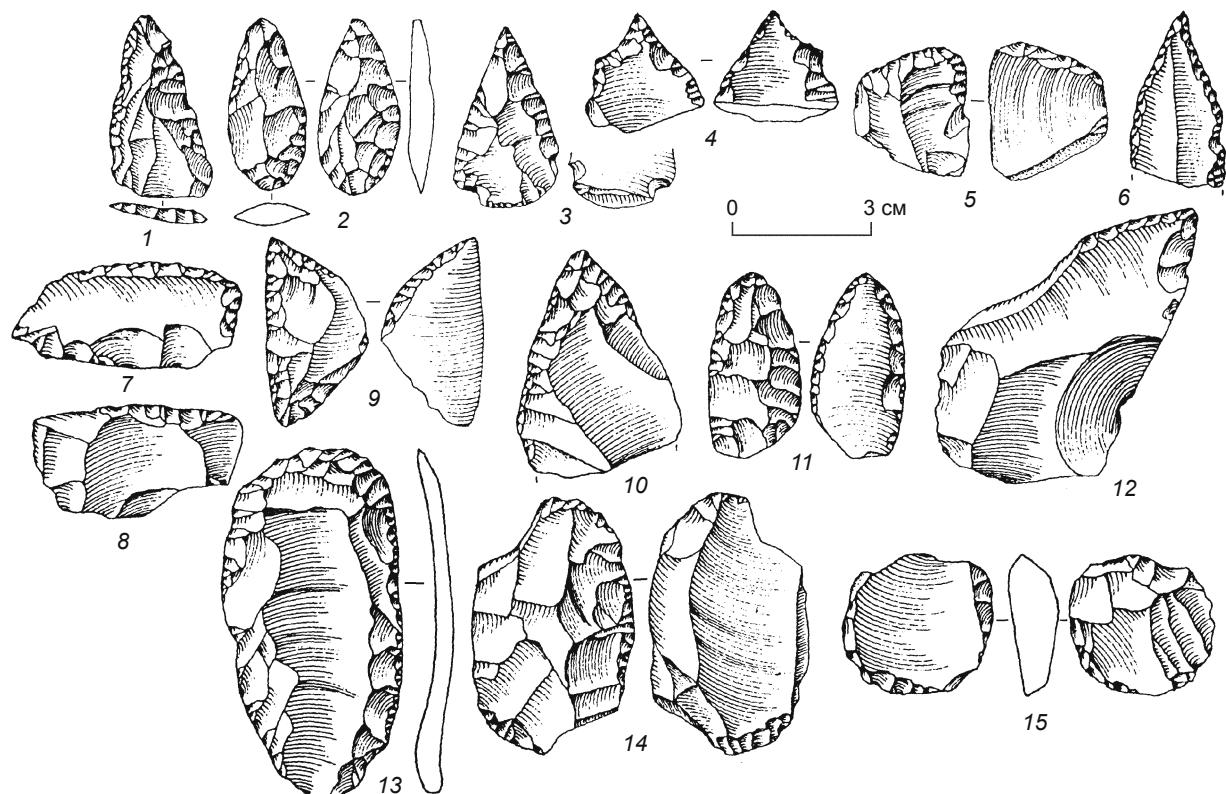

Рис. 17. Каменная индустрия из слоя 6 в гроте Эль Алия (по: [Bouzouggar, Kozlowski, Otte, 2002]).

1, 5, 7–9, 11–14 – скребла; 2 – листовидное острье; 3 – острье; 4, 6 – клиновидные орудия; 10 – мустерьское острье; 15 – нуклеус.

лись и с одной дорсальной стороны с незначительной подправкой сентральной стороны у острия и насада. Особенность этого местонахождения – незначительное количество изделий с черешком. В орудийном наборе преобладают скребла различных модификаций, имеются мустерьерские острия, скребки, резцы, проколки, зубчато-выемчатые изделия, ретушированные пластины и отщепы (см. рис. 16, 17).

Для всего атера наиболее характерно леваллуазское расщепление. Причем представлены все основные его стратегии: получение острий, отщепов и пластин. Диагностирующий элемент индустрии – изделия с черешком. Это прежде всего наконечники с хорошо оформленными ретушью острием и черешком. Ретушь может быть однорядная и двухрядная. Черешок оформлялся у скребел, скребков, проколок, резцов. Это свидетельствует о широком использовании составных орудий для выполнения различных функций и наличии надежных приемов крепления. На атерийских местонахождениях наиболее многочисленны скребла различных модификаций, большое количество зубчато-выемчатых изделий, типичны ножи с обушком. На позднем этапе этой культуры широкое распространение получили острия: с округлым и приостренным черешком, с треугольным и асимметричным основанием, бифасиально обработанные листовидные. Количество верхнепалеолитических орудий (скребков, резцов, пластин с притупленным краем и др.) в сравнении со среднепалеолитическими немного. В атерийских слоях в пещере Эль Мнасра в Марокко обнаружены фрагменты костяных орудий, изготовленных посредством строгания абразивом, в гроте Зухра также в Марокко – костяная подвеска, на местонахождении Уэд Джебанна в Алжире – перфорированная раковина [Вишняцкий, 2008, с. 88–89].

Сложная проблема – датировка атера. Наиболее типичные и многочисленные атерийские местонахождения относятся к интервалу 40–20 тыс. л.н. [Debénath, 2000; Bouzouggar, Kozlowski, Otte, 2002]. Немало свидетельств того, что эта индустрия появилась раньше. На северо-востоке Африки (в Киренайке) и в Египте атер датируется между 44 700 и 43 300 л.н. [Van Peer, Vermeersch, 2000]. Некоторые атерийские местонахождения имеют даты от 80 до 60 тыс. л.н. [Вишняцкий, 2008].

По всем основным технико-типологическим показателям атерийская индустрия относится к среднему палеолиту. Несмотря на длительность существования и широкое территориальное распространение, верхнепалеолитические типы орудий даже в поздних местонахождениях древностью ок. 30 тыс. лет не играли заметной роли.

Не только истоки индустрии атера прослеживаются в североафриканском мустье, но и антропологически наблюдается преемственность между носителями ате-

рийской культуры и мустерьерами. Скелетные остатки, обнаруженные в среднепалеолитических слоях местонахождений Джебель-Ирхуд, Хая Фтеа и в горизонтах атера на местонахождениях Дар-эс-Солтан, Эль Алия, Зухра, Темара, принадлежат гоминидам, приближающимся по ряду важных признаков к людям современного анатомического типа. Некоторые свойственные им неандерталоидные черты могут быть следствием контактов между разными популяциями циркумсредиземноморского региона [Там же, с. 90].

В Северной Африке самые ранние местонахождения верхнего палеолита обнаружены на северо-востоке Ливии, в Киренайке, в пещерах Хая Фтеа и Хагфет-эд-Дабба [McBurney, 1967; Григорьев, 1977]. Основные раскопки в них производились в 1950-х гг. Наиболее полно динамика среднего палеолита и ранний верхний палеолит представлены в пещере Хая Фтеа. Мощность рыхлых отложений в пещере достигает 14 м. Ч. Мак-Берни выделил три основных технико-типологических подразделения: преориньяк, леваллуа-мустье и верхний палеолит [McBurney, 1967]. Самый ранний, по его определению, преориньяк заключен в толще рыхлых отложений ок. 50 см. В каменном инвентаре, по мнению Ч. Мак-Берни, имеются призматические нуклеусы. Они плоские, с одним фронтом снятия, одно- и двухплощадочные. В орудийном наборе (ок. 80 экз.) представлены бифасиально обработанные и чопперовидные изделия, резцы, скребки, скребла, фрагмент листовидного острия, проколки и др. Г.П. Григорьев [1977] справедливо подверг сомнению многие типологические определения Ч. Мак-Берни. Не со всеми его выводами можно согласиться, но он прав в главном – индустрию нижнего технико-типологического подразделения в пещере Хая Фтеа по всем основным показателям нельзя отнести к ближневосточному ориньяку. Она, видимо, относится к раннему этапу среднего палеолита Северной Африки, но из-за малочисленности материалов сделать окончательные выводы невозможно.

Перекрывает т.н. преориньяк рыхлая толща ок. 4 м, содержащая, по определению Ч. Мак-Берни, леваллуа-мустерьерскую индустрию. В этой толще исследователь выделил 10 культуроодержащих горизонтов, которые разделил на несколько более мелких технико-типологических групп: гибридное мустье – слой XXXIV; типичное леваллуа-мустье – слои XXXIII, XXXII; атерийскую культуру – XXXI, XXX; позднее мустье – XXIX–XXVII; леваллуа-мустье – XXVI, XXV. В действительности индустрия, представленная во всех этих горизонтах не столь многочисленными артефактами, чтобы можно было сделать такое дробное деление, не выходит за рамки обычного мустье.

Для обсуждаемой проблемы перехода от среднегого к верхнему палеолиту наибольший интерес представляет XXV и вышележащие культуроодержащие

горизонты. Ч. Мак-Берни (и с ним согласны многие исследователи) считает, что с серединой XXV слоя появляется верхнепалеолитическая индустрия, которая не связана своим происхождением не только с нижележащими мустерскими горизонтами, но и в целом со средним палеолитом Африки. Эту индустрию в настоящее время относят к культуре даббан, названной по местонахождению в пещере Хагфет-эд-Дабба.

Ч. Мак-Берни выделил в пещере семь культуроодержащих горизонтов, относящихся к верхнему палеолиту. Наиболее насыщены находками слои 4–6. Рыхлые отложения 6-го слоя имеют темный цвет из-за большого количества углистых примазок от костиц. Слой 5, где также много золистых включений, содержал многочисленные кости животных. В 4-м слое, имеющем красноватый цвет, не обнаружено костиц, но найдено большое количество каменных орудий.

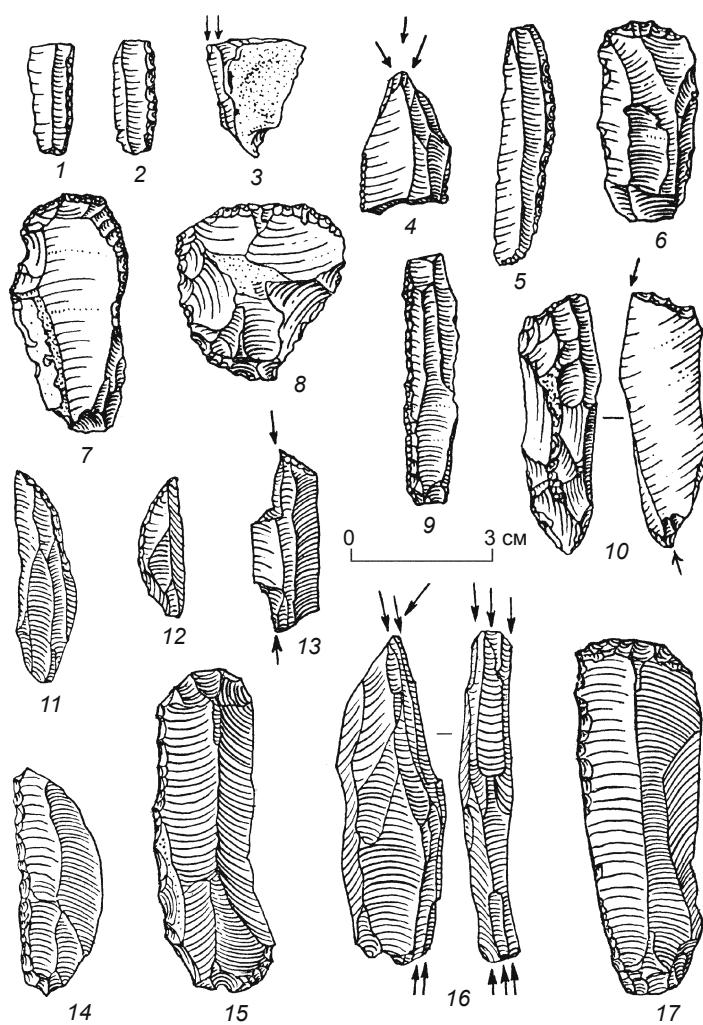

Рис. 18. Каменный инвентарь культуры даббан с памятников Хая Фтеа (1–10) и Хагфет-эд-Дабба (11–17) (по: [McBurney, 1967]). 1, 2, 5, 9, 11, 12, 14 – пластины с притупленным краем; 3, 4, 10, 13, 16 – резцы; 6–8, 15, 17 – скребки.

Первичное расщепление связано с одно- и двухплощадочными нуклеусами, которые Ч. Мак-Берни определяет как призматические. Для культуры даббан диагностирующими типами являются пластиинки с притупленным краем и пластины с поперечной фаской, в большом количестве представленные в материалах памятников Хая Фтеа и Хагфет-эд-Дабба (рис. 18). Пластины с притупленным краем оформлялись на заготовках различной формы и размеров. Обычно они удлиненные, некоторые более 10 см в длину. Есть пластины сегментовидной формы, но в отличие от геометрических изделий у них крутой, почти отвесной ретушью оформлялся один край. Имеются острия с притупленным краем. Свообразные орудия – пластины с поперечным резцовыми сколами (*lames à chanfrein*) или, как их чаще называют, орудия на пластинах с поперечной фаской (*pièces à chanfrein*). Один или два края у них оформлялись

ретушью, а затем на одном конце делался поперечный скол в виде резцового. Резцовый скол образовывал с ретушированным краем острый угол. Такие орудия достаточно редки в палеолите. Они известны в Сибири как резцы диагонального типа и в Японии, где получили название «резцы арайя». Появление подобных типов изделий на разных территориях – еще один пример конвергенции. В индустрии даббан известны и другие типы резцов: угловые, срединные. Мало скребков, особенно в раннем даббане. Имеются острия с выпуклым притупленным краем.

Ч. Мак-Берни считал даббан одной из древнейших верхнепалеолитических культур в мире. XX слой в пещере Хая Фтеа датирован $31\,150 \pm 40$ лет до н.э., а XXVIII – 41 тыс. лет до н.э. На основании этого Ч. Мак-Берни относил начало верхнего палеолита к 40–38 тыс. л.н.

Очень важный вопрос о происхождении культуры даббан. Большинство исследователей исключают ее преемственную связь с местным мустье: переход от среднего к верхнему палеолиту в Киренайке произошел внезапно и под влиянием миграционных процессов. В настоящее время наиболее обоснованной является гипотеза об истоках культуры в ближневосточном эмиране, местонахождения которого распространены вдоль восточных побережий Средиземного и Красного морей.

Индустрии среднего палеолита на северо-востоке Африки, в Нубии и долине нижнего Нила чрезвычайно мозаичны. Это можно объяснить объективными и субъективными причинами. Субъективный фактор заключается в том, что изучением палеолита занимались

представители разных школ, и это привело к излишней дробности, к тому же далеко не всегда выделение новых культур или индустрий было обоснованным. Одним из объективных факторов является географическое положение региона – на стыке с Евразией. Вследствие близости экологических условий, видимо, часто происходили миграции животных с севера на юг, с запада на восток и в обратных направлениях, а вслед за ними мигрировали люди. Особенно интенсивными эти процессы могли быть во время изменений климата, которые приводили к изменению среды обитания. Археологи в своих построениях, касающихся климатических флюктуаций, часто оперируют понятиями «стадиал», «интерстадиал», «мегаинтерстадиал» и т.д. Для конкретной группы людей, живущих в реальном времени, важны не столько колебания климата, исчисляемые периодами в десятки тысяч лет, когда происходила постепенная коренная перестройка природной среды, сколько изменения в пределах десятков и сотен лет, а то и на протяжении жизни одного поколения.

Для последних 2 тыс. лет дендрохронологическим методом выявлены региональные сверхековые (160–170 лет) и внутривековые (45–50, 30–33, 22 и 11 лет) циклы [Ваганов и др., 2008]. Подобные климатические флюктуации происходили не только в голоцене, но и в плейстоцене. Краткосрочные изменения климата не могли не приводить к изменению экосистемы. Менялась тепло- и влагообеспеченность растительности, менялись и ландшафты, особенно степные. Засухи приводили к массовым миграциям копытных животных в более благоприятные районы, а вслед за животными мигрировали и люди. В этом смысле коридор, соединявший Африку и Евразию, играл большую роль. Не случайно на северо-востоке Африки и Ближнем Востоке наблюдается мозаичность индустрий.

На северо-востоке Африки можно выделить несколько крупных районов, где прослеживается своеобразное развитие индустрий в середине и второй половине плейстоцена. Одним из них является оазис Харга в Ливийской пустыне западнее р. Нила [Caton-Thompson, 1952; Григорьев, 1977]. Здесь в среднем плейстоцене и первой половине верхнего развивались ашельские и леваллуазские индустрии, а в середине и второй половине верхнего плейстоцена – харга и атерийская.

Индустрия харга связана истоками с леваллуазской линией развития. Первичное расщепление характеризуется небольшими леваллуазскими нуклеусами для снятия укороченных отщепов и реже – пластин. В орудийном наборе преобладают зубчато-выемчатые изделия, оформленные на укороченных и усеченных отщепах, клювовидные, зубчатые орудия, скреблишки, скребки высокой формы и с «крыльцем», пластины с крутой ретушью и др.

Индустрию харга сменяет атерийская. Для нее также характерно леваллуазское первичное расщепление. Среди орудий представлены ретушированные леваллуазские острия, остроконечники, листовидные острия, скребла, скребки и атерийские острия с черешком. Атерийские культуросодержащие слои относятся к концу позднего плейстоцена.

На территории древней Нубии исследования в 60–70-х гг. XX в. велись в связи со строительством Асуанской плотины несколькими международными экспедициями. Средний каменный век здесь разделен Р. Солецким на нубийское мстье А и В, зубчатое мстье (см.: [Григорьев, 1977]). Это деление следует считать условным, т.к. большинство среднепалеолитических местонахождений с поверхностью залеганием культурного слоя. Нубийское мстье А отличается от типа В отсутствием рубил. Первичное расщепление леваллуазское, большое количество зубчато-выемчатых изделий, верхнепалеолитические орудия, скребки и резцы, малочисленные и невыразительные. Отсутствуют костяные орудия. Верхняя хронологическая граница нубийского мстье А и В в пределах 17–15 тыс. л.н. [Там же, с. 143].

Следующий этап палеолита – хормусийская культура, в которой сохраняется леваллуазское расщепление, но уже гораздо больше верхнепалеолитических типов каменных изделий, имеются немногочисленные костяные орудия и терочки для растирания гематита. Эта культура датирована радиоуглеродным методом 20–14 тыс. л.н. [Там же, с. 148].

В долине нижнего Нила исследовалось местонахождение Назлет Хатер-4, расположенное в шахте для добычи кремнистого известняка [Vermeersch et al., 1984]. Обнаруженные здесь каменные изделия можно отнести к пластинчатой индустрии. Среди орудий особое место занимают зубчато-выемчатые изделия, скребки и резцы. Получено девять радиоуглеродных дат от 35 до 31 тыс. лет до н.э. На небольшом расстоянии от этого местонахождения обнаружено погребение человека современного анатомического типа. Имеются сообщения еще об одном захоронении. По одному из погребений получена радиоуглеродная дата ок. 37 тыс. л.н. [Вишняцкий, 2008, с. 93]. На местонахождении Содмейн в районе холмов на побережье Красного моря в Египте под двумя верхнепалеолитическими слоями обнаружены культуросодержащий горизонт с орудиями эмиреийского типа и никележащий слой с индустрией среднего палеолита, для него получены две радиоуглеродные даты – 30 и более 30 тыс. л.н.

Одной из транзитных территорий, через которые могли происходить миграции в Евразию, является Восточная Африка. Здесь переход от среднего к верхнему палеолиту наиболее полно представлен на многослойных местонахождениях Энкапуне Йя Муту в Кении и Мумба в Танзании. Грот Энкапуне Йя Муту

расположен к западу от оз. Найваша в кенийской части Восточно-Африканской рифтовой долины на высоте 2 400 м над ур. м. Раскопки производились в 1982 и 1987 гг. на небольшой площади [Ambrose, 1998]. Мощность рыхлых отложений составляла 5–6 м.

Выявлены культуросодержащие горизонты от железного до финала среднекаменного века (рис. 19). Слой эпохи железа – IA, неолитические – от ELM до RBL3. Первый палеолитический слой DBL1 представлял собой темно-коричневый песчанистый суглинок, который перекрывал третий горизонт вулканического пепла. В слое обнаружено 69 тыс. каменных артефактов и сильно фрагментированные кости животных. Каменная индустрия верхнего палеолита получила название сакутиек. В первичном расщеплении еще сохраняются дисковидные ядрища. Большинство орудий изготовлено из отщепов. В орудийном наборе представлены скребки, в основном небольших размеров, ногтевидной формы, долотовидные изделия, немногочисленные ножи, среди которых

есть бифасиально оформленные, микролитические, в т.ч. геометрических форм с притупленным краем (рис. 20, 7–21). Особенно примечательные находки – обработанные фрагменты скорлупы яиц страуса (рис. 20, 1–6). Найдено 13 полных ожерелий, 12 перфорированных заготовок и 595 фрагментов скорлупы. По древесному углю из слоя DBL1.2 после трех лет хранения получена дата $16\ 300 \pm 1\ 000$ лет до н.э., по другому образцу угля, переданному на анализ спустя два месяца после раскопок, – $29\ 300 \pm 750$ и $35\ 800 \pm 550$ лет до н.э. По образцу с внешней поверхности скорлупы страусового яйца из горизонта DBL1.3 (подошва слоя DBL1) получена дата $37\ 000 \pm 1\ 100$, с внутренней – $39\ 900 \pm 1\ 600$ лет до н.э. Слой DBL1 свидетельствует об интенсивном использовании грота людьми в это время и об изготовлении бусин из скорлупы яиц страуса непосредственно на месте обитания.

Ниже залегают слои серого гравия GG1 и 2, разделенные прослойками оранжевого и глинистого пес-

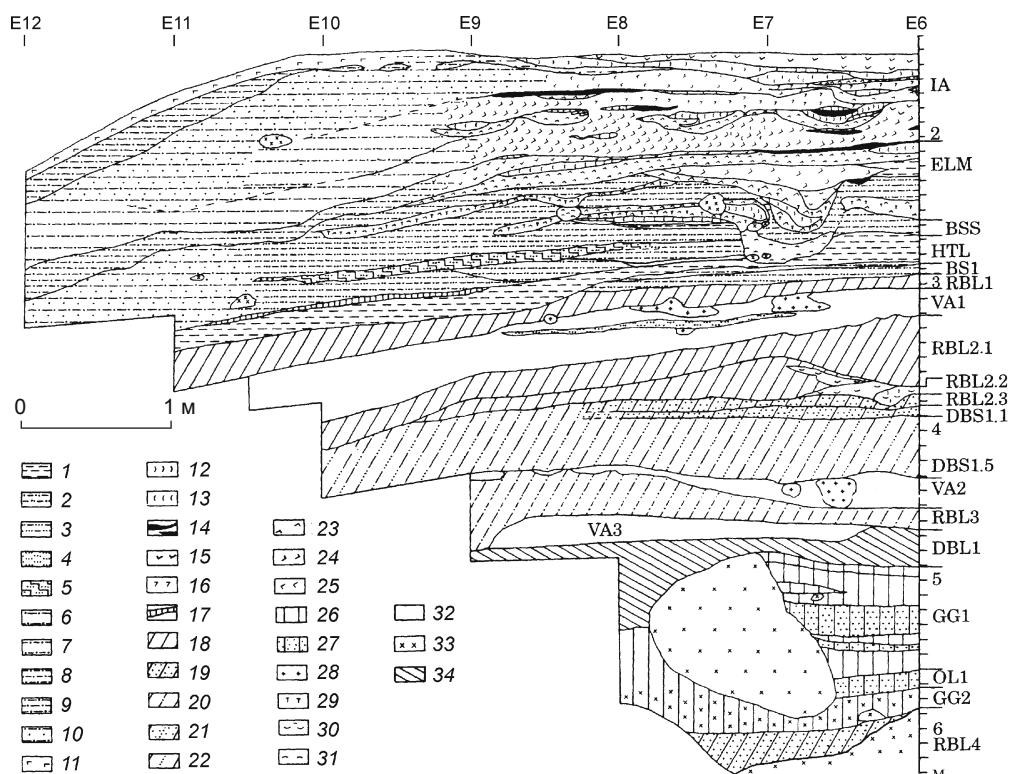

Рис. 19. Stratиграфический разрез южного местонахождения Энкапуне Йя Муто, раскоп 1982 г.
(по: [Ambrose, 1998]).

1 – ил; 2 – песчанистый ил; 3 – илистый песок; 5 – слоистый ил-песок; 6 – светло-коричневый суглинок; 7 – серо-коричневый; 8 – темно-серый; 9 – черный золообразный; 10 – светло-коричневый песчанистый; 11 – коричневый рыхлый суглинок; 12 – белый пепел; 13 – оранжевый; 14 – черный; 15 – серый; 16 – коричневый пепел; 17 – затвердевший ил; 18 – красно-бурый суглинок; 19 – красно-бурый песчанистый суглинок; 20 – красно-бурый суглинок с грубозернистым песком; 21 – темно-бурый илистый песок; 22 – темно-бурый песчанистый ил; 23 – темно-бурый пепел; 24 – серо-бурый; 25 – буро-серый пепел; 26 – серый гравий; 27 – оранжевый песчанистый гравий; 28 – кротовина; 29 – древесный уголь; 30 – трава; 31 – помет; 32 – вулканический пепел; 33 – каменная глыба; 34 – темно-бурый суглинок.

ка с гравием OL1. В этой пачке рыхлых отложений найдено небольшое количество артефактов и костей животных, относящихся к ранней стадии верхнего палеолита. Наиболее выразительные изделия изготовлены из обсидиана. Для этого этапа типичны крупные пластинчатые сегментовидные орудия с притупленным дугообразным краем. На них сохранились следы красной охры. Предполагается, что у этих орудий была рукоятка, крепившаяся параллельно длинной оси [Ibid., p. 383]. Имеются также микролиты геометрической формы, концевые и боковые скребки, скребла с зубчатым краем, резцы, в т.ч. двойные, редко встречаются долотовидные изделия (рис. 21). Эту индустрию насамполяи С. Амброз не относит к переходному от среднего к верхнему палеолиту этапу, потому что она совершенно не похожа на индустрию ховисонс порт, и всю толщу рыхлых отложений он считает древнее 40 тыс. л.н.

Ниже залегает песчанистый суглиник от темно-красного до темно-коричневого цвета (RBL4). В нем найдено небольшое количество каменных орудий. Для первичного расщепления характерна радиальная техника. В орудийном наборе преобладают изделия сегментовидной формы с дугообразным обушком, геометрические микролиты, резцы, скребки, скребла, долотовидные изделия (рис. 22). Среди обработанных орудий два отщепа со следами охры. Эту индустрию ендинги С. Амброз относит к среднему каменному веку. Радиоуглеродные даты для слоя RBL4 >26 тыс. лет до н.э., $29\,280 \pm 540$ и $41\,400 \pm 700$ лет до н.э. На основании гидратации обсидиана и среднестатистических расчетов процесса осадконакопления начало перехода к верхнему палеолиту С. Амброз относит к 50 тыс. л.н.

С этим выводом трудно согласиться. В специфических условиях осадконакопления в гроте Энкапуне Йя Муто, когда большую роль в формировании толщи рыхлых отложений играли аллювиальные и эоловые процессы, среднестатистический расчет неприменим. Этот метод можно использовать в крайне редких случаях, когда имеется полная уверенность в отсутствии дефляции древней поверхности и перерывов в осадконакоплении. Но при всей проблематичности хронологических определений начало верхнего палеолита

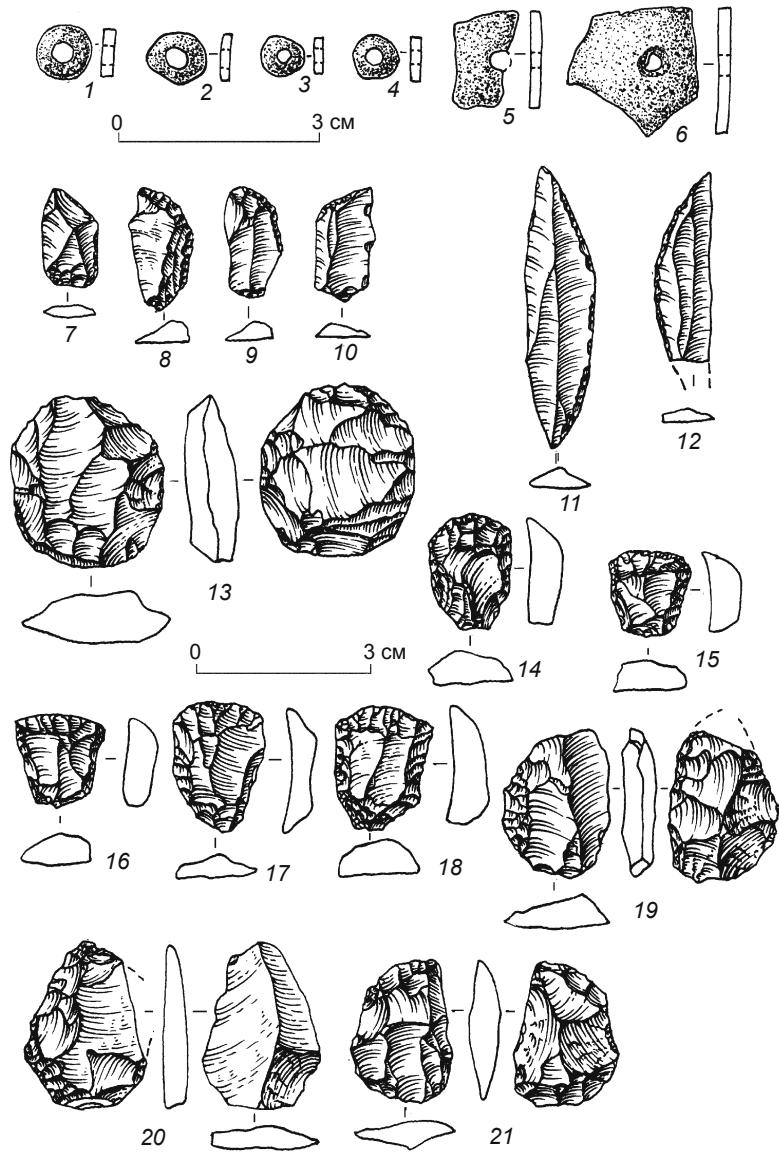

Рис. 20. Бусины из скорлупы страусовых яиц (1–6) и артефакты из обсидиана (7–21) индустрии сакутиек из слоя DBL1 в гроте Энкапуне Йя Муто (по: [Ambrose, 1998]).

1–4 – целые бусины; 5, 6 – бусины, сломанные при изготовлении; 7–10 – геометрические микролитические отщепы и пластинки; 11, 12 – сегменты; 13 – двусторонний нуклеус; 14–18 – ногтевидные скребки; 19–21 – частично бифасиальные и бифасиальные ножи.

здесь, видимо, относится ко времени ок. 40 тыс. л.н., а может быть, и несколько более раннему. Вывод о том, что переход от среднего к верхнему палеолиту произошел значительно ранее 46 тыс. лет до н.э., требует дополнительных доказательств [Ibid., p. 388].

Переходная от среднего к верхнему палеолиту индустрия зафиксирована в средней и верхней части слоя V в гроте Мумба на севере Танзании [Mehlman, 1991]. Хотя она отличается от индустрии на местонахождении Энкапуне Йя Муто, но для обеих характер-

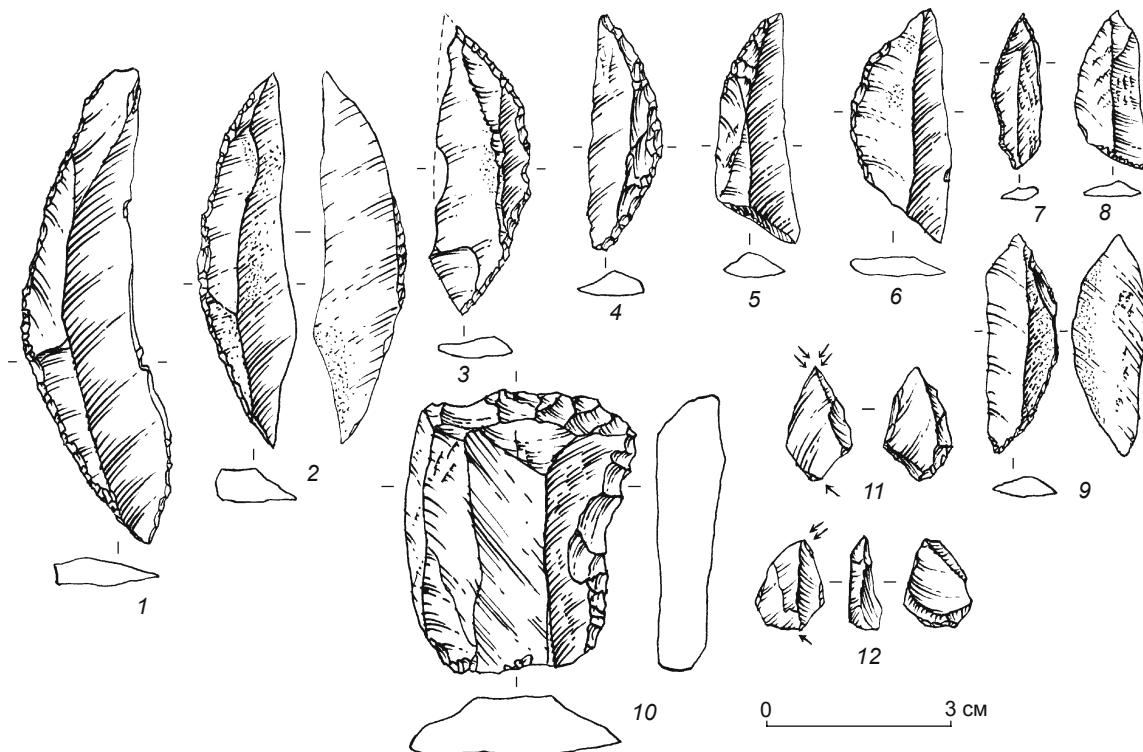

Рис. 21. Каменные артефакты индустрии насамполай из горизонта GG местонахождения Энкапуне Яя Муто (по: [Ambrose, 1998]).

1–9 – ножи с обушком и микролиты (точки на изображениях 2, 3, 6 и 9 обозначают расположение следов красной охры); 10 – концевое и зубчатое скребло; 11, 12 – двойные резцы.

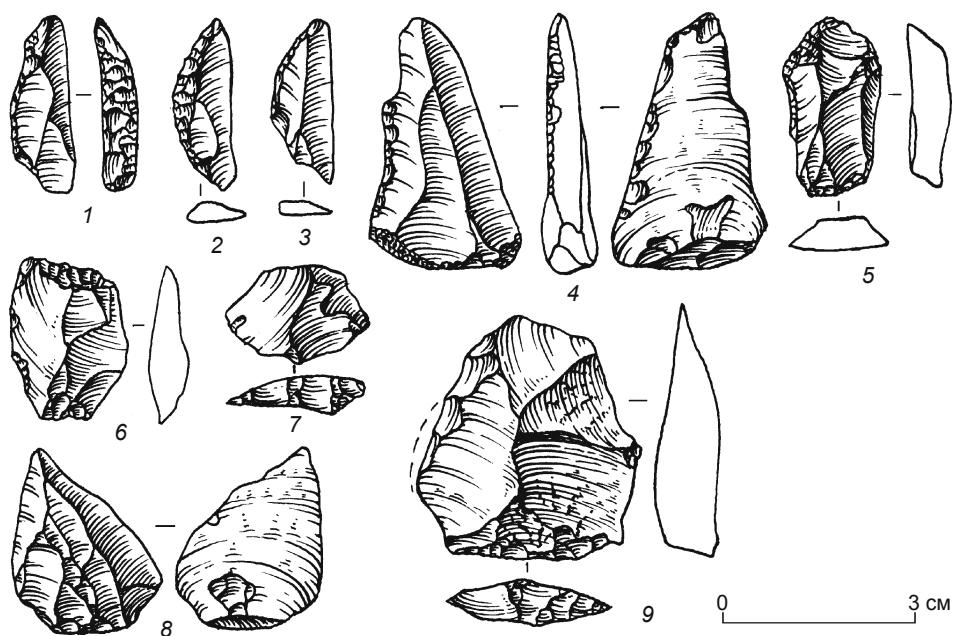

Рис. 22. Каменные артефакты индустрии ендинги из горизонта RBL4 в гроте Энкапуне Яя Муто (по: [Ambrose, 1998]).

1–3 – изделия в форме полумесяца с обушком; 4 – треугольный остроконечник с альтернативной латеральной ретушью и резцовым сколом (или сломом) на дистальном крае; 5 – скосенный концевой скребок; 6 – орудие с подтеской; 7, 8 – отщепы со следами красной охры на площадке и дорсали (7), дорсале и вентрам (8); 9 – отщеп с фасетированной площадкой, снятый с радиального нуклеуса.

ны орудия геометрических форм с притупленным краем [Ambrose, 1998]. Первичное расщепление в гроте Мумба было леваллуазское, в основном для снятия отщепов. Среди орудий наиболее типичными являются изделия геометрических форм и остроконечники. Первые представлены в основном сегментами и трапециями. Одни имеют значительные размеры, другие – микролитические. У сегментов отвесной ретушью оформлялся дугообразный край, у трапеций – боковые. Остроконечники небольших размеров и двух типов: лавролистные с бифасиальной обработкой поверхности с двух сторон и несколько удлиненные, оформленные ретушью только по краям. Среди других орудий имеются выемчатые изделия, скребки, в т.ч. ногтевидной формы, резцы, ножи с бифасиальной обработкой и др. Особый интерес представляют бусины из скорлупы яиц страуса.

Нижележащий VI слой содержал среднепалеолитическую индустрию. Здесь также представлены леваллуазское расщепление для снятия отщепов, резцы, скребки, односторонние и бифасиальные остроконечники.

Исследователи расходятся в оценке технико-типологических характеристик индустрии из V и VI слоев. Одни относят к среднему каменному веку (MSA) только VI слой [Mehlman, 1991], другие – оба [McBrearty, Brooks, 2000].

Нельзя считать до конца решенным вопрос о датировке культуроодержащих горизонтов местонахождения Мумба. Анализ кости и раковин улиток дал результаты от $29\ 570 \pm 1\ 400$ до >37 тыс. лет до н.э. Ураноториевым методом получена дата 65,6–46,6 тыс. л.н. [Mehlman, 1991]. Методом аминокислотной рацемизации скорлупа яйца страуса датирована 52 тыс. л.н. [D'Errico et al., 2005]. Индустрию из стратиграфического горизонта, сопоставимого со стадией ховисонс порт (слой VI?), относят к 65 тыс. л.н. [Deacon, 2000]. Согласно данным радиоуглеродного анализа раковин улиток, граница между слоями IV и V приходится на 36 900 лет до н.э. [Mehlman, 1991]. Для слоя III, содержащего индустрию насера с микролитами с притупленным краем и бусами, получены даты в интервале 33 200–27 000 лет до н.э. [Brooks, Robertshaw, 1990; Conard, 2005]. При столь большой разнице в оценке возраста слоя V невозможно однозначно ответить на вопрос о времени начала перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Африке. Для более аргументированного ответа на этот вопрос требуются новые исследования. Следует добавить, что на местонахождении Насера в 70 км от грота Мумба слой 6 с индустрией насера был датирован разными методами ($^{230}\text{Th}/\text{U}$ -дата, три по ^{14}C и одна по аминокислотной рацемизации) в пределах 26 000–14 800 лет до н.э. [Mehlman, 1991]. Исходя из всех имеющихся дат, переход от среднего к верхнему палеолиту в Восточной

Африке на материалах многослойных местонахождений Мумба и Энкапуне Йя Мута можно датировать временем не позже 40 тыс. л.н. Пока нет убедительных свидетельств того, что это произошло 50 тыс. л.н. [Ambrose, 1998].

Заключение

Подводя краткие итоги рассмотрения палеолитических индустрий Северной, Восточной и Южной Африки в диапазоне 80–30 тыс. л.н., следует отметить прежде всего большую их вариабельность. Общая тенденция – сохранение среднепалеолитической стратегии расщепления ядрищ, преимущественно леваллуазской и радиальной систем, которые использовались, как минимум, до 20 тыс. л.н., а в некоторых регионах и до конца плейстоцена. Это одна из главных отличительных особенностей переходного периода и верхнего палеолита Африки. На севере и востоке Африканского континента диагностирующими элементами в орудийном наборе ранневерхнепалеолитических индустрий являются атерийские наконечники и орудия геометрических форм с притупленным краем. В Евразии атерийские наконечники с черешком встречаются на местонахождениях развитого верхнего палеолита только в Аравии. Орудия геометрических форм с притупленным краем появляются в Евразии лишь в конце палеолита – мезолите, причем их появление – результат конвергентного развития индустрии в Средиземноморье. Аналогичный процесс наблюдается и на востоке Азии – на территории Кореи и Японии [Деревянко, 1983, 1984]. Технологически они никоим образом не связаны с индустрией типа ховисонс порт Африки. В палеолите Ближнего Востока не прослеживается никаких существенных влияний со стороны африканских индустрий. Более того, ближневосточный эмиран повлиял на формирование ранневерхнепалеолитической культуры на северо-востоке Африки и особенно в Киренайке.

Список литературы

Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Агафонов Л.И., Андреев С.Г., Высоцкая Г.С., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Ноженкова Л.Ф., Николаев А.Н., Сурков А.Ю., Сидорова О.В., Шишов В.В., Хантемиров Р.М. Тенденции и периодичность изменений климата Сибири в голоцене и их влияние на динамику экосистем // Глобальные и региональные изменения климата и природной среды позднего кайнозоя в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 325–327.

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в среднем позднем плейстоцене и причины верхнепалеолитической революции. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. – 248 с.

- Григорьев Г.П.** Палеолит Африки // Палеолит мира. – Л.: Наука, 1977. – Т. 1: Возникновение человеческого общества; Палеолит Африки. – С. 44–209.
- Деревянко А.П.** Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 215 с.
- Деревянко А.П.** Палеолит Японии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 271 с.
- Деревянко А.П.** Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010а. – № 3. – С. 2–32.
- Деревянко А.П.** Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии и на Ближнем Востоке // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010б. – № 4. – С. 2–38.
- Деревянко А.П.** Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий второй: переход от среднего к верхнему палеолиту в материевой части Восточной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 2–27.
- Ambrose S.H.** Chronology of the Later Stone Age and Food Production in East Africa // J. of Archaeological Science. – 1998. – Vol. 25. – P. 377–392.
- Avery G., Cruz-Uribe K., Goldberg P., Grine F.E., Klein R.G., Lenardi M.J., Marean C.W., Rink W.J., Schwarcz H.P., Thackeray A.I., Wilson M.L.** The 1992–1993 Excavations at the Die Kelders Middle and Later Stone Age Cave Site, South Africa // J. of Field Archaeology. – 1997. – Vol. 24. – P. 263–291.
- Barham L.S.** Backed tools in Middle Pleistocene Central Africa and their evolutionary significance // J. of Human Evolution. – 2002. – Vol. 43, Iss. 6. – P. 586–603.
- Beaumont P.B., D'Villiers H., Vogel J.C.** Modern man in sub-Saharan Africa prior to 49 000 B.P.: a review and evaluation with particular reference to Border Cave // South African J. of Science. – 1978. – Vol. 74. – P. 409–419.
- Bouzouggar A., Kozlowski J., Otte M.** Etude des ensembles lithiques atériens de la grotte d'El Aliya à Tanger (Maroc) // L'Anthropologie. – 2002. – Vol. 106. – P. 207–248.
- Bouzouggar A., Otte M., Atki H., Ben Hadi S., Brutout Th., Declaye Ch., Mohib A., Moushine T., Nami M., Noiret P., Wrinn P.** Nouvelles découvertes archéologiques dans la région de Tanger (Maroc): XIV Congrès international de l'UISPP (Liège, 2–8 September, 2001). – Liège, 2001. – P. 336–337.
- Brooks A.S., Robertshaw P.T.** The glacial maximum in tropical Africa: 22,000 to 12,000 BP // The World at 18,000 BP. Low Latitudes. – L.: Unwin Hyman, 1990. – Vol. 2. – P. 121–169.
- Caton-Thompson G.** Kharga Oasis in Prehistory. – L.: University of London, Athlone Press, 1952. – 213 p.
- Churchill S.E., Pearson O.M., Grine F.E., Trinkaus E., Holliday T.W.** Morphological affinities of the proximal ulna from Klasies River main site: arhaic or modern? // J. of Human Evolution. – 1996. – Vol. 31. – P. 213–237.
- Clark J.D.** Human behavioral differences in Southern Africa during the Later Pleistocene // American Anthropologist. – 1971. – Vol. 73. – P. 1211–1236.
- Clark J.D.** The cultures of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age // Cambridge History of Africa. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – Vol. 1: From the earliest times to 500 BC. – P. 248–341.
- Clark J.D., Brown K.S.** The Twin Rivers Kopje, Zambia: Stratigraphy, Fauna and artefact Assemblages from the 1954 and 1956 Excavations // J. of Archaeological Science. – 2001. – Vol. 28. – P. 305–330.
- Conard N.J.** An overview of the patterns of behavioral change in Africa and Eurasia during the Middle and Late Pleistocene // From Tools to Symbols: From Early Hominids to Modern Humans / eds. F. D'Errico, L. Backwell. – Johannesburg: Witwatersrand University Press, 2005. – P. 294–332.
- Deacon H.J.** Two Late Pleistocene-Holocene archaeological depositories from the southern Cape, South Africa // South African Archaeological Bull. – 1995. – Vol. 50. – P. 121–1131.
- Deacon H.J.** Modern human emergence: an African archaeological perspective // Humanity from African naissance to coming millennia-Colloquia in human biology and palaeoanthropology / eds. P.V. Tobias, M.A. Raath, I. Maggi-Cechi, G.A. Doyle. – Florence: Florence University Press, 2000. – P. 217–226.
- Debénath A.** Le peuplement préhistorique du Maroc: données récentes et problèmes // L'Anthropologie. – 2000. – Vol. 104 (1). – P. 131–145.
- D'Errico F.C., Henshilwood Ch.** Additional evidence for bone technology in the southern African Middle Stone Age // J. of Human Evolution. – 2007. – Vol. 52, Iss. 2. – P. 142–163.
- D'Errico F.C., Henshilwood Ch., Vanhaeren M., Van Niekerk K.** Nassarius kraussianus shell beads from Blombos Cave: evidence for symbolic behaviour in the Middle Stone Age // J. of Human Evolution. – 2005. – Vol. 48. – P. 3–24.
- Flint R.F.** Pleistocene climates in eastern and southern Africa // Bull. Geol. Soc. Am. – 1959. – Vol. 70. – P. 343–374.
- Grine F.E., Klein R.G., Volman T.P.** Dating, archaeology and human fossils from the Middle Stone Age levels of Die Kelders South Africa // J. of Human Evolution. – 1991. – Vol. 21. – P. 363–395.
- Hahn J.** Südeuropa und Nordafrika Neue Forschungen zur Altsteinzeit // Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. – Munich: Verlag C.H. Beck, 1984. – Bd. 4. – S. 1–231.
- Harper P.T.N.** The Middle Stone Age sequence at Rose Cottage Cave: a search for continuity and discontinuity // South African J. of Science. – 1997. – Vol. 93. – P. 470–475.
- Henshilwood Ch.** Stratigraphic Integrity of the Middle Stone Age Levels at Blombos Cave // From Tools to Symbols: From Early Hominids to Modern Humans / eds. F. D'Errico, L. Backwell. – Johannesburg: Witwatersrand University Press, 2005. – P. 441–458.
- Henshilwood Ch., D'Errico F., Marean C.W., Miller R.G., Yates R.** An early bone tool industry from the Middle Stone Age at Blombos Cave, South Africa: implications for the origins of modern human behaviour, symbolism and language // J. of Human Evolution. – 2001. – Vol. 41, Iss. 6. – P. 631–678.
- Jacobs Z., Duller G.A.T., Wintle A.G., Henshilwood Ch.S.** Extending the chronology of deposits at Blombos Cave, South Africa, back to 140 ka using optical dating of

- single and multiple grains of quartz // *J. of Human Evolution.* – 2006. – Vol. 51, N 3. – P. 255–273.
- Jacobs Z., Wintle A.G., Duller G.A.T.** Optical dating of dune Sand from Blombes Cave, South Africa: 1–multiple grain-data // *J. of Human Evolution.* – 2003. – Vol. 44. – P. 599–625.
- Klein R.G.** Biological and behavioral perspectives on modern human origins in southern Africa // *The Human Revolution: Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Human* / eds. P. Mellars, C.B. Stringer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 529–546.
- Marean C.W., Bar-Matthews M., Bernatchez E., Fisher E., Goldberg P., Herries A.I.R., Jacobs Z., Jerardino A., Karkanas P., Minichillo T., Nilssen P.J., Thompson E., Watts I., Williams H.M.** Early human use of marine resources and pigment in South Africa during the Middle Pleistocene // *Nature.* – 2007. – Vol. 449. – P. 905–908.
- McBrearty S., Brooks A.** The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // *J. of Human Evolution.* – 2000. – Vol. 39. – P. 453–563.
- McBurney C.B.M.** *The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the South East Mediterranean.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1967. – 358 p.
- Mehlman M.I.** Context for the emergence of modern man in eastern Africa: some new Tanzanian evidence // *Cultural Beginning* / ed. by J.D. Clark. – Bonn: Forschungsinstitut, 1991. – P. 177–196.
- Meignen L.** Levallois Lithic Production System in the Middle Palaeolithic of Near East: The Case of the Unidirectional Method // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / eds. H. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison, Wisconsin: Prehistory Press, 1995. – P. 361–380. – (Monographs in World Archaeology; N 23).
- Parkington J.E.** A critique on the consensus view on the Age of the Howiesons Poort assemblages in South Africa // *The Emergence of Modern Humans: an Archaeological Perspective* / ed. by P. Mellars. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990. – P. 34–55.
- Rightmire G.Ph.** Diversity in the Earliest «modern» populations from South Africa, Northern Africa and Southwest Africa // *Humanity from African Naissance to Coming Millennium.* – Florence: Firenze University Press, 2001. – P. 231–236.
- Rightmire G.Ph., Deacon H.J., Schwartz J.H., Tattersall I.** Human foot bones from Klasies River main Site, South Africa // *J. of Human Evolution.* – 2006. – Vol. 59. – P. 96–103.
- Singer R., Wymer I.** *The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa.* – Chicago: Chicago University Press, 1982. – 234 p.
- Soriano S., Villa P., Wadley L.** Blade technology and tool forms in the Middle Stone Age of South Africa: the Howiesons Poort and post-Howiesons Poort at Rose Cottage Cave // *J. of Archaeological Science.* – 2007. – Vol. 34, N 5. – P. 681–703.
- Straus L.G.** Africa and Iberia in the Pleistocene // *Quaternary International.* – 2001. – Vol. 75. – P. 91–102.
- Hackeray A.J.** Middle Stone Age artefacts from the 1993 and 1995 excavations of die Kelders Cave 1, South Africa // *J. of Human Evolution.* – 2000. – Vol. 38. – P. 147–168.
- Hackeray J.F.** Late quaternary environmental changes inferred from small mammalian fauna, Southern Africa // *Climatic Change.* – 1987. – Vol. 10. – P. 285–305.
- Hackeray J.F.** Chronology of late Pleistocene deposits associated with *Homo sapiens* at Klasies River Mouth, South Africa // *Palaeoecology of Africa and the Surrounding Islands.* – 1992. – Vol. 23. – P. 177–191.
- Tribolo Ch., Mercier N., Valladas H.** Chronology of the Howiesons Poort and Still Bay Techno-Complexes: Assessment and New Data from Luminescence // *From Tools to Symbols: From Early Hominids to Modern Humans* / eds. F. d'Errico, L. Backwell. – Johannesburg: Witwatersrand University Press, 2005. – P. 493–511.
- Van Peer P., Vermeersch P.** The Nubian complex and the dispersal of modern human in North Africa // *Recent Research Into the Stone Age Northeastern Africa.* – Poznan: Poznan Archaeological Museum, 2000. – P. 47–60.
- Vermeersch P.M., Paulissen E., Gijselings G., Otte M., Thoma A., Van Peer P., Lauwers R.** 33.000-yr Old chert mining site and related Homo in the Egyptian Nile Valley // *Nature.* – 1984. – Vol. 309. – P. 342–344.
- Volman T.P.** Early prehistory of southern Africa // *Southern African Prehistory and Palaeoenvironments* / ed. by R.G. Klein. – Rotterdam: Balkema, 1984. – P. 169–220.
- Wadley L.** Rose Cottage Cave: Archaeological work 1987 to 1997. *South African* // *J. of Science.* – 1997. – Vol. 93. – P. 439–444.
- Wurz S.** Exploring and Quantifying technological differences between the MSA I, MSA II and Howieson's Poort at Klasies River // *From Tools to Symbols: From Early Hominids to Modern Humans* / eds. E. D'Errico, L. Backwell. – Johannesburg: Witwatersrand University Press, 2005. – P. 418–440.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903

Т.Ю. Номоконова¹, О.И. Горюнова², Р.Дж. Лозей¹, Н.А. Савельев³

¹Университет Альберта

Эдмонтон, Канада

University of Alberta, Edmonton, AB, T6G2H4, Canada

E-mail: tatianan@ualberta.ca; rlosey@ualberta.ca

²Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ

ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

E-mail:as122@yandex.ru

³Иркутский государственный университет

ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БУХТЫ УЛАН-ХАДА НА ОЗЕРЕ БАЙКАЛ В ГОЛОЦЕНЕ (ПО ФАУНИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

В статье изложены результаты изучения костных фаунистических остатков с многослойного поселения Улан-Хада – одного из опорных геоархеологических объектов Прибайкалья для реконструкций палеоэкологических и культурных изменений в голоцене. Дается полный анализ фаунистической коллекции, сформированной за все годы раскопок. Впервые исследуется ихтиофауна. Уточняется видовой состав млекопитающих, определенных ранее. Проводится сравнение видового разнообразия животных по хронологическим срезам от финального мезолита до позднего железного века. Установлено, что на стоянке в эпоху неолита и в бронзовом веке основным видом промысла была охота на нерпу и парнокопытных (косяки и благородный олень). Значительную роль играло рыболовство, особенно 4,2–3,8 тыс. л.н. (бронзовый век).

Ключевые слова: фаунистические остатки, многослойное поселение, мезолит, неолит, бронзовый век, железный век, Прибайкалье.

Введение

Поселение в бухте Улан-Хада на оз. Байкал – первый (и многие годы единственный) многослойный памятник эпохи голоцена, обнаруженный на территории Сибири [Петри, 1916]. Результаты междисциплинарных исследований, проводившихся на объекте, позволяют считать памятник опорным для создания периодизации и хронологии голоценовых культур Прибайкалья, для реконструкции природных и климатических изменений в регионе [Горюнова, 1984; Горюнова, Савельев, 1990].

В предлагаемой статье изложены результаты анализа костных остатков с поселения Улан-Хада, проведенного в рамках Байкальского археологического проекта (Университет Альберта, г. Эдмонтон, Канада,

Иркутский государственный университет, Россия). Впервые исследовались фаунистическая коллекция (ок. 3 тыс. костей), собранная за все годы раскопок (1974, 1979, 1982, 1990), и остатки рыб со стоянки. Определение видового состава животных выполнено Т.Ю. Номоконовой и Р.Дж. Лозей в 2009 г. Предварительные данные анализа некоторых костей млекопитающих со стоянки Улан-Хада (ок. 150 костей), определенных ранее А.А. Хамзиной [1991], были существенно дополнены и уточнены.

Методика зооархеологических определений и количественного анализа, используемая в статье, уже была подробно описана в ряде публикаций [Номоконова, Лозей, Горюнова, 2006; Nomokonova, Losey, Gorjunova, 2009]. Подсчет фаунистических материалов производился по количеству определимых экземпляров (NISP –

Number of Identified Specimens) и минимальному количеству особей (MNI – Minimum Number of Individuals). Данные единицы широко используются в зооархеологии [Lyman, 2008; Reitz, Wing, 1999].

Описание стоянки и история исследования

Многослойное поселение Улан-Хада расположено в одноименной бухте юго-западного побережья залива Мухор Малого моря оз. Байкал, в 187 км к СВ от г. Иркутска и в 4,5 км к ССЗ от пос. Сахюрта Ольхонского р-на Иркутской обл. (рис. 1, 2). Объект был открыт и впервые раскопан экспедицией Российской академии наук, возглавляемой Б.Э. Петри, в 1912–1913, 1916 гг. Ею выявлено 12 культурных слоев, датированных неолитом и «бескерамическим неолитом» (мезолитом) [Петри, 1916, 1926]. В 1959 г. в результате масштабных работ, проводившихся под руководством М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой Иркутской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, на поселении выделены комплексы бронзового и железного веков [Грязнов, Комарова, 1992]. Дополнительные стратиграфические работы выполнены Л.П. Хлобыстиным в 1963 г. [1964]. Комплексное междисциплинарное изучение много-

слойного поселения проводилось Байкальским (Маломорским) отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета в 1974, 1979 (руководители Н.А. Савельев, О.И. Горюнова), 1982, 1990, 1994 гг. (руководитель О.И. Горюнова) [Горюнова, 1984; Горюнова, Савельев, 1990]. Археологические находки залегали в темных гумусированных слоях, разделенных прослойками серо-желтого песка. Генезис отложений – склоновый, осложненный эоловыми процессами. На поселении выделены 12 культурных слоев: слой XI датирован финальным мезолитом, слои X–VIII – разными периодами неолита, слои VII–I – бронзовым веком, пачка нулевых слоев – переходным периодом от бронзового к железному веку – поздним железным веком. Культурные слои бронзового века залегают в погребенной дюне, в которой насчитывается до восьми погребенных почв. На разных участках раскопов количество этих почв меняется, поэтому в ряде случаев они фиксируются как объединенные II–VII, IV–VII, V–VII культурные слои.

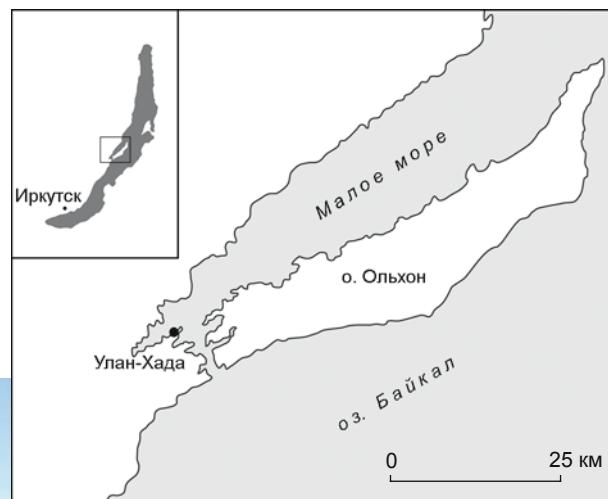

Рис. 1. Карта-схема расположения стоянки Улан-Хада.

Рис. 2. Общий вид бухты Улан-Хада (вид с ЮЗ).

Фаунистические материалы

Исследовались 2 746 костей из всех культурных слоев, кроме слоя X (период раннего неолита) (см. таблицу). Среди определимых костей – остатки млекопитающих следующих видов: бурый медведь (*Ursus actor*), род волчьих (*Canis*), нерпа (*Phoca sibirica*), росомаха (*Gulo gulo*), благородный олень (*Cervus elaphus*), косуля (*Capreolus pygargus*) и лошадь (*Equus sp.*). Часть материалов определена до уровня семейств оленевых (Cervidae) и мышей (Muridae), отрядов грызунов (Rodentia), хищников (Carnivora) и парнокопытных (Artiodactyla). Кости птиц принадлежат роду орланов (*Haliaeetus*). Среди рыб определены окунь (*Perca fluviatilis*), щука (*Esox lucius*), осетр (*Acipenser baeri baicalensis*), семейство карповых (Cyprinidae, в т.ч. сорога (*Rutilus rutilus lacustris*)) и представители лососевых (Salmonidae, в т.ч. представители рода сиговых (*Coregonus*)).

Культурный слой XI. Фаунистические материалы относятся к финальному мезолиту (7,0–6,6 тыс. л.н.). Костные остатки в основной массе недиагностич-

ны (95 %), остальные принадлежат нерпе, крупному парнокопытному и осетру. Минимальное количество особей не превышает единицы. Кости нерпы, видимо, принадлежат взрослой особи: на дистальном эпифизе 4-го метатарсала видна линия сроса. Формирование этого эпифиза у представителей рода *Phoca* происходит в 8–12 лет [Stora, 2000]. Кости со следами модификации немногочисленны и представлены подработанным фрагментом трубчатой кости, двумя обломками изделий (один из них, возможно, от обоймы вкладышевого орудия) и жженой кости нерпы.

Культурный слой IX. Фаунистические материалы слоя ассоциируются с периодом развитого неолита (радиоуглеродные даты: $4\ 030 \pm 115$ л.н. (СОАН-3335), $4\ 560 \pm 100$ л.н. (ЛЕ-1282); 5,5–4,3 тыс. л.н.). Кости животных немногочисленны, среди них определены кости рода волчьих. Все они представлены фрагментами черепа со следами воздействия огня. Данные остатки, как и недиагностичные жженые кости, принадлежат, вероятно, одной особи, но поскольку они сильно фрагментированы, вид (волк или собака) опре-

Кости разных категорий животных на стоянке Улан-Хада, ед.

Таксон	Культурные слои															Всего	
	0	I	ІВ	ІН	II	III	IV	V	VI	VII	IV–VII	V–VII	II–VII	VIII	IX	XI	
Mammalia	54	75	50	57	89	17	8	3	–	–	11	47	17	180	51	164	823
<i>Equus</i> sp.	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6
Artiodactyla	2	4	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	10
Cervidae	4	–	2	–	6	–	13	–	–	–	–	1	1	20	–	–	47
<i>Cervus elaphus</i>	–	1	5	–	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10
<i>Capreolus pyg.</i>	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Carnivora	–	1	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5
<i>Ursus actor</i>	–	–	–	–	2	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Canidae	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
<i>Canis</i> sp.	–	–	17	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	19
<i>Phoca sibirica</i>	5	18	26	36	42	1	29	–	2	10	3	4	10	37	2	3	228
c.f. <i>Gulo gulo</i>	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Rodentia	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	4
Muridae	–	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4
Aves	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	3
<i>Haliaeetus</i> sp.	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Pisces	1	31	–	–	13	208	91	197	4	–	20	–	47	315	–	–	927
Salmonidae	–	–	–	–	–	258	4	17	2	–	1	–	1	50	–	–	333
<i>Coregonus</i> sp.	–	–	–	–	–	16	1	15	–	–	1	–	–	10	–	–	43
Cyprinidae	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	2
<i>Rutilus r.lac.</i>	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
<i>Perca fluviatilis</i>	1	10	–	–	3	61	102	9	–	–	1	–	8	54	–	–	249
<i>Esox lucius</i>	1	1	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	5
<i>Acipenser b.c.</i>	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	1	–	4	7
Неопределенные	–	–	–	–	–	–7	–	–	–	–	–	–	–	5	–	–	12
Всего	78	145	102	99	162	568	249	245	8	12	40	52	84	675	55	172	2 746

делить невозможно. Остальные материалы – две фаланги нерпы, принадлежащие немолодой особи (сросшиеся дистальные эпифизы фаланг [Ibid.]).

Культурный слой VIII. Остатки животных из этого слоя датируются поздним неолитом ($4\ 150 \pm 80$ л.н. (ЛЕ-1280), $4\ 060 \pm 80$ л.н. (ГИН-4877); 4,2–4,0 тыс. л.н.). Определены: нерпа, семейство оленевых и парнокопытные. Остатки млекопитающих составляют 35 % от общего количества костей. Представлены обработанные кости в виде обломка орудия, остряя и изделия, орнаментированного насечками. Трубчатые кости несут следы подшлифовки (1 экз.) и воздействия огня (57 экз.).

Среди костей млекопитающих преобладают остатки нерпы (от MNI=3). Судя по срастанию эпифизов на разных элементах [Ibid.], кости принадлежали, вероятно, как минимум неполовозрелой особи, молодому индивидууму 6–7 лет и уже немолодой нерпе (старше 10–12 лет). Годовые слои в дентине одного клыка также показали возраст от 8 лет [Weber et al., 1998].

Основная масса костных остатков из культурного слоя VIII относится к ихтиофауне (64 %). Определены окунь, щука, осетр и представители семейства лососевых, в т.ч. рода *Coregonus* (сиг или омуль). Некоторые кости представителей этого рода (вероятно, сига достаточно крупного размера) принадлежали трем особям. Остальная часть коллекции – диафиз локтевой кости птицы крупного размера и пять костных остатков, недиагностичных до любой категории.

Культурные слои VII–II. Фауна пачки слоев относится к периоду раннего бронзового века (4,0–3,8 тыс. л.н.). Радиоуглеродные даты слоев: VII – $3\ 660 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-883), VI – $3\ 710 \pm 100$ л.н. (ЛЕ-1279), V – $4\ 220 \pm 120$ л.н. (ЛЕ-1278) и II – $4\ 000 \pm 50$ л.н. (ГИН-4876). Видовой состав фауны достаточно разнообразен, включает парнокопытных (благородный олень и косуля), хищников (медведь и нерпа), птиц (род орланов) и рыб. В слое также найдены кости грызуна небольшого размера. В слое II в костище было зафиксировано 30 неопределенных костей млекопитающих. В слоях II и объединенном VII–II отмечены фрагмент трубчатой кости с элементами обработки и обломок орудия с насечкой. Следы воздействия огня имеются на недиагностичном фрагменте и фаланге нерпы.

Среди остатков млекопитающих преобладают кости нерпы (MNI=5). Следы разделки туш этих животных в виде порезов отмечены на шейном позвонке и 1-м метатарсале. На фаланге и 1-м метатарсале прослежены признаки патологии кости. По проявлениям процесса срастания эпифизов на разных элементах [Stora, 2000] можно предположить, что в отложениях представлены остатки неполовозрелой особи ок. 4 лет, взрослой 8–10 лет, а также взрослых и уже немолодых индивидуумов (10–12 лет и старше).

Наибольшее количество костей в слоях VII–II принадлежит ихтиофауне (76 % от общего количества).

Найдены остатки представителей семейства лососевых (минимум пяти особей, в т.ч. рода сиговых), окуня, карповых (в т.ч. сороги), щуки и осетра. Половина остатков ихтиофауны (560 ед.) – из скопления костей, найденных в слое III (кв. 13–23). Кости принадлежат окуню (61 ед.), минимум двум особям; сигу/омулю (16 ед.), минимум четырем особям; представителям семейства лососевых (сиг/омуль/хариус, 258 ед.), минимум пяти особям; 208 ед. – недиагностичные.

Культурные слои I, Iв и II. На ряде участков раскопа слой I разделяется стерильной прослойкой на нижний и верхний. В тех местах, где разделение невозможно было проследить, он рассматривался как объединенный. Нижний слой I датируется развитым бронзовым веком (3,8(3,6)–3,1 тыс. л.н.); для него имеются даты: $3\ 800 \pm 100$ л.н. (ЛЕ-1277) и $3\ 620 \pm 50$ л.н. (ГИН-4875). Материалы верхнего слоя I относятся к позднему бронзовому веку (3,0–2,8 тыс. л.н.). Фаунистические материалы слоев представлены 346 экз. Они представляют в основном млекопитающих (86 %) – парнокопытных (семейства оленей крупных размеров и благородного оленя) и хищников (нерпа, собака и росомаха). В слоях также найдены кости мыши и ихтиофауны. Кости рыб немногочисленны, принадлежат окуню и щуке.

В рассматриваемых отложениях, как и в предыдущих слоях, среди остатков млекопитающих преобладают кости нерпы (23 % от фаунистических остатков в слое). Наиболее интересен верхний слой I: в нем представлены 44 кости нерпы минимум двух особей – по срастанию эпифизов молодой, но уже половозрелой и достаточно немолодой индивидуума. Среди найденных элементов скелетов преобладают кости головы и конечностей животных (рис. 3).

Следы разделки туш нерпы в виде порезов зафиксированы на пяти костях – правой лопатке, правой лучевой кости, левой тазовой кости, 1-м метатарсале и 5-м метакарпале (рис. 3). Все эти следы ассоциируются с процессом разделения туш нерп на анатомические части [Boyle, 2005]. Другие следы разделки (снятия шкуры или отделения мяса от кости) не обнаружены. Отделение плечевого пояса от лопатки зафиксировано в виде трех параллельных порезов на последней. Четыре глубокие параллельные бороздки, расположенные перпендикулярно оси на тазовой кости, свидетельствуют об отделении головки бедренной кости от таза. Этот же процесс получил отражение на лучевой кости: на внутренней стороне проксимальной и дистальной части имеются следы, связанные с отделением этой части конечности от плечевого пояса и ласт соответственно. Порезы, расположенные перпендикулярно основной оси костей на дорсальных сторонах метатарсала (около проксимальной части) и метакарпала (около дистального эпифиза), ассоциируются с процессом отделения ласт от туловища.

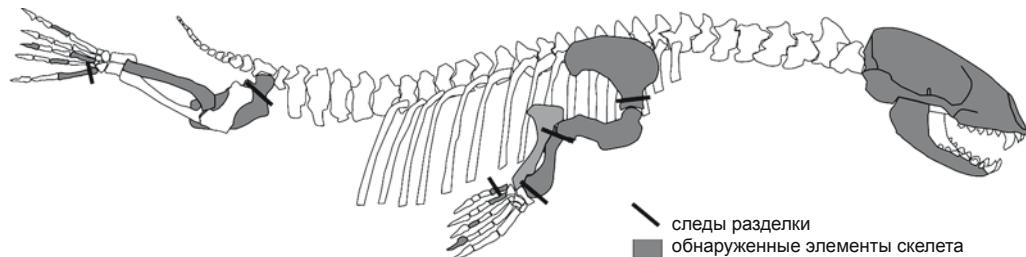

Рис. 3. Элементы скелета нерпы из верхнего слоя I.

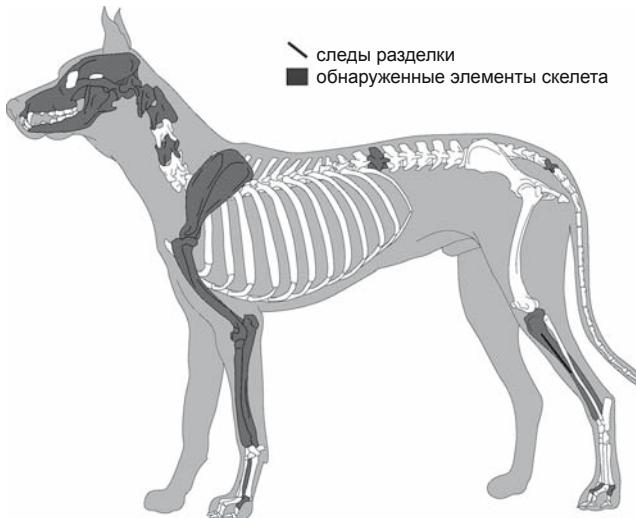

Рис. 4. Элементы скелета собаки из верхнего слоя I.

Остатки нерпы, найденные в нижнем слое I, представлены костями минимум двух особей. Судя по степени срастания эпифизов на элементах, кости принадлежали молодому и немолодому индивидуумам. Это подтверждается данными изучения годовых слоев в дентине трех клыков из этого слоя: возраст особей 6 и более 10 лет [Weber et al., 1998].

Интерес представляют остатки представителя волчьих (собака или волк), обнаруженные в верхнем слое I. В общей сложности зафиксировано 19 костей. Среди них 17 элементов рода *Canis* и 2 – хищника среднего размера, скорее всего, тоже рода *Canis*, вероятно собаки. Возраст особи точно определить пока не удалось; судя по признакам завершения срастания последнего эпифиза, ей более 1,5 лет [Silver, 1969]. На большой берцовой кости имеются следы пореза в виде линии, параллельной длинной оси кости (рис. 4). След достаточно необычный, и связать его с чем-либо определенным на данный момент трудно.

Культурный слой 0. Фаунистические материалы этого слоя относятся к переходному периоду от бронзового к железному – позднему железному веку (2,7–1,0 тыс. л.н.). Основную часть коллекции составляют кости млекопитающих (74 ед.) – лошади, косули, представителей семейства оленевых крупного размера,

волчьих, нерпы и грызуна небольшого размера. Минимальное количество особей не превышает единицы; исключением является нерпа: остатки этого вида ассоциируются с двумя особями, по состоянию срастания дистального эпифиза плечевой кости [Stora, 2000] – половозрелой и неполовозрелой.

Остальные материалы немногочисленны и принадлежат птице и ихтиофауне. Рыбы представлены единичными костями щуки и окуня. Сохранность фаунистических остатков в слое в целом хорошая, кроме костей лошади. Найдки, демонстрирующие модификацию, единичны: возможно, рог с элементами подработки, две жженые кости и две трубчатые кости с погрызами хищников.

Обсуждение материалов и выводы

Фаунистические остатки с многослойной стоянки Улан-Хада принадлежат в основном млекопитающим (42 %) и ихтиофауне (57 %); несколько костей представляют птиц (см. таблицу). Кости млекопитающих найдены в каждом проанализированном культурном слое (рис. 5); наибольшее количество – в слоях позднего неолита (VIII) и ранней бронзы (VII–II).

Самыми многочисленными являются остатки нерпы; они зафиксированы в слоях всех периодов – от финального мезолита до позднего железного века, по количеству их несколько больше в раннебронзовых отложениях. Кости нерпы из слоев бронзового века несут следы разделки, указывающие, возможно, на обработку туш непосредственно на стоянке. Добытые животные – как правило, достаточно взрослые половозрелые особи, об этом свидетельствуют размеры костей, признаки срастания эпифизов на элементах и данные изучения годовых слоев в дентине клыков.

Наличие остатков немолодых нерп в слоях Улан-Хады отличает поселение от памятников западного побережья Большого моря оз. Байкал в плане выбора древними охотниками категорий животных. Например, на стоянках, расположенных на западном побережье Большого моря Тышкинэ II, Тышкинэ III и Саган-Заба II, где на нерпу вели специализированную охоту в весенне время во время коллективных леж-

бищ, представлены кости в основном животных до года и молодых неполовозрелых особей [Weber et al., 1998; Горюнова и др., 2007]. Вероятно, в Улан-Хаде охота на нерпу не была специализированной, охотники брали тех животных (как правило, взрослых, немолодых особей), которые оставались на зимовку в Малом море или случайно заплывали в его заливы.

В слоях развитого неолита и позднего бронзового века найдены остатки волчьих – волка или собаки (см. таблицу, рис. 4). Интересно, что в первом обнаружены обожженные фрагменты черепа, во втором – часть костяка с порезом на большой берцовой кости. Остатки рода волчьих часто представлены в поселенческих комплексах в отложениях начиная с мезолита (Усть-Хайта, Усть-Белая и др.), а также в погребениях неолита и бронзового века Прибайкалья [Медведев, 1971; Конопацкий, 1982; Древние погребения..., 2004; Клементьев, Игумнова, Савельев, 2005]. Фрагменты костяка и черепа собаки/волка на стоянках Малого моря встречены впервые.

Необычным для памятников на Малом море является наличие в слоях II и IV раннего бронзового века костей медведя, точнее костей полового члена (бакулум) минимум двух особей. Такие остатки отмечены впервые на археологических объектах Малого моря, до этого они фиксировались только в китайских ранне-неолитических могильниках Прибайкалья [Базалийский, Вебер, 2008].

Остатки парнокопытных представлены несколькими костями благородного оленя и косули. Они встречаются почти во всех хронологических срезах Улан-Хады. Кости птиц и грызунов также немногочисленны. Среди остатков птиц удалось проанализировать только одну кость, принадлежащую роду орланов из нижнего слоя I (развитый бронзовый век), остальные кости недиагностичны для видового определения.

Остатков рыб в слоях позднего неолита и раннего бронзового века значительно больше, чем в отложениях других периодов (см. рис. 5). В слоях финального мезолита и развитого/позднего бронзового века кости рыб встречены в небольшом количестве. Среди остатков ихтиофауны преобладают кости лососевых (вероятно, сига) и окуня (см. таблицу). Также зафиксированы остатки щуки, осетра и представителей семейства карповых, в т.ч. сороги. Вероятное присутствие костей сига в остеологических коллекциях ихтиофауны Улан-Хады позволяет предполагать, что стоянка использовалась, возможно, осенью (октябрь); именно в это время сиг заходит на нерест в Мухорский залив, в начале которого расположена бухта Улан-Хада [Кожов, Мишарин, 1958; Номоконова, Лозей, Горюнова, 2009а]. Однако бухту могли посещать и в другое время.

Сиговые относятся к глубоководным рыбам. Улан-Хада является единственной стоянкой, где найдено большое количество сиговых по сравнению с другими поселениями Малого моря (Берлога и Итырхей) [Losey,

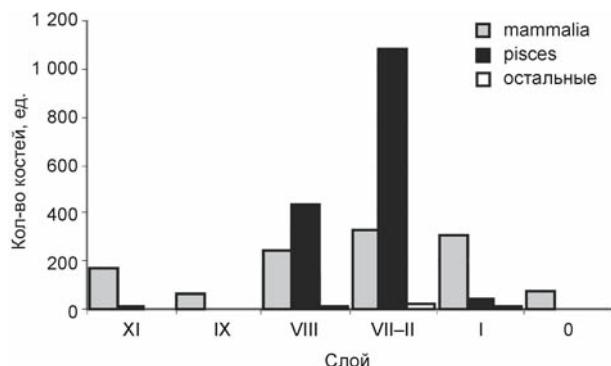

Рис. 5. Распределение категорий животных по слоям.

Nomokonova, Gorjunova, 2008; Номоконова, Лозей, Горюнова, 2009б]. Говорить о том, были ли сиговые целинаправленно добываемыми видами рыб или присутствие их остатков в отложениях носит случайный характер, сегодня затруднительно. Остальные виды рыб, отмеченные на стоянке, относятся к круглогодичным обитателям бухты Улан-Хада и других мелководных зон Малого моря и характеризуют прибрежный рыболовный промысел.

Как показывает сравнение видового разнообразия животных в хронологическом аспекте, фауна финального мезолита (слой XI) и развитого неолита (слой IX) немногочисленна и представлена в основном нерпой, семейством оленевых, волком/собакой, осетром и недиагностичными фрагментами. Слои позднего неолита (VIII) и раннего бронзового века (VII-II) характеризуются значительно большим количеством костных остатков по сравнению с другими культурными отложениями. В видовом составе млекопитающих отмечено появление косули и благородного оленя, а также медведя и орлана. Расширение ихтиофауны произошло за счет появления большого количества представителей сиговых и окуня, а также наличия щуки и карповых (сороги). Материалы развитого/позднего бронзового века из слоя I и 0 переходного от бронзового к железному – позднему железному веку не свидетельствуют о значительном изменении в видовом составе млекопитающих, но отражают резкое сокращение количества ихтиофауны.

В целом бухта Улан-Хада использовалась древними жителями с финального мезолита; ее наиболее активное освоение происходило в неолите и бронзовом веке. Судя по остаткам костей, объектами промысла были в основном нерпа и парнокопытные (косуля и благородный олень). Охотились также на хищников (медведь, собака), но с какой целью – сказать трудно. Рыболовство также имело большое значение, особенно 4,2–3,8 тыс. л.н. (бронзовый век). Основными объектами лова являлись представители сиговых и окунь, а также сорога, щука и осетр.

Фаунистические материалы Улан-Хады представляют собой информативный источник для реконструкции использования бухты древними обитателями региона на протяжении голоценена. Судя по видам добывавшихся животных, стоянка отражает не только локальный спектр фауны Приольхонья, но и культурную специфику в охоте на хищников.

К сожалению, пока трудно определить, происходили ли со временем изменения в выборе того или иного вида животных для промысла. Зооархеологические материалы стоянки Улан-Хада недостаточно представительны в количественном отношении для такого рода реконструкций. Тем не менее авторами данной работы планируется проведение комплексных исследований голоценовых фаунистических остатков с многослойных стоянок Приольхонья с обсуждением культурных, экологических и климатических факторов, формирующих хозяйственный уклад древних жителей побережья Байкала.

Список литературы

Базалийский В.И., Вебер А.В. Могильник Шаманка II в контексте погребальных ритуалов раннего неолита Байкальской Сибири // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 182–186.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И., Оводов Н.Д., Новиков А.Г. Анализ фаунистических материалов с многослойного поселения Тышкинэ III (оз. Байкал) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 168–174.

Горюнова О.И., Савельев Н.А. Многослойное поселение Улан-Хада // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С. 127–133.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С. 13–32.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл) / О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, Л.П. Зяблин, В.И. Смотрова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.

Клементьев А.М., Игумнова Е.С., Савельев Н.А. Хищники (*Carnivora, Mammalia*) Усть-Хайтинского археологического местонахождения // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: мат-лы I (XLV) конф. – Иркутск: РПЦ «Радиан», 2005. – С. 26–29.

Кожов М.М., Мишарин К.И. Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. – Иркутск: Кн. изд-во, 1958. – 701 с.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.

Медведев Г.И. Хозяйственный уклад мезолитического поселения Усть-Белая // Мезолит Верхнего Приангарья. –

Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1971. – Ч. I: Памятники Ангаро-Бельского района и Ангаро-Идинского района. – С. 111–126.

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И. Предварительный анализ фаунистических материалов с многослойной стоянки Итырхей (Малое море, озеро Байкал) // Изв. лаб. древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2006. – Вып. 4. – С. 166–177.

Номоконова Т., Лозей Р., Горюнова О.И. Реконструкция рыбного промысла на озере Байкал (анализ ихтиофауны со стоянки Итырхей) // РА. – 2009а. – № 3. – С. 12–21.

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И. Фауна многослойного поселения Берлога (Малое море, озеро Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – Т. XV. – С. 177–181.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала: Предварит. сообщ. о раскопках стоянки Улан-Хада // Сб. МАЭ. – 1916. – Т. 3. – С. 113–132.

Петри Б.Э. Сибирский неолит // Изв. Биол.-геогр. науч.-исслед. ин-та при ИГУ. – 1926. – Т. 3, вып. 6. – С. 39–75.

Хамзина А.А. Сравнительный анализ фауны многослойных археологических памятников Итырхей, Улан-Хада, Берлога (Прибайкалье) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С. 70–75.

Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1964. – 18 с.

Boyle K.V. Late Neolithic seal hunting in Southern Britany: A zooarchaeological study of the site of Er Yoh (Morbihan) // The Exploitation and Cultural Importance of Sea Mammals. – Oxford: Oxbow Books, 2005. – P. 77–95.

Losey R.J., Nomokonova T., Goriunova O.I. Fishing ancient Lake Baikal: Inferences from the reconstruction of harvested perch (*Perca fluviatilis*) size at Ityrkhei, Siberia // J. of Archaeological Science. – 2008. – N 35. – P. 577–590.

Lyman R.L. Quantitative Paleozoology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 348 p.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I. Prehistoric Fishing on Lake Baikal, Siberia: Analyses of Faunal Remains from Ityrkhei Cove. – Saarbrucken: VDM Verlag Dr. Mueller, 2009. – 124 p.

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 455 p.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in Archaeology. – L.: Thames and Hudson, 1969. – P. 283–302.

Stora J. Skeletal development in Grey seal *Halichoerus grypus*, the Ringed seal *Phoca hispida botnica*, the Harbour seal *Phoca vitulina vitulina*, and the Harp seal *Phoca groenlandica*: epiphyseal fusion and life history // Archaeozoologia. – 2000. – N XI. – P. 199–222.

Weber A., Link D.W., Goriunova O.I., Konopatskii A.K. Patterns of prehistoric procurement of seal at Lake Baikal: A zooarchaeological contribution to the study of past foraging economies in Siberia // J. of Archaeological Science. – 1998. – N 25. – P. 215–227.

УДК 903.25

Ю.Ф. Кирюшин¹, К.Ю. Кирюшин², А.В. Шмидт¹,**Д.В. Кузменкин¹, М.Т. Абдулганеев¹**¹*Алтайский государственный университет**пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия**E-mail: rector@asu.ru; schmidt.alexander@yandex.ru; kuzmenkin@yandex.ru*²*Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН**пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия**E-mail: kirill-kirushin@mail.ru***РАКОВИНЫ МОЛЛЮСКОВ****В ПОГРЕБЕНИЯХ МОГИЛЬНИКА ТУЗОВСКИЕ БУГРЫ-1****КАК ИНДИКАТОР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ****В III ТЫС. ДО Н.Э.***

В работе рассматриваются украшения из раковин моллюсков, обнаруженные в погребениях грунтового могильника Тузовские Бугры-1 в Алтайском крае. В коллекции представлены раковины двустворчатых моллюсков: *Corbicula ferghanaensis Kurs. et Star.*, ныне обитающего в бассейнах Амударьи и Сырдарьи; *Corbicula tibetensis Prash.*, распространенного в настоящее время в горных районах Центральной Азии, Восточного Казахстана, в бассейнах Амударьи и Сырдарьи; ископаемых корбикул, близких *Corbicula fluminalis Mull.*; беззубок рода *Colletopterus*, представители которого в настоящее время широко распространены в бассейне Оби, и экземпляр *Cardiidae sp.* – морского, вероятно, ископаемого вида. Наибольший интерес вызывают ископаемые раковины морских лопатоногих моллюсков, близких к роду *Dentalium* (класс *Scaphopoda*, сем. *Dentaliidae*). В Алтайском крае нет даже таких отложений, где они могли бы встретиться. Вероятно, данные раковины были принесены людьми из другого региона. Близкайшие к Алтаю места нахождения ископаемых денталий расположены в Приаралье. Наличие пронизей усеченно-конической формы из раковин *Dentalium* и подвесок из створок *Corbicula* указывает на связи населения Алтая со Среднеазиатским регионом. Они могли осуществляться посредством контактов с носителями усть-нарымской и ботайской культур либо являться результатом миграции на Алтай из районов Средней Азии или Восточного Казахстана.

Ключевые слова: погребение, грунтовый могильник, раковины двустворчатых и лопатоногих моллюсков, *Corbicula*, *Colletopterus*, *Dentalium*, неолит, энеолит, ранняя бронза.

Введение

Украшения из раковин речных моллюсков *Colletopterus* (беззубки) достаточно часто встречаются в

*Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (2009-1.1-301-072-016).

погребениях неолита – энеолита Алтая [Молодин, 1999; Кирюшин, Кунгurova, Кадиков, 2000; Маркин, 2000; Кунгurova, 2003, 2005]. На сопредельных территориях подобные изделия настолько широко представлены в погребальных комплексах этого времени, что нет смысла приводить их в данной работе.

Пронизи усеченно-конической формы из раковин *Dentalium* и подвески из створок *Corbicula* – очень редкие находки на памятниках неолита и энеолита Средней Азии и Южной Сибири. В данной работе рассматриваются украшения из раковин этих моллюсков,

обнаруженные в погребениях грунтового могильника Тузовские Бугры-1. Задачи исследования – поиск аналогичной традиции на Алтае и в сопредельных регионах, анализ возможности использования таких находок при реконструкции этнокультурных процессов на территории Средней Азии и Южной Сибири в эпохи неолита и энеолита.

Комплекс эпохи энеолита – ранней бронзы грунтового могильника Тузовские Бугры-1

В сентябре 2000 г. археологами Алтайского государственного университета проводились раскопки грунтового могильника Тузовские Бугры-1, расположенного в 30 км к югу от г. Барнаула. Памятник находится в правобережье Оби, на протоцке Заломной, в 8,5 км к юго-юго-западу от с. Рассказиха и в 5,5 км к северо-западу от с. Малая Речка. Обское правобережье в данном месте представляет собой широкую (до 12 км) труднодоступную заболоченную пойму, осложненную множеством стариц и старицких озер, которые перемежаются с гравиями и буграми – останцами коренного берега. Высота таких останцов достигает 4 м от пойменного уровня. Окружающая растительность луговая с зарослями кустарниковых ив, осин и берез. Коренной берег, расположенный в 4 км к западу от памятника, покрыт сосновым лесом.

«Тузовские Бугры» – местное название извилистой гряды, состоящей из двух крупных и нескольких мелких останцов. Она вытянута по линии С–Ю, протяженность порядка 1200 м, ширина в некоторых местах достигает 200 м, высота в наивысших точках более 4 м. Грунтовый могильник Тузовские Бугры-1 расположен в южной части гряды, на самом крупном останце, со всех сторон окруженном болотинами и озерами руслового происхождения. С могильника в восточном и южном направлениях открывается широкий обзор на заболоченную пойму. При паводках вода в р. Оби поднимается на 1,5–3,0 м, почти полностью затапливая пойму и подталкивая останец, который превращается в остров. Вода спадает только к августу.

В расположении грунтового могильника Тузовские Бугры-1 прослеживаются общие закономерности с памятником Сопка-2 [Молодин, 2001, с. 7]. В.И. Молодин отмечал, что в погребальной обрядности древних месторасположение кладбища играло важную роль и «особое место в этих представлениях отводилось так называемым “островам мёртвых”» [Там же]. Подобные могильники известны на обширной территории Северной Евразии: Оленостровской на Онежском озере [Гурина, 1956], Китайский на р. Ангаре [Окладников, 1974], Крутиха-5 на р. Оби [Молодин, 1977].

В настоящее время на памятнике Тузовские Бугры-1 вскрыто 174 м² и исследовано 37 погребений. Из

них 19 относятся к энеолиту и раннему бронзовому веку, остальные – к раннему железному. Часть более древних погребений нарушена в результате функционирования могильника эпохи раннего железа. Энеолитические могилы располагались четырьмя рядами, ориентированными по линии СЗ–ЮВ. В ряд входило пять–шесть погребений. Основная часть захоронений одиночные, три парных и два коллективных – по три и пять погребенных. Большинство умерших были уложены в вытянутом положении на спине, с руками вдоль туловища, головой на СВ. Сопроводительный инвентарь представлен преимущественно различными украшениями из раковин моллюсков и зубов животных, а также изделиями из камня (рыболовные стерженьки, наконечники стрел, «кутюкки», отщепы, «когтевидное» долото, скребки и др.) и кости (гарпуны, срединные и одна концевая накладки на лук, биконические наконечники стрел (?)) и др.). В одной могиле обнаружены металлические височные кольца и два сосуда баночной формы. Раковины моллюсков встречены в девяти погребениях.

Могила 3. На дне могильной ямы (глубина 0,6 м от современной поверхности) лежал скелет человека, погребенного на спине, головой на СВ. С правой стороны отсутствовали половина грудной клетки, часть таза и локтевые кости, а плечевая кость была сдвинута к северо-западной стенке под углом к позвоночнику. Положение костей левой руки указывает на то, что она была согнута в локте и кисть находилась у плеча. Бедренные кости лежали на одной линии с позвоночником, а берцовые – под ними. С правой стороны под черепом найдены две раковины с отверстием в замке (см. таблицу), под левой плечевой костью – клык медведя (?), слева от позвоночника над тазом – подвеска из зуба животного.

Могила 9. На дне находились скелеты взрослого человека и ребенка, погребенных в вытянутом положении на спине, головами на СВ. У взрослого отсутствовали левая плечевая кость и часть ребер. Оставшиеся кости левой половины грудной клетки оказались смещеными влево, что является результатом устройства соседней мог. 8. Ребенок был уложен поверх взрослого: голова находилась на животе взрослого, а ноги – между его ног. В районе шейных позвонков и под черепом ребенка найдены 15 пронизей из раковин моллюсков (рис. 1), 3 раковины с отверстиями в замке и 4 обломка раковин (см. таблицу).

Могила 14. В заполнении (глубина 0,65 м) обнаружены два фрагмента керамики раннего облика и каменный стерженек рыболовного крючка. На дне могилы находился скелет ребенка, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Часть костей сгнила, череп раздавлен. На левых локтевой и лучевой костях лежала трубчатая кость животного (орудие?), под ней – резец бобра. У левой плечевой

Состав коллекции раковин моллюсков

Номер погребения	<i>Corbicula</i>				Фрагменты	<i>Cardiidae</i> sp.	<i>Colletopterum</i> sp.		<i>Dentaliidae</i> sp. (пронизи)	Неопределенные обломки	Всего		
	<i>C. ferganensis</i>		<i>C. tibetensis</i>				Фрагменты раковин	Бусины					
	С отверстием в замке	Без отверстия в замке	С отверстием в замке	Без отверстия в замке									
3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2		
9	3	—	—	—	4	—	—	—	15	—	22		
14	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1		
18	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	3		
24	—	—	—	—	—	—	—	24	—	—	24		
27	—	—	2	—	—	—	11	—	—	—	13		
32	9	—	6	—	2	—	—	—	—	—	17		
33	4	—	12	—	3	—	—	—	10	—	29		
35	1	1	17	11	21	1	—	—	—	5	57		
<i>Итого</i>	19	1	37	11	30	1	12	25	27	5	168		

кости снаружи найдено каменное орудие, возможно точильный брускок. В могиле обнаружен фрагмент створки моллюска (см. таблицу).

Могила 18. На дне лежали неполные скелеты двух взрослых и одного ребенка, погребенных в вытянутом положении на спине, головой на СВ. У восточного скелета отсутствовали кости верхней части туловища, череп и плечевые кости, от западного сохранились только кости ног и кистей рук, у детского не было черепа. Ребенок был положен поверх взрослого. Его таз находился на коленных чашках западного скелета, а берцовые кости – на костях его ступней и ниже. Находок в этой могиле не обнаружено, а при зачистке нарушившей ее мог. 17 на глубине 0,50–0,55 м найдены две костяные пронизи и бусина из раковины (см. таблицу), происходящие, скорее всего, из мог. 18.

Могила 24. На дне лежали неполные скелеты взрослого человека и ребенка: первый – вдоль юго-восточной стенки, второй – у северо-западной. Взрослый был уложен в могилу в вытянутом положении на спине, головой на СВ, ребенок – справа от него, головой также на СВ, но, видимо, на левом боку. От детского костяка сохранились раздавленный череп и часть грудной клетки. У скелета взрослого отсутствовали черепная коробка, кости левой руки и лучевые кисти правой, нижняя часть грудной клетки, таз, обе бедренные кости, а у правых берцовых была отрублена верхняя часть. В заполнении могилы найдены обломки костей человека, фрагмент орудия и дискоидные бусины из раковин (см. таблицу; рис. 2). Фрагменты раковин и обломок такой же бусины (рис. 3)

Рис. 1. Раковины *Dentalium*. Мог. 9.

обнаружены к востоку от мог. 24 на глубине 0,45–0,50 м. Скорее всего, они были выброшены туда при устройстве могил 19 и 25.

Могила 27. На дне лежала нижняя часть скелета взрослого человека: кости ног, таза, кистей обеих рук и сломанная левая лучевая. Судя по всему, погребенный был уложен в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Между лучевой костью и тазом найдены обломки костяной накладки на лук, с внутренней стороны головки правой бедренной кости – камень без обработки, у левой коленной чашки – отщеп. На восточном краю могилы, ниже дна, на глубине 0,7 м, обнаружен череп взрослого человека, а рядом с ним –

Рис. 2. Дисковидные бусины из раковин *Colletopterum*.
Мог. 24.

Рис. 3. Фрагменты раковин *Colletopterum* и обломок дисковидной бусины из такой же раковины. Межмогильное пространство. Выкид из мог. 24 (?).

Рис. 4. Фрагменты раковин *Colletopterum*. Мог. 27.

Рис. 5. Раковины *Corbicula*. Мог. 32.

11 фрагментов раковин *Colletopterum* sp. (рис. 4) и 2 раковины *Corbicula* (см. таблицу), которые, скорее всего, являлись элементами украшения головного убора.

Могила 32. На дне лежал скелет взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Череп был слегка наклонен налево. В погребении найдены 15 раковин: по одной – на височных долях черепа, по четыре – справа и слева от нижней челюсти, по одной – ниже лопаток, две – под правой лопаткой, одна – слева от нижних позвонков. Обломки еще двух раковин обнаружены в заполнении могилы (см. таблицу; рис. 5).

Могила 33. На дне могилы находились скелеты четырех взрослых людей и одного ребенка, погребенных

в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Костяк № 1 лежал вдоль юго-восточной стенки. Нижняя часть его локтевых и лучевых костей была перекрыта тазовыми, кости кистей находились на бедренных костях. Череп раздавлен. Между берцовыми костями лежал скелет младенца. Слева и справа от черепа взрослого найдены два крупных изогнутых клыка животного, в районе плеч и шеи, а также на верхних ребрах – ожерелье, состоящее из 16 мелких резцов животного. Костяк № 2 (следующий на С3) лежал почти в центре могилы. Кости левой руки были вытянуты вдоль скелета, кости правой находились на газе. Вокруг черепа и под ним найдены десять пронизей из раковин лопатоногих моллюсков, три фрагмента и девять це-

лых раковин двустворчатых моллюсков (см. таблицу; рис. 6), десять крупных изогнутых клыков животного, еще два таких же – по обе стороны от позвоночника на нижних ребрах, а возле шейных позвонков, в основном справа, – 18 мелких резцов животного. Следующие на СЗ костяки № 3 и 4 нарушены при сооружении мог. 36. У № 3 кости кистей находились на тазе, череп отсутствовал. Скелет № 4 лежал вдоль северо-западной стенки. Череп и плечевые кости отсутствовали. Верхняя часть грудной клетки и позвоночника были сдвинуты к СЗ. Кости кистей находились на тазе. Среди ребер найдены 25 мелких резцов животного. Выше дна могилы (на глубине 0,5 м) обнаружены обломки черепа, а рядом с ними – семь раковин (см. таблицу; рис. 6). У юго-западной стенки могилы на глубине 0,25 м найдены фрагменты еще одного черепа, а на глубине 0,35 м – сломанный абрэзив.

Могила 35. На дне лежал неполный скелет взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, ногами на юг. Череп и верхние позвонки отсутствовали. Вероятно, они были извлечены из могилы при сооружении соседней. На месте черепа находились кости стоп погребенного в мог. 34. Судя по виду верхней части скелета, отчленение головы могло произойти до полного разложения мягких тканей. Правая рука погребенного была согнута в локте, ее кисть находилась на тазовых костях; левая – вытянута вдоль тела, ее лучевая и локтевая кости лежали под левой половиной таза. Все обнаруженные при погребенном вещи концентрировались в районе туловища. На правой половине найдены 57 целых и фрагментированных раковин, в т.ч. 18 с отверстием в макушечной части створки (рис. 7), 15 отщепов и чешуек, 3 от-

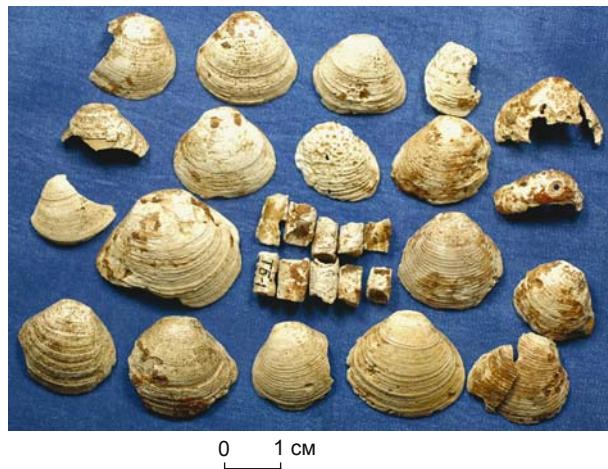

Рис. 6. Фрагменты и целые раковины *Corbicula* и *Dentalium*. Мог. 33.

щепа с подработкой, 4 скребка, 3 наконечника стрел. Некоторые каменные изделия были вложены в раковины. Возможно, к этому же набору относился и обнаруженный в яме 8 наконечник стрелы, изготовленный из того же материала, что и изделия из мог. 35 (кремнистый сланец). На левой половине найдены три камня без обработки, лежавшие с внутренней стороны бедренной кости ниже таза, у нижней части локтевой кости и на верхней части таза; между плечевой костью и ребрами – каменный «утюжок», с внешней стороны той же кости – четыре костяные накладки на лук и нижняя челюсть собаки (?), под ними – два резца животного, два каменных стерженька рыболовных крючков и две крупные резанные кости.

Рис. 7. Раковины *Corbicula*. Мог. 35.

**Раковины
двусторчатых и лопатоногих моллюсков
в энеолитических погребениях
могильника Тузовские Бугры-1**

Обследованная коллекция представлена раковинами двусторчатых и лопатоногих моллюсков. Определение таксономической принадлежности образцов произведено по работам А.К. Алексеева [1963], Я.И. Страбогатова и др. [2004].

Наибольшее количество раковин двусторчатых моллюсков принадлежит роду *Corbicula* (см. таблицу). Они разделяются на две группы. Для первой характерны овальная или треугольно-овальная форма створок, широкие, умеренно или слабо выступающие макушки. Максимальные размеры створки 21×27 мм. Латеральные зубы замка длинные (заходят за отпечатки замы-

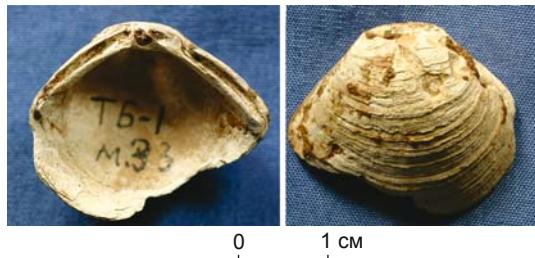

Рис. 8. Раковина *Corbicula ferghanensis* Kurs. et Star. Мог. 33.

Рис. 9. Ископаемая раковина *Corbicula* со следами волновой окатки и коррозии. Мог. 35.

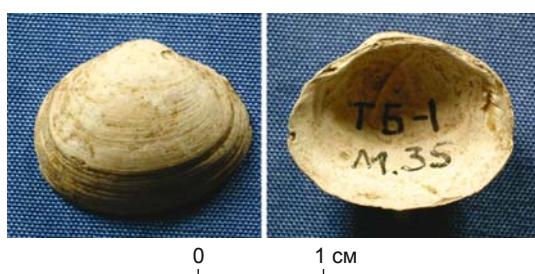

Рис. 10. Раковина *Cardiidae* sp. (морской ископаемый вид). Мог. 35.

кателей), с многочисленными поперечными зубцами (рис. 8). Вышеназванные признаки, а особенно строение замка, сближают описываемые раковины с видом *Corbicula ferghanensis* Kurs. et Star, современный ареал которого охватывает бассейны Амудары и Сырдарьи [Кантор, Сысоев, 2005]. Раковины второй группы имеют треугольно-овальную форму, узкие, сильно выступающие макушки и более короткие латеральные зубы, что указывает на сходство с видом *Corbicula tibetensis* Prash., распространенным в настоящее время в горных районах Центральной Азии, Восточного Казахстана и бассейне Сырдарьи [Там же]. Часть образцов ввиду плохой сохранности удалось определить только до рода. Возраст обнаруженных раковин корбикул установить трудно. Некоторые из них, вероятно, были собраны людьми уже в ископаемом или полуископаемом состоянии, т.к. несут следы волновой окатки и коррозии (рис. 9); на других сохранились скульптура поверхности и остатки периостракального (цветового) слоя.

На территории Алтайского края в историческое время моллюски рода *Corbicula*, по всей вероятности, не обитали. Ископаемые корбикулы в Сибири не редкость, однако все они относятся к формам, близким *Corbicula fluminalis* Mull. [Ляджина, 1969; Малолетко, 1969а, б]. Многочисленные же местонахождения других видов известны в Казахстане и Средней Азии [Коробков, 1954].

Описываемая коллекция содержит также значительное количество фрагментов крупных раковин без зубок. Они представляют собой необработанные обломки (см. рис. 4) или дисковидные бусины (см. рис. 2). На этих фрагментах хорошо сохранились перламутровый и периостракальный слои, т.е. раковины не ископаемые. Учитывая толщину и относительно гладкую наружную поверхность створок, с большой долей вероятности их можно отнести к роду *Colletopterum*.

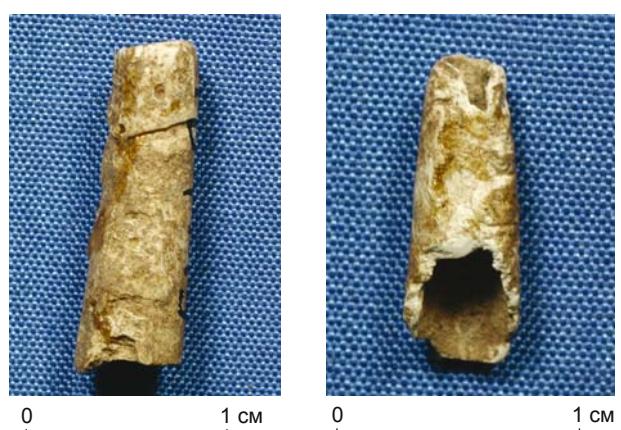

Рис. 11. Раковина *Dentalium* с сохранившейся линией нарастания. Мог. 9.

Рис. 12. Раковина *Dentalium*, у которой слева заметен верхний край сифональной щели. Мог. 9.

Моллюски этого рода в настоящее время широко распространены в бассейне Оби [Старобогатов и др., 2004; Кантор, Сысоев, 2005].

Из двустворчатых моллюсков также представлен *Cardiidae* sp. – морской, вероятно, ископаемый вид (рис. 10).

Наиболее интересными находками являются ископаемые раковины морских лопатоногих моллюсков, близких к роду *Dentalium* (класс Scaphopoda, сем. Dentaliidae). Они выглядят как слегка изогнутые трубы с фарфоровидной поверхностью, суживающиеся к переднему концу. На отдельных экземплярах сохранились линии нарастания, расположенные под некоторым углом к оси раковины (рис. 11), у некоторых заметен верхний край сифональной щели (рис. 12). В Алтайском крае не известны местонахождения раковин этих моллюсков, более того, нет даже таких отложений, где они могли бы встретиться. Поэтому с большой долей уверенности можно сказать, что данные раковины были принесены людьми из другого региона. Ближайшие к Алтаю местонахождения ископаемых деналиид располагаются в Приаралье [Алексеев, 1963].

Раковины двустворчатых и лопатоногих моллюсков в погребальных комплексах неолита – энолита Алтая и сопредельных территорий

Необходимо сразу оговориться, что в публикациях, как правило, отсутствуют видовые определения раковин моллюсков *Corbicula* и они фигурируют под различными названиями: «ракушки-зубчатки» [Кирюшин, Кунгурева, Кадиков, 2000, с. 13], «створка крупной раковины» [Кунгурева, 2003, стр. 33], «речные ракушки» [Кунгурева, 2005, рис. 30, 31]. Ориентируясь на приведенные в работах изображения раковин, мы все их относим к роду *Corbicula*.

Две подвески из створок корбикул встречены в погр. 8 могильника Усть-Иша [Кирюшин, Кунгурева, Кадиков, 2000, с. 12–13, рис. 15]. В могиле обнаружен скелет мужчины 25–30 лет с богатым сопроводительным инвентарем, разнообразными украшениями из бисера, костяных нашивок, подвесок из зубов животных. В описании погребения указано, что «две створки ракушки-зубчатки» находились «в верхней части бедренных костей» [Там же].

Три створки моллюсков *Corbicula* найдены в погр. 1 могильника Солонцы-5 [Кунгурева, 2003, с. 33]. В могиле обнаружены скелеты мужчины 35–40 лет и полуторацадовалого ребенка с богатым сопроводительным инвентарем, разнообразными украшениями из зубов животных и костяных нашивок. В описании погребения указано, что «на сочленении правого бедра и таза лежала створка крупной раковины, еще две такие же

находились в центре нижней части грудной клетки и у левого плечевого сустава (видимо, первоначально на груди)» [Там же]. Для этой могилы получена радиоуглеродная дата 5325 ± 45 л.н. (СОАН-4628) [Кунгурева, 2005, с. 57].

Таким образом, на территории Алтая украшения из раковин моллюсков *Corbicula* – редкая категория сопроводительного инвентаря. Прослеживается определенная тенденция: они встречаются в погребениях взрослых мужчин, которые выделяются богатым сопроводительным инвентарем. Не исключено, что эти украшения свидетельствовали об особом социальном статусе человека. Пронизи усеченно-конической формы из раковин *Dentalium* на Алтае встречены только в погребениях могильника Тузовские Бугры-1.

В поисках традиции изготовления украшений из раковин моллюсков *Corbicula* и *Dentalium* мы обратились к материалам Восточной Сибири. Изделия из створок моллюсков *Colletopterus* широко представлены в погребальных комплексах Ангары [Окладников, 1974, 1975], а украшений из раковин лопатоногих моллюсков там нет.

По публикациям не всегда можно определить видовую принадлежность раковин, но, похоже, в погребении могильника Меновное XI (Верхнее Прииртышье) «камулет-подвеска из раковины» [Ткачёв, 2001, с. 112–113] выполнена из створки моллюска *Corbicula*.

Разнообразные украшения из раковин встречены в материалах могильника Сопка-2 на р. Оми [Молодин, 2001]. В погр. 67 неолитического комплекса (Сопка-2/1) найдена подвеска из створок раковины перловицы [Там же, рис. 6, 2; с. 22], а в погр. 643 комплекса эпохи раннего металла (Сопка-2/2, общность с гребенчато-ямочной керамикой) – две подвески из раковин *Idionoma* sp. и *Anodonta* sp. [Там же, рис. 14, 35, 36; с. 37]. В данной работе В.И. Молодина, видимо, из-за опечаток, имеются расхождения в наименовании одних и тех же таксонов моллюсков: «*Idionoma* sp.» и «*Idiopota* sp.», «*Glycymeris* sp.» и «*Glycyteris* sp.», «*Dentaliidal*» вместо *Dentaliidae*.

Определения, выполненные В.С. Зыкиным, свидетельствуют о том, что раковины *Anodonta* sp. достаточно широко распространены в озерных и речных осадках Западной Сибири, происходя из четвертичных отложений (в частности, рек Оми и Иртыша), а раковины *Idionoma* sp. встречаются только на бечевнике Иртыша (приблизительно от г. Омска до пос. Чернолучье) [Там же]. В.И. Молодин отмечает, что подвески из створок раковин *Idionoma* sp. и *Anodonta* sp. дают важную информацию, однозначно указывая «на направление контактов, а также, по-видимому, на происхождение носителей самой культуры, тяготеющей к бассейну Иртыша» [Там же]. Таким образом, эти находки используются для реконструкции этнокультурных процессов в эпоху раннего металла на территории

Западной Сибири. В материалах комплекса погребений данной эпохи – курганный могильник Сопка-2/3 и грунтовый могильник Сопка-2/За (усть-таргасская культура) – встречено более 40 изделий из раковин [Там же, с. 102]. Подвески изготавливались из раковин двустворчатых моллюсков *Corbicula tibetensis* Prash., *Anodonta* sp., *Idionoma* sp., *Glycymeris* sp. (морской), а в качестве пронизей использовались трубчатые раковины лопатоногих моллюсков класса Scaphopoda, сем. *Dentaliidae* [Там же]. По мнению В.И. Молодина, полученные данные указывают «на несомненные опосредованные связи сибиряков со среднеазиатским регионом, что, скорее всего, осуществлялось посредством контактов с носителями устьнарымской и ботайской культур, представители которых обитали в районе современного Восточного и Северного Казахстана» [Там же, с. 116].

Подвески из створок беззубки, раковин *Cardium* и ископаемых моллюсков представлены в материалах поселения Кожай-1 [Калиева, Логвин, 1997, с. 70]. Этот памятник Тургайского прогиба авторы относят к терсекской энеолитической культуре, которую они датируют второй третью III – началом II тыс. до н.э. [Там же, с. 124].

Украшения из раковин моллюсков встречены в материалах могильника Тумек-Кичиджик в Южном Приаралье. В четырех погребениях обнаружено 56 пронизей усеченно-конической формы из раковин *Dentalium* sp., *Dentalium antalis* и *D. fustaria* [Виноградов, Итина, Яблонский, 1986, с. 15, 16, 18, 19, 42]. В одной могиле найдена подвеска из створки *Mactra vitaliana* Orb. (которая использовалась аналогично створкам *Corbicula*) [Там же, с. 19]. Правда, судя по опубликованному изображению этой подвески, нельзя однозначно сказать, к какому роду относится раковина: *Mactra* или *Corbicula*. Бусины из створок *Didacna* sp. найдены в трех погребениях и при зачистке поверхности в районе одной могилы [Там же, с. 20, 30, 50, 56]. Обломки раковин моллюсков *Anodonta* обнаружены в девяти погребениях [Там же, с. 16, 26, 27, 29, 32, 33, 36, 41, 46]. Авторы отмечают, что «пронизки из раковин *Dentalium* найдены на памятниках всех трех этапов кельтеминарской культуры. Дисковидные бусины из створок *Didacna* характерны для стоянок Прикаспия, Узбоя, Устюрта и низовьев Амударьи, датируемых от конца V до конца III тысячелетий до н.э.» [Там же, с. 69]. За пределами Средней Азии пронизи усеченно-конической формы из раковин *Dentalium* и подвески из створок *Corbicula* крайне редко встречаются в погребальных комплексах неолита и ранней бронзы Восточного Казахстана и Западной Сибири.

Наиболее близкие аналоги предметов из рассматриваемой коллекции мы обнаруживаем в материалах могильника Сопка-2 на р. Оми [Молодин, 2001]. Для

памятника Тузовские Бугры-1 пока нет радиоуглеродных дат, но, скорее всего, погребения энеолита – ранней бронзы будут синхронны комплексам эпохи раннего металла Сопка-2/2, 3 и За. Вслед за В.И. Молодиным мы считаем, что наличие морских раковин и трубочек морских моллюсков указывает на связи сибиряков со Среднеазиатским регионом [Там же, с. 116]. Характер этих связей, на наш взгляд, установить проблематично. Можно согласиться с В.И. Молодиным, который полагает, что, скорее всего, они осуществлялись «посредством контактов с носителями устьнарымской и ботайской культуры» [Там же], но нельзя исключать и миграции на Алтай из районов Средней Азии или Восточного Казахстана.

Изделия из раковин *Dentalium* в составе коллекций из алтайских погребальных комплексов – крайне редкая, но очень выразительная категория находок, позволяющая реконструировать этнокультурные процессы на территории Юга Западной Сибири в эпоху энеолита. Подвески из створок *Corbicula* более распространены. В погребальных комплексах Алтая подобные находки в единичных случаях встречаются с середины IV тыс. до н.э. [Кунгurova, 2005, с. 57]. Насколько распространена и устойчива эта традиция, говорить сложно. В материалах могильника Тузовские Бугры-1 встречены раковины *Corbicula ferghanensis* Kurs. et Star. и *Corbicula tibetensis* Prash., в настоящее время обитающих в горных районах Центральной Азии, Восточного Казахстана, в бассейнах Амударьи и Сырдарьи [Кантор, Сысоев, 2005], и раковины, собранные людьми уже в ископаемом или полуископаемом состоянии (несут следы волновой окатки и коррозии). Можно предполагать, что традиция изготовления украшений из раковин *Corbicula* была привнесена на Алтай мигрантами из Средней Азии или Восточного Казахстана; в условиях отсутствия необходимого сырья их заменяли (при поломке или потере части украшений) местными ископаемыми раковинами, которые были меньше размерами.

Заключение

Наличие в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 пронизей усеченно-конической формы из раковин *Dentalium* и подвесок из створок *Corbicula* указывает на связи населения Алтая со Среднеазиатским регионом. Они могли осуществляться посредством контактов с носителями усть-нарымской и ботайской культуры либо являться результатом миграции на Алтай из районов Средней Азии или Восточного Казахстана. Слабая изученность периода позднего неолита – энеолита в регионе и наличие множества спорных вопросов и проблем говорят в пользу продолжения раскопок на памятнике Тузовские Бугры-1.

Список литературы

- Алексеев А.К.** Палеогеновая фауна моллюсков Северного Приаралья. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963. – 229 с.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Древнейшее население низовий Амударьи: Археолого-палеоантропологическое исследование. – М.: Наука, 1986. – 200 с. – (Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции; т. 15).
- Гурина Н.Н.** Оленостровской могильник. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 430 с. – (МИА; № 47).
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: Мин-во науки АН РК, 1997. – 180 с.
- Кантор Ю.И., Сысоев А.В.** Каталог моллюсков России и сопредельных стран. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2005. – 627 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгurova Н.Ю., Кадиков Б.Х.** Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 116 с.
- Коробков И.А.** Справочник и методическое руководство по третичным моллюскам: Пластиначатожаберные. – Л.: Гостоптехиздат, 1954. – 444 с.
- Кунгurova Н.Ю.** Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 30–41.
- Кунгurova Н.Ю.** Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул: Изд-во Барнаул. юр. ин-та МВД, 2005. – 128 с.
- Ляджина К.А.** Плиоцен-антропогенные комплексы моллюсков Иртыш-Ишимского междуречья и их экологическая характеристика // Вопросы малакологии Сибири: мат-лы межвуз. конф. 26–28 июня 1969 г. / ред. Б.Г. Иоганzen. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1969. – С. 92–94.
- Малолетко А.М.** Некоторые морфологические особенности предалтайских корбикулид // Вопросы малакологии Сибири: мат-лы межвуз. конф. 26–28 июня 1969 г. / ред. Б.Г. Иоганzen. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1969а. – С. 100–101.
- Малолетко А.М.** Четвертичная малакофауна предгорий Алтая // Вопросы малакологии Сибири: мат-лы межвуз. конф. 26–28 июня 1969 г. / ред. Б.Г. Иоганzen. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1969б. – С. 95–97.
- Маркин С.В.** Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 53–64.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.
- Молодин В.И.** Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 36–58.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники Ангары (от устья р. Белой до Бурети). – Новосибирск: Наука, 1974. – 320 с.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 320 с.
- Старобогатов Я.И., Прозорова Л.А., Богатов В.В., Савенко Е.М.** Моллюски // Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий / под общ. ред. С.Я. Цалолихина. – СПб.: Наука, 2004. – Т. 6: Моллюски, полихеты, немертины. – С. 9–491.
- Ткачёв А.А.** Погребение каменного века из Верхнего Прииртышья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 111–116.

Материал поступил в редакцию 21.12.09 г.

УДК 903'14

Н.В. Полосьмак¹, Е.С. Богданов¹, Д. Цэвээндорж², Н. Эрдэнэ-Очир²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru**E-mail: polosmakanatalia@gmail.com*²*Институт археологии Монгольской академии наук**ул. Жукова, 77, 210646, Улан-Батор**Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences**Zhukoviyn Gudamzh, 77, Ulaanbaatar, 51, Mongolia**E-mail: nochiroo@yahoo.com*

СЕРЕБРЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ КОНСКОЙ УПРЯЖИ ИЗ КУРГАНА 20 МОГИЛЬНИКА СУЦЗУКТЭ (НОИН-УЛА, МОНГОЛИЯ)*

При раскопках Ноин-Улинского кург. 20 в 2006 г. в погребении было обнаружено 32 серебряных украшения конской узды с изображениями фантастических животных, выполненными в традициях древнекитайского искусства. Интерес вызывают образы единорога и дракона, воплощения которых встречаются очень редко в памятниках хунну. Вероятно, рассматриваемые украшения являлись подарком императорского двора хунну.

Ключевые слова: хунну, серебряные украшения, конская упряжь, единорог, эпоха Хань.

Введение

Коллекция серебряных пластин – украшений конской упряжи из курганов хунну – начала формироваться с трех изделий, обнаруженных экспедицией П.К. Козлова в кург. 6 в Ноин-Уле. Сегодня это собрание состоит из 42 предметов (учтены только целые вещи), полученных в ходе научных раскопок элитных курганов хунну на территории Монголии и Бурятии. Например, в кург. 7 могильника Царам (Бурятия) были найдены два круглых серебряных украшения с изображением горного козла, бронзовая бляха с изображением горного козла в прыжке и фрагменты нескольких идентичных серебряных украшений (рис. 1, 10, 11) [Миняев, 2009, с. 57, рис. 14, 15]. В кург. 20 могильника Гол-Мод-1 (Монголия) обнаружен целый набор аналогич-

ных украшений: восемь малых и шесть больших блях с изображением единорога (рис. 1, 5, 12) [Desroches, 2007, pic. 22–24].

Долгое время, пока не были известны аналоги, серебряные украшения (две бляхи и фалар) из кург. 6 в Ноин-Уле (рис. 1, 6, 7) исследователи, отмечая «самобытность содержания», ставили в один ряд с произведениями скифо-сибирского звериного стиля [Боровка, 1925, с. 24–25; Сосновский, 1935, с. 174–175]. В настоящее время имеется несколько точек зрения на происхождение этих пластин. По мнению А.Н. Бернштама [1937, с. 962–963], которое было поддержано М.И. Артамоновым [1973, с. 21] и П.Б. Коноваловым [1976, с. 216], серебряные бляхи относятся к произведениям искусства хунну. Сомнения по этому поводу высказал С.И. Руденко. Он отмечал, что «стиль, в котором выполнены ноин-улинские пластины, отличается от подлинно хуннских произведений искусства» [1962, с. 82]. Об этом, как указывал исследователь, свидетельствуют «необычные позы животных, трафаретность формы

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН (№ 24) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект № 28.2.3).

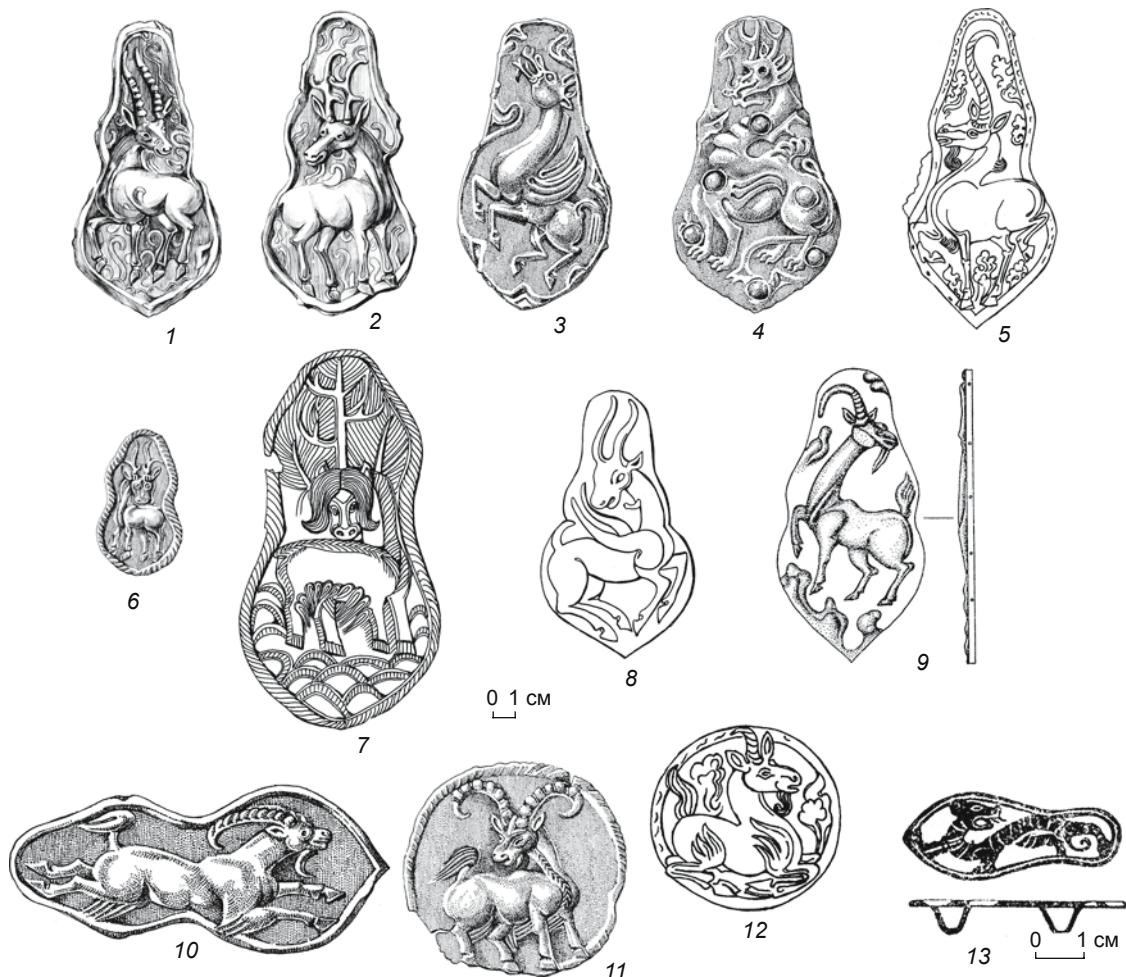

Рис. 1. Украшения конской упряжи с изображением животных из погребений I в. до н.э. – I в. н.э.
 1, 2 – чугунные бляхи, покрытые золотой фольгой, случайные находки, Северный Китай [Bunker, 2002, р. 54, рис. 21];
 3 – серебряная бляха, случайная находка, Северо-Восточный Китай [*Ibid.*, р. 22]; 4 – серебряная бляха, мог. 219 могильника Согамни, Наньшань, Корея [The ancient..., 2001, кат. 51]; 5, 12 – серебряные бляхи, кург. 20 могильника Гол Мод-1, Монголия [Desroches, 2007, рис. 23, 24]; 6, 7 – серебряная бляха, кург. 6 в пади Сүнзүктэ, Ноин-Ула [Руденко, 1962, табл. XXXVII, 1, 3]; 8 – золотая бляха, погр. № 1 у д. Сюйцуньган, пров. Хэнань, Китай [Краткий отчет..., 2000, с. 42, рис. 11]; 9, 13 – бронзовые бляхи с позолотой, погребение, уезд Силинь, Гуанси-Чжуанский автономный район, Китай [Погребение..., 1978, с. 45]; 10, 11 – бронзовые бляхи, кург. 7 могильника Царам, Бурятия [Миняев, 2009, с. 57, рис. 14, 15].

пластин, сюжета и манеры воспроизведения» [Там же, с. 81–82]. По предположению Э. Банкер, которое было высказано в комментариях к опубликованным ею подобным бляхам из коллекции «азиатского искусства» Джонатана Тукера, эти изделия изготавливались в китайских мастерских для хунну и прочих кочевников или для внутренней торговли [Bunker, 2002, р. 54–55]. Э.В. Шавкунов считает находки из кург. 6 в Ноин-Уле изделиями «юечжийско-кушанского» производства. По его мнению, они были сделаны на территории Северной Бактрии и соседних районов Средней Азии [Алексеева, Шавкунов, 1984, с. 8–9]. По мнению М.Б. Щукина, серебряные бляхи хунну принадлежат к вещам стиля Малибу (III в. до н.э. – I в. н.э.). К предметам этого, выделенного им стиля, распространенным «от Лаго

Манша до Монголии», исследователь относит серебряные, золотые и бронзовые «круглые по преимуществу, варьирующие по размеру, плоские или выпуклые бляхи с разного рода изображениями», использовавшиеся в мире кочевников евразийских степей в качестве фаларов. Данный феномен он объясняет тем, что в результате исторических событий, которые разворачивались на пространстве от Монголии до Греко-Бактрии во II–I вв. до н.э., сложилась «некая единая среда, где передвижение больших или меньших групп населения, отдельных людей (будь то бродячие мастера, торговцы или воины-наемники) были вполне возможны» [Щукин, 2001, с. 156]. Эти люди могли быть, с точки зрения ученого, как создателями, так и распространителями изделий стиля Малибу.

Открытия, сделанные в последние годы, прояснили проблему появления оригинальных украшений конской упряжи, которые находят в могилах знатных хунну.

Описание серебряных блях

В кург. 20 в Ноин-Уле найдены 32 изделия (рис. 2, 3):

1. Две большие грушевидные бляхи с изображением единорога (рис. 4), две – с изображением животного с козлиными рогами (рис. 5) и две – с изображением дракона (рис. 6). Обнаружены также отдельные фрагменты (головы драконов) еще двух идентичных блях. Вес каждого из целых украшений составляет 80–100 г, длина 14,3–14,5 см, ширина в широкой части 7 см.

2. На пяти из 20 малых круглых блях (три в обломках) изображены животные с козлиными рогами, еще на четырех – с рогами оленя, на девяти – единороги и

два фрагмента изделий, обломанных в верхней части (рис. 7–9). Вес каждой ок. 30 г, диаметр 4,5 см.

3. Пять круглых (одна в обломках) серебряных бляшек с изображением свернувшегося ушастого животного (рис. 10). Вес каждой ок. 10 г, диаметр 2,5 см.

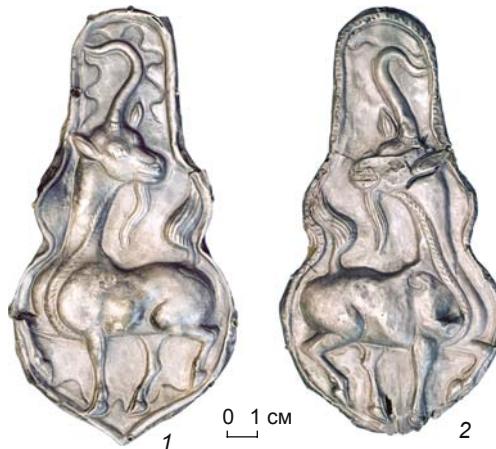
У некоторых серебряных блях из кург. 20 в Ноин-Уле сохранились небольшие фрагменты железной основы. Найдена одна круглая бронзовая литая бляха с изображением единорога (см. рис. 9, 5). В кург. 7 монгольника Царам также обнаружена бронзовая бляха грушевидной формы (см. рис. 1, 10). Несколько блях с территории Северного Китая имеют чугунную основу, обтянутую золотой фольгой [Vinkler, 2002, p. 54] (см. рис. 1, 1, 2). На рубеже эпох чугун был известен только в Китае (способ выплавки ковкого чугуна здесь открыли уже в III в. до н.э.); он использовался, в частности, для отливки художественных изделий [Кравцов, 2004, с. 152]. Бронзовые и чугунные литье пред-

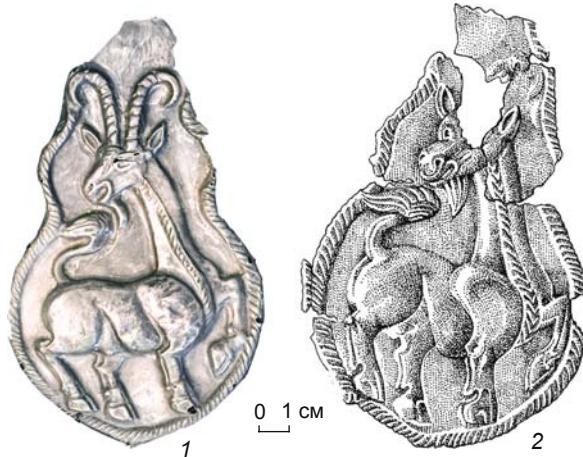
Rис. 2. Серебряные украшения конской упряжи in situ на полу погребальной камеры. Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

Rис. 3. Серебряные украшения с изображением драконов in situ на полу погребальной камеры. Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

Rис. 4. Серебряные бляхи с изображением единорога. Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

Rис. 5. Серебряные бляхи с изображением фантастического козла. Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

0 1 см

2

0 1 см

3

2

4

Рис. 6. Серебряные бляхи с изображением дракона.
Ноин-Ула, падь Суцзуктэ, кург. 20.

Рис. 7. Серебряные украшения конской упряжи с изображением фантастического козла. Ноин-Ула,
падь Суцзуктэ, кург. 20.

0 1 см

1

2

3

4

Рис. 8. Серебряные украшения конской упряжи с изображением фантастического оленя. Ноин-Ула,
падь Суцзуктэ, кург. 20.

1

2

3

4

5

5

6

7

8

9

Рис. 9. Серебряные украшения конской упряжи с изображением единорога. Ноин-Ула,
падь Суцзуктэ, кург. 20.

Рис. 10. Серебряные украшения конской упряжи с изображением свернувшегося зверя.
Ноин-Ула, падь Сүзүктэ, кург. 20.

меты могли являться как образцами для изготовления серебряных пластин, так и основой для последних.

Все серебряные украшения, по заключению Б.А. Абрамова – сотрудника сектора музейных технологий и реставрации ИАЭТ СО РАН, изготовлены чеканкой с выколоткой. Сначала на поверхность раскатанной серебряной пластины наносили рисунок, затем ее накладывали на воск, смолу либо другой пластичный материал и чеканами выбивали фон. Пластину обжигали на открытом пламени, чтобы серебро стало пластичным, и с обратной стороны деревянными чеканами выколачивали (тянули) рельеф. Добившись нужной глубины рельефа, мастер переворачивал пластину и опять ее обжигал, затем дорабатывал фон. И так несколько раз. На завершающей стадии контур изображения подрабатывался с помощью маленьких чеканов. Готовую серебряную пластину накладывали на железную основу и обжимали по контуру. Рельефные изображения драконов на бляхах дополнительно покрывали золотой фольгой. Над изготовлением одной большой бляхи мастер, хорошо владевший всеми профессиональными приемами художественной обработки металла, мог трудиться около месяца.

Серебро в Древнем Китае было редким и ценным металлом. Наряду с золотом оно использовалось для изготовления денег. Согласно письменным источникам, серебряные деньги в виде слитков получили хождение в конце эпохи Чжоу. На протяжении всех последующих династий серебро было одним из главных денежных средств в Китае. В ханьскую эпоху из него делали чаши и кубки, туалетные принадлежности и некоторые предметы погребальной пластики. Все изделия исполнялись в технике литья [Там же, с. 755, 759]. Серебряные изделия, на которые изображения нанесены китайскими мастерами чеканом с оборота, известны с эпохи Тан [Шеффер, 1981, с. 337]. Считается, что этот прием появился в Китае под влиянием согдийской торевтики [Маршак, 1971, с. 47–50]. Но техника чеканки была известна китайским умельцам задолго до эпохи Тан, свидетельством чему являются некоторые золотые изделия периода Борющихся царств [Кравцова, 2004, с. 757].

Грушевидная форма рассматриваемых нами блях, не имеющая аналогов в искусстве евразийских кочевников, – очевидно, китайское изобретение. Подсказкой могла послужить «исходно наделявшаяся особым магическим смыслом» форма тыквы-горлянки, которая была одним из самых распространенных мифологических и художественных образов среди плодов в древнем и средневековом Китае [Там же, с. 380]. Форма тыквы-горлянки придавалась сосудам и ювелирным украшениям. В даосско-религиозной обности тыква-горлянка, превратившись в сосуд для хранения эликсира бессмертия, стала эмблемой бессмертия и пожеланием долголетия [Там же, с. 380–381]. Нет ничего удивительного в том, что в Китае эта необычная форма придавалась украшениям упряжи коней.

Большие бляхи с единорогом из кург. 20 в Ноин-Уле, бляхи из Гол-Мода-1 и из ханьских погребений с территории Китая и Кореи (см. рис. 1, 5, 9, 12; 4, 1) украшены т.н. облачной лентой (драгоценные облака баоюнь для усиления благопожелательной символики). Этот орнамент, зооморфный по происхождению, на протяжении многих веков занимал одно из главных мест в китайском искусстве. Ко времени изготовления указанных украшений «облачная лента» «воспринималась уже как нейтральный фон, на котором помещались деревья, реально существовавшие и фантастические животные, божества сянь и т.д. Часто она рассматривалась как горный пейзаж» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 189]. На малых бляхах из Гол-Мода-1 на телах единорогов изображены стилизованные под языки пламени (Ян) крылья (см. рис. 1, 12). Присутствие этих элементов орнамента, характерных для китайского искусства и понятных только в его контексте, позволяет говорить о том, что бляхи – творения китайских мастеров.

Единорог – новая фигура среди изображений животных, известных по находкам из памятников хунну. Образ единорога теряется в глубине веков. Его первым воплощением считают изображение однорогого быка на печатах древних городов в долине Инда – Монхенджо-Даро и Харрапы (III тыс. до н.э.). Единорог упоминается в ряду значимых священных символов

в «Атхарваведе» и «Махабхарате». С древней индийской традицией связывается появление образа единорога в ближневосточных и европейских изобразительных системах [Иванов, 1991, с. 430]. Греческие и римские авторы рассматривали единорога как реально существующего зверя. Плиний Старший пишет: «Самый свирепый и яростный зверь из всех – это единорог, или “моноцерос”; туловищем он схож с лошадью, головою с оленем, ноги, как у слона, а хвост кабаний, ржет он отвратительным голосом, посреди лба торчит черный рог длиной в два локтя; говорят, что этого дикого зверя невозможно поймать живьем (VIII, 21)» (цит по: [Борхес, 1999, с. 53]).

«Белая лошадка с передними ногами антилопы, козлиной бородой и длинным, торчащим на лбу винтообразным рогом (таково обычное изображение этого фантастического зверя)», как отмечает Х.Л. Борхес, появится только в XIV в. [Там же, с. 55]. В геральдическом bestiarii средневековой Европы среди монстров и химерических животных такой единорог – один из наиболее часто встречающихся персонажей [Пастуро, 2003, с. 63].

Истоки образа единорога могут быть у всех общие, но у китайского единорога свои жизнь и легенда, отличающие его от европейского. Китайский единорог называется цилингом. Иногда название «цилинг» трактуется как сочетание двух слов: «ци» – самец, «линг» – самка. Есть предположение о том, что это название заимствовано в тохарском языке. Центрально-азиатский народ тохары уже в I тыс. до н.э. имел контакты с древними китайцами, при их посредничестве индийский образ единорога мог проникнуть в Китай [Иванов, 1992, с. 8–31].

Китайский единорог – тотемное животное, чрезвычайно важный символ, превосходящий по значимости свой аналог в европейских культурах. Он и сегодня остается одним из наиболее позитивных образов в традиционной культуре. Например, композиция «Цилинг, дарящий ребенка» (на спине единорога показан сидящий ребенок) является пожеланием супружеской паре рождения сына, а младенцу – блестящей карьеры [Кравцова, 2004, с. 395]. Изображение единорога на серебряных бляхах из погребений хунну соответствует словесному описанию, которое имеется в китайских источниках. Все описания составлены по архаическому принципу уподобления отдельных частей цилинга частям тела реальных животных: у цилинга тело оленя, но меньших размеров (либо тело косули), шея волка, хвост быка, один рог на лбу либо пара оленевых рогов, копыта коня (либо коровы), разноцветная (или бурая) шерсть, голова барана; по некоторым описаниям, у него есть крылья (например, см.: [Рифтин, 1979, с. 15, 101; 1992, с. 622; Кравцова, 2004, с. 396]).

На серебряных пластинах из курганов хунну изображен образ животного, напоминающего горного коз-

ла: у него голова, украшенная характерной бородой, но менее массивное тело и хвост быка. Бросаются в глаза неестественно вытянутые, длинные шеи животных с выделенной чеканкой линией пушистой шерсти*. Рог, расположенный ровно по центру черепа, на макушке, между ушами, не знает прототипа. Это странный загнутый назад крючок. Конечно, таким рогом никого поранить нельзя, что и является, судя по письменным источникам, особенностью настоящего цилинга. В китайской мифологии единорог – главный из всех зверей. В отличие от европейского, он – исключительно мирное, благородное животное, его неострый рог не может причинить никакого вреда. Один рог единорога символизирует единство государства либо единовластие государя. Считалось, что появление цилинга несло с собой умиротворенность и процветание в природе. В «Ши цзине» в стихотворении «Линь-единорог» цилинг предстает символом потомков княжеского рода. Согласно поверью, именно единорог принес на своей спине прародителю цивилизации Фу Си знаки, от которых произошли письмена [Малявин, 2000, с. 340]. В дошедшей до наших дней заговоре-песне отражены охранительные функции единорога:

О ты, Единорог!
Своим копытом
Ты наших сыновей храни!
О ты, Единорог!
О ты, Единорог!
Своим челом
Семью ты нашу сохрани!
О ты, Единорог!
О ты, Единорог!
Своим ты рогом
Ты род наш сохрани!
О ты, Единорог!

[Хрестоматия..., 1963, с. 428].

Единорог – символ добродетельной и мудрой личности – появляется на людях только во время всеобщего счастья и благоденствия, считается олицетворением гуманности, милосердия и благородства. Эмблема с изображением цилинга использовалась как знак различия военных чиновников первого (высшего) ранга [Кравцова, 2004, с. 395].

Все звери, запечатленные на серебряных бляхах, имеют определенный набор признаков реальных животных, но таковыми не являются, им не найти аналога в природе, хотя кажется, что каждый из них кого-то напоминает, да и выглядит вполне жизнеспособным. Так, на четырех малых бляхах изображены лежащие с подогнутыми ногами парнокопытные, с телом, кото-

*Понятно, что послужило основанием для отождествления цилинга с жирафом (впервые это сделал А.Д. Де Грот). Против подобной ассоциации выступил Б. Лауфер [Терентьев-Катанский, 2004, с. 71].

рое могло принадлежать оленю или козлу, но с бычьим хвостом, безбородыми невыразительными мордами с козлиными рогами (см. рис. 7). На двух больших бляхах показаны звери с неестественно длинной шеей, с бородатыми и рогатыми мордами козлов. Они стоят, подняв левую переднюю ногу (см. рис. 5). Над их небольшими плотными туловищами на коротких толстых ногах с мощными копытами поднимается бычий хвост с пышной кистью. Похожие «козлы» с пышными хвостами изображены на двух бляхах из кург. 7 могильника Царам (см. рис. 1, 10, 11). Четыре одинаковых, судя по рогам, молодых оленя (точно такие же «молодые» рога у оленя на бляхе из коллекции «азиатского искусства» Джонатана Тукера (см. рис. 1, 2)) и на пластине из кург. 6 в Ноин-Уле (см. рис. 1, 6). Все эти животные, изображенные с непропорционально большими головами и длинными шеями, имеют прямое отношение к единорогу. В древности самка единорога – линь – представлялась в виде белого оленя. По мнению Идзуси Есихико, образ цилинга развился на основе представлений об олене, в древних текстах цилинг упоминается наряду с оленями (см.: [Рифтин, 1992, с. 622]). Когда во дворце Ханьского императора У-ди чудесным образом появилось изображение марала, его истолковали как цилинга, знаменующего возвращение справедливости [Терентьев-Катанский, 2004, с. 71]. Известно, что один из судей императора Шуна владел «однорогим козлом», который отказывался нападать на должно обвиненного и бодал виновного [Борхес, 1999, с. 57]. Возможно, в образах фантастических животных на серебряных бляхах из кург. 20 в Ноин-Уле и их аналогах из других памятников выступают цинь и линь – самцы и самки цилингов – единорогов.

Рассматриваемые украшения, вероятно, являясь подарком императорского двора хунну, составляли часть «пяти приманок», которые должны были склонитьnomadov к повиновению. Подарки, на которых был запечатлен образ цилинга, наделенный в китайской мифологии многочисленными исключительно положительными характеристиками, могли передаваться самым высшим представителям хуннуской элиты – шаньюям – в «воспитательных» целях. Вероятно, эти изображения единорогов призваны не столько поднимать статус шаньюя, сколько указывать на его подчиненное положение. Чужие символы, наделенные большим мифологическим содержанием, закрепленным веками, в иной культуре, возможно, выполняли прямо противоположную роль.

Нельзя представлять себе хуннуских шаньюев совершенно не сведущими в области ханьской символики. Одни из них посещали императорский двор по приглашению, другие, находясь при дворе в качестве заложников, приобщались ко всем благам и тонкостям ханьской культуры, имели китайских жен, которые вместе со своим окружением являлись проводниками

культуры Срединной империи в среде хуннуской элиты. Не стоит забывать и о высокопоставленных китайских перебежчиках, а также пленниках, перешедших на службу хунну. Но, вероятно, даже зная о скрытой угрозе, которая заключалась в такого рода подарках, хунну использовали великолепные вещи по назначению – как украшения конской упряжи.

Возможно также, что в китайские изображения единорога хунну вкладывали свое содержание. В титулатуре местной племенной знати присутствует наименование десяти высших сановников из родственников шаньюя как четырех и шести «рогов» (подробнее см.: [Крадин, 2002, с. 143–144]). В скотоводческих обществах рога наделялись различными сакральными свойствами (в т.ч. свойствами оберега). «Вполне возможно, что семантика этой титулатуры (четыре рога – четыре части социума, четыре стороны света, четыре мировых дерева) является отражением хуннуской картины мироздания» [Там же, с. 205]. В таком социуме, каким являлось общество хунну, изображение единорога было вполне понятным и положительным символом. У средневековых тюрок, чьими предками, возможно, были хунну, почитался Булан – мифический единорог, его рог был вместилищем дождя и снега [Шеффер, 1981, с. 127].

На серебряных бляхах конской упряжи из кург. 20 в Ноин-Уле получил воплощение дракон, один из самых древних и самых распространенных синкретичных образов. Дракон в том или ином облике нашел себе место в различных культурах во всех частях света. Существует предположение, что образ дракона отражает реально существовавшие ископаемые рептилии. Так, определенное значение для сложения образа китайского дракона, возможно, имели останки вымерших животных – кости динозавров, которые находили в ряде регионов Китая, или диплодоков, обитавших в мезозое на территории Шаньдунского полуострова. «Кости дракона» с древности считались лекарственным средством, обладающим колоссальной мощью ян. Ли Ши-чжэнь – великий фармаколог и врач, живший в эпоху династии Мин (XV в.), автор эталонного труда по медицинским вопросам «Бэнь-цао ган-му» – приводит изображения этих «костей» (череп с рогами, напоминающий череп травоядного динозавра, несколько позвонков, лапа, частично мумифицированная) и упоминает о высохших трупах, сброшенной коже дракона. Он указывает места, где можно найти «драконьи кости», – в стенках обрывов, пещерах на берегах рек в провинциях Сычуань, Шаньси, Яньчжоу, Цанзчжоу, Тайшань [Терентьев-Катанский, 2004, с. 34; Фиссер, 2008, с. 99]. Обнаружение яиц динозавров могло послужить поводом для легенды о том, что драконы рождаются из яйца.

М.В. Фиссер пришел к выводу, что сегодня в Китае, как и в самые древние времена, дракон считается

водяным животным, родственным змее, обычно спящим зимой в прудах и просыпающимся весной. Это бог грома, воды, облаков и дождя, средоточие ян, символ императорской власти [2008, с. 43].

Изображения драконов, обнаруженные в кург. 20 в Ноин-Уле – одни из лучших как по композиционному решению, так и по передаче удивительно живого образа, который был создан древним мастером – топретом. Ноин-улинский дракон воплощает черты животных, птиц и рептилий. У него змеиное, покрытое волнистым узором изогнутое тело с распластанной задней частью в круглой чешуе, крылья и лапы тигра с острыми шпорами. На лапах – по три когтя (если было бы пять – это был бы уже императорский символ, три могли себе позволить принцы крови). Изогнутый тонкий хвост плавно переходит в рамку, окружающую все изображение. На загривке и крестце обозначены небольшие пряди волос. Морда – со свиным пятнечком, тонкой длинной бородкой, пышными бакенбардами, небольшими прямыми рогами и ушами, под выпуклыми надбровными дугами – выразительные большие человеческие глаза. Изображения драконов покрыты золотой фольгой.

Фигуры драконов, украшающие лошадь, придавали ей драконьи свойства (крылатая лошадь-дракон – один из популярных мифологических персонажей Хань). Крылатые драконы в древности возили легендарного мифического императора Хуан-ди и усмирителя потопа Юя, на них улетали бессмертные сянь [Там же, с. 88]. Изображения драконов входят в число 12 символических орнаментов священного императорского одеяния, они же присутствуют на императорских знаменах. Желтый дракон (его отличали желтый золотой цвет и пять когтей) основателем династии Хань был провозглашен официальной эмблемой императорской власти. Обнаруженные в кургане хунну серебряные бляхи с золотыми драконами не имеют прямых аналогов в искусстве эпохи Хань. Эти уникальные образы встречаются на более поздних вышивках на царских одеждах (например, см.: [Маявин, 2000, с. 340]).

Серебряные бляхи с изображениями Желтого (золотого) дракона с тремя когтями на лапах, найденные в погребении на севере Монголии, – еще один важный штрих к портрету неизвестного (или неизвестной) [Чикишева, Полосыма, Волков, 2009, с. 150], для которого был сооружен кург. 20 в Ноин-Уле. По китайским меркам, этот человек имел очень высокий социальный статус. Вероятно, такие символические изображения, как золотой крылатый дракон, могли быть преподнесены только шаньюю. Другое дело, что многие подарки, которые шаньюю получал от ханьского двора, обычно разделялись приближенным – на этом принципе держались его власть и авторитет в Степи. Поэтому только по составу погре-

бальной утвари определить, кто похоронен в столь величественном сооружении, каким оказался кург. 20 в Ноин-Уле, пока нельзя. Период, к которому относятся рассматриваемые нами находки и в который проходила жизнь хозяев этих вещей, – последние годы I в. до н.э. – первые десятилетия I в. н.э. В это время хунну активизировали свою внешнюю политику – регулярно совершили набеги на ослабленный нестабильной политической ситуацией Китай. Время правления узурпатора Ван Мана отмечено непрерывной чередой хуннуско-китайских войн. Хунну восстановили границу, существовавшую при первых шаньюях, захватили Западный край. За интересующий нас период у хунну сменилось несколько шаньюев. В 8 г. до н.э. к власти пришел Учжулю-жоди*. После его смерти в 13 г. н.э. на престол вступил Хянь. В 18 г. он умер, и шаньюем стал его брат Юй. Каждый из братьев мог быть погребен в кургане в горах Ноин-Улы. У каждого были свои взаимоотношения с Хань, каждого окружали близкие люди, которые находили последний приют рядом с могилами шаньюев. Среди близких могли быть выдающиеся военачальники не хуннуских племен и даже китайцы. Известно, например, что в 10 г. н.э. ряд крупных китайских военачальников из Западного края перешел на сторону хунну. Некоторые из них получали пышные титулы и занимали соответствующее положение в кочевом обществе [Материалы..., 1973, с. 56–57]. В погребениях с такими статусными ханьскими вещами, как рассматриваемые нами серебряные бляхи с единорогами и драконами, могли быть похоронены и они.

Выводы

Серебряные бляхи – украшения конской упряжи, обнаруженные в богатых курганах на территории могильников хунну, были изготовлены китайскими мастерами. Эти вещи предназначались не столько для дарения кочевникам, сколько для внутреннего использования.

Подобные изделия встречаются, кроме хуннуских могил, только на территории ханьского Китая. Это случайные находки и вещи из погребальных комплексов. Пять блях с изображением единорога обнаружено в погребении на территории уезда Силинь в Гуанси-Чжуанском автономном районе Китая (см. рис. 1, 9) [Погребение..., 1978, с. 45, 49, рис. 3]. Еще две бляхи

*Считается, что именно он похоронен в кург. 6 могильника в Ноин-Уле; доказательства – богатство кургана и надпись на китайской лаковой чашечке, датированной 2 г. до н.э. По письменным источникам известно, что во 2 г. до н.э. он (Учжулю) был принят императором и получил много богатых даров [Бернштам, 1937, с. 956–963].

с изображением крылатых газелей находились в ханьской могиле № 1 в д. Сюйцуньган уезда Ци пров. Хэнань (см. рис. 1, 8) [Краткий отчет..., 2000, с. 42, рис. 11]. Двенадцать крупных серебряных инкрустированных блях с изображением, вероятно, единорога-хищника, зафиксировано при раскопках мог. 219 памятника Согамни в Наньшань (Северная Корея) (см. рис. 1, 4) [The ancient culture..., 2001, cat. 51]. Несколько таких предметов из случайных находок на территории Северного и Северо-Восточного Китая хранится в частных собраниях (см. рис. 1, 1–3). Это далеко не полный список известных сегодня металлических блях – украшений конской упряжи в форме тыквы-горлянки с изображениями фантастических животных, которые входят в китайский бестиарий (драконы, единороги, лошади-драконы, фениксы, олени). Многие изображения включают типично китайские элементы украшений в виде «облачных лент». Вещи, подобные найденным в кург. 20 в Ноин-Уле, пока не обнаружены западнее Монголии. Вероятно, их ареал максимально приближен к месту изготовления.

Все металлические детали конского снаряжения, обнаруженного в элитных хуннуских курганах, – медные, покрытые золотой амальгамой псалии и налобники, подпружные пряжки и удила – китайского производства, имеют широкий круг аналогов. Очевидно, вся конская упряжь, в т.ч. украшения, которую находят в богатых хуннуских могилах, была подарком китайского двора шаньююм.

Список литературы

Алексеева Э.В., Шавкунов Э.В. Изображение овцевька из Ноинулинского могильника // Древний и средневековый Восток. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1984. – Ч. 1. – С. 3–11.

Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.

Бернштам А.Н. Гуннский могильник Ноин-ула и его историческое значение // Изв. АН СССР. – № 4. – С. 947–968.

Боровка Г.И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 22–40.

Борхес Х.Л. Книга вымыселенных существ. – СПб.: Азбука, 1999. – 169 с.

Иванов В.В. Единорог // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 429–430.

Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1992. – С. 8–31.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.

Крадин Н.Н. Империя хунну. – М.: Логос, 2002. – 312 с.

Кравцова М.Е. История искусства Китая. – СПб.: Лань: Триада, 2004. – 960 с.

Краткий отчет о раскопках погребения № 1 эпохи Хань в провинции Хэнань, уезд Ци, деревня Сюйцуньган // Каогу. – 2000. – № 1. – С. 38–44 (на кит. яз.).

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.», 1994. – 326 с.

Маливин В.В. Китайская цивилизация. – М.: Астрель, 2000. – 618 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1973. – 178 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1971. – 191 с.

Миняев С.С. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 49–58.

Пастуго М. Геральдика. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 144 с.

Погребение с бронзовыми барабанами у зерновой станции Путо в уезде Силинь Гуанси-Чжуанского автономного района // Вэнъу. – 1978. – № 9. – С. 43–51 (на кит. яз.).

Рифтин Б.Л. От мифа к роману. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Рифтин Б.Л. Цилинь // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 621–622.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Сосновский Г.П. Дэрестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.; Л.: Наука, 1935. – № 1/2. – С. 168–176.

Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. – СПб.: Формат, 2004. – 224 с.

Хрестоматия древней истории Востока. – М.: Вышш. шк., 1963. – 544 с.

Фиссер М.В. Драконы в мифологии Китая и Японии. – М.: Профит Стайл, 2008. – 272 с.

Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 145–150.

Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1981. – 608 с.

Щукин М.Б. О фаларах так называемого греко-бактрийского стиля (к проблеме контактов Восток–Запад) // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 137–161.

Bunker E.C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. – New Haven; L.: The Metropolitan Museum of Art; N.Y.: Yale University Press, 2002. – 233 p.

Desroches J.-P. La mission archéologique française en Mongolie. Bilan de quinze années de collaboration franco-mongole // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seul: National Museum of Korea, 2007. – P. 190–202.

The ancient culture of Nangnang. – Seul: The National Museum of Korea and Sol Publication Co, 2001. – 294 p.

УДК 903.3

В.А. Борзунов¹, В.И. Стефанов¹, И.Г. Глушков²¹*Уральский государственный университет им. А.М. Горького**пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия**E-mail: borzunov@usu.ru; PNIAL@usu.ru*²*Сургутский государственный педагогический университет**ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия*

БЫСТРЫЙ КУЛЬЁГАН-38 – УКРЕПЛЕННОЕ ЖИЛИЩЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ*

В 2000 г. археологами Екатеринбурга и Сургута раскопана сохранившаяся часть (380 м²) укрепленного поселения-жилища эпохи бронзы, расположенного на р. Быстрый Кульёган (правобережье Оби), в 35 км к западу от Сургута. Первоначальные размеры поселения – ок. 650 м². Одиночное жилище находилось на небольшом песчаном мысу, было защищено с напольной стороны дуговидным рвом, а по периметру, вероятно, оборонительной бревенчатой стеной. Постройка в плане прямоугольная, по общей форме близка высокой усеченной пирамиде со скругленными углами; конструкция каркасно-столбовая с вертикальными опорными столбами, наклонными стенами, сложенными из бревен и жердей, и плоской либо очень низкой двускатной крышей, наподобие тех, что встречаются у традиционных хантыйских наземных жилищ и надмогильных «домовин». Основание стен было укреплено снаружи песчаной завалинкой. Основную площадь помещения занимал прямоугольный котлован с вертикальными стенками высотой 0,4–0,9 м, обшитыми полубревнами или плахами. Вдоль них располагались деревянные нары-«лежанки». Возведенное пространство между котлованом и основанием стен жилища использовалось для хранения посуды, инвентаря и припасов. К находкам эпохи бронзы относятся 33 предмета из камня и 1 640 фрагментов минимум от 25 сосудов кульёганского типа. Сосуды баночной формы, плоскодонные, орнаментированы гребенчато-ямочными узорами. Памятник предварительно датирован первой половиной или первой третьей II тыс. до н.э.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульёган, укрепленное жилище, эпоха бронзы, керамика кульёганского типа.

Введение

За последние три-четыре десятилетия в Сургутском Приобье выявлено огромное количество археологических памятников, датируемых от неолита до позднего средневековья. Только в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) их известно сейчас ок. 2 тыс. Многие древние объекты

располагаются на возвышенных участках побережий озер, однако в большинстве своем они тяготеют к водотокам, причем не только крупным (Обь, Большой Юган, Тромъёган), но и питающим их малым. Таких малых рек – протяженностью менее 100 км, имеющих бассейн площадью до 2 тыс. км², расположенных в пределах одной географической зоны – в таежном Обь-Иртышье сотни. Речка с русско-хантыйским названием Быстрый Кульёган, на берегу которой находится интересующий нас памятник, протекает в 35–40 км к западу от Сургута. Она берет начало из оз. Кульёганлор, имеет длину 59 км, площадь бассейна 421 км², впадает с левой стороны в

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 10-06-00405-а, и гранта губернатора Ханты-Мансийского автономного округа, проект «Археологический феномен малых рек».

р. Минчимкина. Последняя через 12–13 км соединяется с правобережной обской протокой Ионина (рис. 1). Это типичная для среднетаежной подзоны река, текущая по заболоченной пойме, сильно меандрированная, на отдельных участках приближающаяся то к одному, то к другому коренному берегу, шириной 10–15 м и глубиной до 1,5–2,0 м.

У ничем внешне не выдающейся речки Быстрый Кульёган или, как ее часто называют, Быстришки есть одна замечательная особенность: в ее среднем течении на отрезке длиной ок. 20 км открыто более 155 местонахождений, включающих объекты одной или нескольких эпох. Столь высокая концентрация археологических памятников на малой реке – явление, может быть, не уникальное, но отнюдь не рядовое и, безусловно, заслуживающее внимания. Интересен другой факт: на Быстришке и ее левом притоке р. Серебрянке зафиксировано крупное скопление оригинальных поселений эпохи бронзы – т.н. укрепленных жилищ [Борзунов, 1995, 1997, 1999]. Обычно они сильно рассредоточены, но здесь их выявлено восемь, притом что на территории Сургутского р-на таких объектов известно всего 11 (рис. 1). Поскольку обследование реки не завершено, число подобных памятников может возрасти. Оригинальны не только поселения, но и, как будет показано ниже, происходящий с них керамический материал. В 2000 г. объединенной экспедицией Уральского государственного университета (УрГУ, г. Екатеринбург) и Сургутского государственного педагогического ин-

ститута (ныне – университета) было проведено стационарное исследование поселения Быстрый Кульёган-38 (руководитель раскопок – В.А. Борзунов; см.: [Борзунов, Погодин, 2001]).

Описание памятника и результатов раскопок

Поселение Быстрый Кульёган-38 открыто археологами УрГУ в 1994 г. [Погодин, 1995, с. 48–52; Борзунов и др., 1996]. Оно располагалось на мысовидном песчаном выступе правого коренного берега реки. Выступ ныне узкий, подтрапециевидный, с покатыми склонами, высотой 4,0–4,5 м, ориентирован по линии ССЗ – ЮЮВ (рис. 2). Общие размеры мыса 60 (65)×20 (40) м, верхней площадки – 45×10 (25) м. Его центральную и южную части занимали остатки укрепленного жилища эпохи бронзы. Когда-то река огибала мыс с западной стороны, но после отделения старого меандра и образования новой излучины стала интенсивно подмывать мыс с противоположной стороны. Отделившись от русла меандра постепенно превратился в старицу. Новое русло реки уничтожило юго-восточную часть выступа и половину остатков укрепленного объекта. До раскопок на поверхности мыса прослеживались следы жилищной впадины в виде заплывшего треугольного углубления 17 (18)×10 (12)×0,15 (0,3) м, оконтуренного с севера шишковидным валом 15 (16)×5×0,8 (1,0) м, с запада и юго-

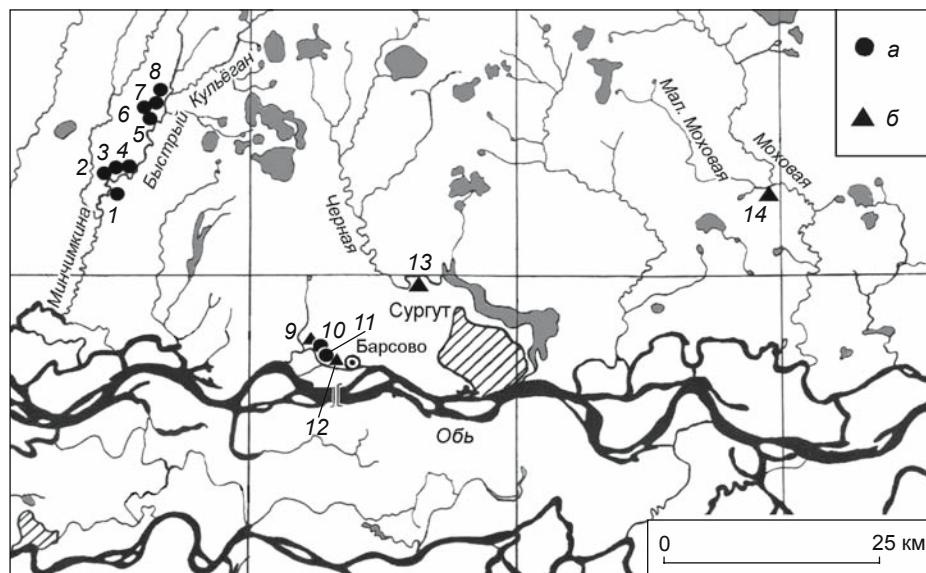

Рис. 1. Поселения кульёганского типа в Сургутском Приобье.

1 – Быстрый Кульёган-2; 2 – Быстрый Кульёган-38; 3 – Быстрый Кульёган-40; 4 – Быстрый Кульёган-44; 5 – Быстрый Кульёган-73; 6 – Быстрый Кульёган-77; 7 – Быстрый Кульёган-100; 8 – Быстрый Кульёган-105; 9 – Барсова Гора II/8 (ранний слой); 10 – Барсова Гора II/37, объект 1; 11 – Барсова Гора II/22; 12 – городище Барсов Городок II/14 (ранний слой); 13 – Чернореченское I; 14 – Малая Моховая I.

a – укрепленное жилище; *b* – селище.

запада – более покатым и низким – 24 (26)×4 (5)×0,5 (0,6) м. Северную полу вала прорезала круглая впадина диаметром 2,1 м, глубиной 0,4 м, оставшаяся от древней охотничьей ловчей ямы. Близкое по размерам и форме углубление находилось в северо-восточном углу укрепления. К началу раскопок оно было разрушено в результате продолжающейся эрозии террасы. Третья такая же яма диаметром 1 м, глубиной 0,5 м отмечена в 13 м к югу от укрепления на поверхности короткого (25 м) и узкого (10–15 м) перешейка, соединяющего мыс с коренной террасой. С южной стороны укрепленного объекта к валу примыкала узкая (1,1 м) и мелкая (0,2 м) канавка протяженностью 4 м, представлявшая собой западный отрезок оборонительного рва. Общие размеры различимого на поверхности объекта составляли 30×5 (20) м (рис. 2).

Можно не сомневаться в том, что во время строительства и функционирования большого жилища мыс имел иную конфигурацию. Вероятно, он был под треугольной формой, а постройка занимала площадь не менее 650 м² и была защищена с напольной стороны рвом. Остатки кратковременной неолитической стоянки, обнаруженной в ходе раскопок, в рельефе не прослеживались. Поверхность была покрыта лесной подстилкой и ягелем, на валу и западном склоне мыса росли редкие большие сосны.

При обследовании памятника в 1994 г. в обрыве берега зафиксированы следы оборонительного рва, обваловки стен, жилищного котлована (рис. 3) и расположенного в его центре, по-видимому, наземного очага. Очажная линза состояла из наслойений коричнево-буровой и серой углистой супеси с остатками органики. Под обрывом и в шурфе найдено ок. 200 фрагментов керамики эпохи бронзы, обломок неолитического сосуда и четыре каменных предмета. В результате предпринятых в 2000 г. раскопок на площади 380 м² (см. рис. 2, 3) вскрыты вся сохранившаяся часть поселения эпохи бронзы, северная ловчая яма (уч. Б–В/9) и еще одна яма, не фиксированная на поверхности (уч. В–Г/9). Под развалинами укрепления и на стрелке мыса обнаружены остатки культурного слоя неолитической стоянки [Борзунов, 2001; Борзунов, Погодин, 2001].

Стратиграфия памятника (рис. 4–8). Поверхность мыса была покрыта тонкой лесной подстилкой, состоявшей из хвойного опада, лишайников, темно-коричневого гумуса и древесного тлена. Ниже следовали пласти супеси черного и темно-серого цвета, пепельно-серого подзола, далее – переотложенные пески (расплывшаяся обваловка стен жилища, заполнение жилищной впадины, рва и разновременных ям). В валу и нижней части оборонительного рва фиксировались прослойки углистой супеси – остатки бревенчатых стен постройки эпохи бронзы. Такая же темноокрашенная супесь прослеживалась по кра-

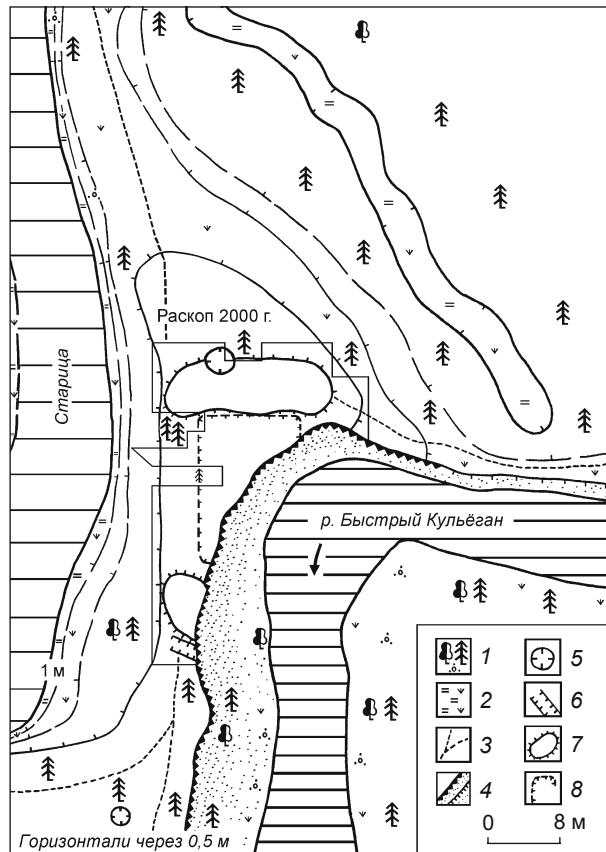

Рис. 2. Ситуационный план памятника Быстрый Кульган-38. Съемка В.А. Борзунова 2000 г.

1 – лес, кусты; 2 – заболоченная пойма; 3 – тропы; 4 – обрыв и край террасы; 5 – впадина, остатки охотничьей ямы-ловушки; 6 – ров; 7 – вал, обваловка стен жилища; 8 – котлован жилища.

ям котлована жилища (остатки деревянной опалубки его песчаных стенок и сгоревших нар-«лежанок») и в заполнении ямок (следы крепежных и несущих столбов). Под всеми этими наслойениями за пределами жилого котлована, ям и рва залегал тонкий горизонт погребенного подзола (дневная поверхность эпохи бронзы), ниже которого локально сохранился слой розово-охристого песка с неолитической керамикой. Общая мощность культурных отложений на мысу составляла от 0,5 до 1,2 м. Верхний горизонт материка представлен желтым и темно-желтым иллювиальным песком с сероватыми углистыми включениями, ниже – стерильными белыми песками с прослойками яично-желтого, серо-желтого, коричневатого и иного цвета. В ряде случаев нижняя граница подзола была оконтурена пластами и клиньями ортзанда, прорезавшими расположенные ниже культурные и материковые слои.

В пределах жилищной впадины верхние пепельно-серые подзолы с ржавыми пятнами ортзанда переходили в переотложенные пески, «окрашенные» окис-

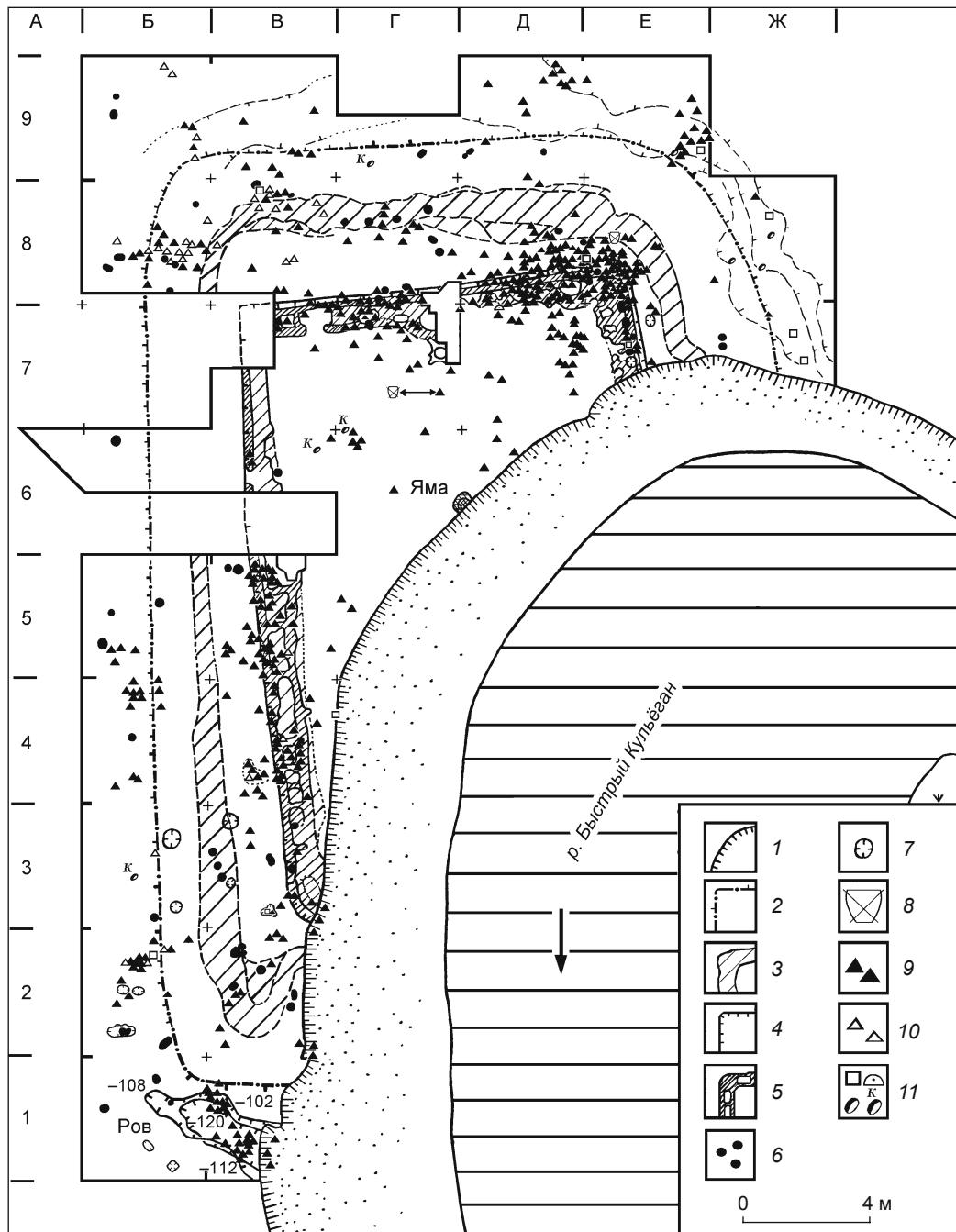

Рис. 3. План раскопа. Съемка В.А. Борзунова 2000 г.

1 – обрыв и песчаная осыпь; 2 – внешняя граница завалинки – расплывшейся обваловки основания стен жилища; 3 – полоса углистой супеси (остатки основания стен постройки); 4 – котлован жилища; 5 – остатки сгоревших деревянных нар; 6 – ямки от столбов; 7 – ямы; 8 – раздавленный сосуд; 9 – орнаментированная керамика; 10 – черепки без орнамента; 11 – каменные предметы и отщепы.

лами железа в красно-желтые, оранжево-желтые и буро-болотные тона, ниже залегали розовато-желтые, красно-желтые и желто-серые супеси (нижний горизонт заполнения котлована и пол жилища), далее – темно-желтые и серо-желтые иллювиальные пески.

На некоторых участках на дне котлована прослеживались тонкие линзы погребенного подзола, а под ними – желтые и белые материковые пески. Общая мощность культурных отложений в пределах помещения варьировала от 35 до 90 см. Вдоль северного

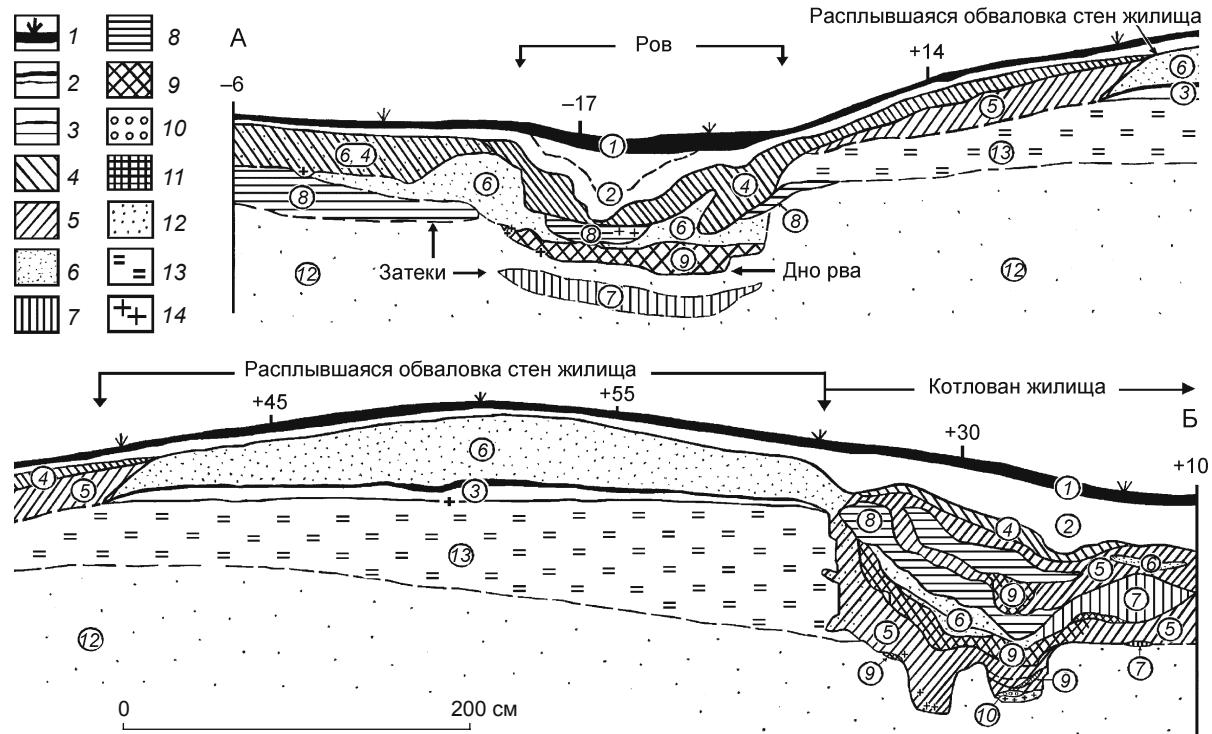

Рис. 4. Разрез рва, обваловки стен и юго-западного угла котлована жилища (обрыв террасы). Съемка В.А. Борзунова 1994 г. Нумерация слоев соответствует принятой в отчете [Погодин, 1995, рис. 72, 137].

1 – лесная подстилка (хвойный опад, мох, гумус); 2 – верхние черный и пепельно-серый подзолы; 3 – погребенный подзол (древняя почва); 4 – светло-коричневые, ржавые и бурье органды; 5 – желтый переотложенный песок; 6 – светло-желтый переотложенный песок; 7 – желто-серый углистый песок; 8 – серый и светло-серый углистые пески; 9 – темно-серый и черный углистые пески; 10 – розово-охристый песок; 12 – материковый белый песок; 13 – материковый желтый песок; 14 – угли.

края котлована под остатками «лежанок» прослеживались канавообразные затеки в виде насыщенных истлевшей органикой бурых, буро-желто-коричневых и иного цвета песков.

Раскопанные объекты. Они относятся к трем эпохам: камня (неолитическая стоянка с комплексом кварцевых орудий и керамикой быстринского типа), бронзы (укрепленное жилище) и железа (средневековая ловчая яма). Еще одна промысловая (?) яма датируется концом неолита – началом бронзового века.

Поселение эпохи бронзы. Одиночное наземное жилое сооружение площадью ок. 450–480 м² (см. рис. 3) располагалось на поверхности мыса и было ориентировано по его продольной оси. Данный объект включал следующие основные элементы: жилой котлован и «заплечники» по его краям (интерьер, помещение); остатки стен, несущих столбов и обваловку стен постройки (общая конструкция жилища); ров и предположительно дополнительную защитную стену (система обороны).

Интерьер жилища. Жилое помещение имело размеры 23 (24)×14 м. Основную его часть занимал прямоугольный котлован (20×13 м). От него сохранились западная и северная стенки, частично – северо-восточная,

юго-западный угол и менее половины дна. Котлован выкопан от уровня древней поверхности на глубину 0,4–0,6 м, а в отдельных местах – до 0,9 м. Участки погребенной почвы сохранились по краям («заплечникам») углубления и под обваловкой стен жилища, состоявшей из грунта, вынутого при сооружении котлована. Его стенки строго вертикальные, в древности были обшиты полубревнами или колотыми плахами прямоугольного сечения. Вдоль них располагались деревянные нары-«лежанки» шириной 1,0–1,5 м, высотой ок. 0,4 м. Остатки крепиды стенок котлована отчетливо фиксировались от его верха до среднего горизонта в виде углистой полосы шириной 10–30 см, ниже они сливались с остатками сгоревших нар. Последние прослеживались до дна углубления в виде двух параллельных темно-серых углистых полос шириной 20–40 см, соединенных через определенные промежутки (0,5–2,0 м) углистыми перемычками такой же или менее интенсивной (светло-серой, серой, серо-желтой) окраски (см. рис. 3, 4, 6, 8). По-видимому, «лежанки» (точнее, серия соединенных между собой в одну линию помостов) были сооружены из двух параллельных рядов отесанных бревен подпрямоугольного сечения, уложенных в два венца и со-

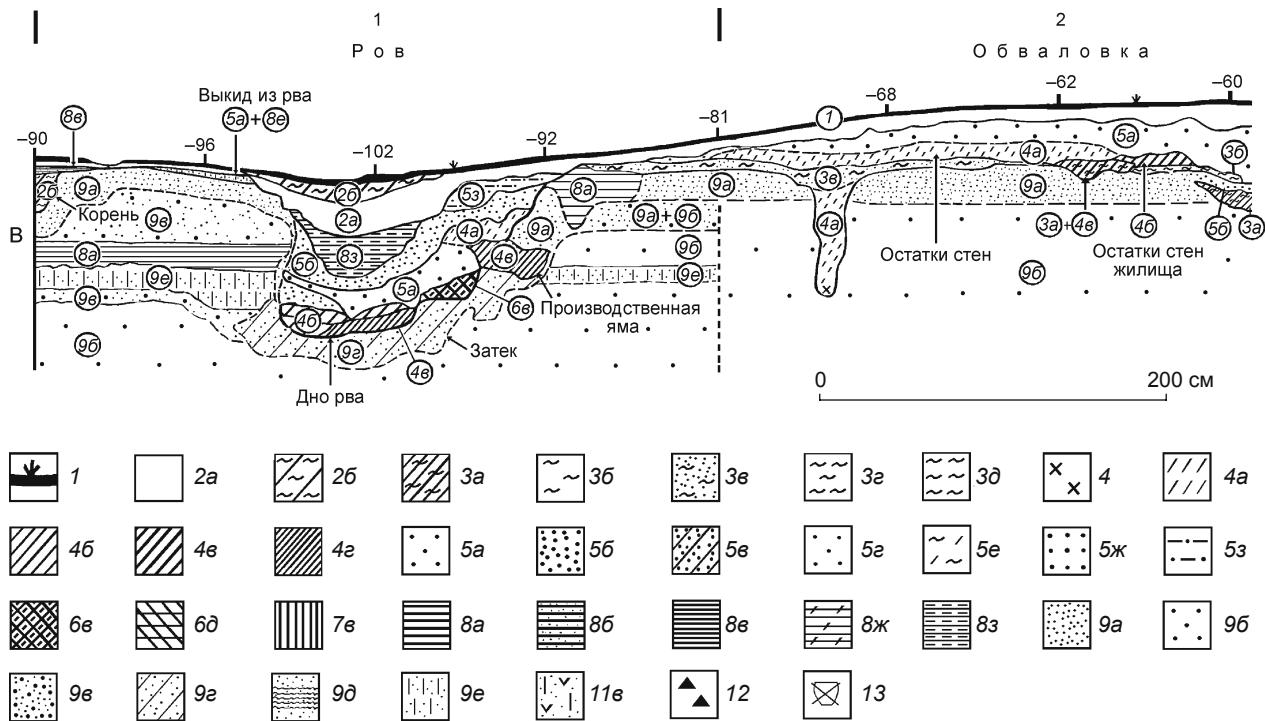

Рис. 5. Разрезы рва и обваловки стен жилища (западная стенка уч. В/1–2). Съемка В.А. Борзунова 2000 г.

Нумерация слоев соответствует принятой в отчете [Борзунов, 2001, рис. 7].

1 – лесная подстилка (хвойный опад, мох, гумус); 2а – верхние пепельно-серый и белый подзолы; 2б – верхний черный углистый подзол; 3а – погребенные серый и темно-серый подзолы; 3б – погребенные светло- и бело-серый подзолы; 3в – погребенный желто-серый подзол; 3г – погребенные белый и ярко-белый подзолы; 3д – погребенные светло- и бело-желтые подзолы; 4 – угли; 4а – светло-серый и бело-серый углистые пески; 4б – серо-желтый и серый углистые пески; 4в – темно-серый углистый песок; 4г – черный углистый песок; 5а – переотложенный светло-желтый песок; 5б – переотложенные желтый и темно-желтый пески; 5в – темно-желтый песок; 5г – бело-желтый песок; 5е – серовато-желтый с углистыми включениями песок; 5ж – мелкозернистый белый песок; 5з – желтый с коричневым оттенком песок; 6в – буро-серая супесь; 6д – буро-болотный песок; 7в – прокаленный оранжево-розовый песок; 8а – светло-коричневый ортзанд; 8б – коричнево-ржавый ортзанд; 8в – темно-желтый и оранжево-желтый ортзанды; 8ж – серо-бежевый ортзанд; 8з – кремовый ортзанд; 9а – материковый темно-желтый песок; 9б – материковые белый и светло-желтый пески; 9в – материковые светлый серо-желтый и бело-серый пески; 9г – серо-желтый иллювиальный песок; 9д – материковый яично-желтый слоистый песок; 9е – материковый кремово-желтый песок; 11в – розово-желтый и красно-желтый пески; 12 – керамика эпохи бронзы; 13 – раздавленный сосуд эпохи бронзы.

единенных распорками. Поверхность нар собиралась из тонких жердей и, вероятно, покрывалась шкурами животных. У северной и восточной стенок котлована между материковыми песками и остатками деревянной крепиды прослеживалось небольшое пространство (6–12 см), засыпанное переотложенным песком.

В нескольких местах на дне котлована вдоль его стенок в пределах углистой полосы были выявлены ямки от столбов. Особый интерес представляют углубления, примыкающие к стенкам. К ним относятся заполненные черной углистой супесью ямы в юго-западном углу котлована на уч. В/3, ямка № 45 на том же участке, ямка между участками Г/8 и Д/8, а также серия углублений на уч. Е/7 (см. рис. 3, 4). Мы полагаем, что все они остались от столбов каркаса, поддерживающих кровлю жилища и одновременно укреплявших нары и деревянную обшивку стенок котлована.

Дно впадины под остатками «лежанок» ровное, горизонтальное, покрыто слоем черной углистой супеси. Возможно, это следы сгоревшего пола или покрытия «лежанок». В других частях углубления дно также относительно ровное (см. рис. 4, 6, 8). Это, а также наличие участков погребенного подзола в центре котлована свидетельствуют о том, что пол помещения имел какое-то покрытие. Для стационарных круглогодичных жилищ это является правилом.

В центральной части помещения находилась округлая в плане хозяйственная (?) яма диаметром и глубиной ок. 0,65 м, выкопанная в материковом песке и наполовину разрушенная обрывом (см. рис. 3). Ее стенки практически отвесные, дно округлое. Основное заполнение – насыщенный угольками песок буро-болотного цвета. Находок в яме не было. К юго-западу от нее залегал слой коричневой супеси, насыщенный

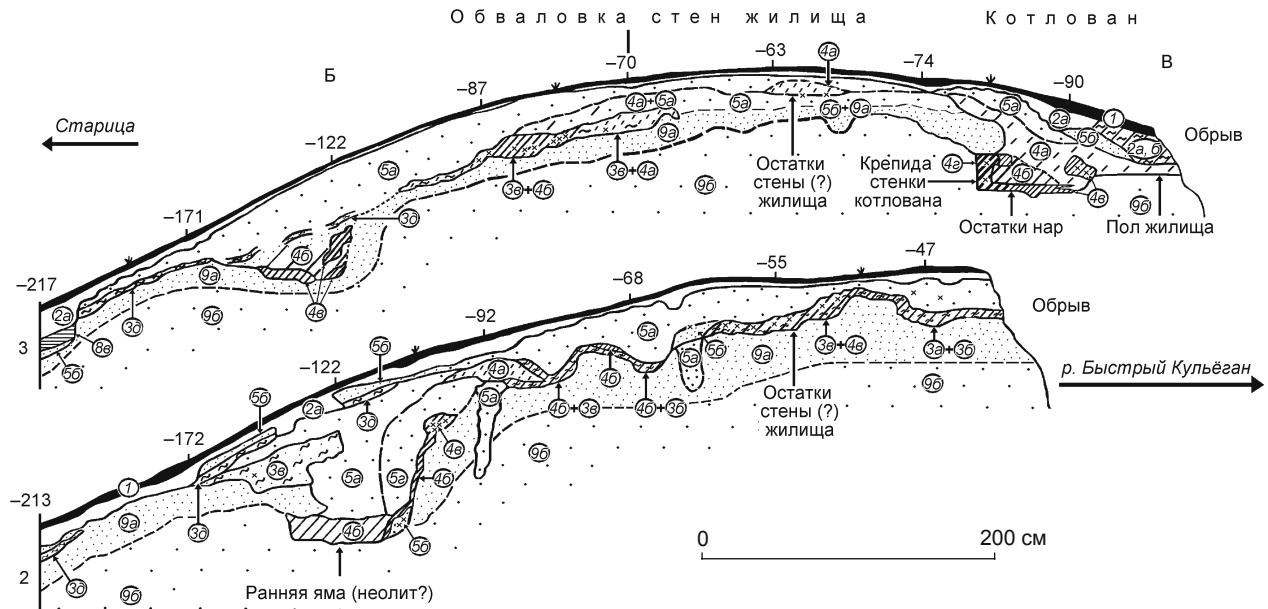

Рис. 6. Разрезы обваловки стен жилища и остатков сгоревших нар в котловане (западные стены участков Б–Б/2, Б–Б/3). Съемка В.А. Борзунова 2000 г.
Усл. обозн. см. рис. 5.

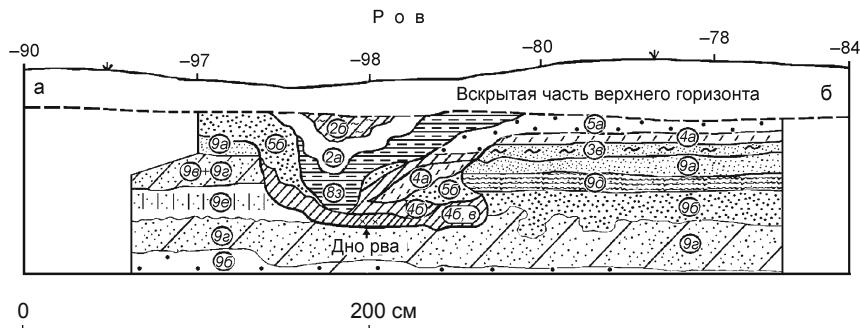

Рис. 7. Профиль нижней части рва (уч. В/2). Съемка В.А. Борзунова 2000 г.
Усл. обозн. см. рис. 5.

мелкими кальцинированными косточками, протяженностью более 1 м. Рядом с этим местом ранее находился уже упоминавшийся разрушенный центральный очаг жилища.

Пространство между котлованом и стенами постройки представляло собой возвышенную часть помещения, ее ширина 1,2–2,5 м, площадь ок. 80 м² (см. рис. 3–6, 8). В процессе строительства жилища и укрепления его стен на этот подиум было насыпано немного песка, вынутого из котлована.

Основная масса находок – керамика и единичные каменные предметы – была сосредоточена вдоль стен котлована, часть – на его «заплечиках» (см. рис. 3). Нары служили местом отдыха, под них же во время периодических чисток помещения заметали мусор,

в т.ч. битую посуду. Кроме того, нары и пространство рядом с ними являлись территорией наиболее интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности в пределах жилища. Песчаная платформа по краям котлована использовалась для хранения хозяйственного инвентаря и посуды. Наибольшая концентрация артефактов отмечена в северо-восточном углу помещения, представлявшем особую хозяйственную зону, по-видимому, максимально удаленную от входа в жилище. В центре котлована находки редки.

Общая конструкция жилища. Постройка реконструируется как бревенчатая, каркасно-столбовой конструкции, в плане прямоугольная (длина 24 м, ширина 18–20 м), по общей форме близкая высокой усеченной пирамиде со скругленными углами. Наклон-

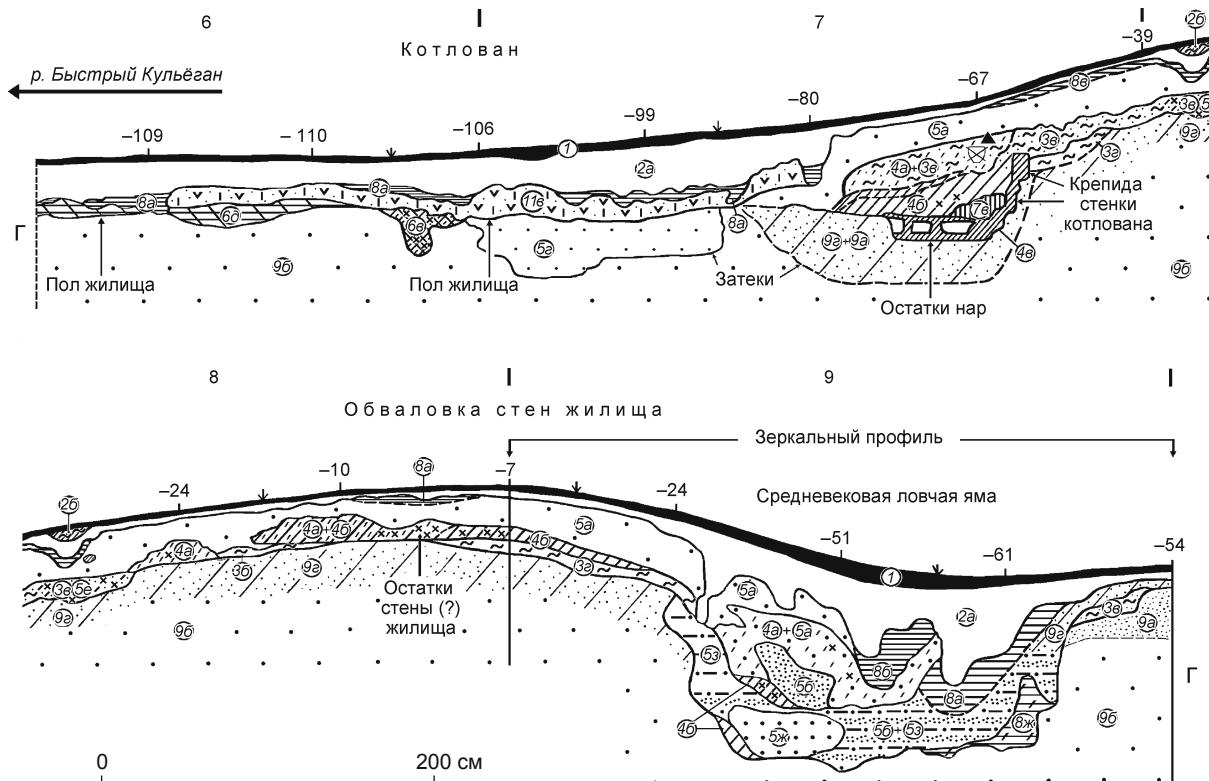

Рис. 8. Разрезы обваловки стен жилища, остатков сгоревших нар в котловане (западные стенки участков Г/6–9) и средневековой ямы-ловушки. Съемка В.А. Борзунова 2000 г.
Усл. обозн. см. рис. 5.

ные стены жилища, составленные из бревен и жердей, опирались на внешний край системы деревянных рам, установленных на вертикально вкопанных столбах, находившихся в пределах помещения. Те же рамы, покрытые жердями, колотыми плахами, полотнищами бересты, корой, дерном и мхом, составляли крышу (перекрытие) постройки. Она была плоская или, скорее всего, очень низкая двускатная, наподобие тех, что встречаются у традиционных хантыйских наземных жилищ и надмогильных «домовин». Основание стен было укреплено с обеих сторон песчаной насыпью, а снаружи, возможно, бревнами, уложенными горизонтально в одну линию.

В заполнении расплывшегося вала обнаружены ямки от столбов и углистые слои – остатки сгоревших бревенчатых конструкций. Линия стены дома проходила по оси вала на расстоянии 1,2–2,5 м от края котлована. При раскопках основание стены фиксировалось в виде углистой полосы шириной от 0,4 до 2,5 м, толщиной 0,05–0,23 м, залегавшей в среднем и нижнем горизонтах светло-желтой песчаной насыпи (см. рис. 3). По мере приближения к основанию вала интенсивность окраски углистой полосы нарастала – от светло-серых, бело-серых и серых тонов до темно-серых и черных. Стены не были

углублены в грунт, о чем свидетельствуют отсутствие характерной канавки под валом и практически ненарушенный горизонт древней почвы (см. рис. 4–6, 8). В древности общая ширина обваловки стен, по-видимому, составляла 3,0–4,5 м, ширина внешней «зашвалинки» – до 2, а ее высота – ок. 1 м. Об этом косвенно свидетельствует приходящийся на 80–88 м периметра стен постройки объем грунта, вынутого из котлована ($96–120 \text{ м}^3$), оборонительного рва и мелкой (0,3 м) канавки шириной 1,5–1,7 м с северной стороны вала. Еще одним элементом, характеризующим общую конструкцию постройки, является серия округлых ямок, часть из которых могла оставаться от столбов каркаса жилища. Речь идет о 19 ямках, расположенных в котловане на расстоянии до 2,5 м от его стенок. Их размеры варьировали от 10 до 25 см в диаметре и от 4 до 35 см по глубине. Для сравнения: на «заплечниках» котлована было зафиксировано 30 ямок, а в пределах всего раскопа – более 90 углублений искусственного и естественного происхождения. С учетом необходимости создания воздушной тяги для костров и максимального прогрева помещения в зимний период высота несущих столбов и всего жилища от дна котлована вряд ли превышала 3,5 м, а от окружающей поверхности – 2,5 м. При

этом угол наклона стен мог быть ок. 45° . Вход в жилище на раскопанных участках не обнаружен. Вероятно, он находился с южного торца постройки, разрушенного рекой.

Система обороны. С южной стороны поселение было защищено дуговидным (?) в плане и трапециевидным в сечении рвом с уплощенным дном (см. рис 3–8). Ширина на сохранившемся отрезке 2 м, глубина 1,0–1,2 м. В отличие от рвов других укрепленных жилищ эпохи бронзы, этот не пересекал весь мыс. Между западным концом рва и бровкой террасы строители оставили перемычку шириной 3–4 м. Мы предполагаем, что здесь находился вход на площадку поселения, оформленный воротами, а вся постройка была обнесена забором типа заплата или тургэ (бревенчатая стена с опорой на растущие деревья), от которого на западном склоне мыса сохранились различной глубины ямки от столбов. Без такой оборонительной стены сооружение рва, тем более незамкнутого, бесмысленно: низкие берега реки не являлись серьезной преградой для возможного противника. Северо-западный склон мыса был эскарпирован. С северной стороны жилища ров отсутствовал. В этом месте вдоль насыпи прослеживалась мелкая канавка, появившаяся в результате выемки грунта для укрепления основания стен (см. рис. 3).

Со временем оборонительный ров частично заплыл и в нем (на уч. Б–В/1) была выкопана подпрямоугольная яма с уплощенным дном (длина 1,12 м, ширина 0,50–0,76, глубина 0,30–0,35 м). Основное ее заполнение – черная углистая супесь, в которой найдено два десятка черепков эпохи бронзы. Над ямой залегали углистые супеси, вымытые из обваловки стен жилища, а также светлый песок, обрушившийся со стенок рва. Судя по стратиграфии (см. рис. 3, 5), данное углубление появилось ближе к концу функционирования поселка. Скорее всего, это остатки какого-то объекта производственного назначения, а не обыкновенная яма для мусора.

Инвентарь

Коллекция вещественных остатков, полученных при разведочном обследовании и раскопках поселения, насчитывает свыше 1 700 фрагментов керамики и 33 каменных предметов. Отметим, что речь идет о находках из слоев и объектов сохранившейся части памятника. Как много их было в юго-восточной половине жилищного котлована и на прилегавших к нему участках мыса, исчезнувших в результате усиленного подмытия берега рекой, сказать невозможно. Принимая во внимание масштаб разрушений, рискнем предположить, что в толще донных и русловых отложений покоятся (?) артефакты в не меньшем количестве.

Ранний в составе коллекции комплекс, вне всякого сомнения связанный с кратковременной стоянкой эпохи неолита, образуют 108 черепков и 13 предметов из кварца (7 % от общего числа находок). Необходимости в подробном рассмотрении неолитических материалов нет, по всем основным характеристикам они полностью соответствуют инвентарю недавно выделенной в Сургутском Приобье быстринской археологической культуры рубежа V–IV тыс. до н.э. [Поселение..., 2006]. Среди памятников этой культуры значится и стоянка Быстрый Кульёган-38 [Там же, с. 57]. Остальная часть коллекции (93 %) определенно связана с укрепленным жилищем.

Керамика эпохи бронзы. Она представлена обломками (ок. 1 640 ед.) минимум от 25 сосудов (рис. 9–12). Коллекция, может, и небольшая, но вполне достаточная для целей общей характеристики и сравнительного анализа. Исходным сырьем для изготовления посуды служила ожелезненная глина с включением песчаных конкреций. Формовочная масса неотляжившаяся, нерегидрированная, содержит вкрапления сухой глины. Для предотвращения расщепления керамики при обжиге в глиняное тесто добавляли крупный некалибранный шамот в объеме до 40–50 %. Кроме того, в глине присутствовала выгорающая органическая добавка, вид которой

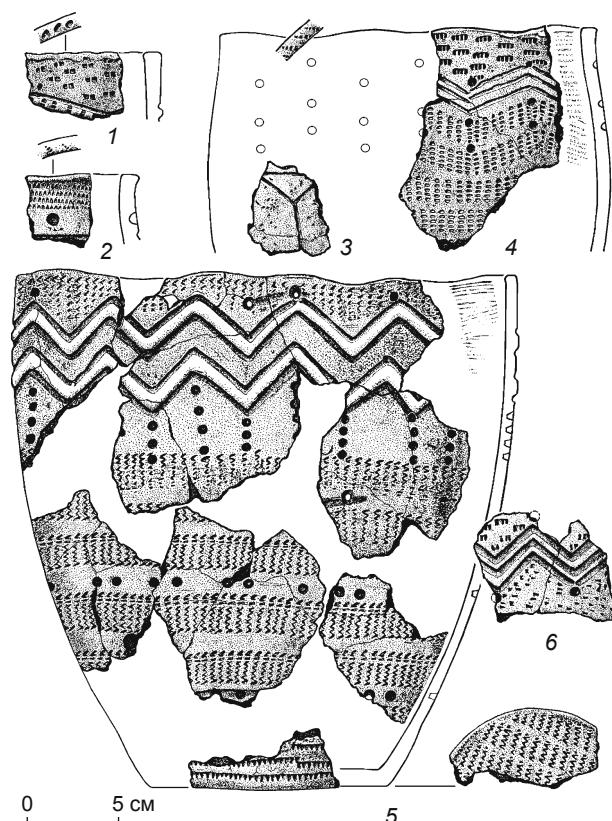

Рис. 9. Керамика эпохи бронзы кульёганского типа.

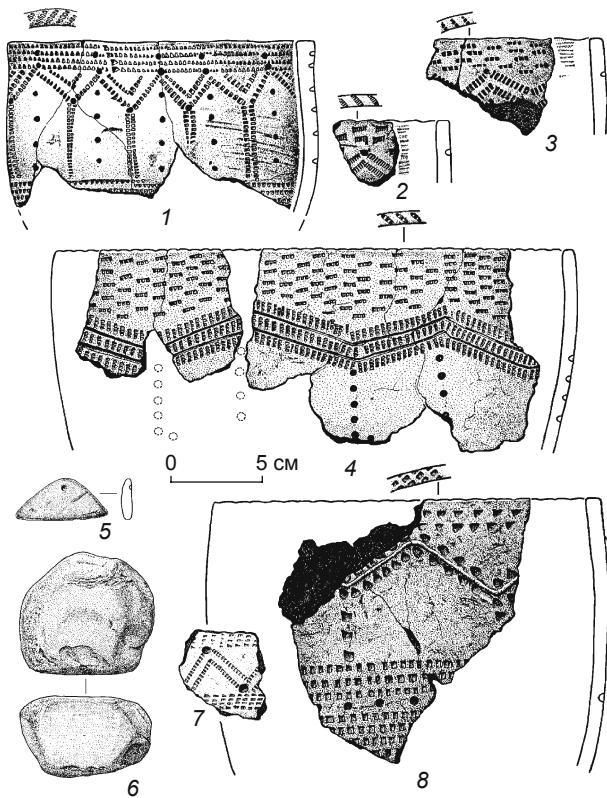

Рис. 10. Керамика эпохи бронзы кульёганского типа (1–4, 7, 8) и предметы из камня (5, 6).

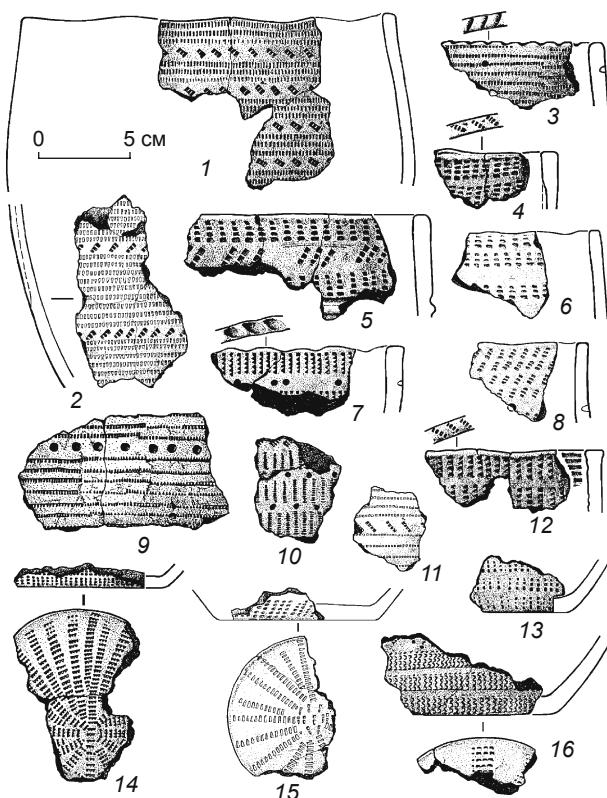

Рис. 11. Керамика эпохи бронзы кульёганского типа.

определить трудно. По крайней мере у трех сосудов в глиняном тесте отмечены частицы охры.

Сосуды формовались в основном из жгутов диаметром 1,8–2,2 см. В нескольких случаях зафиксирован метод налепа нешироких (2,0–2,5 см) лент. Расформованность жгутов слабая. Из этого следует, что доминировала т.н. скульптурная лепка, а не выдавливание. Днища плоские, также жгутовой формовки. К стенкам они крепились в последнюю очередь, на это указывают особенности спаев и трещин в соединительной зоне, а также характер разрушения сосудов – «выпадения» днищ. Венчик специально не обрабатывался, к моменту окончания формовочных операций он уже довольно хорошо подсыхал. Глиняные жгуты часто распадались по спаям, что свидетельствует о пересушенности самих спаев, длительной и постепенной формовке, а также указывает на особую – тугую – формовочную массу.

Обработка поверхности сосуда грубая, явно спешная. Выполнялась она твердым орудием с зубчатым краем, скорее всего, гребенчатым штампом. Как правило, на внутренней стороне черепков и изредка на внешней присутствуют характерные следы затирки поверхности такими инструментами. При этом горизонтальные штрихи преобладают. Перед обжигом сосуды не подвергались дополнительной влажной обработке. Обжиг костровой, кратковременный, низкотемпературный (ниже 800°). Черепки различных оттенков, но в основном серые, светло-серые и серокоричневые. В целом качество произведенной кульёганскими гончарами продукции можно оценить как весьма невысокое.

Керамика сильно фрагментирована. Судя по имеющимся обломкам, практически на 100 % комплекс состоит из плоскодонных сосудов баночной формы. Среди них абсолютно доминируют удлиненные экземпляры, стенки которых в верхней части слегка наклонены внутрь или имеют профилизацию, близкую к вертикальной. Открытые банки редки, но и у них в приустьевой зоне наблюдается слабый загиб стенок внутрь (см. рис. 10, 4). Напротив, у части закрытых банок края стенок чуть отогнуты наружу (см. рис. 9, 4; 10, 1; 12, 8). Профилизация туловища плавная, зона наибольшего расширения приходится на верхнюю половину или середину сосудов, переход стенок к днищу также плавный. Верхний край ровный (см. напр., рис. 10, 1; 12, 1) или пологоволнистый (см. рис. 9, 4; 5; 11, 1), срез венчика в подавляющем большинстве случаев плоский. Кроме обычных плоских горизонтальных венчиков, изредка встречаются плоские, скошенные на внешнюю сторону (см. рис. 9, 4; 11, 1) или грибовидные (см. рис. 11, 12), с нависающими над стенкой краями.

В коллекции представлены обломки сосудов средних и крупных размеров. Удалось измерить диаметр

по венчику в восьми случаях: у трех емкостей он был в пределах 16,5–21,0 см, у пяти – 26–29 см и более. Диаметр донышек при этом варьировал от 9 до 14 см. Высота единственного восстановленного сосуда ок. 29 см при диаметре устья 27–28 см (см. рис. 9, 5). Посуда, за очень редкими исключениями, толстостенная: по верху стенок 7–10 мм, в средней части 6–9, толщина донных лепешек 9–11 мм.

Боковая поверхность покрыта узорами у всех сосудов, днища орнаментированы у 90 % банок, венчики – у 66 %. Орнаментация сплошная, плотная, построена по горизонтально-зональному принципу. Венчики, как правило, украшены по плоскому срезу наклонными отпечатками гребенчатого штампа (см. напр., рис. 10) и только изредка – овальными вдавлениями (см. рис. 11, 7; 12, 2). В случаях, когда глубокие оттиски располагались часто и близко друг к другу, край приобретал зубчатый контур (см. рис. 10, 4; 11, 3).

Исчерпывающая характеристика декора, покрывавшего боковую поверхность сосудов, затруднена по причине малочисленности крупных обломков. С определенностью можно говорить об элементарности орнамента в нижней половине туловища и усложненности композиций в верхней. Узоры в нижней зоне состоят из однообразно повторяющихся горизонтальных линий или рядов зубчатых отпечатков – вертикальных либо с наклоном вправо, иногда чередующихся друг с другом или с поясами ямочных вдавлений (см. рис. 9, 5; 10, 8; 11, 2, 9, 16; 12, 10, 11, 13). Примерно у трети сосудов аналогичным образом украшена и верхняя половина (см. рис. 11, 1). Усложнение композиций в верхней части орнаментального поля достигалось путем включения в них элементов, более нигде не повторяющихся, а также применением разнообразных способов исполнения декора. У 60 % сосудов здесь расположена оригинально оформленная полоса горизонтальных зигзагов (от одного до четырех). Ломаные линии выполнены оттисками гребенчатого штампа (см. рис. 10, 1, 3), прочерчиванием (см. рис. 9, 3, 4; 10, 4), глубокими желобками (см. рис. 9, 5, 6) и даже, на одном экземпляре, узким формованным валиком (см. рис. 10, 8). Углы зигзагов почти всегда помечены ямочными вдавлениями, а на ряде банок (не менее 5 экз.) от них идут вниз до середины туловища вертикальные цепочки таких же вдавлений, прочерченные или гребенчатые отрезки (см. рис. 9, 5; 10, 1, 4, 8). Иногда ломаные линии обрамлены оттисками гребенки или угловыми вдавлениями (см. рис. 10, 4, 8). Собственно геометрические фигуры занимают достаточно скромное место в кульганском декоре: только на одном баночном сосуде верхняя часть стенок украшена горизонтальным поясом ромбов (см. рис. 12, 1). Их верхние и нижние углы также отмечены неглубокими ямками. Под ромбами расположен двойной зигзаг и тоже с ямками в углах. Любопытно,

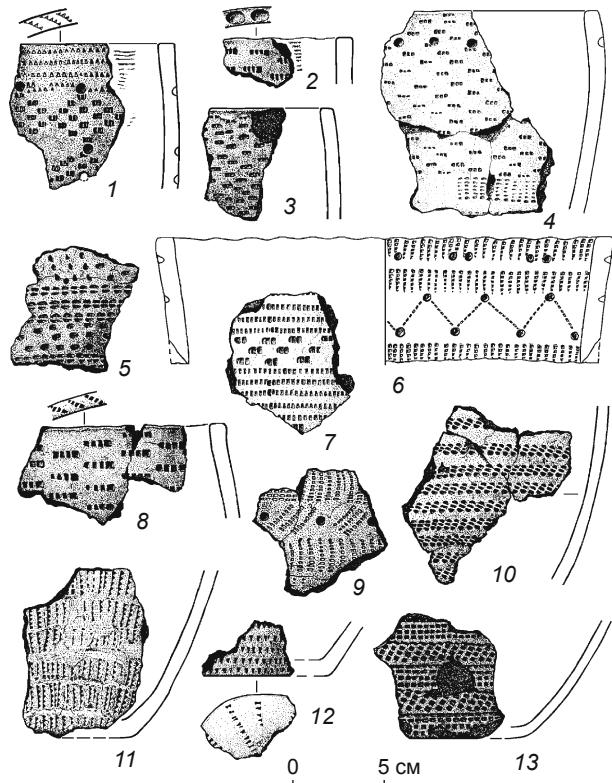

Рис. 12. Керамика эпохи бронзы кульганского типа.

как изображены эти фигуры – они состоят из горизонтальных отпечатков короткого зубчатого штампа, нанесенных в шахматном порядке. Полоса из ромбовидных фигур и зигзагов в комбинации с ямками и разного рода вертикальными элементами в обрамлении является в композициях центральной.

Зона непосредственно под венчиком обычно покрыта гребенчатыми горизонтальными линиями (см. рис. 10, 1), рядами вертикальных или наклонных отпечатков зубчатого штампа (см. рис. 11, 6–8), но чаще (до 50 % сосудов) все теми же горизонтальными оттисками короткого штампа, расположенным в шахматном порядке (см. рис. 9, 1, 4; 10, 3, 4; 12, 2–4, 8). «Шахматное» заполнение приустьевой зоны с помощью специфического орнаментира, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве одного из отличительных признаков керамики с поселения Быстрый Кульган-38. Днище большинства сосудов украшено гребенчатым узором в виде радиально расходящихся из центра лучей (см. рис. 11, 14–16), а у некоторых экземпляров – параллельными рядами гребенчатых отпечатков (см. рис. 9, 5).

Среди прочих способов нанесения декора господствует гребенчатая техника. Это заключение справедливо в отношении как керамического комплекса в целом, так и каждого сосуда в отдельности. Гребенчатые узоры выполнялись в большинстве случаев штампо-

ванием, реже – прокатыванием. Только на одном соуде отмечена «шагающая гребенка». Орнаменты различались по длине, ширине, форме и количеству зубцов. В частности, на ряде фрагментов присутствуют отпечатки штампов с треугольной нарезкой зубцов (см. рис. 9, 5; 11, 12, 14, 16). В зависимости от угла наклона и глубины проникновения один и тот же инструмент оставлял разные оттиски.

На многих банках (ок. 70 %) в состав орнамента включены ямочные вдавления, обычно неглубокие, не образующие на внутренней стороне сосудов «жемчужин». Сгруппированные в ряд, они выполняли функцию разделительных элементов, но в некоторых композициях им отводилась явно декоративная роль (см. рис. 9, 5; 10, 1, 4). Ямочные мотивы более характерны для узоров, расположенных в верхней половине сосудов. Только в приуставной зоне размещались зигзаги и горизонтальные линии, выполненные в желобчатой технике (пять сосудов) или прочерчиванием (три сосуда). В коллекции есть по крайней мере одна банка с валиком.

На стенках пяти сосудов изнутри и снаружи, как правило в зоне под венчиком, отмечены следы нагара. На одном экземпляре по обеим сторонам трещины зафиксированы высверленные сквозные отверстия (см. рис. 9, 5) – очевидное свидетельство ремонта посуды. Обломки сосудов иногда использовались в качестве орудий для каких-то хозяйственных и бытовых нужд. Такие черепки имеют характерные следы в виде затертости и заглаженности на одном из краев. Возможно, это скребки по коже, лощила или абразивы иного назначения.

Каменные изделия эпохи бронзы. Каменный инвентарь из раскопанной части укрепленного жилища предельно скучен. Он включает две абразивные плитки со слегка вогнутой рабочей поверхностью; изделие из куска лимонита, на плоских гранях которого прослеживаются следы пришлифовки; подвеску из плитки черного сланца сегментовидной формы ($52 \times 23 \times 7$ мм) с недосверленным отверстием для подвешивания (см. рис. 10, 5); заготовку другой подвески из серой сланцевой плитки ($25 \times 24 \times 5$ мм) и до десятка обычных галек (размерами от $20 \times 19 \times 9$ до $43 \times 31 \times 21$ мм) без каких-либо следов обработки и использования, явно принесенных откуда-то в жилище. Под обрывом найдено несколько подобных галек, а также обломок еще одной абразивной плитки и орудие размером $73 \times 66 \times 43$ мм, похожее на молоток среднего действия (ср.: [Зданович, Коробкова, 1988, с. 63]), со следами забитости на боковых гранях и двумя пришлифованными поверхностями (см. рис. 10, 6). Принадлежность каменных предметов к комплексу находок бронзового века сомнений не вызывает. Не имея даже приблизительного представления о количестве (и, разумеется, составе) изделий из камня, находившихся в размытой

части постройки, мы, тем не менее, полагаем, что их было немного. Это суждение основывается, во-первых, на аналогиях (поселения Чернореченское I, Барсова Гора II/19, 22, Малая Моховая I, Щетнмато-лор и др.), во-вторых, на фактах, свидетельствующих об использовании металлических орудий и освоении металлообрабатывающего производства населением Сургутского Приобья в начале бронзового века. К сожалению, на исследованном нами памятнике не обнаружено изделий из меди или бронзы, но есть крупный выпуклый фрагмент сосуда с сильно ошлакованной внутренней поверхностью и типичным для кульганской керамики орнаментом на внешней стороне. Для кузнечной обработки металла и заточки лезвий металлических орудий могли применяться упомянутые выше каменные абразивы и молоток.

Обсуждение результатов исследования

Укрепленные жилища являются одним из наиболее оригинальных и древнейших типов укрепленных поселений – предшественников городищ и городов. До недавнего времени считалось, что они были распространены только в узкой полосе Старого Света – между 20 и 45° с.ш. – от Балеарских островов до Китая, как исключение – в отдельных западных районах Европы, в Северной Америке и на юге Африки [Джандиери, 1981]. Первыми строителями укрепленных жилищ являлись древнейшие земледельцы-скотоводы, а также находившиеся под их непосредственным влиянием коллективы с комплексным хозяйством, сочетавшим производящие и присваивающие отрасли. В настоящее время в Евразии выделен еще один ареал распространения таких сооружений – таежные области Западной Сибири и Зауралья, между 56 и 64° с.ш. [Борзунов, 1995, 1997, 1999]. Урало-западносибирские укрепленные жилища отличают особая – деревоземельная – архитектура, а также то, что впервые в мировой практике создателями оборонительных сооружений стали первобытные общества с присваивающими отраслями экономики (рыболовство, охота и собирательство) – далекие предки современных манси, ханты, ненцев, кетов и других коренных народов указанных регионов. Первое массовое строительство жилищ-«крепостей» на севере Западной Сибири приходится на первую половину II тыс. до н.э., когда в таежном Приобье началось изготовление бронзовых орудий и оружия из привозного сырья. Согласно общей периодизации бронзового века Евразии, это время соответствует периоду поздней бронзы [Черных, 1978; Черных, Кузьминых, 1989]. Прообразами таежных укреплений-жилищ были большие одиночные «полуподземные» и наземные бревенчатые жилища, окруженные цепочкой ям и канав, из которых брали

грунт для обваловки стен и которые одновременно являлись дренажными углублениями. Наиболее ранние известные образцы такого домостроительства восходят к эпохе неолита: поселения Быстрый Кульёган-66 в Сургутском Приобье [Косинская, 1999, с. 38; 2001, с. 46; Поселение..., 2006, с. 68] и Усть-Тара XXVIII в Среднем Прииртышье [Горбунова, Толпеко, 2002].

Укрепленные жилища севера Евразии довольно разнообразны. Они представлены двумя основными вариантами (малое или средней величины жилище в центре двора, окруженное оборонительной стеной и рвом; большое одночное жилище, оконтуренное валом и внешним рвом) и несколькими разновидностями [Борзунов, 1997, 1999]. Раскопанное нами укрепление – одна из разновидностей второго варианта. Синхронные поселки-жилища в Сургутском Приобье располагались, как правило, на высоких местах – мысах коренных берегов (Быстрый Кульёган-2, -40, Барсова Гора II/37, объект 1, Имнёган-2.1, объект 1, Имнёган-2.2, объект 8), мысовидных выступах (Быстрый Кульёган-73, Барсова Гора II/22), у края береговых террас (Быстрый Кульёган-44, -100, -105), реже – на низких мысах близ ручьев в глубине берега (Быстрый Кульёган-77). С напольной стороны они ограждены сплошными или прерывистыми рвами, при этом к жилищу можно было подойти по перекидному мостку или земляной перемычке. У отдельных объектов ров прослеживался как у основания, так и на стрелке мыса (Быстрый Кульёган-2, -40). Укрепление Быстрый Кульёган-73 окружено двумя кольцевыми валами и рвами, а поселение Моховая-8 представляло собой два окруженных рвами смежных объекта, в плане наподобие цифры 8. Размеры укреплений, судя по внешним признакам, варьировали от 230 до 1500 м², а самих жилищ – от 125 до 660 м². Основные элементы укрепленных жилищ второго варианта стандартны: прямоугольный жилой котлован, окруженный песчаной обваловкой и частично – рвом. Вместе с тем конструкция стен и деталей интерьера могла различаться. Так, у частично раскопанной в 2007–2008 гг. большой постройки поселения Барсова Гора II/22 стена могла быть двухрядной, вертикальной; ее внешний пояс представлял собой частокол или заплот, установленный в глубокую траншею и укрепленный с обеих сторон мощным валом. Один из входов находился в северном скругленном углу жилища. При этом нары-«лежанки» были оборудованы не в котловане, а на возышении вокруг него.

Конструкция данных построек и находки из них свидетельствуют о том, что это были мощные укрепленные комплексы, использовавшиеся как круглогодичные жилые, хозяйствственные и производственные помещения. Они же, по-видимому, являлись социальными центрами общин и объединений более высокого уровня. Свободная от леса территория вокруг дома в

теплое время года могла использоваться как хозяйствственно-производственная площадка. Однако малые жилища на ней не возводились.

Рассматриваемые памятники эпохи бронзы на р. Быстрый Кульёган концентрируются двумя группами, разделенными промежутком в 6–7 км. Расстояние между крайними объектами ок. 15 км, между домами в группах – от 0,3 до 5,0 км. Если предположить, что древности кульёганского типа существовали не менее трех веков, то одновременно в среднем и нижнем течении реки могли функционировать два или от силы три укрепления.

Массовое распространение укрепленных жилищ второго типа в начале эпохи бронзы в западно-сибирской тайге отмечает не просто очередной этап военной напряженности и междоусобных войн, вызванных ростом населения. По всей вероятности, в это время заканчивается период первичного заселения севера Западной Сибири (мезолит – энеолит) и происходит демографический взрыв, обусловленный явным прогрессом присваивающего хозяйства. В конечном счете, ситуация относительного перенаселения в Приобье привела к первому после эпохи камня масштабному разделу (местами переделу) промысловых угодий и началу массового освоения глубинных территорий тайги, удаленных от крупных водных артерий. Этот процесс прекрасно иллюстрируют памятники на р. Быстрый Кульёган. Непосредственной предпосылкой изменений, как мы допускаем, стало очередное потепление климата, предопределившее увеличение ресурсных возможностей ландшафтов на севере Евразии и вызвавшее массовые миграции в степи, лесостепи и отчасти в лесных областях. В евразийской лесостепи и на южной кромке леса с приходом скотоводческого населения с юго-запада, юга и юго-востока сформировалась особая буферная культурно-хозяйственная зона, населенная племенами с комплексной экономикой. Миграции скотоводов сопровождались распространением металлообработки на севере Евразии, включая таежные районы Урала и Западной Сибири.

Однодворные укрепленные поселки самой различной планировки и оборонной архитектуры появились в это время по всему таежному Приобью (Нижнее и Среднее Приобье, Конда) и в верховьях Пура. Единичные укрепления близкого типа известны в прииртышской лесостепи – у носителей сейминско-турбинских традиций (поселение кротовской культуры Инберень X [Степанова, 1985]). Вполне вероятно, что именно через прииртышское население путем многоступенчатых обменных операций поступал в приобскую тайгу первый цветной металл. Экономическим и социальным изменениям в жизни лесных сообществ могло способствовать влияние мигрировавших сейминско-турбинских групп [Черных, Кузьминых, 1989, с. 271–277].

Что же касается поселения-жилища Быстрый Кульёган-38, то оно, по-видимому, погибло в результате пожара и на этом месте больше не восстанавливалось. На пепелище, кроме битой посуды и единичных изделий из камня, не найдено никаких выразительных предметов. По всей вероятности, жители сгоревшего поселка построили новое укрепление где-то поблизости. Не исключено, что его остатками является расположение в 300 м к северо-западу от данного места укрепленное жилище Быстрый Кульёган-40 со сходной керамикой.

Быстрый Кульёган-38 до настоящего времени остается единственным почти полностью исследованным и опубликованным объектом из числа поселений подобного рода, известных в Сургутском Приобье. Это практически закрытый и чистый, т.е. не содержащий инокультурных примесей, археологический комплекс и к тому же достаточно представительный. Считаем, что он вполне может претендовать на статус опорного памятника, отражающего некоторые особенности культуры местного населения в один из периодов бронзового века. Разумеется, основываясь на материалах только одного памятника, пусть и опорного, и не принимая во внимание другие стационарные и сезонные поселения, в той или иной мере близкие ему, мы не получим полной картины. Какие поселения имеются в виду? Таковых, если обратиться к археологической литературе и архивным материалам последних лет, оказывается довольно много. В числе сопоставимых с Быстрым Кульёганом-38 (прежде всего по керамике) и, более того, непосредственно относящихся, по мнению ряда авторов, к древностям кульёганского типа, называются поселения Барсова Гора II/8в, II/9в, II/36 [Чемякин, Каракаров, 2002, с. 28–30; Чемякин, 2008, с. 42–46], Чернореченское I [Косинская, 1998а; Чемякин, 2008, с. 42–46], Малая Моховая I [Стефанов, 2002], Щетнмато-лор [Косинская, 1998б; 2000, с. 18], Балинское-1 [Баранов, 2006, с. 345–346], Коим-1 [Сергеев, Погодин, 2008, с. 191–192]. В окрестностях Сургута в 2007–2008 гг. исследовались поселение Барсова Гора II/19 (руководитель раскопок Е.Н. Дубовцева) и укрепленное жилище Барсова Гора II/22 (руководитель раскопок В.А. Борзунов), еще более мощное, чем Быстрый Кульёган-38. Приведенный список можно дополнить серией поселений, в т.ч. укрепленных, выявленных при обследовании рек Быстрый Кульёган, Серебрянка, Моховая и др. Складывается впечатление, что этот этап/период бронзового века, представленный в Сургутском Приобье и на прилегающих территориях (поселение Щетнмато-лор – Надым-Пуровская низменность) перечисленными памятниками, имеет капитальную источниковую базу. Насколько оно верно, судить не возьмемся, во всяком случае, пока. Во-первых, не факт, что все упомянутые выше поселения

относятся к одному хронологическому горизонту. Во-вторых, не установлена степень их близости к опорному памятнику кульёганского типа – поселению Быстрый Кульёган-38. Это и не могло быть сделано до полного опубликования результатов раскопок укрепленного жилища. Полагаем, что сейчас ситуация упростится, и исследователи смогут внести корректизы в свое понимание древностей кульёганского типа и уточнить положение комплексов, сравниваемых с изученным нами объектом.

Мы не ставили перед собой задачу провести детальный сравнительный анализ материалов укрепленного жилища Быстрый Кульёган-38, обосновать его культурно-хронологическую позицию и представить развернутую содержательную характеристику древностей, условно атрибутируемых как кульёганские. Объясняется это желанием использовать в качестве веских аргументов серию ожидаемых радиоуглеродных дат для образцов с поселений Барсова Гора II/19 и II/22, а также результаты предварительного анализа керамической посуды и других находок, полученных при их раскопках. В совокупности с уже имеющимися новые данные, как мы надеемся, позволят конкретизировать суждения о локальном своеобразии кульёганских комплексов и, что в настоящий момент является наиболее важным, уточнить их относительную и абсолютную хронологию. Пока же ограничимся тезисным изложением некоторых выводов.

1. В региональной периодизационной схеме Быстрый Кульёган-38 – памятник раннего этапа бронзового века.

2. В соответствии с периодизацией эпохи раннего металла [Черных, Кузьминых, 1989; Черных, Агапов, Кузьминых, 1990], он относится к периоду становления Евразийской металлургической провинции в азиатской зоне (ПБВ-І).

3. Время существования поселения определяется предположительно в рамках первой половины или, скорее всего, первой трети II тыс. до н.э.

4. Укрепленное жилище Быстрый Кульёган-38 является эпонимным для памятников (и, безусловно, керамики) кульёганского культурного типа, входящих – на правах локального образования – в культурно-историческую общность, характеризуемую гребенчато-ямочной керамикой.

Список литературы

Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 343–346.

Борзунов В.А. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. – С. 19–24.

Борзунов В.А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 224–236.

Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. – 1999. – № 4. – С. 5–23.

Борзунов В.А. Отчет о раскопках в 2000 г. укрепленного поселения-жилища Быстрый Кульёган-38 на р. Быстрый Кульёган в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Т. I, II. Екатеринбург, 2001. // Архив КА (ПНИАЛ) УрГУ. Ф. II. Д. 615. 166 с.; Д. 615а. 51 с.

Борзунов В.А., Ковригин А.А., Погодин А.А., Сергеев А.С., Стефанов В.И. Разведка в зонах нефтепромыслов Сургутского района // АО 1995 года. – М.: Наука, 1996. – С. 317–320.

Борзунов В.А., Погодин А.А. Раскопки укрепленного жилища Быстрый Кульёган 38 // АО 2000 года. – М.: Наука, 2001. – С. 206–207.

Горбунова Т.А., Толпеко И.В. Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне // АО 2001 года. – М.: Наука, 2002. – С. 405–406.

Джандиери М.И. Древнее башенное оборонное жилище // Вестн. древней истории. – 1981. – № 2. – С. 118–155.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данному трасологическому изучению орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1988. – С. 60–79.

Косинская Л.Л. Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. пед. ин-та, 1998а. – С. 87–100.

Косинская Л.Л. Археологические памятники севера Западной Сибири: учеб. пособие. – Сургут: Информ.-изд. центр Сургут. гос. ун-та, 1998б. – 39 с.: ил.

Косинская Л.Л. О схемах развития северного неолита // Обские угры. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ин-та, 1999. – С. 38–41.

Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 годов) // Науч. вестн. – Салехард, 2000. – Вып. 3. – С. 13–23.

Косинская Л.Л. О некоторых традициях домостроительства на севере Западной Сибири // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. – С. 46–47.

Погодин А.А. Отчет об археологической разведке в Сургутском и Березовском районах Ханты-Мансийского АО. Т. I: Отчет об археологических исследованиях в зоне Быстринского месторождения нефти в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1994 г. Екатеринбург, 1995. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19011; Архив КА (ПНИАЛ) УрГУ. Ф. II. Д. 565. 206 с.

Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Л.Л. Косинская, В.В. Занина, Е.Н. Дубовцева, Ю.М. Баранов, Е.А. Юдина, Т.Ю. Величко, Н.Е. Рябогина; под ред. Л.Л. Косинской, А.Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Урал. кн. изд-во, 2006. – 192 с.

Сергеев А.С., Погодин А.А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим I // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. кн. изд-во, 2008. – С. 170–194.

Степанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: Изд-во МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. – С. 97–112.

Степанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 54–62.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья: Древность. – Сургут; Омск: Ом. дом печати, 2008. – 224 с.

Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): науч.-ист. очерки. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–74.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. – 1978. – № 4. – С. 53–82.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: тез. докл. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 34–37.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

УДК 903.2

И.Н. Васильева

*Институт истории и археологии Поволжья
ул. Ленинская, 127, Самара, 443041, Россия
E-mail: in.vasil@mail.ru*

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ГОНЧАРСТВО ВОЛГО-УРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)*

В статье дается характеристика гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху раннего неолита. Источниковую базу исследования составили результаты технико-технологического анализа 344 образцов керамики (условно отдельных сосудов) с 12 стоянок елшанской культуры (конец VII – VI тыс. до н.э.). Методика исследования разработана А.А. Бобринским и базируется на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в форме физического моделирования. Рассмотрены вопросы появления ранненеолитических гончарных традиций на территории Волго-Уралья и специфики их распространения, а также смещения различных в культурном отношении групп неолитического населения.

Ключевые слова: *ранний неолит, елшанская культура, Волго-Уралье, гончарная технология, культурные традиции.*

Введение

Изучение проблем неолитизации, в т.ч. зарождения и механизмов распространения ранненеолитических гончарных традиций, в современной археологии невозможно без комплексного подхода и привлечения данных естественно-научных дисциплин. Большой вклад в разработку этой проблематики внесен А.А. Бобринским. Вместо умозрительных построений и отдаленных этнографических аналогий, столь характерных для большинства работ по этой теме, им была предложена методика технико-технологического анализа древней керамики; разработан историко-культурный подход к изучению гончарства как источника по истории древнего населения, выдвинuta и обоснована по существу первая археологическая научная гипотеза о происхождении гончарства на базе опыта использования в догончарном периоде органических и других глиноподобных материалов и определены ее археологические свидетельства. Исследования А.А. Бобринского показали важность и перспективность изучения

неолитической гончарной технологии. В данной статье подведены итоги исследования ранненеолитической керамики Волго-Уралья. Обращение к этой теме стало возможным благодаря открытию и активным археологическим раскопкам памятников елшанской культуры самарскими археологами в последней трети XX в. [Васильев, Пенин, 1977; Васильев, Выборнов, 1988; Моргунова, 1995; Мамонов, 2000; Выборнов, 2008] (рис. 1). Первоначально ареал елшанской культуры был ограничен лесостепной зоной между реками Волгой и Уралом, затем расширен за счет включения стоянок Волжского правобережья в пределах Ульяновской обл. и Сурско-Мокшанского междуречья. К настоящему времени исследовано более 20 стоянок, содержащих елшанские комплексы. Имеется представительная серия абсолютных дат. Первые несколько дат, полученные по образцам раковины и кости, имеют очень ранний возраст: $8\ 990 \pm 100$ – $7\ 940 \pm 140$ л.н. [Зайцева, Тимофеев, 1997, с. 113]. В последние годы А.А. Выборновым было проведено массовое датирование неоэнолитической керамики Поволжья и сопредельных регионов в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины. Получены 200 дат по неоли-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (07-01-26110a/B и 10-01-00393a).

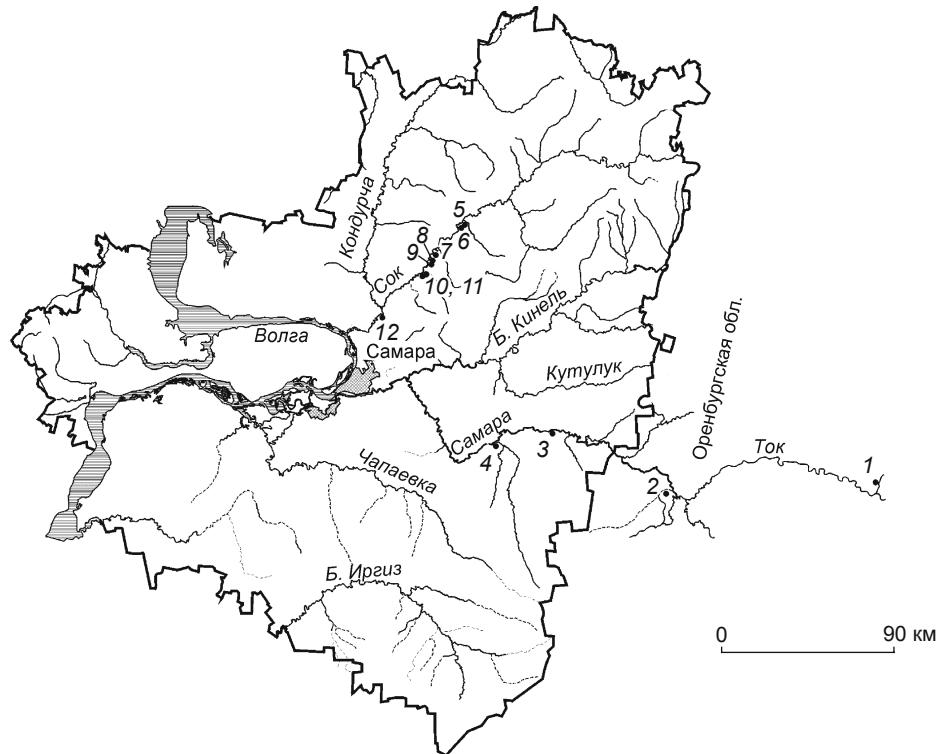

Рис. 1. Карта-схема размещения на территории Самарской и Оренбургской областей памятников елшанской культуры, керамика которых была подвергнута технико-технологическому анализу.

1 – Ивановка; 2 – Старая Елшанка II; 3 – Виловатое I; 4 – Максимовка II; 5 – Нижняя Орлянка II; 6 – Чекалино IV; 7 – Лебяжинка IV; 8 – Лебяжинка V; 9 – Большая Раковка II; 10 – Красный Городок; 11 – Ильинка; 12 – Красный Яр VII.

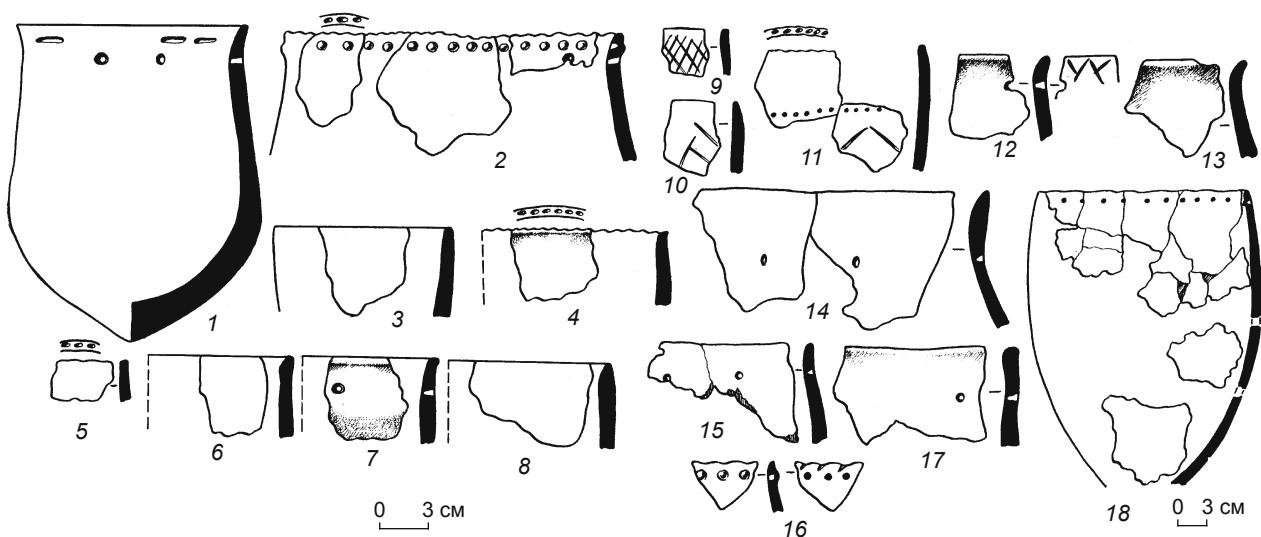

Рис. 2. Морфологические особенности керамики елшанской культуры с памятников Старая Елшанка II (1–11), Максимовка II (12, 13), Максимовка I (14–18).

тической керамике, в т.ч. 20 по волго-уральской елшанской [Выборнов, 2008, с. 239–247]. Основная их часть относится к началу VI – середине V тыс. до н.э. (по традиционной, некалиброванной системе датировки). По мнению большинства исследователей, ел-

шанская – наиболее древняя керамическая культура Восточной Европы.

Керамический материал елшанских стоянок фрагментирован (рис. 2–4). Он представлен тонкостенным сосудами в основном небольших размеров.

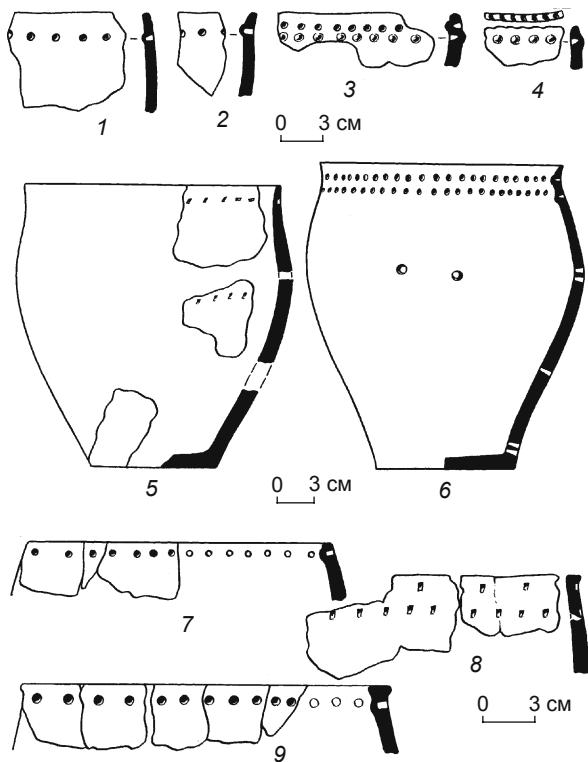

Рис. 3. Морфологические особенности керамики елшанской культуры с памятников Виловатое (1–4), Луговое III (5, 7–9), Красный Городок (6).

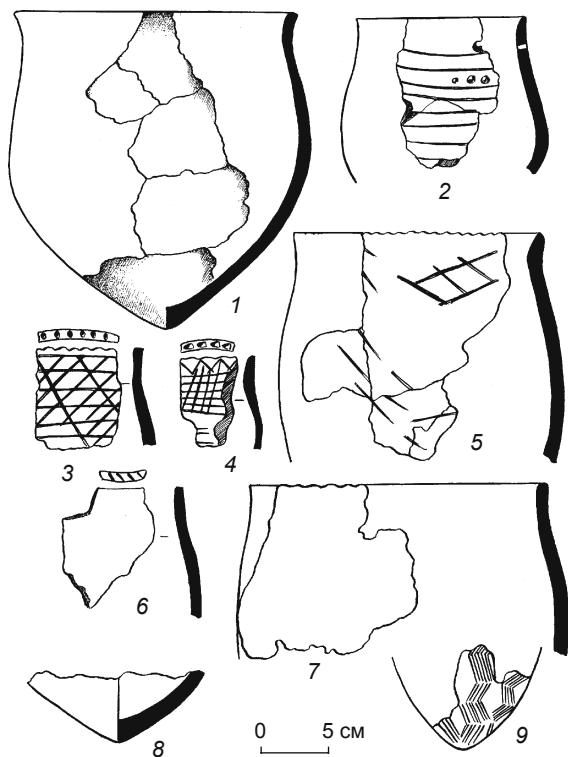

Рис. 4. Морфологические особенности керамики елшанской культуры с памятника Ивановка.

Верхние части сосудов имеют прямую или плавную S-видную профилировку, днища – коническую, иногда шиподонную и очень редко округлую форму. В более позднее время в среде елшанского населения появилась традиция изготовления плоскодонной посуды. В стенках многих сосудов имеются сквозные отверстия, просверленные после обжига и свидетельствующие о практике ремонта сосудов. В составе керамических комплексов различных памятников 20–50 % составляет неорнаментированная керамика. Значительная часть орнаментированной посуды украшена лишь ямочно-жемчужным пояском (горизонтальным рядом ямочных вдавлений с негативом-«жемчужиной» по горловине). В среде елшанского населения получили распространение также техники орнаментирования в виде прочерчивания и накалывания. В целом керамика елшанской культуры характеризуется совокупностью морфологических особенностей, которые отличают ее от других типов неолитической посуды Поволжья и сопредельных регионов.

Результаты исследования технологии изготовления керамики елшанской культуры

Исследование елшанской гончарной технологии проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским [1978, 1999]. Суть данного подхода – системное выявление и изучение приемов изготовления древней керамики. Основными задачами являются реконструкция навыков труда и культурных традиций в изучаемом гончарстве с привлечением технологической информации в качестве источника по истории древнего населения. Методика включает бинокулярную микроскопию, трасологию и физическое моделирование. Объектами изучения выступают технологические следы на сосудах, указывающие на применение гончарами определенных приемов работы. Основой для их идентификации являются сведения, полученные в ходе предшествующих исследований, а также эталонная база, созданная в полевых и лабораторных условиях и хранящаяся в керамической лаборатории Института истории и археологии Поволжья (Самара) [Васильева, Салугина, 1999].

В статье представлены результаты изучения елшанской керамики из культурных слоев 12 стоянок в Волго-Уралье, по материалам которых была первоначально выделена елшанская культура. Памятники расположены в бассейнах рек Самара и Сок – левых притоков Волги. Технико-технологическому анализу были подвергнуты 344 образца: венчики, придонные части и частично сохранившиеся сосуды. Выделение

информации о приемах изготовления керамики в ходе исследования и изложение результатов их изучения в статье производилось в соответствии со структурой гончарного производства, включающей три стадии: подготовительную, созидательную, закрепительную [Бобринский, 1999, с. 9–11].

I. Подготовительная стадия. Анализируются вид и характер исходного пластичного сырья (ИПС), традиции его отбора и обработки, а также рецептура формовочных масс (ФМ). По мнению А.А. Бобринского, к древнейшим видам ИПС в гончарстве Евразии относятся органические материалы животного происхождения (помет птиц, пресноводные моллюски с их раковинами, навоз животных), глины [1978, с. 70–71], а также илы [Бобринский, Васильева, 1998]. В результате технико-технологического анализа ок. 1,5 тыс. образцов неоэнеолитической керамики Поволжья и сопредельных регионов, а также многолетних экспериментальных работ были выделены три вида ИПС, использование которых зафиксировано в древнейшем гончарстве изучаемого региона: 1) илы, 2) илистые глины, 3) глины. Следов привлечения в качестве ИПС помета птиц, навоза животных и моллюсков не выявлено. Подробная характеристика видов сырья и аргументация их выделения опубликованы [Васильева, 1994, 1999, 2006, 2007, 2009]. Напомним, что под *илами* понимаются вязкие, водонасыщенные, неуплотненные илистые осадки, располагавшиеся на прибрежных участках водоемов, современных древним коллективам. В состав илов, кроме глинистого субстрата, входят нитчатые водоросли, остатки сгнивших водных растений, водной фауны (кости и чешуя рыб) и других обитателей, раковины пресноводных моллюсков. Для илов характерно довольно большое содержание железистых соединений, а также часто оолитовых глинистых комочеков. Предполагается, что *илистые глины* также приближены к водоемам, но связаны с другими условиями образования: с береговыми участками, уже более уплотненными залежами пластичного сырья. По своему составу они ближе к глинам, но сохраняют некоторые особенности илов – их органический и органо-минеральный компоненты, но в сильно измельченном перегнившем виде и в значительно меньшей концентрации. А.А. Бобринский отнес данный вид ИПС к горным илам [1999, с. 18]. Поскольку основанием для выделения горных илов послужили главным образом результаты изучения керамики елшанской культуры Волго-Уралья и неолитической керамики Горного Алтая, необходимо подробнее остановиться на вопросе о выделении в качестве одного из древнейших видов пластичного сырья в гончарстве горных илов и илистых глин. По мнению А.А. Бобринского, разделение илистого сырья на равнинные и горные илы характеризует спе-

цифику природных ландшафтов, в рамках которых началось освоение илов (водоемов равнин и сильно изрезанной местности). С учетом этого обращаю внимание на следующее: 1) стоянки елшанской культуры располагаются в левобережье Волги, для которого в целом характерны равнинный рельеф, рыхлый песчано-глинистый состав пород и небольшая высота над уровнем реки; 2) в неолитических слоях исследованных стоянок вместе с елшанскими гончарными изделиями из илистых глин часто залегает керамика средневолжской культуры, изготовленная преимущественно из ила, что свидетельствует о существовании источников этих видов сырья в одном ландшафте; 3) в результате технико-технологического анализа керамики культур с прочерченно-накольчатым орнаментом с территории Украины и юга восточно-европейской части России был выявлен очаг древнего гончарного производства, основанного на илах. Эволюция представлений о пластичном сырье в нем шла по линии илы – илистые глины – глины, что доказано исследованиями керамики Варфоломеевской стоянки, имеющей четкую стратиграфию [Васильева, 2009]; 4) залегание двух видов ИПС в одних физико-географических условиях подтверждается и экспериментальными работами. В ходе осмотра непроточных водоемов (старичных проток и озер) в пойме Волги обнаружены как илы, так и илистые глины. Последние отличаются от ила значительно меньшей концентрацией перегнивших остатков растительности и включений водной фауны, а также их сильной измельченностью. По-видимому, распространение традиций отбора того или другого вида ИПС было обусловлено не физико-географическими особенностями региона, а уровнем развития представлений о сырье, а также культурной спецификой древнего населения. Разделение илов на горные и равнинные нуждается в дальнейшем обосновании, поэтому мною используется термин «илистые глины».

В целом группировка ИПС керамики елшанской культуры произведена в соответствии со следующими уровнями иерархии.

1. Виды ИПС – илов (И) и илистых глин (ИГ) – отражают разные представления древнего населения о пластичном сырье или разные этапы развития этих представлений. Основанием для разделения этих видов ИПС являются концентрация и характер органических остатков [Васильева, 1999, с. 80].

2. Подвиды – И-I, И-II, ИГ-I, ИГ-II – маркируют разные *культурные традиции* отбора сырья: I – запеченного (тощего) и II – слабозапеченного (жирного). Основываясь на этнографических и археологических материалах, А.А. Бобринский отмечал зависимость между различными уровнями представлений о глине как сырье и его свойствами:

жирностью и отощенностью [1978, с. 73–76]. Требования к чистоте, или отощенности, глин у современных гончаров имеют устойчивый характер, поскольку каждая глина нуждается в выработке особых навыков работы. Можно предположить, что выбор неолитическими гончарами жирного или отощенного сырья также был осознанным и устойчивым. Критерии разделения сырья по степени запесоченности опубликованы [Бобринский, 1999, с. 34–35; Васильева, 1999, с. 77–79]. При выделении подвидов ИПС не учитывалась ожелезненность, т.к. было зафиксировано применение только ожелезненного пластичного сырья.

3. Варианты – И-I-р, И-I-б/p, ИГ-II-р, ИГ-I-б/p и т.д. – выделяются по наличию или отсутствию обломков раковин пресноводных моллюсков. Данный компонент ИПС визуально хорошо фиксировался и, очевидно, имел определенное значение при отборе сырья. Раковина – практически обязательная естествен-

енная примесь илов, использовавшихся в гончарстве культур прочерченно-накольчатой керамики юга восточно-европейской части России, и значимый признак керамики этих культур. Поэтому фиксация обломков раковины в ИПС елшанской керамики важна для выяснения процессов смешения неолитического населения Поволжья.

В статье дается общая характеристика традиций отбора сырья и не рассматриваются вопросы о конкретных источниках ИПС, хотя их специфика была выявлена в ходе анализа керамических комплексов отдельных памятников елшанской культуры. Конкретные районы и места добычи пластичного сырья определяются по качественному составу и особенностям таких компонентов, как песок, железистые включения, органика. Здесь приводится лишь краткое описание естественных примесей, наиболее характерных для ИПС елшанской посуды: 1) песок в запесоченных подвидах ИПС представлен тремя фракциями: а) пылевидный, с зернами размером менее 0,1 мм; б) кварцевый и цветной, окатанный, с частицами размером 0,1–0,3 мм; в) такой же, но с зернами большего размера (0,5–1,0 мм), иногда в сочетании с черным и серым песком, уплощенные частицы которого достигают 0,5 мм; 2) бурый железняк в форме оолов размером 1–3 мм, охристобурого цвета с характерной плотной оболочкой, обладающей металлическим блеском, является практически постоянным компонентом запесоченных и слабозапесоченных подвидов ИПС. Иногда встречаются аморфные рыхлые железистые включения красноватого цвета размером менее 0,5 мм; 3) часто фиксируемая примесь в обоих подвидах ИПС – глинистые комочки округлой формы размером 1–3 мм, плотные и рыхлые, с мелким песком. Иногда они пропитаны окислами железа, отчего имеют коричневый цвет в осветленных прослоях излома чептика (рис. 5, 1); 4) обломки раковин пресноводных моллюсков, отмечены в 34 % изученных образцов. Преобладают мелкие (менее 1 мм) полуокатанные включения белого матового цвета, без перламутра, в единичной и незначительной концентрации (рис. 5, 3). В ИПС елшанской керамики полностью отсутствуют целые раковинки брюхоногих моллюсков, столь характерные для илистого сырья керамики Северного Прикаспия; 5) раститель-

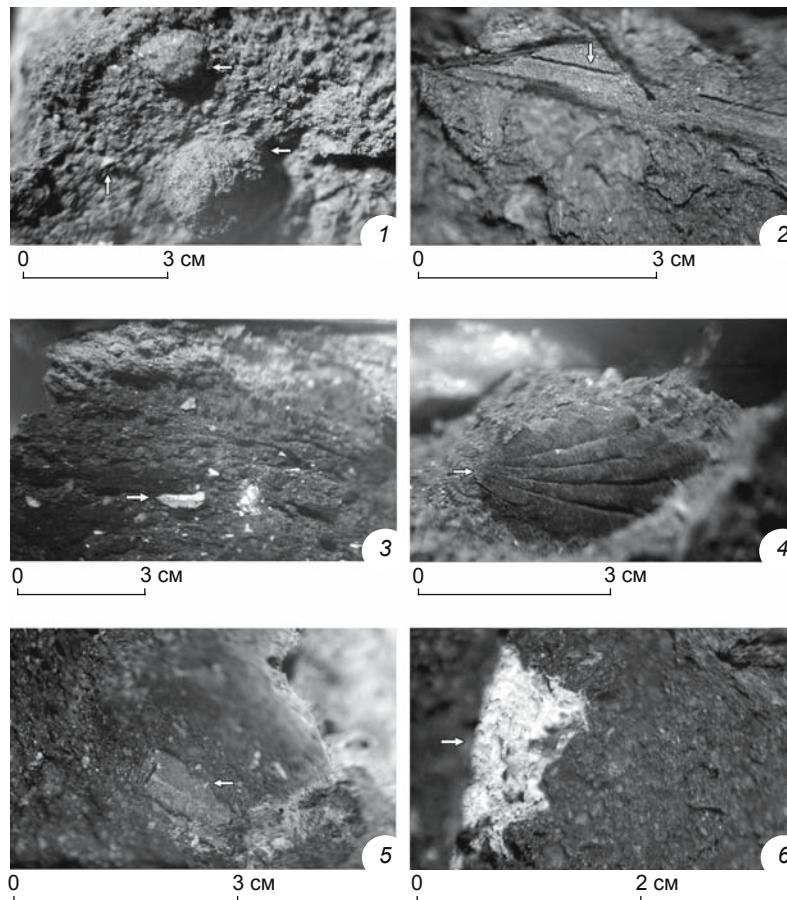

Рис. 5. Технологические особенности изготовления керамики елшанской культуры.

1 – запесоченное исходное сырье с нерастворившимися глинистыми комочками (Нижняя Орлянка); 2 – отпечатки растительности (Ивановка); 3 – единичные включения раковинны (Лебяжинка IV); 4 – отпечаток чешуи рыбы (Ильинка); 5 – фрагмент кости рыбы (Ильинка); 6 – органический раствор (Лебяжинка IV).

Таблица 1. Керамика елшанской культуры из ИПС, ед.

Памятник	Илы					Илистые глины					Итого*	Всего*		
	I тощие		II жирные		Итого*	I тощие		II жирные						
	с рако-винами	без раковин	с рако-винами	без раковин		с рако-винами	без раковин	с рако-винами	без раковин					
<i>Бассейн р. Самары</i>														
Ивановка	9	7	9	1	26 (37)	13	19	11	1	44 (63)	70			
Старая Елшанка II	1	1	—	—	2 (8)	5	17	2	—	24 (92)	26			
Максимовка II	1	1	2	—	4 (50)	1	—	2	1	4 (50)	8			
Виловатое	1	3	2	—	6 (16)	18	12	—	1	31 (84)	37			
<i>Бассейн р. Сок</i>														
Чекалино IV	2	2	—	—	4 (13)	8	17	—	1	26 (87)	30			
Лебяжинка IV	—	—	—	—	—	1	26	—	5	32 (100)	32			
Лебяжинка V	2	—	—	1	3 (9)	16	13	—	—	29 (91)	32			
Ильинка	1	—	—	—	1 (3)	5	30	—	—	35 (97)	36			
Большая Раковка II	—	—	—	—	—	—	17	—	1	18 (100)	18			
Нижняя Орлянка II	1	—	—	—	1 (2)	2	42	—	7	51 / (98)	52			
Красный Городок	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1 (100)	1			
Красный Яр VII	—	—	—	—	—	1	1	—	—	2 (100)	2			
<i>Всего*</i>	18	14	13	2	47 (14)	71	194	15	17	297 (86)	344			

*В скобках указан %.

ные остатки в обоих подвидах ИПС представлены детритом – измельченными обрывками растительных тканей размером менее 1–2 мм, а также нитевидными отпечатками водных и околоводных растений длиной 1,5–3,0 см, диаметром ок. 0,1 мм (рис. 5, 2); 6) организма животного происхождения – фрагменты костей и чешуи рыб – встречается значительно реже, чем растительная, – 14 % от всего количества изученных образцов (рис. 5, 4, 5).

Согласно результатам изучения ИПС керамики елшанской культуры, преобладала посуда из илистых глин: 86 % от общего числа изученных сосудов (табл. 1). Изделия из запесоченных илистых глин составляют ок. 90 % от общего числа сосудов из илистых глин. Всего 27 % посуды из запесоченных илистых глин содержит естественную примесь раковины. В большинстве образцов данный компонент фиксируется только с помощью микроскопа, из чего можно сделать вывод, что присутствие раковины не являлось критерием отбора сырья.

Отсутствие в черепке линз или вытянутых слоев чистой глины, характерных для ИПС в сухом состоянии, и признаков дробления сырья, а также полная промешанность формовочных масс указывают на то, что илы и илистые глины использовались в состоянии естественной увлажненности.

На ступени составления формовочных масс зафиксированы следующие рецепты: 1) ИПС + ОР

(органические растворы); 2) ИПС + ОР + Ш (шамот)* (табл. 2). В незначительном количестве образцов присутствие каких-либо искусственных добавок не выявлено.

В елшанском гончарстве наиболее массовой являлась традиция составления формовочных масс с органическими растворами. *Органические растворы* представлены в черепке изучаемой керамики аморфными полостями размером 1–5 мм, стенки которых покрыты белым веществом (рис. 5, 6), маслянистым коричневато-черным налетом и блестящими прозрачными пленками. Термин «органические растворы» введен в научный оборот А.А. Бобринским. По его мнению, к ним относятся различные kleящие природные вещества растительного и животного происхождения, вводившиеся в формовочные массы с целью придания керамике прочности, влагонепроницаемости и др. [Бобринский, Васильева, 1998, с. 212]. Использование таких рецептов, по-видимому, больше связано с задачами закрепительной стадии, поэтому при характеристике этой традиции следует акцентировать внимание на подготовке формовочных масс из одного сырья, без искусственных ми-

*В небольшой части керамики с шамотом четкие признаки органических растворов не обнаружены, но я не стала выделять отдельный рецепт ИПС + Ш, т.к. это нуждается в дополнительной проработке.

Таблица 2. Керамика елшанской культуры из формовочных масс разных рецептов, ед.*

Стоянка	ИПС без примесей	ИПС + ОР	ИПС + ОР + Ш	Всего
<i>Бассейн р. Самары</i>				
Ивановка	4 (6)	22 (31)	44 (63)	70
Старая Елшанка	—	25 (96)	1 (4)	26
Максимовка II	1 (12)	7 (88)	—	8
Виловатое	—	34 (92)	3 (8)	37
<i>Бассейн р. Сок</i>				
Чекалино IV	1 (3)	29 (97)	—	30
Лебяжинка IV	—	30 (94)	2 (6)	32
Лебяжинка V	—	32 (100)	—	32
Ильинка	5 (4)	31 (86)	—	36
Большая Раковка II	—	18 (100)	—	18
Нижняя Орлянка II	—	52 (100)	—	52
Красный городок	—	1 (100)	—	1
Красный Яр VII	—	2 (100)	—	2
<i>Всего</i>	11 (3)	283 (82)	50 (15)	344

*В скобках указан %.

неральных добавок. Вторая традиция составления формовочных масс, значительно менее распространенная, чем первая, предполагала добавление минеральной примеси – шамота. Рецепты с шамотом зафиксированы в материалах всего нескольких стоянок елшанской культуры. Наиболее массово они представлены в керамическом комплексе Ивановской стоянки (Оренбургская обл.). Преобладает рецепт, в котором доля шамота невелика – 1/4 или чаще 1/5. Шамот не калиброван, хотя его размеры в целом менее 2–3 мм. Сосуды, раздробленные на шамот, были изготовлены в основном из запесоченного сырья. В некоторых включениях шамота в качестве примеси присутствует естественная раковина.

В целом подготовительную стадию елшанского гончарного производства характеризуют: 1) преимущественное использование в качестве сырья для производства посуды илистых глин; 2) отбор в основном запесоченного ожелезненного сырья без раковины; 3) использование ИПС в увлажненном состоянии; 4) бытование двух традиций составления формовочных масс: ИПС + ОР и ИПС + ОР + Ш.

II. Созидательная стадия. Рассматриваются конструирование сосудов (начинов, полого тела), способы придания им окончательной формы, а также приемы обработки их поверхностей. Фрагментированное состояние большей части керамики елшанской культуры позволяет определить лишь общие приемы изготовления посуды. Носители елшанской культуры конструировали сосуды лоскутным налепом с использованием различных форм-моделей, поэтому создание начина, полого тела и формообра-

зование было единым процессом, не расчлененным на этапы. Часть сосудов S-видной профилировки изготовлена зональным лоскутным налепом. Такой вывод базируется на совокупности признаков лоскутного налепа [Бобринский, 1978, с. 139–141], а также результатах анализа экспериментальных эталонов по лоскутному налепу [Васильева, Салугина, 2010]. Строительными элементами служили лоскуты – небольшие порции формовочной массы длиной 4–5 см и толщиной до 1 см (рис. 6, 1, 2). Признаками применения форм-моделей являются складки, морщинистость, отпечатки волос животных на внутренних и внешних поверхностях сосудов (см. рис. 6, 3–5). Об использовании прокладок из шкур свидетельствуют отпечатки «клубков» спутавшейся длинной шерсти. По-видимому, в качестве форм-моделей служили плетеные корзины или специальные деревянные «болванки». По характеру ямок и их негативов-«жемчужин» можно определить, что на основной части елшанских сосудов они нанесены ровно, четко, с целью украшения. Однако имеются сосуды, на которых ямки неровные, «жемчужины» стерты последующим заглаживанием (рис. 6, 7). На сосуде со стоянки Нижняя Орлянка II между «смятыми», частично затертymi ямками сохранились отпечатки ремешка (рис. 6, 6). Эти наблюдения позволяют предположить изначальную связь данного орнамента с технологией изготовления сосудов. Возможно, ямки образовывались в результате проникновения выступающих концов прутьев плетеных корзин в формовочную массу при обмазывании формы-модели. К концам ремешками могли прикрепляться кожаные

мешочки-прокладки. Опираясь на результаты микроскопического изучения линий спаев и систем наложения лоскутков в изломах елшанских сосудов, а также их сравнения с эталонами, можно предположить применение как форм-емкостей, так и форм-основ.

При использовании форм-моделей формообразование происходило уже в процессе конструирования, а форма сосуда задавалась формой самой модели. Дополнительным приемом формообразования было выбивание. Толщина стенок елшанских сосудов иногда достигает всего 3–4 мм. В некоторых случаях выбивание производилось, по-видимому, через шкуры животных, в результате на выбиваемой поверхности появились отпечатки волос. Использование форм-моделей и лоскутного налева в елшанском гончарстве может указывать на единовременность решения трех узких технологических задач: конструирования начина и полого тела, а также придания сосуду формы. Данные приемы относятся к начальным звеньям эволюционной цепочки развития навыков ручного конструирования.

Основными способами обработки поверхностей елшанских сосудов были простое заглаживание и уплотнение (лощение без характерного матового блеска) (рис. 6, 8). Заглаживание производилось орудиями из дерева или кости, а также мягкими материалами (кожей?). Уплотнение могло осуществляться отполированными твердыми предметами (галькой, костью). Следы уплотнения обнаружены как на внутренних, так и на внешних поверхностях сосудов.

В целом состав традиций елшанских гончаров на созидательной стадии включал: 1) приемы лоскутного налепивания при конструировании сосудов; 2) применение форм-моделей и приема выбивания для придания сосудам окончательной формы; 3) простое заглаживание и уплотнение (на ступени обработки поверхностей).

III. Закрепительная стадия (придание прочности и устранение влагопроницаемости). Большинство фрагментов елшанских сосудов обладает значитель-

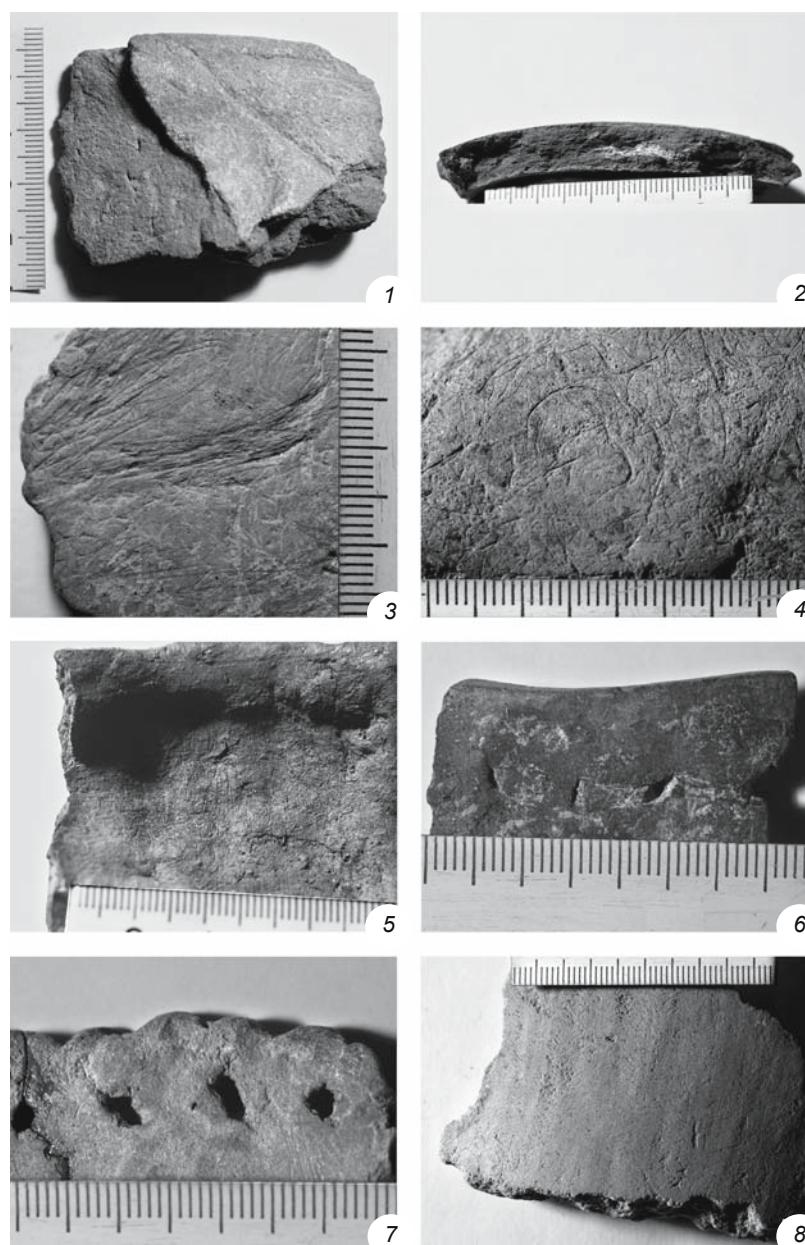

Рис. 6. Технологические особенности изготовления керамики елшанской культуры.

1, 2 – признаки лоскутного налева (Лебяжинка IV, Нижняя Орлянка); 3–5 – признаки использования шкур в процессе формообразования (Максимовка, Нижняя Орлянка); 6 – отпечаток ремешка между ямками (Нижняя Орлянка); 7 – деформированные ямки на внутренней поверхности сосуда (Старая Елшанка); 8 – признаки обработки поверхности способом уплотнения (Ильинка).

ной механической прочностью. Излом черепка: а) однотонный серый, б) трехслойный (с осветленными поверхностными прослойками и темно-серой сердцевиной) или в) двухслойный (со светло-коричневым прослойком у внешней или внутренней поверхности и темно-серой остальной частью черепка). Керамика длительно обжигалась в основном при низких температурах в восстановительной среде с кратковремен-

ным пребыванием в условиях температур каления (выше 650 °C), о чем можно судить по окрашенности поверхностных слоев в теплые тона (светло-коричневый) и отсутствию остаточной пластичности. Для придания прочности елшанская керамика подвергалась обжигу, использовались также холодные способы, предполагавшие введение органических растворов. Таким образом, в елшанском гончарстве прослежено распространение смешанных способов придания прочности – с помощью холодного и горячего (термического) воздействия – и применение приемов неполной выдержки изделий при температурах каления глины, в результате чего они приобретали двух-трехслойную окраску в изломе. Это позволяет считать навыки труда елшанских гончаров на закрепительной стадии частично сформированными [Бобринский, 1999, с. 85–89, 105].

В целом структуру елшанской гончарной технологии следует охарактеризовать как *простую* (десять обязательных и одна дополнительная (орнаментирование) ступеней), а гончарное производство отнести к *протогончарным*. Важно отметить, что в гончарстве преобладающей части елшанского населения илистые глины выполняли функцию моносыря (Ф 4 [Бобринский, 1999]). Судя по результатам радиоуглеродного датирования керамики с шамотом [Выборнов, 2008, с. 241], позднее распространились традиции производства елшанской керамики, в которых илистые глины служили основным сырьем (Ф 3 [Бобринский, 1999]), к которому добавлялась минеральная примесь (шамот).

Обсуждение результатов

Данные о елшанской гончарной технологии могут быть привлечены для обсуждения ряда вопросов историко-культурного характера. Наиболее актуальный и сложный из них – вопрос о генезисе елшанских комплексов в Волго-Уралье. Высказанные в ходе его обсуждения точки зрения можно свести к двум гипотезам: миграционной и «автохтонной». Первая из них была выдвинута И.Б. Васильевым, впервые изучившим и выделившим елшанские комплексы [Васильев, Пенин, 1977, с. 18], и окончательно сформулирована позднее совместно с А.А. Выборновым [Васильев, Выборнов, 1988, с. 51]. Исследователи отрицают наличие явных генетических корней елшанской культуры в Волго-Уралье и считают, что данная культура складывалась под влиянием импульсов, эпицентром которых были восточно-каспийские и среднеазиатские неолитические культуры. По предположению исследователей, неолитические коллективы охотников и рыболовов двигались из Приаралья и Восточного Прикаспия в лесостепное Поволжье в обход Прикаспийской низменности, где проживали

инокультурные группы населения, по предгорьям Уральских гор, затем по рекам Уралу и Самаре [Васильев, Выборнов, 1988, с. 24]. В 2000-е гг. были высказаны другие версии миграционной гипотезы, авторы которых усматривали истоки этой ранненеолитической культуры на Балканах и в Приазовье. Подробный анализ этих точек зрения представлен в работе А.А. Выборнова [2008, с. 97–102]. Гипотеза об автохтонном происхождении елшанских комплексов раннего этапа волго-уральской культуры была выдвинута Н.Л. Моргуновой, которая не исключала также «импульса идеи гончарного производства... привнесенного волнами более южного пришлого населения» [1995, с. 55–57]. Окончательно сформулировал «автохтонную» гипотезу А.Е. Мамонов. По его мнению, в основе культуры – автохтонная мезолитическая елшанская кремневая индустрия, не связанная с немногочисленными найденными в Волго-Уралье геометрическими микролитами; елшанское гончарство своим появлением обязано местным региональным традициям [2000, с. 156–157].

Данные по елшанской гончарной технологии дают основание предположить ее неместный характер. Если исходить из гипотезы о происхождении гончарства на базе опыта использования органических и илистых материалов, то в ранних керамических комплексах на территории очагов зарождения керамического производства должны остаться «следы» догончарного периода, связанные с составлением определенных рецептов формовочных масс и использованием огня не для обжига керамики, а только как объекта почитания, обладавшего очистительными и другими магическими свойствами [Бобринский, 1999, с. 96–97]. Елшанское гончарство характеризуется использованием илистых глин, а не илов и уже частично сформированными навыками придания прочности гончарным изделиям. Освоение того или иного вида ИПС – длительный процесс формирования представлений о нем как пластичном сырье для производства посуды. Примером продолжительного эволюционного развития может служить гончарство населения культур прочерченно-накольчатой керамики (Нижнее Поволжье, часть Украины), зародившееся на базе опыта использования илов. Согласно абсолютным датам, данный процесс протекал неравномерно более 1,5 тыс. лет и отражал освоение ИПС в направлении илистые глины – глины. Например, носители орловской культуры использовали илистые глины и глины уже в ранний период среднего неолита (Варфоломеевка, слой 3) [Васильева, 2009], однако часть из них сохраняла представления об илах и в более позднее время (Орловская стоянка) [Васильева, 2008]. В Северном Прикаспии эволюционные изменения в гончарстве не были восприняты группой поздненеолитического населения, оставившего стоянку Тентек-сор I [Васильева, 1999].

В Волго-Уралье гончарные традиции елшанского населения появились, будучи более развитыми по сравнению с синхронными гончарными технологиями культур прочерченно-накольчатой керамики. Можно предположить, что начальные этапы эволюции елшанского гончарства связаны с территорией, которая не входит в изучаемый регион.

В связи с вышесказанным встает вопрос о механизме распространения ранненеолитических гончарных традиций в Волго-Уралье. Работы А.А. Бобринского убедительно доказали, что освоение приемов изготовления посуды в любом гончарстве носит эмпирическую форму, для обучения им необходимо длительное время. Передача технологической информации в традиционных обществах от одного поколения к другому совершалась только по родству или свойству [Бобринский, 1999, с. 49–52]. Следовательно, возникновение и функционирование гончарного производства в Волго-Уралье было возможно только при наличии устойчивых контактов между местными позднемезолитическими коллективами и пришлым неолитическим населением, владевшим гончарными навыками. Как считает большинство исследователей елшанской кремневой индустрии, особенности первичного расщепления и вторичной обработки кремня уходят корнями в местные мезолитические традиции, т.е. мужская часть населения Волго-Уралья продолжала местные традиции камнеобработки, а значит, кардинальной смены населения в неолите не произошло [Мамонов, 2000, с. 157]. Таким образом, можно предположить, что миграции неолитических охотников носили кратковременный сезонный характер, поэтому практически не оставили археологических свидетельств. Однако в ходе этих передвижений, возможно, устанавливались устойчивые брачные отношения с северными мезолитическими коллективами. Именно женщины – носительницы гончарных традиций, вышедшие замуж за иноплеменников и переселившиеся на их территорию, могли основать здесь производство посуды и передать свои трудовые навыки следующим поколениям, благодаря чему местная мезолитическая культура приобрела новый облик.

Нельзя обойти вниманием вопрос о роли елшанской культуры в формировании средневолжской неолитической культуры. По мнению большинства исследователей, елшанская культура относилась к раннему неолиту и явилась основой для сложения средневолжской (или волго-уральской) культуры развитого неолита, которое происходило при участии носителей культур прочерченно-накольчатой керамики Нижнего Поволжья. А.А. Ластовский, возражающий против выделения елшанской культуры, считает, что «керамика елшанского типа не образует отдельную культуру, она имеет сквозное развитие от ранне-

го неолита к энеолиту» [2006, с. 112]. Полученная недавно серия радиоуглеродных дат по елшанской керамике как будто подтверждает тезис о длительности существования этой культуры – от начала VI до середины V тыс. до н.э. Согласно данным по гончарной технологии и абсолютным датам для керамики отдельных памятников, вероятно, в течение весьма продолжительного времени в Волго-Уралье проживали носители устойчивых гончарных традиций (см. табл. 1). Устойчивость любого гончарного производства обеспечивается следующими факторами: «1) изготовлением привычных (традиционных) форм посуды; 2) наличием устойчивой среды ее потребителей; 3) наличием технических средств изготовления посуды; 4) доступностью сырья» [Бобринский, 1999, с. 48–49]. То, что на протяжении тысячелетия елшанская гончарная технология в Волго-Уралье почти не претерпела изменений, свидетельствует о наличии всех перечисленных условий, а значит, среды производителей и потребителей традиционной елшанской посуды. Следует отметить, что некоторые изменения в данной группе неолитического населения Волго-Уралья произошли: появилась плоскодонная керамика, изготовленная в соответствии с елшанскими технологическими и орнаментальными традициями (Красный Городок). Причины этого становятся понятными, если рассмотреть еще одну часть неолитической керамики, представленной на памятниках региона, которая включает посуду елшанских форм с ямочно-жемчужным поясом, но изготовленную из пелогенового ила, и плоскодонные сосуды с накольчатым орнаментом, но сделанные по елшанской технологии. Такая керамика могла распространяться только в результате смешения елшанских коллективов с группами носителей более южных культур прочерченно-накольчатой керамики. Миграция неолитического населения из Нижнего Поволжья в Волго-Уралье, которая признается всеми исследователями, аргументирована результатами анализа форм и орнаментов сосудов, а также кремневых комплексов. Радиоуглеродные даты для ранних комплексов керамики с прочерченным орнаментом Северного Прикаспия (Каиршак III: $7\ 950 \pm 90$ л.н.) совпадают с датами для елшанской керамики (Ивановка: $7\ 930 \pm 90$ л.н.). Керамика из нижнего слоя Варфоломеевской стоянки, расположенной в степном Поволжье, датируется от $7\ 760 \pm 100$ до $7\ 250 \pm 80$ л.н., а керамика с накольчатым орнаментом Ивановки – $7\ 060 \pm 100$ л.н. [Выборнов, 2008, с. 239–241]. Таким образом, елшанская культура существовала в Волго-Уралье уже длительное время, когда туда пришли группы неолитического населения с традициями изготовления из илов плоскодонной керамики с накольчатым орнаментом. По-видимому, произошло смешение одной части «елшанцев» с пришлым населением,

в результате чего появилась новая средневолжская культура. Другая часть в течение какого-то времени сохраняла специфику форм своей посуды, орнаментальных традиций и гончарной технологии.

Особого рассмотрения требует вопрос о различиях в представлениях елшанских гончаров о сырье. По результатам технико-технологического анализа выделяются две группы населения, которые изготавливали керамику елшанского типа. Одна использовала илистые глины в качестве моносырья (большая часть материалов памятников в Самарском Поволжье), а вторая добавляла к илистой глине минеральную дробленую примесь – шамот (Ивановка, стоянки на правобережье Волги: Елшанка-10, Выюново, Молебное Озеро). Традиция последней отражает существенное изменение в представлениях о пластичном сырье. В этой динамике можно видеть следующий шаг в эволюции взглядов на илистое сырье – переход от моносырья к смеси сырья и искусственных добавок [Бобринский, 1999, с. 78–79]. Керамика елшанского типа с шамотом в формовочной массе датируется более поздним периодом, чем елшанская посуда, изготовленная без минеральных добавок (Ивановка: $7\ 780 \pm 90 - 7\ 680 \pm 90$ л.н.) [Выборнов, 2008, с. 241]. Это позволяет предположить, что контакты елшанского населения с неолитическими коллективами носителей знаний о гончарном производстве, по-видимому, закрепленные в брачных отношениях, не прерывались в течение длительного времени; возможно, благодаря им «елшанцы» познакомились с новыми тенденциями развития и достижениями в области гончарства.

Результаты изучения гончарной технологии могут помочь в определении истоков ранненеолитических гончарных традиций Волго-Уралья. Уже сегодня есть основание отказаться от их поиска на более южных и юго-западных территориях, занятых в эпоху неолита в основном носителями культур прочерчено-накольчатой керамики. В ходе изучения неолитической гончарной технологии была выявлена традиция использования илов в качестве древнейшего пластично-го сырья на территории Украины (буго-днестровская и днепро-донецкая культуры), в степном Поволжье (орловская культура) [Васильева, 2008, 2009], Нижнем Подонье (Ракушечный Яр), Северо-Западном Прикаспии (Джангар), Северном Прикаспии (нижневолжская культура) [Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999]. Здесь практически повсеместно фиксируются признаки процесса перехода в гончарной технологии от илов к илистым глинам, который сопровождается формированием традиции введения в формовочную массу искусственной дробленой раковины, но не выявлены свидетельства распространения «шамотной» традиции.

Рассматривая юго-восточный вектор поиска истоков елшанской культуры, отметим, что специаль-

ное изучение неолитической гончарной технологии Восточного Прикаспия и Приаралья почти не проводилось. С помощью микроскопа мне удалось исследовать около десятка образцов керамики со среднеазиатских стоянок Учаши-159 и Чарбакты (раскопки Хорезмской экспедиции). Было установлено, что посуда изготовлена из незапесоченных и запесоченных илистых глин без искусственных добавок. В ходе микроскопического изучения неолитической керамики из пещеры Джебел (Туркменистан), проведенного известным ученым-керамистом А.Н. Августинником и В.И. Барановой, были определены мелкие округлые и угловатые обломки раковины («карбоната кальция органического происхождения» размером 2–3 мм и менее), а также углистые органические остатки [Августинник, Баранова, 1956, с. 226]. Сочетание естественных примесей раковины и растительности как будто указывает на использование илистого сырья. По мнению исследователей джебелской керамики, в формовочные массы могли добавляться жидкые органические вещества (молоко, мочевина), которые обеспечивали механическую прочность черепка [Там же, с. 222]. Для большинства неолитических комплексов Приаралья характерно сочетание «грубой шамотной керамики» и тонкостенной слабоорнаментированной керамики с «растительной примесью» [Виноградов, 1981, с. 93]. В целом накопленные к настоящему времени немногочисленные сведения пока не позволяют сделать однозначного вывода о близости древнейшего гончарства этого региона и ранненеолитических гончарных традиций Волго-Уралья. Вместе с тем юго-восточный вектор поисков, указанный первыми исследователями елшанской культуры, представляется наиболее перспективным.

Список литературы

- Августинник А.Н., Баранова В.И.** Технологическая характеристика черепков Джебела // Тр. Южно-Туркменской археологической экспедиции. – Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1956. – Т. VII. – С. 222–227.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.** О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 198–217.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.** Неолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1988. – 112 с.
- Васильев И.Б., Пенин Г.Г.** Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век

Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1977. – С. 3–22.

Васильева И.Н. Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Тез. Междунар. конф. по применению методов естеств. наук в археологии. – СПб., 1994. – Т. II. – С. 111.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – Вып. 1. – С. 72–96.

Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Науч.-техн. центр, 2006. – Вып. 4. – С. 426–439.

Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2007. – С. 23–38.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. обл. ист.-краевед. музея им. П.В. Алабина, 2008. – С. 40–47.

Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластическом сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 65–77.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 234–257.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налеп // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 72–87.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 173 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. – 490 с.

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты памятников мезолита – энеолита юга Европейской России и Сибири // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 109–115.

Ластовский А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Науч.-техн. центр, 2006. – Вып. 4. – С. 107–113.

Мамонов А.Е. Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара: Центр «Интеграция», 2000. – С. 147–176.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ин-та, 1995. – 222 с.

Материал поступил в редакцию 13.01.10 г.

УДК 902.02

Н.П. Салугина

Самарская государственная академия культуры и искусств
ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010, Россия
E-mail: nsalug@gmail.com

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье излагаются итоги изучения гончарной технологии населения Волго-Уралья в раннем бронзовом веке. Источниками работы послужили керамические коллекции из погребальных памятников ямной культуры. Исследование проводилось в соответствии с методикой технико-технологического анализа керамики, разработанной А.А. Бобринским. Охарактеризовано гончарство населения ямной культуры как особая сфера деятельности. Данные по технологии используются при обсуждении вопросов происхождения и развития носителей ямной культуры. Рассматривается роль керамики в погребальной обрядности населения раннего бронзового века.

Ключевые слова: керамика, технология изготовления керамики, исходное сырье, формовочные массы, способы конструирования, начин, полое тело, культурные традиции, трудовые навыки.

Введение

Многие вопросы, связанные с изучением ямной культуры, до сих пор остаются дискуссионными. Например, нет единого мнения о путях сложения населения, оставившего близкие по внешнему облику памятники ямной культуры на огромном степном пространстве от Дуная до Урала, о формировании локальных групп носителей этой культуры, соотношении памятников ямной и последующих культур эпохи средней бронзы, а также возможности реконструкции социальной структуры общества только на основе результатов изучения погребального обряда. Наиболее часто при решении указанных проблем привлекаются материалы по керамике и данные об особенностях погребального обряда. В последнее время исследователи обращают внимание на то, что далеко не все погребения ямной культуры сопровождаются глиняной посудой. Это наблюдение представляется очень важным, поскольку в эпоху средней бронзы, следующую за периодом ямной культуры, практически в каждое погребение ста-

вился глиняный сосуд (часто не один). Наличие посуды лишь в немногих погребениях ямной культуры исследователи объясняют по-разному: одни – особенностями социальной структуры [Салугина, 2008], другие – незначительной ролью керамики в погребальной обрядности [Мочалов, 2009, с. 79]. Появление новых материалов с сопредельных территорий заставляет еще раз обратиться к обсуждению данного вопроса.

В данной статье излагаются результаты технологического исследования керамики из погребальных памятников ямной культуры Волго-Уралья и с привлечением этих материалов обсуждаются дискуссионные вопросы истории населения, оставившего указанные памятники. Волго-Уралье – территории Самарской и Оренбургской областей – М.А. Турецкий считает ареалом средневолжско-приуральского варианта ямной культурно-исторической общности (рис. 1) [1999]. Обращение к технологии изготовления керамики обусловлено тем, что именно результаты ее изучения можно считать полноценным историческим источником.

А.А. Бобринский разработал историко-культурный подход к изучению керамики [1978, 1999], который предполагает выявление и изучение признаков применения конкретных навыков труда. Данный подход позволяет на основе результатов анализа гончарной технологии реконструировать события и процессы в истории отдельных групп древнего населения [Бобринский, 1999, с. 6]. Технологический анализ керамики основывается на бинокулярной микроскопии, эксперименте, а также данных этнографии и состоит из двух последовательных этапов: первый – сбор информации о технологии изготовления каждого конкретного сосуда; второй – обобщение такой информации обо всех изученных сосудах и реконструкция технологических традиций, характерных для изучаемого населения. Выделение технологической информации проводилось в соответствии с естественной структурой гончарного производства, включающего десять обязательных и две необязательные ступени, которые объединены в три стадии [Там же, с. 9–11]. Перевод технологической информации в историческую основывается на выводе А.А. Бобринского о разной скорости изменения трудовых навыков в условиях смешения разнокультурного населения. Навыки, изменяющиеся достаточно быстро (отбор исходного сырья, подготовка формовочных масс, обработка поверхностей), исследователем названы приспособительными, а проявляющие устойчивость (конструирование начина и полого тела и формообразование) – субстратными [Бобринский, 1978, с. 244].

Источником для настоящей статьи послужили результаты микроскопического анализа 47 сосудов. Коллекция включает как целые формы из погребений, так и фрагменты отдельных сосудов, найденные в насыпи курганов. Вся керамика разделена на две группы. В первую группу входят сосуды репинского облика – с выделенной горловиной (табл. 1; рис. 2). Практически все исследователи, касающиеся в своих работах изучения керамики, посуду с выделенной горловиной относят к особому типу. Многие считают, что она принадлежит к раннему этапу ямной культуры [Васильев, Кузнецова, Турецкий, 2000, с. 19; Трифонов, 1996, с. 5; Богданов, 2004; Салугина, 2005, с. 85; 2006б, с. 76]. Вторую группу составляют сосуды классического облика, а также керамические изделия, которые ранее относили либо к позднему этапу ямной культуры, либо к этапу перехода от раннего к среднему бронзовому веку. Их отличительная особенность – уплощенное дно. В данной статье они объединены в одну группу, поскольку отражают поздний этап развития ямной культуры (табл. 2; рис. 3).

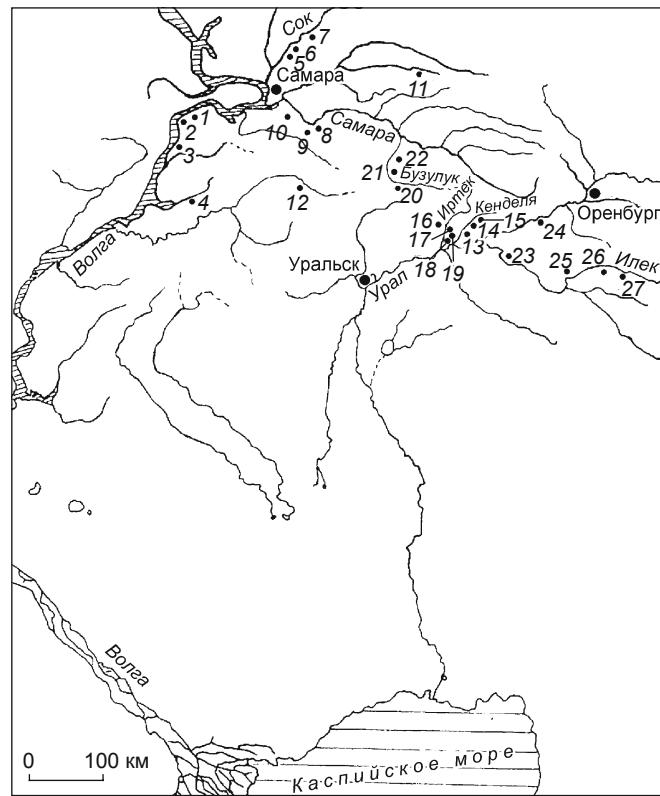

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников ямной культуры (средневолжско-приуральский вариант), керамика которых рассматривается в статье.

Территория Самарской обл.: 1 – Кашпир III; 2 – III Кашпирский одиночный курган; 3 – Екатериновка; 4 – Владимировка; 5 – Грачевка II; 6 – Лопатино I; 7 – Потаповка; 8 – Покровка I; 9 – Утевка I; 10 – Николаевка III; 11 – Березняки I; 12 – Журавлиха I.

Территория Оренбургской обл.: 13 – Барышников; 14 – Герасимовка II; 15 – Мустаево; 16 – Трудовое II; 17 – Болдырево I; 18 – Болдырево IV; 19 – Шумаево II; 20 – Ефимовка IV; 21 – Скворцовка; 22 – Петровка I; 23 – Линевка III; 24 – Пятилетка; 25 – Изобильное I; 26 – Тамар-Уткуль VIII; 27 – Увак.

Результаты технико-технологического анализа керамики ямной культуры

Прежде чем перейти к изложению результатов технологического анализа керамики, необходимо сделать ряд замечаний методического характера.

1. При анализе исходного сырья исследователи выделяют илы, илистые глины и геологические глины. В этом качестве илы впервые были выделены и охарактеризованы А.А. Бобринским и И.Н. Васильевой [1998]. Илистое сырье керамики ямной культуры Волго-Уралья имеет следующий качественный состав: песок кварцевый прозрачный, окатанный и полуокатанный, размер частиц 0,1–0,3 мм; единично представлены песчинки размером 0,5 мм, концентрация песка мала: 5–7–9 включений на 1 см²; неболь-

Таблица 1. Сосуды репинского облика из погребений ямной культуры, ед.

Памятник	Погребение	Насыпь кургана	Итого	Погребенный		Итого
				Ребенок	Взрослый	
<i>Самарская обл.</i>						
Екатериновка V, уч. 1	1	—	1	—	1	1
Екатериновка, разрушенное погребение	1	—	1	—	1	1
Покровка I, кург. 15, погр. 2	1	—	1	1	—	1
Лопатино I, кург. 31	—	2	2	—	—	—
Потаповка, кург. 5, погр. 1	1	—	1	1	—	1
Грачевка II, кург. 5, погр. 4	1	—	1	1	—	1
Грачевка II, кург. 7, погр. 1, 2	2	—	2	2	—	2
<i>Итого</i>	7 (77,8)	2 (22,2)	9 (100)	5 (71,4)	2 (28,6)	7 (100)
<i>Оренбургская обл.</i>						
Петровка, кург. 1, погр. 1	2	—	2	—	2	2
Герасимовка II, кург. 4, погр. 2	1	—	1	—	1	1
Болдырево I, кург. 8, погр. 2	1	—	1	—	1	1
Болдырево I, кург. 9, насыпь	—	2	2	—	—	—
Болдырево I, кург. 1, погр. 1	1	—	1	—	1	1
Скворцовка, кург. 5, погр. 2	1	—	1	1	—	1
<i>Итого</i>	6 (75)	2 (25)	8 (100)	1 (16,7)	5 (83,3)	6 (100)
<i>Всего</i>	13 (76,5)	4 (23,5)	17 (100)	6 (46,2)	7 (53,8)	13 (100)

Примечание. Здесь и далее в скобках указан % от количества сосудов, найденных в определенном археологическом контексте.

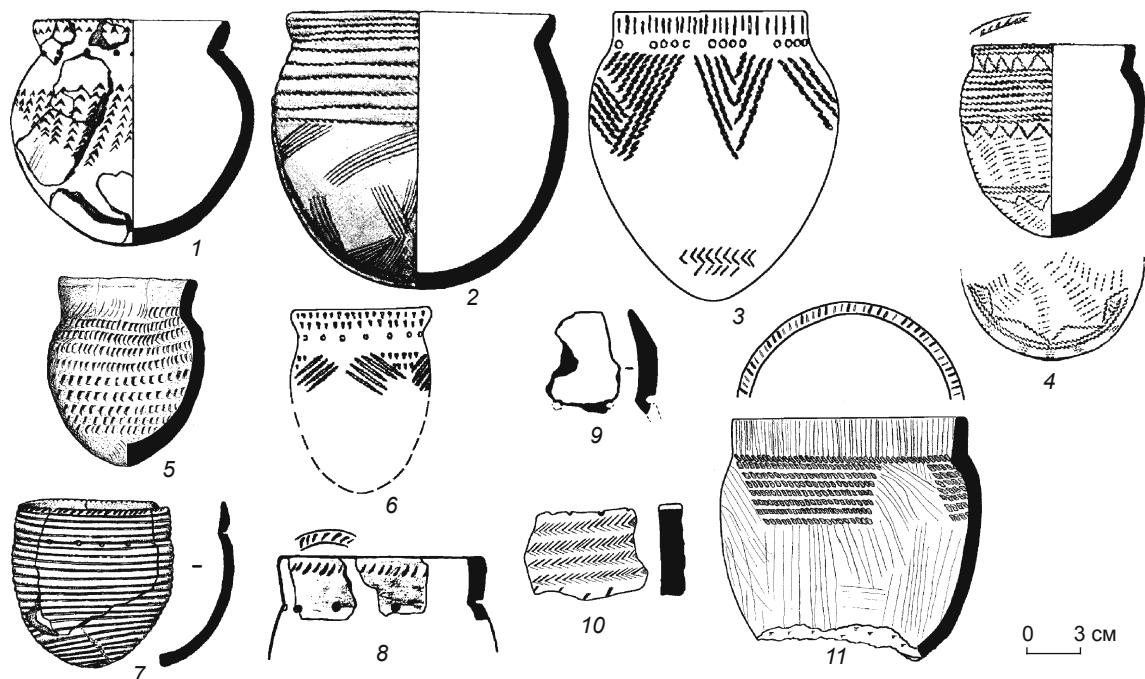

Рис. 2. Керамика репинского облика из погребений ямной культуры Волго-Уралья.

1, 2 – Петровка I, кург. 1, погр. 1; 3 – Екатериновка V, уч. 1; 4 – Потаповка, кург. 5, погр. 1; 5 – Екатериновка, разрушенное погребение; 6 – Покровка, кург. 15, погр. 2; 7 – Герасимовка II, кург. 4, погр. 2; 8 – Болдырево I, кург. 8, погр. 2; 9 – Болдырево I, кург. 9, насыпь; 10, 11 – Лопатино I, кург. 31, насыпь.

Таблица 2. Сосуды классического и позднего облика из погребений ямной культуры, ед.

Памятник	Погребение	Насыпь кургана	Итого	Погребенный				Итого
				Ребенок	Подросток	Взрослый	Взрослый + ребенок	
<i>Самарская обл.</i>								
III Кашпирский одиночный курган	—	3	3	—	—	—	—	—
Кашпир III, кург. 3, погр. 1	1	—	1	—	—	1	—	1
Николаевка III, кург. 3, погр. 1	1	—	1	1	—	—	—	1
Екатериновка II, раскоп 1, погр. 3	1	—	1	—	—	1	—	1
Березняки, кург. 14, погр. 1	2	—	2	—	—	2	—	2
Лопатино I, кург. 31, погр. 1	1	—	1	—	—	1	—	1
Лопатино II, кург. 3	1	—	1	—	—	1	—	1
Грачевка II, кург. 7	1	2	3	1	—	—	—	1
Грачевка II, кург. 5, погр. 2	1	—	1	—	—	1	—	1
Владимировка, кург. 4, погр. 4	1	—	1	—	—	1	—	1
Журавлиха, I, кург. 16	1	—	1	—	—	1	—	1
Утевка I, кург. 1, погр. 1	1	—	1	—	—	1	—	1
<i>Итого</i>	12 (70,6)	5 (29,4)	17 (100)	2 (16,7)	—	10 (83,3)	—	12 (100)
<i>Оренбургская обл.</i>								
Тамар-Уткуль VIII, кург. 4, погр. 1	1	—	1	—	—	—	1	1
Тамар-Уткуль VIII, кург. 5, погр. 1	1	—	1	1	—	—	—	1
Тамар-Уткуль VIII, кург. 8, погр. 1	2	—	2	—	2	—	—	2
Увак, кург. 5, погр. 6	1	—	1	1	—	—	—	1
Барышников, кург. 3, погр. 6	1	—	1	1	—	—	—	1
Барышников, кург. 4, погр. 1	1	—	1	—	—	1	—	1
Барышников, кург. 5, погр. 1	1	—	1	1	—	—	—	1
Болдырево IV, кург. 2, погр. 5	1	—	1	—	—	1	—	1
Болдырево I, кург. 9, насыпь	—	2	2	—	—	—	—	—
Герасимовка II, кург. 1, погр. 1	1	—	1	1	—	—	—	1
Герасимовка II, кург. 6, погр. 2	1	—	1	—	—	1	—	1
Пятилетка, кург. 5	—	1	1	—	—	—	—	—
Трудовое II, кург. 5, погр. 1	1	—	1	—	—	1	—	1
Изобильное I, кург. 5, погр. 1	1	—	1	—	—	1	—	1
Изобильное I, кург. 3, погр. 1	1	—	1	—	—	—	1	1
Линевка III, кург. 1, погр. 1	1	—	1	—	—	1	—	1
Мустаево V, кург. 8, погр. 2	1	—	1	—	—	1	—	1
Шумаево II, кург. 4, погр. 2	1	—	1	1	—	—	—	1
Шумаево II, кург. 7, погр. 3	1	—	1	—	—	1	—	1
Ефимовка IV, кург. 6, погр. 1	1	—	1	—	—	1	—	1
Скворцовка, кург. 6, погр. 2	1	—	1	—	—	1	—	1
Скворцовка, кург. 5, погр. 4	1	—	1	—	—	1	—	1
<i>Итого</i>	21 (87,5)	3 (12,5)	24 (100)	6 (28,6)	2 (9,5)	11 (52,4)	2 (9,5)	21 (100)
<i>Всего</i>	33 (80,5)	8 (19,5)	41 (100)	8 (24,2)	2 (6,1)	21 (63,6)	2 (6,1)	33 (100)

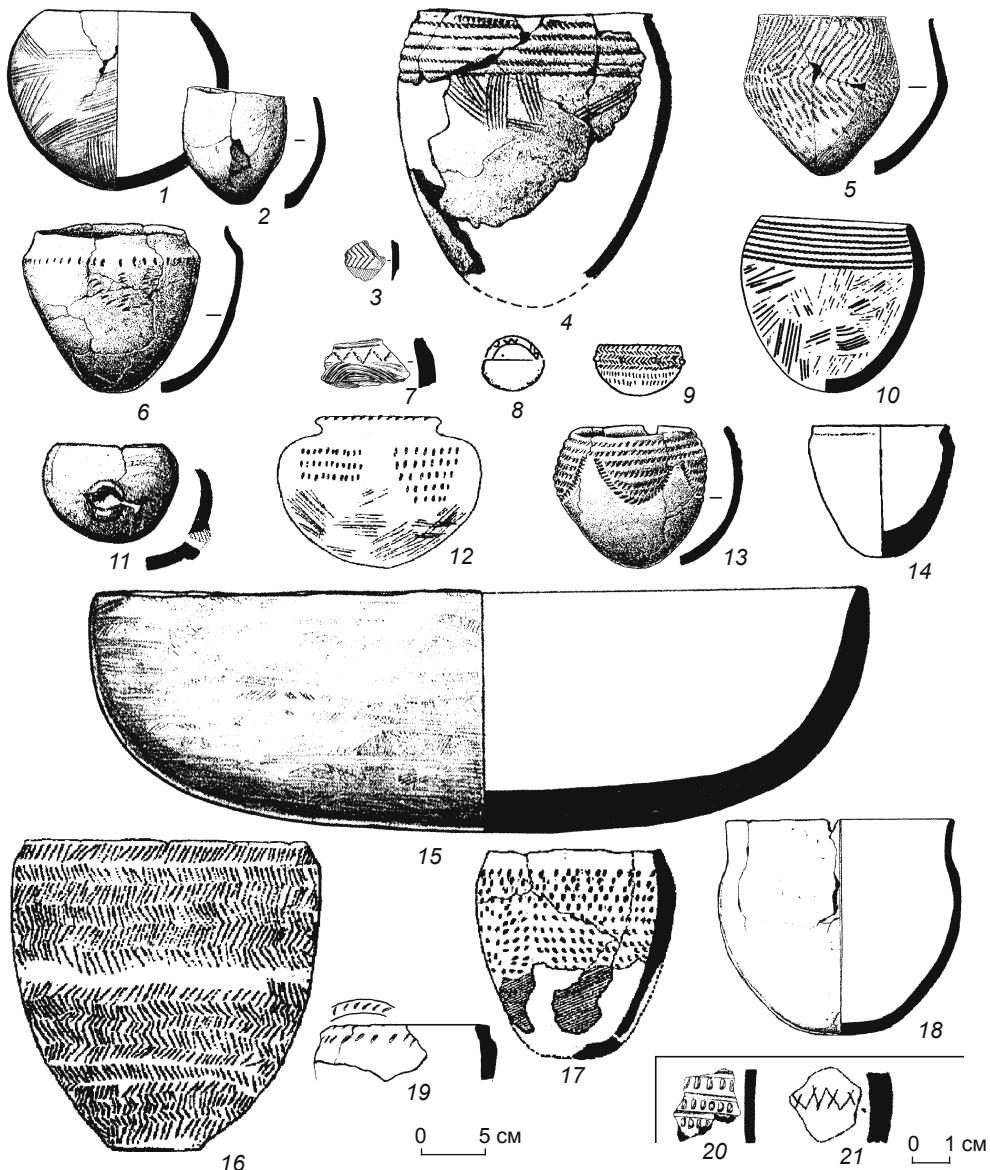

Рис. 3. Керамика общечаймного облика из погребений ямной культуры Волго-Уралья.

1 – Болдырево IV, кург. 2, погр. 5; 2, 5 – Тамар-Уткуль VIII, кург. 8, погр. 1; 3, 7 – III Кашпирский одиночный курган, насыпь; 4 – Ефимовка IV, кург. 6, погр. 1; 6 – Барышников, кург. 4, погр. 1; 8 – Лопатино I, кург. 31, погр. 1; 9 – Березняки I, кург. 14, погр. 1; 10 – Мустаево V, кург. 8, погр. 2; 11 – Трудовое II, кург. 5, погр. 1; 12 – Лопатино II, кург. 3, погр. 2; 13 – Барышников, кург. 3, погр. 6; 14 – Кашпир III, кург. 3, погр. 1; 15 – Пятилетка, кург. 5; 16 – Утевка I, кург. 1, погр. 1; 17 – Журавлиха I, кург. 1, погр. 16; 18 – Изобильное I, кург. 5, погр. 1; 19, 21 – Болдырево I, кург. 9, насыпь; 20 – Шумаево II, кург. 7, погр. 3.

шие (1,0–1,5 мм) комочки чистой нерастворившейся глины; комочки глинистого вещества рыжевато-бурового цвета, пропитанного окислами железа, размером 1,0–1,5 мм; оолы бурого железняка размером 1–2 мм; растительные остатки водного происхождения. Последние представлены нитевидными включениями, которые иногда расположены обособленно, иногда сгруппированы в пучки, а также обрывками стеблей и листьев растений. Особенность растительных остатков в составе илов – отсутствие деформации в

виде следов перекусывания и расщепления. По размеру они разнообразны: от 2–3 до 3–4 см. Единичны целые мелкие экземпляры улиток, в небольшой концентрации присутствуют обломки раковины. Илистые глины выделены И.Н. Васильевой [2002, с. 19; 2005, с. 76–77]. Илистые глины, зафиксированные в исследованной керамике, имеют следующий качественный состав: кварцевый окатанный цветной песок размером 0,1–0,3 мм, единичные песчинки размером до 0,5–0,7 мм в средней концентрации:

до 50 песчинок разного размера на 1 см²; оолитовый бурый железняк размером 1,0–3,0 мм; округлые кромочки чистой глины; округлые глинистые включения, насыщенные окислами железа; единичные отпечатки перегнивших растительных остатков размером до 2–3 мм. Как установлено при детальном сравнении, илы и илистые глины по качественному составу очень близки. Различия проявляются в основном в большей насыщенности илов растительными остатками, характер которых может быть определен как водная флора (остатки перевитых нитевидных включений, длинных, недеформированных частей стеблей и листовых пластин). Можно утверждать, что сырье для изготовления рассматриваемой керамики (илы или илистые глины) отбиралось в местах, приуроченных к водоемам. Важно подчеркнуть, что использование илов или глин отражает разные представления населения о принципах отбора исходного сырья, а следовательно, и разные культурные традиции [Бобринский, 1978, с. 73–78]. Глины как геологическая осадочная порода и как исходное сырье для изготовления керамики характеризуются следующим качественным составом: песок кварцевый, окатанный, разноцветный, размер песчинок 0,3–0 мм (концентрация песка в глинах различна); оолы бурого железняка размером до 2 мм; иногда фиксируются мелкие (менее 1 мм) чешуйки слюды. В исследованном материале выделены глины двух качественно различных видов – ожелезненные и неожелезненные. При обжиге в окислительной среде они различаются по цвету: ожелезненные глины приобретают терракотовую окраску, неожелезненные – кремовую.

2. Сложной задачей является идентификация раковины в составе керамики. Признаки различения раковины как компонента исходного сырья и как искусственно введенной в формовочную массу прими-си мной уже рассматривались [Салугина, 2006а], но в данной работе считаю необходимым уточнить их. Раковина в составе илов и илистых глин обладает следующими особенностями: очертания ее, как правило, окатанные; перламутр не сохраняется; цвет от беловатого до коричневатого; часто поверхность раковины как бы изъедена микроорганизмами; при дроблении исходного сырья, содержащего раковину, последняя не расщепляется на горизонтальные пластинки. Концентрация раковины в составе сырья небольшая. Искусственное введение раковины в формовочную массу легче всего определить, если раковина предварительно была нагрета. Ее отличают следующие качественные признаки: очертания с одной стороны угловатые (следствие дробления), с другой – окатанные (следствие нагревания и размягчения); цвет пепельно-серый; перламутр сохраняется; расщепление на горизонтальные пластинки. Концентрация искусственно введенной раковины, как правило, значительная.

3. Под термином «дресва» понимается специально дробленная горная порода.

4. Органический раствор в формовочной массе фиксируется по следующим признакам: участки или весь излом пропитаны черным «жиরным» блестящим веществом, им как бы обволакиваются минеральные включения; имеются аморфные пустоты, стенки которых покрыты рыжим, белесым или черным налетом.

5. При изучении конструирования посуды определяются способы изготовления начина и полого тела. Выделение особенностей этих приемов при создании одного сосуда позволяет определить технологические схемы (или системы) конструирования посуды, характерные для конкретной группы населения. По исследованному материалу прослежены четыре схемы конструирования (обозначены римскими цифрами).

6. С целью более четкого определения степени ожелезненности исходного сырья, характера искусственных и естественных примесей и создания унифицированных условий для наблюдений перед началом анализа небольшие фрагменты каждого сосуда дополнительно нагревались до 800 °C в муфельной печи в окислительной среде.

Технология керамики репинского облика из погребений ямной культуры

В группу включено 17 сосудов: 9 – с территории Сармарской и 8 – Оренбургской областей (см. табл. 1).

Отбор, добыча, обработка исходного сырья (ступени 1–3). Для изготовления посуды население, оставившее погребения с керамикой репинского типа, выбирало сырье двух видов – илы и илистые глины. Оба вида использовались в естественно увлажненном состоянии, признаки высушивания сырья не зафиксированы. Преобладали навыки отбора илов. Эта традиция была присуща гончарам Поволжья и Приуралья. Илистые глины использовались только гончарами Приуралья (табл. 3).

Составление формовочных масс (ступень 4). При изучении особенностей составления формовочных масс зафиксировано применение исходного сырья как чистого, без искусственных примесей, так и со специальными примесями: дробленой раковины, шамота и органического раствора. Рецепты формовочных масс следующие: 1) ил без искусственных добавок; 2) ил + дробленая раковина; 3) илистая глина + дробленая раковина; 4) ил + дробленая раковина + органический раствор; 5) илистая глина + дробленая раковина + органический раствор; 6) ил + шамот + органический раствор; 7) илистая глина + шамот + органический раствор (табл. 3). Раковина перед введением в формовочную массу предварительно на-

Таблица 3. Сосуды репинского облика из погребений ямной культуры, различающиеся по исходному сырью и составу формовочных масс, ед.

Компоненты формовочной массы	Ил	Илистая глина	Итого
<i>Самарская обл.</i>			
Без примесей	2 (Потаповка, кург. 5, погр. 1; Лопатино I, кург. 31, насыпь)	—	2
Дробленая раковина	4 (Екатериновка V, уч. 1; Екатериновка, разруш. погр.; Лопатино I, кург. 31, насыпь; Покровка, кург. 15, погр. 2)	—	4
Дробленая раковина + органический раствор	3 (Грачевка II, кург. 7, погр. 1, 2; кург. 5, погр. 4)	—	3
<i>Итого</i>	9 (100)	—	9 (100)
<i>Оренбургская обл.</i>			
Без примесей	2 (Петровка I, кург. 1, погр. 1; Скворцовка, кург. 5, погр. 2)	—	2
Дробленая раковина	2 (Герасимовка II, кург. 4, погр. 2; Петровка I, кург. 1)	1 (Болдырево I, кург. 8, погр. 2)	3
Дробленая раковина + органический раствор	—	1 (Болдырево I, кург. 9, насыпь)	1
Шамот + органический раствор	1 (Болдырево I, кург. 1, погр. 1)	1 (Болдырево I, кург. 9, насыпь)	2
<i>Итого</i>	5 (62,5)	3 (37,5)	8 (100)
<i>Всего</i>	14 (82,4)	3 (17,6)	17 (100)

гревалась и разминалась. Составление формовочных масс с использованием раковины – наиболее широко распространенная традиция в среде изучаемого населения. Формовочные массы с добавлением шамота отмечены только для изделий из Приуралья. В целом населением обеих территориальных групп использовались идентичные примеси.

Конструирование посуды (ступени 5–7). Исследовавшиеся сосуды представлены в основном либо во фрагментарном, либо в реставрированном виде, поэтому данные по их конструированию весьма ограничены. В ходе микроскопического анализа установлено: 1) при изготовлении начинов применялись донно-емкостная и емкостно-донная программы конструирования; 2) в качестве формы-модели использовались как формы-основы, так и формы-емкости с прокладками из мягких материалов; 3) строительными элементами служили небольшие порции глины – лоскуты, наращиваемые по спиралевидной траектории. Полое тело указанных выше сосудов конструировалось из лоскутов, которые наращивались по спиралевидной траектории. Конкрет-

ные способы конструирования определены по 5 из 17 сосудов. У остальных можно отметить лишь скульптурную лепку с помощью спирально-лоскутного наращивания. При использовании форм-моделей еще на этапе конструирования оформлялась форма будущего сосуда. Окончательное придание сосуду формы происходило при выдавливании пальцами и незначительном выбивании стенок колотушкой с гладкой рабочей частью.

Для посуды репинского облика выделены две технологические системы – I и IV. Система I предполагала изготовление начина сосуда в соответствии с донно-емкостной программой спирально-лоскутным способом. Полое тело делали также из лоскутов, которые наращивали по спиралевидной траектории. Форма придавалась при конструировании, когда использовались формы-модели (Герасимовка II, кург. 4). В соответствии с системой конструирования IV начин изготавливался по емкостно-донной программе. И начин, и полое тело создавались из лоскутов, которые наращивали по спиралевидной траектории (Екатериновка V; Екатериновка, разрушенное

погребение; Потаповка; Скворцовка, кург. 5). Наличие двух принципиально различных систем конструирования – свидетельство сложения населения на основе как минимум двух культурных групп, обладавших собственными традициями изготовления посуды.

Обработка поверхностей сосудов (ступень 8). Производилась чаще всего простым заглаживанием с помощью разных инструментов: деревянного скребка (следы в виде глубоких тонких линий), деревянного гребенчатого штампа (следы в виде равномерных разнонаправленных бороздок-«расчесов»), гальки, пальцев, мягкого предмета (материал пока трудно идентифицировать). Одним и тем же орудием обрабатывались, как правило, обе поверхности сосуда. На одном сосуде (Лопатино I, кург. 31, насыпь) отмечены следы лощения по подсушеннной основе.

Приданье прочности сосудам и устранение влагопроницаемости их стенок (ступени 9, 10). Эти задачи решались в ходе термической обработки. Изломы почти всех сосудов имеют трехслойную окрашенность, что свидетельствует о кратковременном пребывании посуды в зонах действия температур каления.

Таким образом, технико-технологический анализ керамики репинского облика выявил большую культурную близость как приспособительных (отбор илов в качестве исходного сырья, использование при составлении формовочных масс главным образом дробленой раковины, заглаживание в качестве основного способа обработки поверхностей), так и субстратных (применение преимущественно технологической схемы IV) навыков. Важно отметить, что мастера, изготавливавшие керамику репинского облика, имели четкие представления о сырье – они выбирали преимущественно ил; в сложении данной группы населения принимали участие две разнокультурные группы, обладавшие собственными навыками конструирования посуды.

Технология керамики классического и позднего типа из погребений ямной культуры

Отбор, добыча и подготовка исходного сырья (ступени 1–3). Для изготовления керамики выбиралось исходное сырье трех видов: илы, илистые глины и геологические глины. По исследованному материалу зафиксированы глины двух разных видов: ожелезненные и неожелезненные, а также концентраты, составленные из смеси ожелезненной и неожелезненной глин и смеси ила с неожелезненной глиной (табл. 4). Следует отметить, что если илы отбирались представителями обеих территориальных групп, то илистые глины – чаще населением Поволжья, а геологические глины – жителями Приуралья. Составле-

ние концентратов зафиксировано только для территории Оренбуржья. При этом неожелезненная глина использовалась исключительно в составе концентратов. Появление данной традиции и традиции составления концентратов можно объяснить вторжением на территорию Оренбуржья мигрантов с собственными устойчивыми представлениями о сырье. Этот тезис подтверждается наличием в формовочных массах сосудов шамота, также изготовленного из смеси ожелезненной и неожелезненной глин. На определенном этапе в среде изучаемого населения между носителями разных представлений об исходном сырье начался процесс смешения, на что указывают зафиксированные концентраты, составленные из ила и неожелезненной глины.

Сырье использовали как в естественно увлажненном, так и в высушенном, а затем дробленом состоянии. Неожелезненная глина находила применение только в высушенном и дробленом состоянии.

Составление формовочных масс (ступень 4). Использовалось как чистое сырье без искусственных примесей, так и с добавками: дробленой раковины пресноводных моллюсков, шамота, дресвы и органического раствора. Перед введением в формовочную массу многие компоненты специально готовились. Раковину предварительно нагревали на углях, а затем дробили и разминали. Нагревание раковины происходило неравномерно, что определяло разную степень прокаленности отдельных ее частей и разнообразие качественных особенностей ее включений. Размеры включений раковины колеблются от пылевидных до 8–9 мм. Концентрация раковины в составе формовочных масс, как правило, значительная. Шамот вводился в формовочную массу в виде средних и крупных частиц (0,9–2,0 мм) в концентрации 1 : 4 и 1 : 5. В составе его фиксируются шамот и раковина. Дресва готовилась путем дробления песчанниковой породы и представлена частицами размером 0,5–0,9 мм. Органический компонент формовочной массы зафиксирован в виде органического раствора. Конкретный состав раствора без проведения специальных экспериментов определить невозможно. В отдельных образцах (Утевка I, кург. 1, погр. 1; Лопатино I, кург. 31, погр. 1) в формовочной массе фиксируются сильно измельченные растительные остатки вместе с раствором, что позволяет предполагать использование выжимки из навоза. По исследованному материалу выделяются 13 рецептов составления формовочных масс (табл. 4). Наиболее широкое распространение получили навыки составления формовочных масс по рецепту шамот + органический раствор. У населения Самарского Поволжья и Оренбуржья были разные традиции составления формовочных масс. Для первого характерно добавление к исходному сырью (илам и илистым глинам) дроб-

Таблица 4. Сосуды классического и позднего облика из погребений ямной культуры, различающиеся по исходному сырью и составу формовочных масс, ед.

Компоненты формовочной массы	Ил	Илистая глина	Глина ожелезненная	Глина ожелезненная + неожелезненная	Ил + глина неожелезненная	Итого
Самарская обл.						
Без примесей	2 (III Кашпирский одиночный курган, насыпь)	—	—	—	—	2 (18,2)
Органический раствор	—	1 (Лопатино I, кург. 31, погр. 1)	—	—	—	1 (9)
Дробленая раковина	2 (Грачевка II, кург. 7, погр. 2; Лопатино II, кург. 3, погр. 2)	—	—	—	—	2 (18,2)
Шамот + органический раствор	1 (Журавлиха I, кург. 16)	1 (Березняки I, кург. 14, погр. 1)	—	—	—	2 (18,2)
Дробленая раковина + органический раствор	—	2 (Грачевка II, кург. 5, погр. 2; кург. 7, насыпь)	—	—	—	2 (18,2)
Шамот + дробленая раковина + органический раствор	—	2 (Грачевка II, кург. 7, насыпь; Утевка I, кург. 1, погр. 1)	—	—	—	2 (18,2)
<i>Итого</i>	5 (45,5)	6 (54,5)	—	—	—	11 (100)
Оренбургская обл.						
Без примесей	1 (Шумаево II, кург. 7, погр. 3)	1 (Болдырево I, кург. 9, насыпь)	—	—	—	2 (10,5)
Органический раствор	—	—	—	—	1 (Барышников, кург. 4, погр. 1)	1 (5,3)
Шамот	—	1 (Ефимовка IV, кург. 6, погр. 1)	—	—	—	1 (5,3)
Шамот + органический раствор	5 (Болдырево IV, кург. 2, погр. 5; Тамар-Уткуль VIII, кург. 5, погр. 1; кург. 4, погр. 1; Шумаево II, кург. 4, погр. 2; Пятилетка, кург. 5, насыпь)	—	5 (Барышников, кург. 3, погр. 6; Трудовое II, кург. 5, погр. 1; Скворцовка, кург. 5, погр. 4; кург. 6, погр. 2; Мустаево V, кург. 8, погр. 2)	3 (Тамар-Уткуль VIII, кург. 8, погр. 1 (2 сосуда); Линевка III, кург. 1, погр. 1)	—	13 (68,4)
Дробленая раковина + органический раствор	—	1 (Болдырево I, кург. 9, насыпь)	—	—	—	1 (5,3)
Дресва + органический раствор	—	—	—	—	1 (Изобильное I, кург. 5, погр. 1)	1 (5,3)
<i>Итого</i>	6 (31,6)	3 (15,8)	5 (26,3)	3 (15,8)	2 (10,5)	19 (100)
<i>Всего</i>	11 (36,7)	9 (30)	5 (16,7)	3 (10)	2 (6,6)	30 (100)

леной раковины и органического раствора. Фиксируется также начало применения в качестве искусственной примеси шамота, что свидетельствует о контактах с группами населения, имевшими навыки составления формовочных масс с шамотом. Керамика из Оренбуржья отражает широкое овладение такими приемами, причем у населения данного региона традиция использования глиняных концентратов и введения в формовочную массу шамота была устойчивой. Шамот изготавливается как из одной ожелезненной глины, так и из глиняных концентратов. Следует отметить представленный одним образом рецепт: смесь ила и неожелезненной глины, в которую введены дресва и органический раствор (Изобильное I, кург. 5, погр. 1). Он указывает на эпизодические контакты с инокультурными группами населения.

Конструирование и придание формы сосудам (ступени 5–7). Зафиксированы две программы конструирования начинов: донно-емкостная и емкостно-донная. В качестве строительных элементов использовались лоскуты (оторванные от жгута небольшие порции глины), «лепешки» (комочки глины без определенной формы), короткие (длиной до 9 см) и длинные жгуты. Все элементы, кроме «лепешек», наращивались по спиралевидной траектории. Конструирование посуды производилось как с применением форм-моделей, так и путем скульптурной лепки на плоскости. При создании полого тела использовались лоскуты, «лепешки», короткие и длинные жгуты, ленты. При изготовлении всех исследованных сосудов наращивание элементов (кроме лент) происходило по траектории, близкой к спиралевидной. Глиняные ленты наращивались по кольцевой траектории.

Выделено четыре системы конструирования. В соответствии с системой I начин изготовлен по донно-емкостной программе. Строительными элементами и для начина, и для полого тела служили лоскуты, которые наращивались по спирали. Форма сосудом приобреталась еще в процессе конструирования, когда использовались формы-модели. Эта технологическая схема получила самое массовое воплощение (Барышников, кург. 3; Болдырево IV, кург. 2; Трудовое II; Лопатино II; Березняки I; Тамар-Уткуль VIII, кург. 8; Линевка III; Журавлиха I; Грачевка II, кург. 7, погр. 2). Система конструирования II предполагала также создание начина по донно-емкостной программе спирально-лоскутным способом, а полого тела – из лент, которые наращивались по кольцевой траектории (Барышников, кург. 4). Систему конструирования III характеризует изготовление начина в соответствии с донно-емкостной программой. Строительными элементами для начина выступали жгуты, навиваемые по спиралевидной траектории, для полого тела – ленты,

наращивавшиеся по кольцевой траектории (Изобильное I, кург. 5). Система IV – это изготовление начина в соответствии с емкостно-донной программой. Начин и полое тело создавались на основе лоскутов, которые наращивались по спиралевидной траектории (Тамар-Уткуль VIII, кург. 4; Мустаево V; Утевка I). Сосуды классического ямного облика изготавливались чаще всего по схемам конструирования I и IV. Две другие технологические схемы отражают, скорее всего, контакты с инокультурными группами населения. Преобладание сосудов, сделанных по двум технологическим схемам, принципиально различающимся по программам изготовления начинов, подтверждает сделанный выше вывод об участии в сложении ямного населения двух разных культурных групп. На данном этапе в отличие от раннего, которому соответствует керамика репинского облика, преобладающей становится схема конструирования I.

Часть посуды классического облика представлена фрагментами, изучение которых позволяет сделать вывод об их изготовлении методом наращения небольших порций глины (лоскутов), вероятно, по спиралевидной траектории.

Способы механической обработки поверхности (ступень 8). Преобладающий прием обработки – простое заглаживание; только один сосуд подвергался лощению (Линевка III, кург. 1, погр. 1). Заглаживание основной массы сосудов производилось инструментом с мягкой рабочей частью; в отдельных случаях удалось идентифицировать материал – это был кусочек ткани. Стенки одних сосудов заглажены гребенчатым штампом, в результате чего образовались разнонаправленные «расчесы», другие – твердым предметом (галькой). На нескольких сосудах имеются следы применения двух инструментов для заглаживания: гребенчатого штампа + гальки, ткани + гальки, деревянного скребка + кусочка овчины. У этой посуды твердым предметом (галькой) обработана верхняя часть.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок (ступени 9, 10). Производилось путем термической обработки. В изломе почти все сосуды имеют двух- и трехслойную окрашенность, что свидетельствует о недолговременном воздействии температур каления (650°C и выше).

Проведенный технико-технологический анализ керамики позднего этапа ямной культуры зафиксировал разнообразие навыков изготовления посуды на всех ступенях технологии.

Обсуждение результатов

Привлекая полученную информацию для исследования конкретных исторических процессов, необходимо

помнить, что любая гончарная технология – это система, обладающая определенной устойчивостью. Признаками устойчивости служат проявления многократного воспроизведения одних и тех же навыков работы в каждом новом цикле производственного процесса. Устойчивость системы обеспечивается четырьмя факторами: изготовлением привычных (традиционных) форм посуды; наличием постоянной среды потребителей и технических средств для изготовления посуды; доступностью сырья [Бобринский, 1999, с. 8, 48–49]. Как показывают этнографические данные, устойчивое состояние систем технологии свидетельствует об относительной изолированности от внешнего мира носителей этих систем – гончаров, их «привязанности» к ограниченному пространству – поселению, где они трудились, и ближайшей периферии, где распространялась их продукция. Вероятно, в древности связь жителей отдельных поселков с внешним миром строго регламентировалась [Там же, с. 52]. Поскольку исследованная керамика представляет только погребальные комплексы коллективов, стационарные поселки которых в Волго-Уралье пока не известны, а хозяйственно-культурный тип большинством исследователей определяется как подвижное скотоводство [Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000, с. 21], можно предположить, что гончарная система постоянно нарушалась под влиянием иных культурных групп, а также ввиду необходимости использовать разные источники сырья. Это во многом объясняет разнообразие в технологии, которое прослежено по керамике ямной культуры. Навыки конструирования и формообразования относятся к числу субстратных, т.е. наименее подверженных изменениям при нарушении стабильности гончарных систем [Бобринский, 1999, с. 66–67]. Поэтому наличие в керамической коллекции ямной культуры посуды, воплощающей принципиально разные программы конструирования начинов (донно-емкостную и емкостно-донную), свидетельствует о формировании ямного населения на основе как минимум двух разнокультурных групп.

Общие особенности гончарства носителей ямной культуры. Ранний этап культуры, представленный керамикой репинского облика, характеризуется относительной однородностью населения, на что указывают прежде всего данные о навыках отбора исходного сырья. Разные традиции составления формовочных масс свидетельствуют как о существовании нескольких родственных групп, обладавших собственными навыками составления формовочных масс, так и о контактах с иными группами населения. В формировании населения раннего этапа развития ямной культуры принимали участие как минимум две различные в культурном отношении группы.

На следующем этапе бытования культуры, который прослеживается по керамике классического

облика, в результате контактов с носителями иных культур или появления в Волго-Уралье мигрантов состав ямного населения усложнялся. Это был длительный процесс. При сохранении традиции применения в качестве исходного сырья илов начали распространяться навыки отбора илистых и геологических глин. Вероятно, к исконно ямным следует отнести традиции использования илов для производства посуды. Они также применялись при оформлении могильных ям [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 42; Богданов, 2004, с. 65–66]. Неожелезненная глина в составе концентратов и сами концентраты – свидетельства наличия у населения сложившихся навыков отбора и подготовки в качестве исходного сырья разных видов глин. Последние отмечены у представителей оседлых земледельческих культур [Гей, 1986]. Приобретение таких навыков носителями ямной культуры, подвижными скотоводами, следует считать результатом их контактов с земледельческим населением.

Традиции составления формовочных масс также становятся более разнообразными. В формовочную массу наряду с дробленой раковиной и органическим раствором начали массово вводить шамот. Вполне возможно, использование шамота является отражением связей ямного населения с потомками местного энеолитического населения, в керамике которого встречается шамот [Васильева, 2006, с. 19; Барынкин, Козин, 1991, с. 104]. В энеолитической керамике, как и в черепке некоторых сосудов ямной культуры, шамот представлен в очень небольшой концентрации. Но наличие шамота в большой концентрации, изготовленного из смеси глин и имеющего в своем составе также шамот из смеси глин, однозначно свидетельствует о контактах с инокультурными группами населения, возможно, выходцами из земледельческих районов.

Анализ признаков, характеризующих субстратные навыки, позволяет сделать вывод о сохранении на всем протяжении бытования ямной культуры двух основных систем конструирования (I и IV), а следовательно, о преемственности основных технологических традиций. Со временем в среду ямного населения влились группы с иными технологическими традициями, в частности с традициями использования лент при конструировании полого тела. Согласно результатам технико-технологического анализа керамики, территория Самарского Поволжья и Приуралья, особенно на позднем этапе развития ямной культуры, была своеобразным «котлом», в котором происходило смешение разных групп населения. Одним из проявлений этих процессов можно считать разнообразие культурных традиций в гончарстве.

Проблема формирования ямного населения. На нее имеются две основные точки зрения. Сторонники первой склонны считать, что сложение происходи-

ло эволюционно, на основе предшествующего населения, оставившего памятники хвалынской энеолитической культуры [Васильев, 1979, с. 37; 2004, с. 53–54]. Приверженцы второй указывают на хронологический разрыв между памятниками ямной и хвалынской культур и высказывают предположение о «прерывистости культурного развития» в степном Поволжье в период энеолита – бронзы [Барынкин, 1992, с. 22]. В технологии изготовления энеолитической керамики и керамики репинского облика, представляющей ранний этап ямной культуры, имеется много общего: 1) отбор в качестве исходного сырья илов и илистых глин; 2) введение в состав формоносных масс преимущественно дробленой (нагретой) раковины и органического раствора, иногда шамота; 3) приданье сосуду формы с помощью форм-моделей при конструировании; 4) применение метода спирально-лоскутного налепа; 5) обработка поверхностей сосудов похожими способами. Такое сходство вряд ли было случайным, поэтому сегодня достаточно уверенно можно говорить, что в формировании ямного населения принимали участие потомки местных энеолитических коллективов.

Роль керамики в погребальной обрядности ямных племен. Погребения ямной культуры Волго-Уралья, в которых зафиксирована керамика, составляют ок. 30 % от общего числа захоронений. Керамику, обнаруженную в некоторых насыпях курганов, только предположительно можно связать с определенным погребением. Среди погребений, в которых находилась керамика, значительную часть составляют детские. Эта особенность представляется очень важной, поскольку в целом доля детских погребений в ямных некрополях невелика. Погребения взрослых, в которых обнаружена керамика, содержат останки в основном пожилых мужчин (см. табл. 1, 2). Вероятно, наличие глиняных сосудов в погребениях детей и пожилых мужчин отражает определенные закономерности погребального обряда. Как установлено в ходе предварительного анализа, в большинстве погребений ямной культуры Нижнего Поволжья, содержащих керамику, также захоронены дети [Jones-Bley, 1999]. Аналогичная особенность прослежена по материалам могильника эпохи энеолита Хвалынский I [Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 8–55].

И.Ф. Ковалева считает, что ямное общество рассматривало детей как свою наименее защищенную часть и поэтому, отправляя в другой мир, снабжало их всем самым необходимым. Исследователь отмечает в целом идентичность основных элементов обряда погребения детей и взрослых, что является показателем межпоколенной передачи традиций [1998].

Существовали две последовательно сменявшие друг друга модели социальной организации древних обществ. Первая – система возрастных групп, кри-

терием вхождения в которые был реальный возраст. Вторая основана на иерархии сословных групп, которая возникает с началом формирования права наследования [Там же, с. 71]. Можно предположить, что в обществе носителей ямной культуры были две особые возрастные группы. Первую составляли дети, вероятно, до возраста инициации, вторую – пожилые мужчины, которые выполняли важную функцию по передаче традиций молодым членам общества. Отсюда сближение статуса пожилых мужчин и детей, что проявляется в наличии совместных погребений и присутствии в них глиняной посуды. Отметим также, что керамика, находившаяся в насыпях курганов, служила для отправления каких-то обрядов, а часть сосудов, обнаруженных в погребениях, была предназначена для охры, которая, видимо, использовалась в культовых действиях. Вероятно, эти керамические предметы маркировали определенный социальный статус умерших, возможно жреческий. Таким образом, можно говорить о многозначности керамики в погребальной обрядности племен ямной культуры.

Проведенное исследование технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья позволило ввести в научный оборот новый пласт систематизированной информации и показать возможности применения подобных исследований для обсуждения конкретных вопросов истории племен раннего бронзового века.

Список литературы

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.** Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1990. – 160 с.
- Барынкин П.П.** Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 26 с.
- Барынкин П.П., Козин Е.В.** Некоторые результаты исследований II Большелераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности восточно-европейской лесостепи. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1991. – С. 100–108.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.** О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 193–216.
- Богданов С.В.** Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 285 с.
- Васильев И.Б.** Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древ-

няя история Поволжья. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1979. – С. 24–56.

Васильев И.Б. Некоторые итоги исследования хвалынской энеолитической культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2004. – С. 48–58.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2000. – С. 6–64.

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2002. – Вып. 2. – С. 15–49.

Васильева И.Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I-II Хвалынских могильников // РА. – 2005. – № 3. – С. 76–84.

Васильева И.Н. Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 17–22.

Гей И.А. Технологическое изучение керамики трипольского поселения Старые Куконышты // КСИА. – 1986. – Вып. 185. – С. 22–27.

Ковалева И.Ф. Мир детства у ямных племен Приднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетров. ун-та, 1998. – С. 5–12.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1994. – 158 с.

Мочалов О.Д. Диагностические признаки керамики ямной культурно-исторической области // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной полосы Восточ-

ной Европы. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 78–86.

Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. – 2005. – № 3. – С. 85–92.

Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006а. – Т. II. – С. 379–382.

Салугина Н.П. Технология керамики населения раннего бронзового века Волго-Уралья (по материалам погребальных памятников) // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2006б. – С. 76–80.

Салугина Н.П. Керамика в погребальной обрядности населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – С. 339–341.

Трифонов В.А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1996. – С. 3–7.

Турецкий М.А. Проблемы сложения средневолжско-приуральского варианта ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 1999. – Вып. III. – С. 6–11.

Jones-Bley K. Early and Middle Bronze Age Pottery from the Volga-Don Steppe: A catalogue of pottery from the Volgograd Regional History and Cultural Museum. – Oxford, 1999. – 151 p. – (BAR International Series, 796).

Материал поступил в редакцию 13.01.10 г.

УДК 903.3

Т.Н. Рафикова, С.В. Берлина

Институт гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета
ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: TNRafikova@yandex.ru

ЖИЛИЩЕ БАКАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ УСТЬ-ТЕРСЮКСКОГО-1 ГОРОДИЩА

В работе приводится реконструкция жилища бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища. В научный оборот вводятся новые данные по домостроительству средневекового населения лесостепного Зауралья. Установлено, что, помимо известных до недавнего времени легких каркасных построек типа чума и юрты, у бакальского населения были стационарные полуземлянки каркасно-столбовой конструкции с наклонными стенами из жердей и прутьев, обмазанных изнутри глиной и покрытых сверху дерном, с пологой крышей, пригодные для проживания в течение всего года. Изученное жилище позволило реконструировать внутреннее убранство: выявлены остатки чувала и нар.

Ключевые слова: раннее средневековье, лесостепное Зауралье, бакальская культура, материальная культура, домостроительство.

Целенаправленное исследование средневековых древностей лесного и лесостепного Зауралья, предпринятое археологами региона в последнее десятилетие, не только актуализировало вопросы хронологии, культурогенеза средневековых культур [Викторова, Морозов, 1993; Морозов, 2003; Матвеева, 2006; Викторова, 2008; Данченко, 2008; Матвеева, Рафикова, 2009; и др.], но и обострило круг проблем, давно требующих пристального внимания исследователей. Как это ни парадоксально, но основной элемент материальной культуры – жилище средневекового человека – изучен неравномерно и часто недостаточно глубоко. Наиболее представительны источники по домостроительству почевашской культуры, помимо словесных представлены и графические реконструкции построек [Елагин, Молодин, 1991; Скандинов, 1988]. Значительную историю имеет изучение построек лесной и подтаежной зон Зауралья. Так, для юдинского населения выделено три типа: наземные срубы, полуземлянки с шатровым перекрытием и вертикальными стенами [Викторова, 1968, 1969; Викторова, Кернер, 1988; Матвеева, Рафикова, 2005]. Результаты археологических исследований памятников юдинской и нижнеобской культур использованы

З.П. Соколовой при изучении истории жилищ обских угров [1957]. Специально исследованием построек таежной зоны Зауралья занимался В.М. Морозов [1994]. А вот данные по бакальским жилищам фрагментарны. Практически все изученные сооружения вскрыты «попутно», при раскопках многослойных объектов [Овчинникова, 1988; Борзунов, 1993; Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008; Кайдалов, Сечко, 2008]. Исследования Большого Бакальского городища, проводимые в последние годы, не пополнили данный раздел новыми материалами [Боталов и др., 2008]. Остатки всех изученных построек реконструируются как легкие шалаш или юрты. В результате работ на Усть-Терсюкском-1 городище впервые было исследовано стационарное полуземляночное жилище каркасно-столбовой конструкции, расширившее наши представления о домостроительных традициях бакальского населения. Время функционирования постройки в рамках VI–IX вв. н.э. определено на основании дат, полученных радиоуглеродным методом по образцу угля (СОАН-7598) от горизонтально лежащего к западу от жилища дерева (при вероятности в 95,4 % 670–890 гг. н.э., при вероятности в 68,2 % 680–860 гг. н.э.), и аналогий инвентарю.

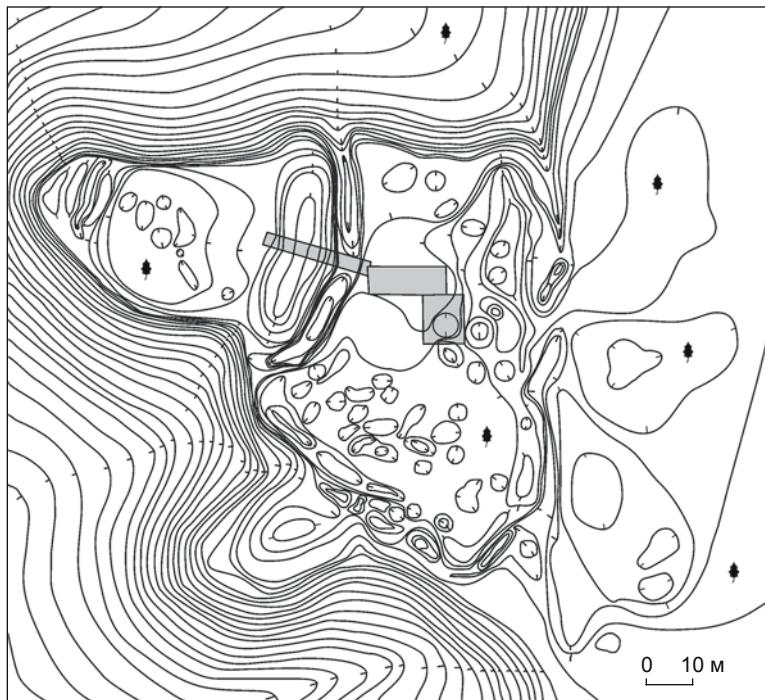

Рис. 1. План Усть-Терсюкского-1 городища с обозначением места раскопа.

Усть-Терсюкское-1 городище расположено в Шатровском р-не Курганской обл. в 3 км к юго-юго-западу от одноименной деревни и в 5 км к северу от с. Барина на мысу (подтреугольный с выступом в южной части), выдающимся в пойму р. Исеть. Высота мыса над уровнем воды в старице ок. 42 м. Городище двухплощадочное: первая площадка имела укрепления с западной и восточной стороны, вторая – с восточной и юго-восточной (рис. 1). Внутренняя фортификационная линия отделяла жилую площадку по экономной дуге в узком месте мыса – с юга ров упирался в небольшой прогиблог. Ширина рва первой линии обороны составляла 6–7 м, глубина – до 1,7–2,0 м, вал сильно развалился и фиксировался на ширину до 12 м, высота его достигала 1,6–2,0 м. Общий перепад высот от вершины вала до дна рва составлял 3,0–3,5 м. Въезд на поселение прослеживается в центре укрепления как повышение во рву и легкий прогиб на валу.

Оборонительные сооружения зафиксированы и на краю мыса. В его сужающейся части прослежены два вала и ров между ними. Валы шириной ок. 3 м возвышались на 0,4–0,5 м, при этом последний вал появился, видимо, вследствие выброса грунта изо рва. Ров глубиной 1,0–1,2 м фиксировался на протяжении 20 м, с севера он нивелировался со склоном террасы, а с юга немногого поворачивал к востоку.

Оборонительная линия второй площадки пересекает мыс по прямой и немного поворачивает вдоль его южного края внутрь. Вал был менее четко выражен, местами фиксировались западины, возможно жилищ-

ные. Ширина вала до 7 м, высота ок. 1 м. Ров имел ширину до 6–8 м, его глубина на разных участках колебалась от 1,2 до 2,5 м (около мостица-въезда). Общий перепад высот вала и рва составлял до 3,2 м. Въезд располагался в 34 м к югу от северного края мыса и был выражен как подъем во рву размерами 2×4 м, высотой ок. 1,0–1,2 м.

Возможно, укрепленной была и площадка небольшого мыса, выступающего к югу от основного, однако из-за крутых склонов укрепления могли быть легкими и не фиксироваться внешне. Либо там располагалось небольшое селище, т.к. в перешейке между мысами отмечены искусственный ров шириной ок. 3 м, глубиной до 1,2 м и мостики размерами 5×2 м. Селище располагалось и к востоку от городища.

На первой площадке отмечено восемь западин округлой и аморфной формы, диаметром от 2–3 м до 6–8 м, глубиной до 0,5 м. Кроме того, зафиксировано много грабительских ям и

шурфов, сосредоточенных в основном на конце и юго-западной части мыса. Вторая площадка имела трапециевидную форму, длина ее сторон 32 и 52 м, западного основания – ок. 60 м, восточного – 85 м. Здесь, преимущественно в южной части, повсеместно отмечены западины округлой и овальной формы, диаметром от 3 до 6–8 м, глубиной до 1,2–1,5 м.

В 1962 г. городище обследовал В.Н. Фролов [1962], в 1988 г. – Н.Б. Виноградов [Археологическая карта..., 1993]. В 1991 г. на второй площадке памятника раскопки производили В.А. Иванов и Г.Н. Гарустович [Иванов, Гарустович, 1991; Гарустович, 2008], в 2007 г. Т.Н. Рафикову и С.В. Берлиной траншеей изучена первая оборонительная линия городища [Рафикова, Берлина, 2008; Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008]. Установлено, что мыс первоначально был заселен андреевскими племенами (эпоха энеолита), затем носителями бархатовской (эпоха бронзы) и байтовской (ранний железный век) культур, основной же культурный пласт оставлен бакальским населением. В 2008 г. с целью изучения жилой застройки и традиций домостроительства в эпоху средневековья был заложен раскоп на западине, расположенной практически в центре второй площадки, слева от места прохода (проезда) к мостику через фортификации первой оборонительной линии.

Котлован изученного жилища* имеет подпрямоугольную форму со скругленными углами, размеры

*В отчете за 2008 г. обозначено как сооружение 6 [Рафикова, Берлина, 2009].

Рис. 2. Котлован жилища Усть-Терсюкского-1 городища. Вид с запада.

3,6×4,7 м, длинной осью ориентирован по линии северо-восток – юго-запад (рис. 2, 3, А). Вход располагался с юго-западной стороны и был оформлен в виде ступеньки высотой 24 см. Сооружение углублено в материк на 36–45 см, а его центральная часть подпрямоугольной формы, размерами 1,64×2,5 м – еще на 31–37 см. В пределах постройки расчищены две хозяйствственные ямы: первая подпрямоугольная со сглаженными углами, размерами 66×80×22 см в западной части, вторая подквадратная, размерами 56×52×68 см в противоположном углу. В котловане жилища выявлено несколько ямок от столбов. Одна из них (№ 67, диаметром 18 см, глубиной 25 см) располагалась в южном углу постройки, другая (№ 63, диаметром и глубиной 20 см) – в западном, но не в самом углу, а была несколько смещена вдоль северо-западной стенки. Между ними на расстоянии 80 см к северо-западу от первой и в 96 см к юго-западу от второй зафиксированы еще две ямки (№ 66, 12×16 см, глубиной 23 см, и № 82, диаметром 20 см, глубиной 10 см). Две более крупные ямы (№ 65, овальная, 36×42 см, глубиной 44 см, и № 87, подквадратная, со стороной в 32 см, глубиной 21 см) находились в противоположной стороне сооружения ближе к внутренней углубленной части. Следует отметить, что разные диаметры описанных ямок не обязательно свидетельствуют об использовании в строительстве разномасштабных бревен, скорее всего, это связано с необходимостью выкапывать ямы большей величины для установления столба.

Несмотря на то что на других участках памятника стратиграфия очень сложная, заполнение жилища относительно однородное: под дерново-гумусным слоем залегала черная супесь с включениями мешанной желто-коричневой, угля и обмазки (рис. 3, Б, В). Это объясняется, по всей видимости, поздней позицией жилища в бакальском слое памятника, подтверждением чему служит отсутствие следов перестроек. Особую роль в почвообразовании могла сыграть большая глубина западины, образовавшейся после разрушения объекта, что обусловило повышенный промывной режим почвы и активный процесс гумусообразования.

В заполнении полуzemлянки преобладала керамика бакальской культуры (рис. 4, 5). Разрозненные черепки байтовских сосудов залегали в основном в верхних слоях. Найдены также единичные фрагменты керамики кушнаренковской, юдинской и чияликской культур.

Помимо конструктивных остатков, зафиксированных в материке, в верхних слоях отмечены как

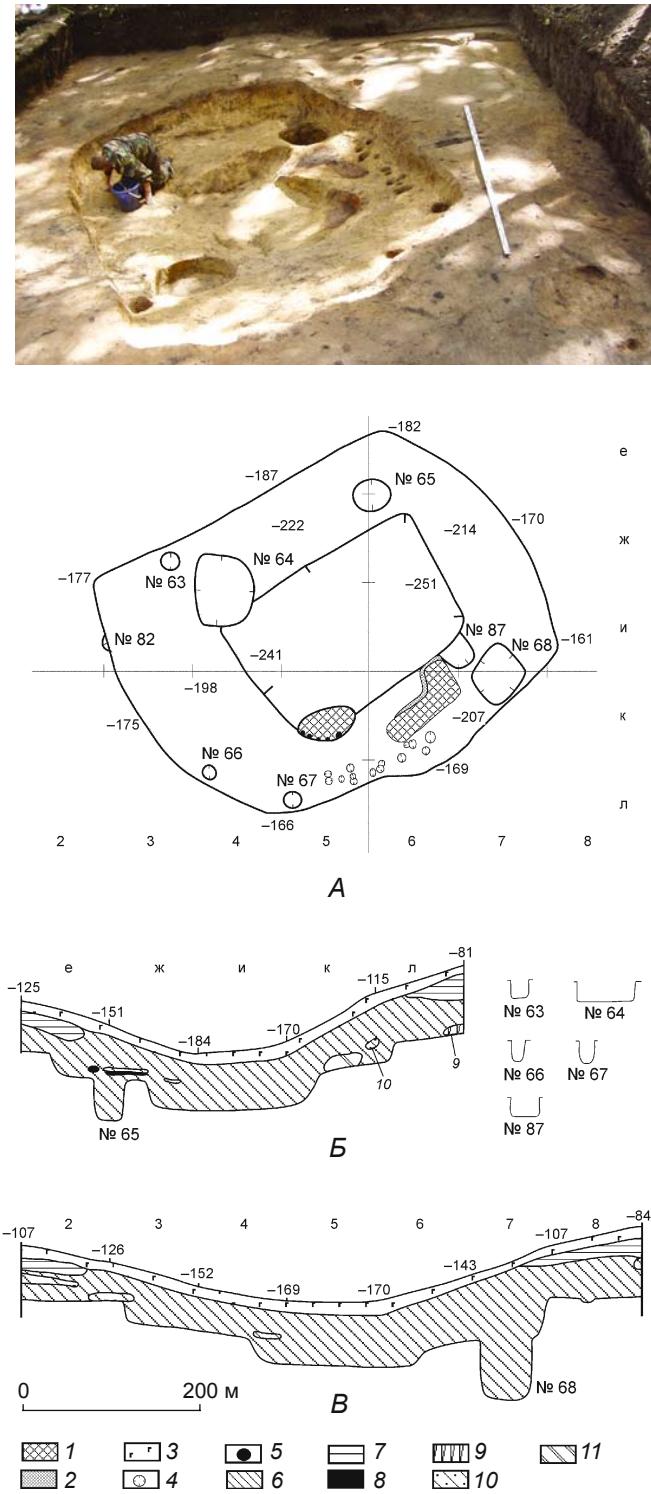

Рис. 3. План и стратиграфия жилища Усть-Терсюкского-1 городища.

А – план жилища; Б – разрез восточной стенки по линии 5; В – разрез северной стенки по линии «КК».
 1 – темно-коричневый прокал; 2 – ярко-оранжевая прокаленная глина; 3 – дерново-гумусный слой; 4 – ямы от столбов; 5 – отпечатки от сгоревших жердей чувала; 6 – черная супесь; 7 – темно-коричневая супесь с глиной; 8 – уголь; 9 – коричневая супесь; 10 – мешанная желто-коричневая супесь; 11 – распавшаяся в крошево обмазка.

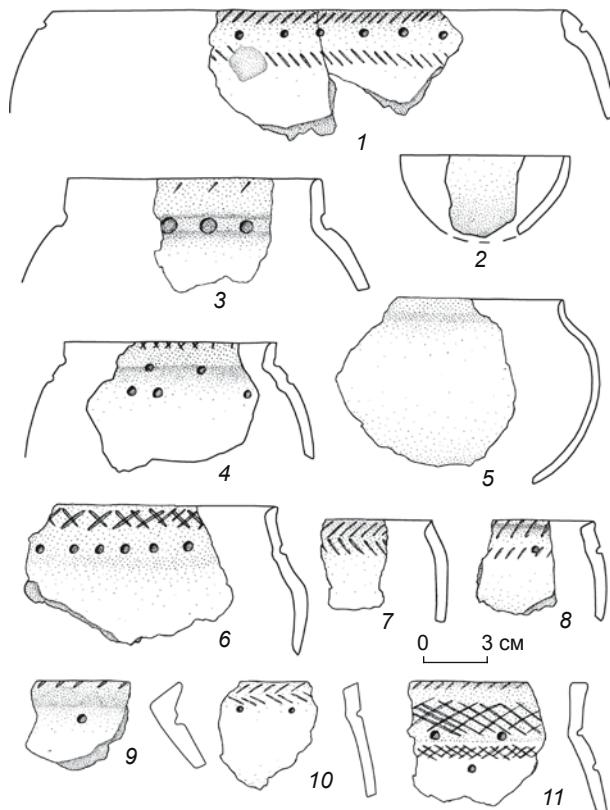

Рис. 4. Бакальская керамика с Усть-Терсюкского-1 городища.

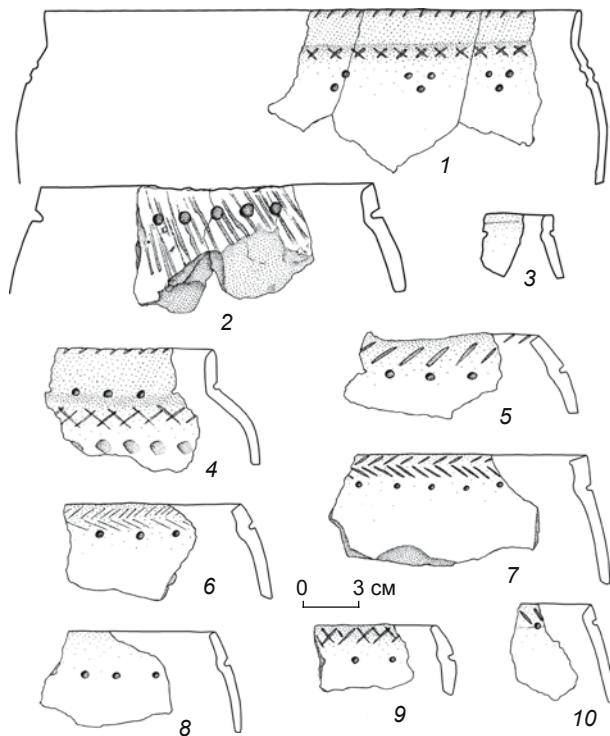

Рис. 5. Бакальская керамика с Усть-Терсюкского-1 городища.

крупные куски обмазки с четкими отпечатками тонких жердей толщиной 3–6 см и пальцев, так и крошево из рассыпавшейся прокаленной глины. С западной и северной стороны жилища выявлены остатки разрозненных разнонаправленных обгоревших жердей толщиной не более 12 см, длиной до 92 см, а также фрагмент доски длиной 26 см, шириной 20 и толщиной 2 см.

Анализируя полученные материалы, можно предложить следующий вариант реконструкции жилища (рис. 6, 7). Основу каркаса составляли шесть вертикальных стоек, соединенных поверху рамой из горизонтально уложенных бревен. В плане конструкция представляла собой две трапеции (большая – собственно помещение жилища, малая – привходовая часть) с общим основанием и разнонаправленными вершинами. Стены жилища состояли из наклонно (наклон порядка 75–85°) установленных жердей и прутьев, одним концом крепившихся на раме, другим – заглубленных в грунт, причем в основном на некотором расстоянии от стенок котлована. Только в одном месте – где располагался очаг – стены были более вертикальными: следы колец диаметром 4–12 см зафиксированы в котловане в виде узких полосок-клиньев черной супеси с древесным углем. Дополнительной основы из наклонных столбов, судя по отсутствию ямок от таковых, не отме-

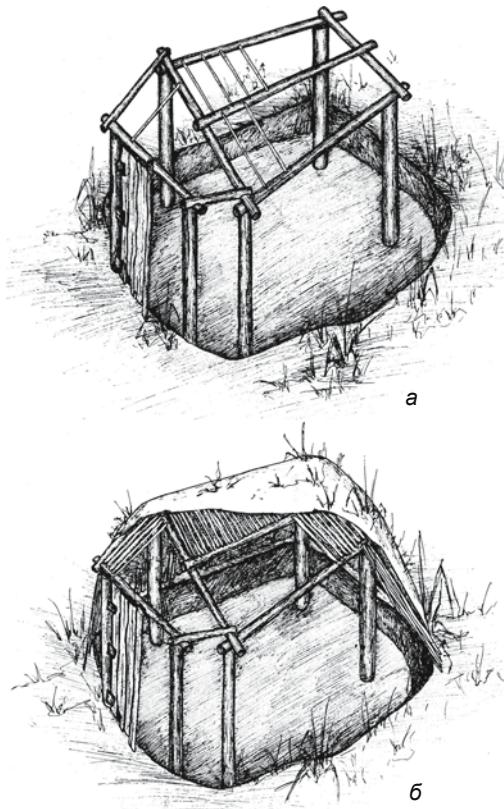

Рис. 6. Вариант реконструкции жилища с двускатной крышей.
а – остов жилища; б – внешний вид.

ченко. Поскольку в кусках обмазки отпечатков переплетенных или хотя бы скрещенных прутьев не встреченено, вариант с оплетением каркаса прутьями нами не рассматривался. Хотя полностью исключить возможность его наличия нельзя, т.к. большая часть обмазки рассыпалась в крошево. Более того, принцип плетения при сооружении построек был достаточно широко распространен у сибирских татар, что зафиксировано и в этнографических, и в археологических материалах. Стены жилища изнутри были обмазаны толстым слоем глины с примесью травы, а снаружи, вероятно, утеплены дерном, применение глины снаружи привело бы к ее быстрому разрушению от дождей и талых вод.

В устройстве крыши возможны два варианта: двускатная (см. рис. 6) или дарбазного типа (см. рис. 7). В первом случае она была практически плоской, т.к. образовывалась путем наложения жердей на раму жилища и матицу, во втором – с небольшим подъемом, поскольку продольных балок было две, а на них укладывалось несколько поперечных бревен, и крыша имела форму усеченной пирамиды. Более вероятна двускатная кровля, в пользу чего свидетельствует наличие выступающей приводовой части. Жерди ее перекрытия укладывались на балку рамы жилища, и при устройстве крыши дарбазного типа появился бы просвет между ними и приподнятой частью кровли. Кроме того, чувал вверху крепился, скорее всего, на балку рамы. При двускатной кровле для закрепления трубы достаточно было небольшой дополнительной параллельной жерди. При устройстве же кровли дарбазного типа верхнюю часть чувала пришлось бы крепить на бревна, расположенные на разном уровне и под разным углом.

С устройством входа связаны ямки от столбов у юго-западной стенки котлована. Расстояние между центральными стойками было 168 см, т.е. слишком широкое для дверного проема. Вполне возможно, что дверь крепилась к одному из столбов, а остальное пространство было забрано досками (см. рис. 6).

В целом жилище представляло собой невысокую (1,8–2,0 м) постройку обтекаемой формы, с двускатной кровлей, обложенную дерном.

Материалы раскопок позволяют установить некоторые детали внутреннего устройства жилища. Так, справа от входа, в южном углу постройки, в небольшой нише, вырезанной в материке, был чувал. Его основание имело овальную форму, размеры 38×68 см. С южной стороны в глине четко фиксировались отпечатки сгоревших жердей толщиной не более 5 см. По этнографическим данным известно несколько способов сооружения остова чувала, наиболее распространенные – изготовление из вертикальных жердей, схваченных обручами из тальника или кедрового корня, или просто плетение из прутьев. Затем остов промазывался глиной, перемешанной с измельченной сухой травой или хвоей, часто с добавлением навоза [Гемуев,

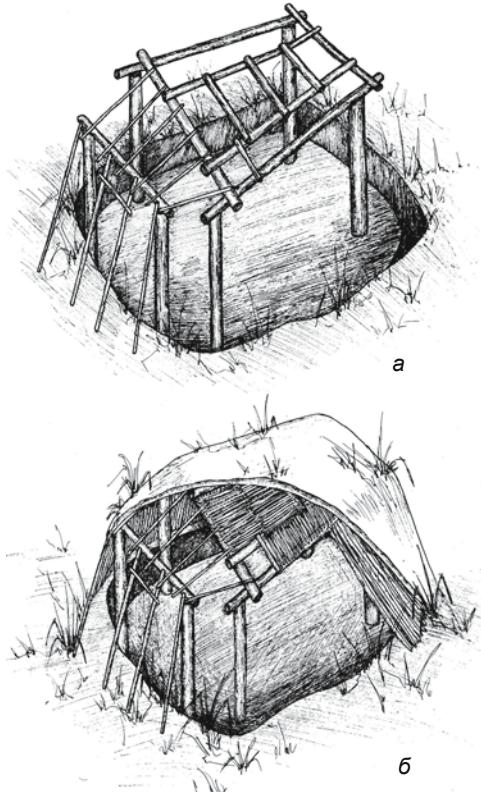

Рис. 7. Вариант реконструкции жилища с небольшим подъемом дарбазного типа.
а – остов жилища; б – внешний вид.

ев, 1990; Оборотова, 2003; Фёдорова, 2000]. Расположение чувала справа от входа также подтверждается этнографическими материалами [Шатилов, 1931; Гемуев, 1990; Головнев, 1995; Оборотова, 2003; Фёдорова, 2000]. Место между ним и стеной использовали для хранения и сушки дров [Патканов, 1891].

Археологические материалы демонстрируют появление чувалов со времени раннего средневековья. Так, остатки чувала зафиксированы в позднем слое городища Горная Бития, датируемом концом I тыс. н.э. [Могильников, 1968]; в землянке № 3 Андрюшиного Городка [Чернецов, 1952]. Глиnobитные очаги отмечены в жилищах поселения СБАО-1, на Юдинском городище и др. [Викторова, 1976; Викторова, Кернер, 1988].

Материковые выступы с левой и задней стороны могли использоваться в качестве нар. Такое устройство спального места – напротив входа и очага – широко распространено у народов Западной и Восточной Сибири. Именно у противоположной от входа и у одной из боковых стен устраивались нарь у обских угров [Гемуев, 1990; Фёдорова, 2000]. У сибирских татар они располагались вдоль одной, двух или трех стен. На нарах готовили пищу, ели, спали, принимали гостей, почетным считалось место на стороне, противоположной двери [Валеев, Томилов, 2006].

Этнографические материалы демонстрируют большое количество типов жилищ у обских угров и западно-сибирских татар – групп населения, фиксирующихся на данной территории с эпохи средневековья. Среди зимних стационарных каркасно-столбовых жилых построек хантов и манси З.П. Соколова выделяет два основных типа – пирамидальные и усеченно-пирамидальные [1957], их каркас сооружался из наклонно установленных бревен, скрепленных рамой, причем данная особенность, по мнению ученых, подчеркивает этническую специфику обско-угорского домостроительства [Очерки культурогенеза..., 1994].

Некоторые аналогии изученному нами сооружению прослеживаются в зимней юрте ваховских остыков, описанной М.Б. Шатиловым. При ее постройке рыли котлован глубиной 40–50 см, поверх которого возводили каркас из вертикальных столбов, скрепленных поверху рамой, и наклонных, установленных с промежутком в 70 см. Посередине они скреплялись поперечной перекладиной, после чего промежутки стен и рама заполнялись жердями и покрывались землей [Шатилов, 1931]. Несомненно, отличие описанной постройки от изученной нами достаточно велико, но основные конструктивные особенности, а именно, каркас из четырех вертикальных бревен и заполнение стен вертикально установленными жердями и прутьями, аналогичны. В этом же районе, у хантов р. Аган, по данным Е.Н. Коростелевой, в конце XX в. зафиксировано три типа построек, один из которых – *мыг кот* (земляной дом), *л'амыч кот* (моховой дом) или *тунзэм юх кот* (из стоячих бревен дом) – обнаруживает параллели с изученным нами жилищем. Земляные дома могли строиться как с углублением, так и без него. При этом углубленная на 30–40 см центральная часть жилища достаточно распространена и в других типах построек. Над котлованом возводится каркас из вертикальных стоек, количество которых зависит от площади постройки, и уложенных на них перекладин, служащих «матками» для крыши и опорами для стен. Последние сооружаются из плах или теса, дополнительного покрываются берестой и обкладываются несколькими слоями дерна или мха [Коростелёва, 2003].

Большую близость постройке Усть-Терсюкского-1 городища обнаруживают жилища башкир, проживавших в курганских степях. Они были углублены в землю на 60–80 см, имели деревянный каркас из столбов, врытых в землю, с установленной на них рамой. Последняя, как и в нашем случае, меньше котлована. Стены образовывали наклонно поставленные жерди, обмазанные изнутри светлой глиной. Сверху жилище утеплялось берестой, травой, дерном, землей [Шитова, 1984]. Усеченно-пирамидальные каркасные жилища, аналогичные в основных деталях исследованному нами, известны у многих народов Западной Сибири – шорцев, нарымских селькупов, манси, кетов и др. [Очерки культурогенеза..., 1994; Соколова, 1998].

Из археологически изученных средневековых построек некоторые аналогии прослеживаются в жилище Ананынского городища в Прииртышье. Его остов сооружался из столбов, ямки от которых, вертикальные в профиле, зафиксированы с двух сторон. Стены состояли из жердей или тонких бревен, пазы между ними промазывались глиной. Способ их сооружения и тип перекрытия не установлены [Могильников, 1962]. Очень близко по конструкции нашему жилище Змеиной Горки [Соколова, 1957].

Итак, хорошая сохранность остатков бакальской постройки Усть-Терсюкского-1 городища дала нам возможность реконструировать не только ее конструкцию и внешний облик, но и внутреннее устройство. Изученные к настоящему времени бакальские жилища были легкими летними постройками в виде шалашей или юрт. Исследования на Усть-Терсюкском-1 городище позволили выявить еще один тип жилища, характерный для бакальского населения, – стационарные полуземлянки каркасно-столбовой конструкции с наклонными стенами из жердей и прутьев, обмазанных изнутри глиной, с пологой крышей, утепленные поверх дерном, которые были пригодны для проживания в течение всего года. Материалы городища подтверждают появление чувалов в раннем средневековье.

Фиксация на территории памятника большого количества аналогичных западин указывает на широкое распространение выявленного типа жилищ у носителей бакальской культуры. Материалы Усть-Терсюкского-1 городища позволяют существенно расширить наши представления о сложении и развитии домостроительных традиций средневекового населения Западной Сибири.

Список литературы

- Археологическая карта Курганской области.** – Курган: Зауралье, 1993. – 346 с.
- Борзунов В.А.** Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 111–134.
- Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцов М.П.** Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: Рифей, 2008. – С. 6–44.
- Валеев Ф. Т.-А., Томилов Н.А.** Сибирские татары // Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006. – С. 26–121.
- Викторова В.Д.** Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. – 1968. – № 191. – С. 240–256.
- Викторова В.Д.** Население эпохи железа лесной половины Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1969. – 20 с.

Викторова В.Д. Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского озера у г. Тюмени // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Том. гос. ун-т, 1976. – С. 63–88.

Викторова В.Д. Археологические культуры в верховьях реки Исеть во время Великого переселения народов // Проблемы бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: Рифей, 2008. – С. 81–93.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 129–141.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 173–192.

Гарустович Г.Н. Керамика городища Усть-Терсюк на реке Исеть // Проблемы бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: Рифей, 2008. – С. 102–114.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Даниченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: Рифей, 2008. – С. 45–60.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 126 с.

Иванов В.А., Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах в Краснокамском районе Башкирии и в Шатровском районе Курганской области летом 1991 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 16593. 77 с.

Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Материалы эпохи средневековья городища Усть-Утяк-1 в Кетовском районе Курганской области (по результатам исследований 2002–2006 гг.) // Проблемы бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: Рифей, 2008. – С. 73–80.

Коростелёва Е.Н. Традиции домостроения у хантов реки Аган // Угры: мат-лы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск). – Тобольск, 2003. – С. 350–352.

Матвеева Н.П. Геокультурные трансформации в западной части Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2006. – С. 27–33.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. – Новосибирск: Наука, 2008. – 240 с.

Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2005. – Вып. 6. – С. 105–116.

Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. – 2009. – № 1. – С. 140–151.

Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2773. 44 с.

Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3716. 32 с.

Морозов В.М. Поселения и жилища таежной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1994. – 22 с.

Морозов В.М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Междунар. (XVI Уральское) археол. совещ.: мат-лы Междунар. науч. конф. 6–10 октября 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 166–167.

Оборотова Е.А. От печки. – Новосибирск: Наука-центр, 2003. – 224 с.

Овчинникова Б.Б. Старо-Лыбыевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири: сб. науч. тр. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 141–152.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 1. – Кн. 2: Поселения и жилища. – 286 с.

Патканов С. Тип осяцкого богатыря по осяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб.: [Тип. Н.С. Худякова], 1891. – 74 с.

Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Отчет об археологических раскопках Усть-Терсюкского городища в Шатровском районе Курганской области в 2007 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. 2008. 1/123. 102 с.

Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Отчет об археологических раскопках Усть-Терсюкского городища в Шатровском районе Курганской области в 2008 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. 2009. 1/207. 93 с.

Рафикова Т.Н., Матвеева Н.П., Берлина С.В. Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища // AB ORIGINE: проблемы генезиса культур Сибири: сб. науч. тр. – Тюмень: Три Т, 2008. – Вып. 2. – С. 85–113.

Скандаков И.Е. Потчевашские жилища на Мурлинском городище // Источники и историография: археология и история. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1988. – С. 55–69.

Соколова З.П. К истории жилища обских угров // СЭ. – 1957. – № 2. – С. 88–106.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: ТриЛ, 1998. – 288 с.

Фёдорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси / отв. ред. Е.А. Алексеенко. – СПб.: Европейский Дом, 2000. – 367 с.

Фролов В.Н. Отчет о разведках в Мехонском районе Курганской области и Исетском районе Тюменской области в 1962 г. // Архив ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова». 16 с.

Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции в 1952 году // Архив ИА РАН. Р-891. 30 с.

Шатилов М.Б. Ваховские остыки: этнографические очерки // Тр. Том. краевого музея. – 1931. – Т. 4. – 175 с.

Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. – М.: Наука, 1984. – 252 с.

УДК 902/904

Э.Д. Зилибинская

Институт этнологии и антропологии РАН
 Ленинский пр., 32А, Москва, 119991, Россия
 E-mail: eziliv@mail.ru

ТРАДИЦИИ АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕГО ВОСТОКА В УСАДЕБНОМ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В статье рассматриваются наиболее крупные усадебные постройки золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Это многокомнатные дома со стенами из обожженного и сырцового кирпича. В центре здания находился большой парадный зал, с юга и севера к нему примыкали тамбурные помещения, а восточное и западное крыло занимали жилые и хозяйствственные комнаты. Золотоордынские усадебные дома сравниваются с дворцовыми и усадебными постройками Китая, Монголии и стран Среднего Востока. Влияние архитектуры этих стран привело к возникновению зданий оригинального типа: за основу была взята типично среднеазиатская планировка, а принципы организации пространства были заимствованы в Центральной Азии.

Ключевые слова: Золотая Орда, Нижнее Поволжье, усадебные здания, дворцы Монголии, Китая, Среднего Востока, усадебные здания Хорезма.

Введение

Золотоордынские города Нижнего Поволжья возникли не в результате длительного экономического развития, а по приказу хана в короткие сроки в зоне, где не существовало устойчивых традиций оседлости. Эти обстоятельства определили своеобразие их структуры. Города в Золотой Орде представляли собой скопление аристократических усадеб и не разделялись на цитадель и торгово-ремесленный посад, как большинство средневековых городов Востока и Запада. В них также отсутствовали укрепления, что способствовало разрастанию до огромных размеров. Усадебно-уличный характер застройки городов сохранялся на протяжении всего существования Золотой Орды [Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 12–16]. Усадьбы феодальной знати и зажиточных горожан занимали значительную площадь – 5 000–10 000 м² [Егоров, 2000, с. 268]. Вероятно, в связи с этим все исследованные на данный момент усадьбы раскопаны лишь частично. Тем не менее их структура достаточно изучена. Крупная усадьба состояла из дома владельца, жилищ прислуги, хозяйственных построек, имела свой водоем (хauc) и была

обнесена забором (дувалом). Часто на этой территории располагались ремесленные мастерские, продукция которых использовалась внутри усадьбы и при избытке могла поступать на рынок. Размеры, планировка и оформление центрального здания зависели от имущественного положения и социального статуса хозяина. У зажиточных ремесленников это мог быть простой дом из одной или нескольких комнат, в усадьбах знати строились большие многокомнатные, богато декорированные здания, которые можно считать дворцами.

Среди золотоордынских усадебных домов, изученных в Нижнем Поволжье, выделяются постройки, имеющие довольно четкую и развитую планировку. Они разделены меридиональными стенами на несколько рядов помещений. Центральный ряд состоит из входного тамбура, расположенного с южной стороны, и парадного зала, который является композиционным центром здания. Если с северной стороны имеется другой вход, там может быть еще один тамбур, но он не обязателен. Слева и справа от этого ряда помещений находятся жилые и хозяйственные комнаты. Некоторые усадебные постройки были раскопаны и введены в научный оборот достаточно давно, дру-

гие – в последние годы. В данной работе все известные здания этого типа впервые рассматриваются в комплексе. Основной задачей является детальный анализ и поиски истоков их сложной, хорошо разработанной планировки.

Усадебные здания в городах Нижнего Поволжья

Большой усадебный дом (усадьба 1), раскопанный в 1976 г. на VIII раскопе Селитренного городища, был почти квадратным в плане (рис. 1), $23,8 \times 24,2$ м [Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 53–57], он сложен из большеформатного сырцового кирпича. Здание было разделено двумя меридиональными стенами на три ряда помещений. В центре средней линии находился большой прямоугольный зал (рис. 1, 5). В него можно было попасть со двора через тамбурные помещения, расположенные с северной и южной стороны. В тамбурах вдоль стен находились Г-образные суфы. В северной и южной частях зала пол был выше, чем в центральной. На северной платформе пола сооружен подиум, мощенный обожженным кирпичом. В подиуме сохранились остатки деревянных столбиков, поддерживавших балдахин. Пол средней части зала также был выложен кирпичом. В центре находился квадратный бассейн, в который вода поступала по каналу, идущему со двора через южный тамбур под вымосткой пола. Такой же канал, протянутый на север, отводил излишки воды из бассейна.

С запада и востока к центральному залу примыкали помещения различного назначения. В северо-западной части здания находился блок из трех жилых комнат (рис. 1, 1, 2, 4), соединенных скользящими проходами между собой, а также с центральным залом и двором. К югу от них располагалось нежилое обширное помещение (рис. 1, 3), пол которого был вымощен обожженным кирпичом. Два скользящих прохода вели в зал и наружу. Восточный ряд помещений состоял из такой же нежилой комнаты с кирпичным полом, расположенной на севере (рис. 1, 6), и двух жилых с канами и суфами (рис. 1, 7, 8). Все они соединялись между собой проходами, образуя единый блок, который имел выходы в центральный зал и наружный двор. Таким образом, помещения, примыкавшие к центральному залу в первый период существования дома, образовывали четыре отдельные секции: северо-западный и юго-восточный блоки жилых комнат, юго-западный и северо-восточный залы. При этом жилые и нежилые помещения двух половин здания располагались симметрично по диагонали.

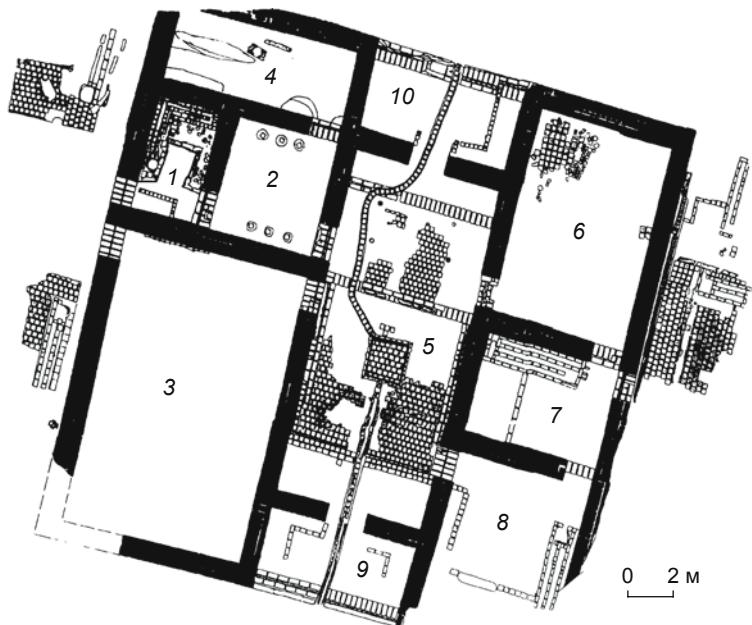

Рис. 1. Усадьба 1 Селитренного городища (по: [Фёдоров-Давыдов, 1994]).

В дальнейшем всего за несколько десятков лет своего существования дом подвергался многочисленным перестройкам. Многие комнаты перегораживались, делясь надвое, в нежилых помещениях устраивались суфы с канами и очагами, старые проходы закладывались и прорубались новые. Вероятно, среди обитателей дома происходили какие-то центробежные процессы, которые вели к тому, что количество жилых секций увеличивалось и они становились более изолированными. Изоляция достигалась закладкой старых и сооружением новых проходов таким образом, чтобы каждый жилой блок соединялся либо только с двором, либо только с залом. В этот период центральный зал уже не являлся центром общественной жизни дома, а использовался как внутренний двор. В конце концов он был полностью заброшен и превращен в такой двор с земляным полом.

Примерно в 500 м к северу от рассмотренной усадьбы, на XV раскопе изучена еще одна (усадьба 2), дом которой имел сходную планировку и был построен в такой же строительной технике (рис. 2) [Зилибинская, Алексейчук, 2003]. Стены его сложены из большеформатного сырцового кирпича с использованием тех же приемов кладки. Здание также было квадратным, но несколько меньшего размера (20 м по оси С–Ю и $19,5$ м по оси З–В). Комнаты располагались в три ряда. Единственный вход был по центру южной стены и вел в тамбур, вымощенный обожженным кирпичом, с суфами вдоль меридиональных стен. Далее в среднем ряду находился большой ($14,4 \times 5,9$ м) приемный зал (рис. 2, 2). В его южной части на полу вы-

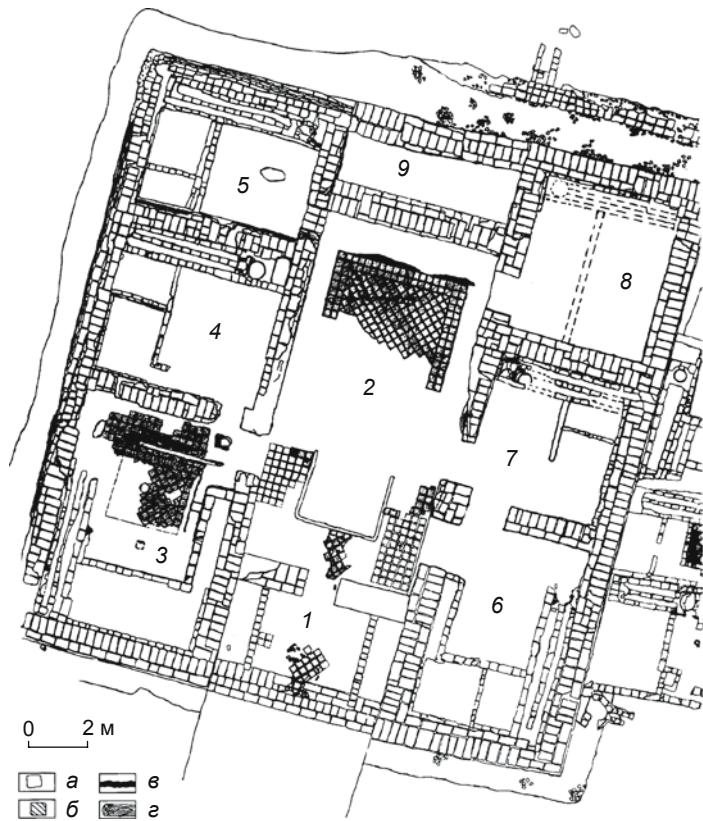

Рис. 2. Усадьба 2 Селитренного городища.
а – сырцовый кирпич; б – обожженный кирпич; в – известковая
обмазка; г – дерево.

деляется П-образное возвышение, выложенное кирпичами. В середине зала также сохранилась часть пола из кирпичей, уложенных по диагонали и обрамленных бордюром из двух рядов кирпичей. У северной стены был подиум в виде плотно утрамбованного массива земли.

В западном и восточном рядах помещений находилось по три жилые комнаты, которые имели выходы в центральный зал. Наиболее парадными среди них были юго-западная и юго-восточная (рис. 2, 3, 6). Эти комнаты имели почти одинаковые размеры, внутренние конструкции в них располагались зеркально. П-образные суфы были пристроены к южной, восточной и западной стенам; каны сложены вдоль внешних меридиональных стен и обращены топками на север. Принцип симметрии сохранялся здесь в течение всей жизни дома. Полы в южных комнатах были выложены обожженным кирпичом с бирюзовыми вставками, стены оштукатурены известковым раствором и украшены штампованным ганчевым декором. Некоторые различия наблюдались в деталях декоративного убранства.

Средние в рядах помещения (рис. 2, 4, 7) являлись хозяйствственно-жилыми, о чём свидетельствуют наличие здесь большого числа печей и тандыров, а также скромное оформление. Первоначально

их планировка также была зеркальной: каны располагались вдоль северных стен топкой к залу, а П-образные суфы примыкали к внешним стенам. Однако вследствие интерьера много раз перестраивался, и симметрия была нарушена. Помещения, расположенные в северной части дома (рис. 2, 5, 8), представляли собой обычные жилые комнаты и почти не перестраивались.

Таким образом, несмотря на некоторые отличия, дома двух усадеб имеют сходную планировку. Более того, форма и размеры сырцового кирпича, система кладки и ряд других строительных приемов позволяют предполагать, что эти дома построили одни и те же мастера. Однако в усадьбе 2 здание имеет более развитую планировку. Здесь полнее соблюден принцип симметрии, а центральный зал действительно является композиционным центром, т.к. жилые комнаты соединяются только с ним. Планировка дома усадьбы 1 кажется более архаичной. В первый период своего существования он имел две оси симметрии, одна из которых проходила по линии С–Ю, а другая по диагонали здания. Неразвитость композиции выражается и в наличии у части комнат выходов наружу, перерезающих внешние стены здания, при том что центральный зал, с которым эти комнаты так или иначе соединяются, открывается во двор двумя айвами. Пространство дома усадьбы 2 замкнуто, т.к. он имеет всего один выход.

Самой крупной усадебной постройкой, известной в настоящее время в Нижнем Поволжье, является дворцовое здание, исследованное на XI раскопе в 1977–1981 гг. в том же аристократическом районе Селитренного городища, что и две другие усадьбы [Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 57–59]. Оно представляло собой многокомнатный дом с внешними стенами из обожженного кирпича. Внутренние стены были фахверковыми: основание выкладывалось из обожженного и сырцового кирпича, сверху сооружалась рама из деревянных брусьев, пространство между которыми заполнялось сырцовыми кирпичами,ложенными «в елочку». Здание было частично разрушено, поэтому его размеры можно определить лишь приблизительно: длина по оси С–Ю 32,5 м, ширина должна превышать 40 м, в том случае, если постройка симметрична относительно центральной части.

Центральное положение занимала анфилада парадных помещений. Она начиналась обширным подъездом со ступенями на южной стороне здания. Впоследствии ступеньки были заменены пандусом. Дверной проем вел в вестибюль, вдоль стен которого располагались Г-образные суфы. Далее следовал рас-

пределительный тамбур со входами в несколько помещений. Два скользящих вдоль меридиональных стен прохода соединяли его с центральным залом.

Прямоугольный в плане зал, вытянутый по оси С–Ю, имел длину 15,8 м, ширину в средней части 9,4, в южной и северной – 7,4 м. В южной части находилось возвышение, выполненное кирпичом на известковом растворе. С востока и запада его обрамляли проходы, ведущие из тамбура. В средней части зала вдоль стен располагались узкие суфы. На севере было еще одно возвышение, также облицованное кирпичом, но большей площади, чем южное. С востока и запада от него находились проходы, ведущие в северные помещения. Суфы с четырех сторон окружали фигурно вымощенную площадку $7,4 \times 7,4$ м. В ее центре находилась большая тошна*. Пол вымощен плитами двух видов: крупногабаритными квадратными выложены бордюры по краю, квадрат, окаймляющий тошну, и идущие от его углов дорожки, образующие крестовидную фигуру, а пространство между дорожками заполнено шестиугольными кирпичными плитками. Непосредственно вокруг тошны было обрамление из обычных кирпичей. Стены зала украшали большие мозаичные панно, состоящие из фигурных полихромных элементов с позолотой. К северу от зала были еще два помещения – вероятно, как и с южной стороны, тамбур и айван.

К западу и востоку от парадной части дворца находились комнаты, расположенные рядами вдоль оси С–Ю. Восточный конец здания был частично разрушен: здесь прослеживаются две линии помещений. В западной части комнаты располагались в три ряда. Всего исследовано ок. 35 жилых и хозяйственных помещений. Кроме обычных комнат с суфой и каном здесь были домашняя пекарня с несколькими тандырами, кладовая с жерновами для перемалывания зерна, ванная и детская, на оштукатуренных стенах которой нацарапано много детских рисунков [Там же, с. 58]. Помещения соединялись между собой при помощи коридоров и распределительных тамбуров. Таким образом, дворцовое здание на XI раскопе имело более сложную планировку. Однако наличие центральной анфилады помещений, состоящей из парадного зала и примыкающих к нему с юга и севера айванов и тамбуров, ставит его в один ряд с другими домами подобной планировки.

Аналогичную планировку во второй период своего существования имело здание аристократической усадьбы в восточном районе Царевского городища [Мухамадиев, Фёдоров-Давыдов, 1970, с. 153–155]. Его кирпичные стены были полностью разобраны, и

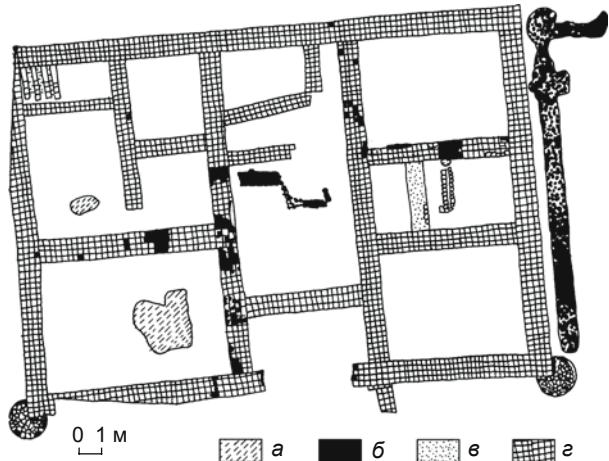

Рис. 3. Усадьба на Царевском городище (по: [Фёдоров-Давыдов, 1994]).

a – алебастровая обмазка; *b* – обожженный кирпич;
c – песок; *g* – сырцовый кирпич.

прослеживать их пришлось по отпечаткам в материке (рис. 3). Прямоугольное в плане здание, вытянутое в широтном направлении, имело размеры 24×17 м. Оно было обращено фасадом на юг, что подчеркивалось двумя круглыми башнями, пристроенными к юго-западному и юго-восточному углам. Средний ряд помещений состоял из вестибюля и зала с подиумом или айваном в северной части. С восточной и западной стороны от центрального зала находились комнаты, которые, вероятно, являлись жилыми.

Два дворцовых здания исследованы на Ахтубинском городище, расположенном в 56 км от Астрахани выше по течению р. Ахтубы [Плахов, 2008]. Одно здание было вскрыто полностью, другое – частично, но его планировку в целом оценить можно.

Первое здание прямоугольное в плане, размерами $36,5 \times 21,2$ м, длинной осью ориентировано по линии З–В с небольшим отклонением (рис. 4). Стены из обожженного кирпича на глиняном растворе имели толщину 0,75–1,0 м. Северо-западный и северо-восточный углы здания были укреплены трехчетвертными башнями. Внутреннее пространство между стенами засыпано нивелировочным слоем толщиной до 1,7 м, на него уложены полы. Автор раскопок эту засыпку называет платформой [Там же, с. 125], однако такое определение представляется неудачным. Платформой можно считать специально сооруженное основание, на котором возводится все здание. Здесь же мы имеем забутовку внутри периметра его стен.

Вход в здание находился с южной стороны. Большой пандус вел в открытый с этой стороны айван, стены которого были оштукатурены известковой штукатуркой. Далее следовал большой парадный зал (рис. 4, I). Он был квадратным в плане ($9,85 \times 9,85$ м), с нишей-

*Тошна (тошнау, ташна, ташнау) – приспособление для мытья рук в виде колодца в полу помещения и оформленной в верхней части колодца «раковиной».

айваном в северной части (рис. 4, 1а). В середине зала обнаружены массивные кирпичные фундаменты от четырех колонн, которые, вероятно, поддерживали купол. В восточной части помещения сохранились участок пола, вымощенный обожженными кирпичами на известковом растворе, и остатки штукатурки на стенах.

К айвану парадного зала примыкали три небольшие комнаты прямоугольной формы (рис. 4, 4–6). Таким образом, в здании на Ахтубинском городище также, как и в усадебных домах Селилренного и Царевского городищ, выделяется средний ряд помещений, включающий айван и парадный зал. Снаружи к северной стене здания было пристроено еще одно помещение, которое автор раскопок назвал тыловым айваном павильонного типа [Там же, с. 132]. От этого сооружения осталась лишь глинобитная платформа, окруженная стенками из обожженных кирпичей. Скорее всего, оно было пристроено позднее.

С двух сторон от центральной части здания находились по два ряда помещений, назначение которых определить невозможно, т.к. полы и внутренние конструкции в них полностью разрушены. Самое большое помещение располагалось в юго-восточном углу (рис. 4, 16). По аналогии с другими подобными постройками можно предположить, что здесь был еще один, «малый» зал для приемов. К нему примыкали помещение сложной формы в виде буквы Г с выступом в основании (рис. 4, 14) и небольшая комната (рис. 4, 15). Еще два помещения этого блока были почти одинаковые как по форме, так и по размерам (рис. 4, 7, 8).

С другой стороны от центрального зала, в юго-западном углу находилось помещение также довольно большой площади (рис. 4, 11). С востока к нему примыкали небольшая комната (рис. 4, 13) и помещение, размеры которого позволяют видеть в нем распределительный тамбур (рис. 4, 12), связывающий центральный зал с тремя помещениями (рис. 4, 10, 11, 13). Остальную часть этого блока занимали четыре близкие по размерам комнаты.

Все помещения имели богатое оформление. При разборке завалов в них найдены фрагменты известковой штукатурки и полов из обожженных кирпичей с изразцовыми вставками, архитектурные и декоративные детали из ганча, решетки-панджара с цветными стеклами. Сохранился упавший блок фасадной стены, украшенный фризом. Одна полоса этого фриза была сложена из майоликовых полихромных вставок с растительным орнаментом, другая состояла из нескольких поясов орнамента, выполненного из изразцовых кирпичей бирюзового цвета и подточенных кирпичиков – «сухарей». Кирпичи лицевой поверхности фасадной стены были подшлифованы. По мнению В.В. Плахова, фриз находился на высоте ок. 4,7 м [Там же], следовательно, высота здания могла составлять ок. 5 м.

Как уже упоминалось, полное отсутствие внутренних конструкций не позволяет достоверно судить о назначении как всего здания, так и отдельных его помещений. Автор раскопок считает его административным [Там же, с. 139]. Тем не менее совершен-

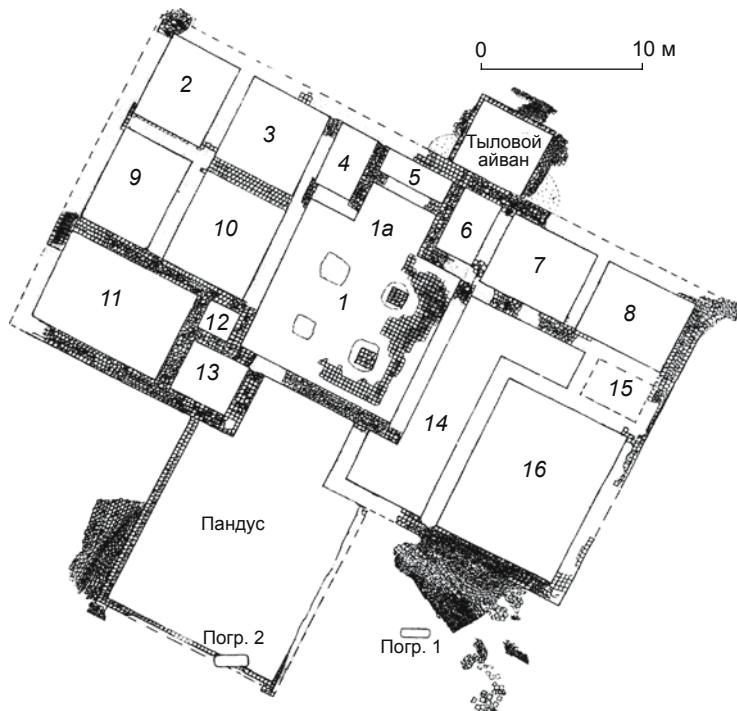

Рис. 4. Усадьба 1 на Ахтубинском городище (по: [Плахов, 2008]).

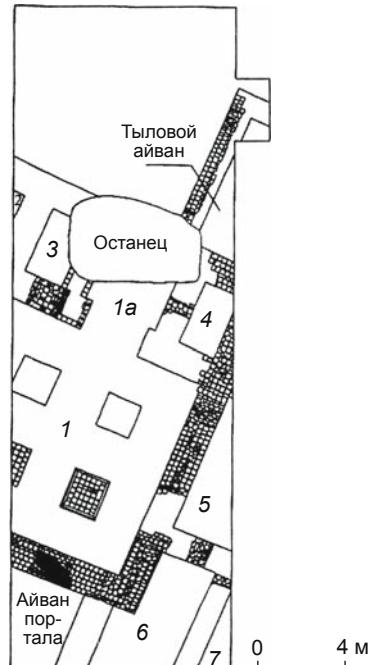

Рис. 5. Усадьба 2 на Ахтубинском городище (по: [Плахов, 2008]).

но очевидно явное сходство планировки этого здания и крупных усадебных домов других нижневолжских городищ. О том, что некоторые его помещения могли быть жилыми и отапливались, свидетельствуют, в частности, остатки вертикальных дымоходов в виде керамических труб со следами сажи на внутренней стороне и известкового раствора – на внешней. Среди находок присутствуют образцы бытовой керамики (кувшины, кумганы, миски) и кости животных. Скорее всего, это было усадебное здание дворцового типа.

Второе здание на Ахтубинском городище было раскопано частично, однако сходство его по планировке с первым не вызывает сомнения (рис. 5). Стены также сложены из обожженных кирпичей. В раскопе вскрыт центральный зал (рис. 5, 1) с нишей-айваном в северо-восточной части и четырьмя колоннами в середине. С двух сторон от него находились другие помещения, лишь небольшая часть которых затронута раскопками.

Анализ планировки усадебных зданий

Интересно понять истоки развитой и устойчивой планировки домов рассматриваемого типа, которые представляют собой наиболее значительные усадебные постройки, возведенные по четко разработанному плану. В них выделяется ядро, состоящее из парадного зала и соединенных с ним помещений, поэтому можно предположить, что хозяевами таких домов были представители высших слоев населения Золотой Орды. Кроме того, большое количество, сложная дифференциация помещений, их богатое оформление позволяют считать некоторые здания дворцами. Трудно предположить, что развитая планировка этих построек возникла самостоятельно в городах, основанных бывшими кочевниками. Истоки ее нужно искать у народов, обладавших к XIV в. достаточно высокой строительной культурой, причем в качестве возможных аналогов следует рассматривать дворцы, замки и богатые усадебные дома.

Прежде всего, имеет смысл сравнить рассматриваемые здания с дворцами самой Монголии. Описание дворца Угедея в Каракоруме было оставлено Г. Рубруком: «Дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращенные к югу. Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево [фонтан для разлива вина], а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы... Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами... остается пустым; именно там ставится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан

сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, а с левого – женщины. Дворец простирается с севера на юг» [1997, с. 155]. Таким образом, Рубрук описал здание, внутреннее пространство которого разделено на нефы рядами колонн. Раскопки предполагаемого дворца Угедея в Каракоруме экспедицией С.В. Киселёва, а также исследования синхронных дворцовых зданий на р. Хирхира, в Кондуйском городке и на городище Дён-терек показали, что они были построены в китайских традициях [Древнемонгольские города, 1965, с. 138–165, 329–369]. Эти здания представляли собой многоколонные композиции на высоких земляных платформах, облицованных кирпичом и камнем. Базами деревянных колонн, поддерживавших крышу, служили массивные гранитные блоки, квадратные или с цилиндрическими выступами. Крыша была из поливной черепицы с характерными концевыми дисками и отливами. Здания не имели отопления и использовались только для церемониальных целей [Там же, с. 159]. Правда, современные исследователи считают «дворец Угедея» в Каракоруме буддийским храмом XIII в. [Hüttel, 2005, S. 145–146], но назначение других дворцовых зданий не вызывает сомнений.

Планировочные и конструктивные принципы китайской архитектуры сложились уже к III в. и сохранились на протяжении всей истории Китая. При планировке большое значение имело правило «фэн-шуй», согласно которому здания располагались вдоль оси С–Ю с обязательной южной ориентировкой фасада. Дворцовые комплексы строились по принципу «гун». Внутри прямоугольного пространства, ограниченного высокими стенами с богато украшенными воротами с южной стороны, находились ансамбли разных построек, часто соединенных пандусами и крытыми галереями. Главное (церемониальное) здание находилось на оси С–Ю, состояло из одного помещения, разделенного колоннами на нефы, и никогда не совмещалось с жилыми покоями. Остальные постройки располагались по сторонам фасадом к нему. Обязательным было соблюдение зеркальной симметрии относительно центральной оси. При возведении зданий сначала сооружалась глинобитная платформа, которую обкладывали обожженными кирпичами или каменными блоками. На нее ставился деревянный каркас, образованный системой стоек и балок, промежутки между наружными стойками заполнялись в нижней части деревянными панелями, выше – деревянными решетками. Кровля делалась без стропил и соединялась с опорами каркаса кронштейнами – «доугун». Крыши имели различную конструкцию, но для всех характерны значительная высота и большая масса, т.к. перекрывались они тяжелой черепицей [Лоу Цинси, 2002, с. 4–21; Xiao Mo, 1999, p. 7–24]. Исхо-

дя из этих канонов, исследователи реконструируют и монгольские дворцовые комплексы [Майдар, 1971, с. 90–91; Майдар, Пюрвеев, 1980, с. 58–62; Минерт, 1990, с. 95–104].

Китайский облик имел также дворец Хубилая в Ханбалыке, описанный Марко Поло. Он занимал значительную площадь, огороженную двумя рядами стен с воротами с южной стороны. Внутри находились различные павильоны, а в центре располагалось главное здание с высокой крышей из поливной черепицы разных цветов [Книга Марко Поло, 1997, с. 250–251]. В нем происходили приемы и пиры, о которых также подробно пишет Марко Поло: «На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского рода; а головы их приходятся у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже. Жены рассаживаются точно так же. Жены сыновей великого хана, его племянников и родичей – с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже садятся жены баронов и рыцарей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом» [Там же, с. 255–256].

В зданиях с парадным залом в Золотой Орде не прослеживается ничего китайского. Это были многокомнатные постройки из сырцового и обожженного кирпича, состоявшие из парадных, жилых и хозяйственных помещений. Тем не менее описания Рубрука и Марко Поло, возможно, проливают свет на характер приемов, происходивших в главном зале. Показательно, что вход в него находился с южной стороны, а возвышение, на котором, вероятно, восседал владелец дома, – в северной части. Гости и домочадцы располагались по сторонам (об этом свидетельствуют, например, суфы с восточной и западной стороны зала в усадьбе З Селитренного городища). То есть организация пространства парадного зала в усадебных домах Золотой Орды соответствует таковой во дворцах Монголии. Кстати говоря, подобная организация пространства характерна для любого монгольского жилища. Монголы и поныне ставят юрты дверью на юг и северную их часть считают наиболее почетной, в то время как юрты тюрок располагаются входом на юго-восток [Кондратьева, 1935, с. 28; Жуковская, 1988, с. 16]. На то, что в ориентировке золотоордынских домов входом на юг сказалась монгольская традиция, указывал и В.Л. Егоров [1970, с. 187]. Китайская форма и ориентировка дворцовых зданий были переняты монголами практически в неизмененном виде, т.к. это соответствовало их пространственным представлениям и не противоречило традициям [Минерт, 1990, с. 95].

Другим регионом, в котором следует искать прототипы золотоордынских дворцовых зданий, является Средний Восток, и прежде всего Средняя Азия. Большинство исследователей, занимавшихся изучением архитектуры и строительства в городах Золотой Орды, отмечали влияние традиций Ирана и Средней Азии [Баллод, 1923, с. 118; Греков, Якубовский, 1950, с. 268; Смирнов, 1976]. На это указывают прежде всего строительные материалы и техника. Сырцовый кирпич применялся в средневековые повсеместно, но его размеры и система кладки на Селитренном городище в точности соответствуют среднеазиатским [Воронина, 1950]. Архитектурный декор в виде поливных кирпичей, резного ганча, терракотов, решеток-панджара также заимствован из зодчества Средней Азии [Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 166].

Планировка дворцовых и типологически близких к ним усадебных зданий Среднего Востока со II тыс. до н.э. вплоть до XII в. была проанализирована С.Г. Хмельницким [1992, с. 211–231; 1997, с. 9–84; 2000, с. 169–190; 2004; 2006, с. 13–32]. Кроме представительско-репрезентативной они выполняли функции аристократического жилища, зданий общественно-административного и культового назначения, места размещения гарнизонов и т.д. При этом определяющей была функция «средоточия власти». Планировочной структурой, которая способствовала наилучшему выражению взаимоотношений власти и подданства, являлась дворово-айванная композиция, состоявшая из большого прямоугольного двора и открытого во двор айвана, расположенного на продолжении дворовой оси. В камерном варианте двор заменялся залом, а айван – нишой. Начиная с IX в. с двух сторон от айвана устраивали две небольшие комнаты, также открывавшиеся во двор арочными проходами. Таким образом создавалась трехчастная структура. Нередко за центральным айваном находилось небольшое купольное помещение, которое С.Г. Хмельницкий интерпретирует как своеобразные «кулисы» или малый приемный зал [2004, с. 255; 2006, с. 16].

Дворцовые комплексы дворово-айванной композиции исследователь делит на две группы. К первой относятся здания с большим двором, окруженным со всех сторон различными помещениями (рис. 6). Дворцы этого «имперского» типа характерны для сасанидского Ирана (Фирузабад, Дамган) и арабского Халифата (Ухайдир, Мишатта), встречаются в Средней Азии (усадьба А в Якке-Парсанском оазисе, дворец в Шахриар-арке, дворец Термезшахов) [Хмельницкий, 1997, с. 10–21; 2000, с. 77]. В постройках второй группы также присутствуют дворово-айванные комплексы, но они не являются композиционным центром, а включены в сложную и часто асимметричную структуру здания. Дворы в них небольшие или вообще превращены в залы. К этой группе относятся не только

дворцы правителей высокого ранга (Топраккала, Хульбук), но и замки сельских феодалов и даже жилища горожан (например, на Варахше) [Хмельницкий, 1992, с. 254–255; 1997, с. 22–30].

Та же дворово-айванная (вернее, зально-айванная) планировка отчетливо прослеживается в золотоордынских усадебных домах. Особенно явственна она выражена в усадьбе 1 на Ахтубинском городище (см. рис. 4), где центральный ряд помещений здания состоит из открытого во двор айвана, квадратного зала с парадным айваном и расположенного за ним небольшого помещения. По сторонам айвана центрального зала находятся две небольшие комнаты. Очень интересен юго-восточный угол здания. Он занят помещением, по площади почти равным центральному залу. С севера и запада к нему примыкает помещение сложной конфигурации. Здесь мы наблюдаем еще один планировочный прием, известный в архитектуре Средней Азии, – приемный зал, расположенный в одном из углов здания, с примыкающим к нему Г-образным кулуаром. Такая планировка характерна для замков доисламского времени (Джумалак-тепе, Сарык-тепе), городских жилищ (Пенджикент), дворцов (Кафыр-кала, Варахша) [Хмельницкий, 2000, с. 59, 67, 80, 89, 144–145, 172, 175–179]. Таким образом, в этой усадьбе сочетается дворово-айванная планировка с асимметричной, характерной для замков 4-го типа по классификации С.Г. Хмельницкого [Там же, с. 67]. Аналогично было устроено, вероятно, и здание 2 на Ахтубинском городище, раскопанное частично. К этому же типу, скорее всего, можно отнести дом усадьбы на Царевском городище во второй период его существования.

Несколько сложнее реконструировать парадный зал усадьбы 3 Селитренного городища, т.к. стены постройки разобраны до основания и от них остались только траншеи. В единственном кратком описании этого здания парадный зал рассматривается как прямоугольный в плане, с возвышениями в южной и северной частях, обрамленными с востока и запада проходами, и квадратной площадкой в центре с двумя сухими с восточной и западной стороны [Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 57–58]. Между тем данное помещение можно рассматривать как зал с четырьмя айванами. В центре его находится квадратная площадка $7,4 \times 7,4$ м. В северной части зал соединяется с большим парадным айваном, уровень пола которого выше, чем в зале. По сторонам от айвана находятся узкие коридорообразные помещения, позади него –

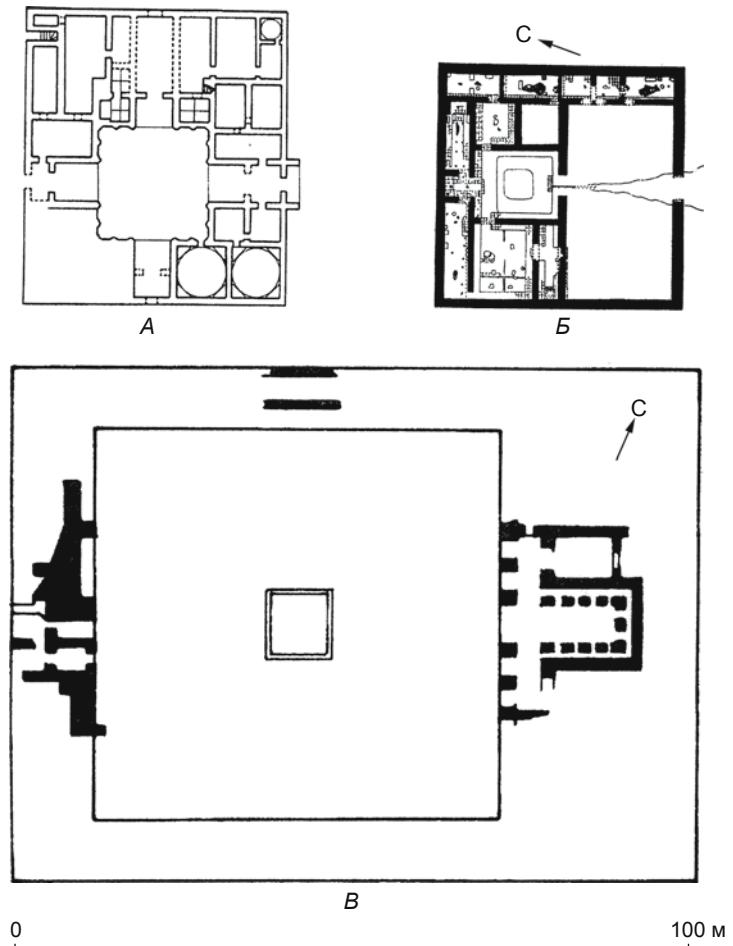

Рис. 6. Дворцовые комплексы дворово-айванной композиции.
А – дворец в Шахриар-арке; Б – усадьба А в Якке-Парсанском оазисе;
В – дворец Термезахов (по: [Хмельницкий, 1997]).

еще одна или две комнаты. То есть здесь четко выделяется весь комплекс помещений, характерный для зданий дворово-айванной планировки. Еще один айван, симметричный северному, такой же ширины, но меньшей глубины находится в южной части зала. Уровень пола здесь также приподнят, а по сторонам расположены две небольшие комнаты. Два айvana находятся с восточной и западной стороны зала. Глубина их совсем небольшая (ок. 80 см), а уровень пола также приподнят. Возможно, они использовались как скамьи для посетителей во время приемов. Четырехайванная планировка как развитие дворово-айванной схемы встречается в жилой архитектуре Среднего Востока начиная с раннего средневековья. Внутренний двор с четырьмя айванами был распространен в жилой архитектуре Хорасана. Этот планировочный прием представлен во дворце Акыр-Таш VIII в. на юге Казахстана, во дворце XII в. в Шахриар-арке Мерва, в Южном дворце газневидского комплекса Лашкари Базар XI–XII вв. [Хмельницкий, 1992,

с. 214–216; 1997, с. 9–13, 30–33; 2000, с. 55–56; 2006, с. 20]. В дальнейшем четырехайванная планировка стала традиционной для общественных зданий, таких как мечети, медресе, караван-сарай.

Несмотря на очевидное сходство золотоордынских усадебных домов рассматриваемого типа с дворцовыми и усадебными постройками Среднего Востока, нельзя не отметить существенное отличие в ориентировке парадных помещений. В Золотой Орде они организованы по «монгольским» принципам, т.е. вход всегда находится с южной стороны, а парадный айван – с северной. На Среднем Востоке парадные помещения ориентированы произвольным образом. Например, в северном комплексе «верхнего дворца» в Хульбуке было несколько дворово-айванных групп, и все они имели разную ориентировку [Хмельницкий, 1997, с. 28–29].

Дома усадеб 1 и 2 на Селитренном городище небольшие, квадратные в плане, сложенные из сырцового кирпича. Их внутреннее пространство разделено меридиональными стенами на три ряда помещений. Парадные залы, занимающие центральную часть средней линии, прямоугольные, сильно вытянутые. Айваны здесь не прослеживаются, но в целом зал имеет такую же структуру, как и у домов в усадьбах Ахтубинского городища и усадьбе 3 Селитрен-

ного: в центре расположена фигурно вымощенная площадка квадратной или близкой к квадрату формы, а южная и северная части выделяются другой системой кладки пола. В усадьбе 2 в южной части кирпичами выложена П-образная фигура, что может восприниматься как некий намек на айван. Почетное место владельца усадьбы в северной части зала представлено сухой или подиумом с балдахином. Подобное возвышение, на котором располагалась тахта хозяина, встречается в раннем средневековье столь же часто, как и тронный айван. Подиум с балдахином найден в «красном зале» раннесредневекового дворца Варахши и в замке Урта-Курган [Хмельницкий, 2000, с. 57, 174–175]. Аналоги таких небольших компактных построек, как здания 1 и 2 на Селитренном городище, можно найти среди сельских усадеб средневекового Хорезма.

Несколько домов похожего плана раскопал П.Н. Кожемяко на Краснореченском городище в Киргизии [1967, с. 53–90; Байпаков, 1986, с. 154]. Они принадлежали представителям зажиточных слоев населения и датируются X–XII вв. В плане дома близки к квадрату. Вход вел в небольшой тамбур, который при помощи узкого коридора соединялся с залом, где вдоль стен, украшенных резными алебастровыми панелями и резной штукатуркой, окрашенной в разные цвета, были сделаны сухи. По периметру здания располагались жилые комнаты, также выходящие в центральный зал. Автор раскопок определяет его как парадное помещение для приемов гостей [Кожемяко, 1967, с. 85–86].

Некоторое сходство наблюдается у золотоордынских домов данного типа с сельскими усадебными постройками Хорезма XII–XIII вв. [Неразик, 1976, с. 74–81, 89–90, 94–96]. Эти постройки Е.Е. Неразик подразделяет на две группы: с центральным залом и с центральным коридором [Там же, с. 182–183]. Первый тип представляют дома, композиционным центром которых был зал, квадратный или прямоугольный в плане [Там же, с. 182]. В усадебных постройках Хорезма он обычно был не больше других помещений и выполнял функцию распределительного тамбура, коридора или хозяйственного помещения с очагами. По пропорциям и расположению комнат к золотоордынским более близки дома с центральным коридором (рис. 7). Они разделены стенами на три примерно равные части. Среднюю линию занимает длинный широкий коридор. Комнаты, как и в золотоордынских домах, расположены с двух сторон от центрального ряда. Они соединяются с коридором тамбурами. То есть структура этих домов такая же, как в Золотой Орде, и помещения, названные

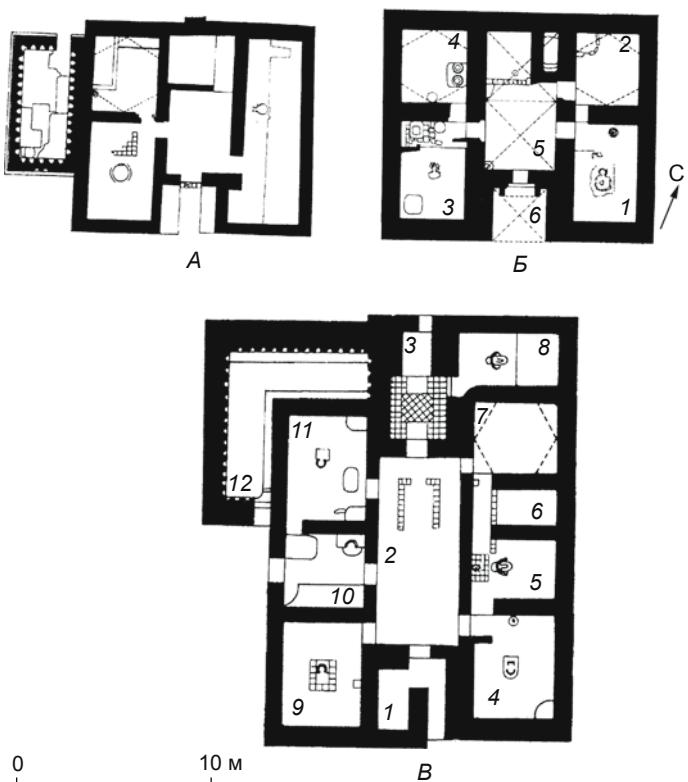

Рис. 7. Усадебные дома оазиса Кават-кала в Хорезме.
A – № 1; Б – № 60; В – № 43 (по: [Неразик, 1976; Хмельницкий, 1997]).

Е.Е. Неразик коридорами, по своему расположению и пропорциям идентичны центральным залам. К таким постройкам относятся дома № 1, 43 и 60 в оазисе Кават-кала, часть большого жилого комплекса № 2 в урочище Дарьялык-куль, дом № 2 на поселении Айгельды и № 18 на поселении Акча-Гелин [Там же, с. 77–79, 94–95, 97–99, 133–134].

Несмотря на отчетливое сходство в планировке, между золотоордынскими и хорезмийскими домами существует ряд отличий: применение разных строительных материалов (сырцовый кирпич и пахса), различное оформление интерьера, но главное – разное восприятие организации пространства здания. Как уже упоминалось, в Золотой Орде усадебные дома были обращены входом на юг, а центральная ось здания проходила по линии С–Ю, что является монгольской традицией. В Хорезме главный вход мог располагаться как с южной или юго-восточной, так и с северной или северо-западной стороны. Различным было и использование центрального помещения. В Хорезме центральный зал или коридор имел хозяйственное или распределительное назначение, а комната для гостей (михман-хана) находилась в одном из боковых помещений. В Золотой Орде он являлся парадной частью здания, залом для больших приемов, хотя имелись и другие парадные помещения, для менее торжественных мероприятий. Возможно, эти малые залы были сходны по назначению с михман-ханой среднеазиатских домов.

Очень показательна перепланировка, которая была сделана в золотоордынское время в одном из домов с центральным коридором (№ 43) в оазисе Кават-кала [Там же, с. 80–82]. Изначально парадный вход в здание находился с северной стороны (рис. 7, В). Он вел в нарядно украшенный вестибюль, соединявшийся с вытянутым распределительным залом, в южной части которого располагался выход во двор через небольшой тамбур. В XIII–XIV вв. дом был перестроен. Проход через парадный северный вестибюль заложили, и здание стало соединяться с улицей только через южный маленький тамбур. В северной части зала было возведено П-образное сооружение со стенками из обожженного кирпича. Е.Е. Неразик рассматривает эту конструкцию как почетное место хозяина дома [Там же, с. 82]. Возможно, она является своеобразной имитацией парадного айвана. Интересно, что такое же сооружение обнаружено в парадном зале дворцового комплекса XIV–XV вв. на городище Акчий в Киргизии [Заурова, 1977]. Здесь была исследована усадьба, которая по своей планировке очень напоминает усадьбы 1 и 2 Селитренного городища. Ее сходство с усадебными домами Нижнего Поволжья отмечал и Г.А. Фёдоров-Давыдов [1994, с. 76]. Поздняя датировка памятника позволяет видеть золотоордынское влияние.

Заключение

Таким образом, истоки планировки золотоордынских домов с центральным залом находятся в Средней Азии, причем если дворово-айванная (в данном случае зально-айванная) композиция, представленная в усадьбе 3 Селитренного городища, на Ахтубинском и Царевском городищах, характерна для всего Среднего Востока, то планировка домов 1 и 2 на Селитренном городище происходит, скорее всего, именно из Хорезма. На тесную связь этих построек со среднеазиатским зодчеством указывают также некоторые строительные приемы (применение обожженного и большеформатного сырцового кирпича, системы кладки, оформление углов зданий трехчетвертными башнями) и элементы декора (фигурно вымощенные полы, решетки-панджара с цветными стеклами, ганчевые архитектурные детали). Тем не менее, несмотря на столь сильное среднеазиатское влияние, здесь нельзя видеть прямое заимствование. Дома с внутренним двором и центральным залом имеют выраженную ось симметрии по линии С–Ю. Жилые комнаты в них расположены с восточной и западной стороны от двора или зала, а с юга и севера находятся небольшие тамбурные или хозяйствственные помещения. При наличии парадного зала вход в него всегда с южной стороны, а почетное место хозяина – в северной части. То есть, взяв за основу здания типично среднеазиатской планировки, жители золотоордынских городов применили к ним свои принципы организации пространства, принесенные из Монголии и, возможно, Китая. В результате возникли постройки, которые можно считать оригинальным вариантом хорошо известных на Среднем Востоке планировочных схем. Следует, правда, оговориться, что данные выводы относятся только к центральной части Золотой Орды (Нижнему Поволжью), где и обнаружены все известные на данный момент усадебные дома. В других районах ситуация может быть несколько иной, но прояснить ее смогут только дальнейшие археологические исследования.

Список литературы

- Байпаков К.М.** Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 255 с.
- Баллод Ф.В.** Приволжские «Помпеи». – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 131 с.
- Воронина В.Л.** Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. – 1950. – № 3. – С. 3–36.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.** Золотая Орда и ее падение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 478 с.

Древнемонгольские города / С.В. Киселёв, Л.А. Евтухова, Л.Р. Кызласов, Н.Я. Мерперт. – М.: Наука, 1965. – 371 с.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. – М.: Наука, 1970. – С. 172–194.

Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное // Тр. ГИМ. – 2000. – Вып. 122: Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: мат-лы науч. конф. – С. 263–273.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры. – М.: Наука, 1988. – 195 с.

Заурова Е.З. Раскопки на городище Акчий // Кетмень-Тюбе. – Фрунзе: Илим, 1977. – С. 106–127.

Зилибинская Э.Д., Алексейчук С.Н. Усадебное здание на XV раскопе Селилтренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Донецк. нац. ун-т, 2003. – Т. 3. – С. 295–345.

Книга Марко Поло // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. – М.: Мысль, 1997. – С. 192–381.

Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1967. – С. 53–90.

Кондратьева М.И. О юртообразных зданиях Внешней Монголии // СЭ. – 1935. – № 3. – С. 2–36.

Лоу Цинси. Традиционная архитектура Китая. – Пекин: Межконтинент. изд-во Китая, 2002. – 175 с.

Майдар Д. Архитектура и градостроительство в Монголии. – М.: Стройиздат, 1971. – 241 с.

Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. – М.: Стройиздат, 1980. – 214 с.

Минерт Л.К. Монгольское градостроительство XIII–XIV веков // Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 89–106.

Мухамадиев А.Г., Фёдоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. – 1970. – № 3. – С. 149–162.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (Х–XIV вв.). – М.: Наука, 1976. – 256 с.

Плахов В.В. Дворцовые здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Донецк. нац. ун-т, 2008. – Т. 6. – С. 125–141.

Рубрук Г., де. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. – М.: Мысль, 1997. – С. 88–190.

Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле Волжских Болгар // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1976. – С. 3–7.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. – 232 с.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками: Раннесламская архитектура Средней Азии. – Берлин; Рига: Gamajun, 1992. – 342 с.

Хмельницкий С. Между саманидами и монголами: Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. – Берлин; Рига: Gamajun, 1997. – Ч. 2. – 230 с.

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами: Архитектура Средней Азии V–VIII вв. – Берлин; Рига: Gamajun, 2000. – 290 с.

Хмельницкий С. Архитектура средневековых дворцов Центральной Азии // Transoxiana. – М.; Ташкент.: Изд-во Р. Элинина, 2004. – С. 252–265.

Хмельницкий С. Дворцы Хутталя: Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX–XII веков. – Berlin: Sawadowski-Verlag, 2006. – 148 с.

Hüttel H.-G. Der Palast des Ögedei Khan – Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen. – Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland; München: Staatliches Museum für Völkerkunde, 2005. – S. 140–146.

Xiao Mo. Chinese Architecture. – Beijing: Culture and art public house, 1999. – 208 p.

Материал поступил в редакцию 10.07.09 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 392.51

Н.И. Шитова

Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия
E-mail: natalja.sni2011@yandex.ru

ЯРКОСТЬ И АСКЕТИЗМ В ОДЕЖДЕ УЙМОНСКИХ КЕРЖАЧЕК (XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Работа основана на полевых материалах 1998–2000, 2005–2007 гг., собранных автором среди уймонских старообрядцев, проживающих в селах Усть-Коксинского р-на Республики Алтай, а также в г. Горно-Алтайске. Рассматриваются проявления двойственного отношения уймонских кержачек к украшениям, красному цвету и яркости одежды в целом: реальное бытование этих элементов в культуре костюма на фоне их идеологического осуждения, основанного на христианских аскетических принципах. В исследовании раскрываются различные уровни соответствия между запретами в одежде и их реализацией.

Ключевые слова: уймонские старообрядцы, украшения, красный цвет, яркость одежды, правила и запреты, аскетизм.

«Господь бы на земле жил, тоже бы согрешил», – любят приговаривать уймонские староверы. В этой поговорке отражено отношение народа к сложнейшей проблеме сосуществования идеологического и практического уровней традиционной культуры, представления о том, как должно быть, т.е. различные правила и запреты, а также фактический уровень быта и стиль поведения. Проблема особенно актуальна для старообрядческой культуры, для которой характерно чрезвычайно большое количество запретов, что четко осознают сами носители культуры: «У нас такая вера – нам же ничего нельзя» (ПМА, 2005, М.И. Утятников, 1946 г.р., г. Горно-Алтайск). Чтобы понять традиции староверов полнее, необходимо проанализировать идеологические установки, в частности, в отношении одежды, в контексте их фактической реализации в быту. Если не учитывать подобной двойственности, то можно получить не вполне соответствующее реальности представление о народной культуре. В настоящей работе раскрывается проблема противопоставления реалий обыденной жизни и запретов на их использование. Она проявляется в традиционной культуре старообрядцев Уймонской

долины Горного Алтая. Исследование базируется на полевых материалах автора, собранных в селах Усть-Коксинского р-на Республики Алтай, а также г. Горно-Алтайске в 1998–2000, 2005–2008 гг.

В результате комплексного изучения костюма уймонских старообрядцев выявлено двойственное отношение к украшениям, красному цвету и яркости одежды в целом [Шитова, 2005, с. 102]. Это обусловлено, вероятно, фактическим сосуществованием христианских и дохристианских представлений на фоне идеологического отрицания последних.

По мнению строгих в соблюдении религиозных предписаний кержачек, носить украшения грехно: «Грех носить украшения, потом надо покаяться» (ПМА, 2007, А. Утятникова, 1940 г.р., с. Мульта). Запрет на ношение украшений обосновывается так: «...шибко чтоб не воображали, про Бога не забывали» (Там же). Подобные взгляды, видимо, соответствуют апостольскому учению: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человека в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» (2 Петр. 3, 2–4).

Старообрядка из с. Тихонькая вспоминала, как хотела проколоть уши и просила купить ей серьги, а мать ее ругала: «...зачем, чтоб на том свете лягушки вешались на ушах!» (ПМА, 1998, П.И. Черепанова, 1929 г.р., с. Тихонькая). Под словом «лягушки» бабушки подразумевают прежде всего змей. Распространено поверье, что на том свете в местах былых серег, брошек, заколок, бус, браслетов будут висеть или извиваться змеи. Наказанием (уже на этом свете) может быть синяк на теле в том месте, где находилось украшение: «...брошку нельзя носить, грех, потом будет лягушка» (ПМА, 1998, Л.М. Огнева, 1931 г.р., с. Верх-Уймон).

Отказ от украшений жительница с. Мульта А.М. Болтовская обосновывает желанием следовать аскетическим идеалам византийского христианства: «Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий писали, что украшения никак нельзя носить, особенно Иоанн Златоуст» (ПМА, 2007, А.М. Болтовская, 1924 г.р., с. Мульта). Действительно, в постановлениях старообрядчества особое внимание уделено апостольскому учению покрывать женам волосы, которое приводится, как правило, в толковании Иоанна Златоуста. Именно этот запрет вместе с осуждением иностранных одеяний лежат в основе сложившегося в старообрядческой идеологии отношения к женско-му щегольству и украшениям: «Отнюду же противляющиеся сицевому учению апостольскому, и наказание святого Иоанна Златоустаго ни во что же вменяющии, дерзающие же обнажати власы главы своея, и безстудным образом ряды и зачесы творити, и сице безстудне даже в молитvenныя храмы входити, еще же не довлеющисоставом плоти своея, но пристраиваюши себе натиранными и вапы наглое безобразие, вместо богосозданныя красоты, и вящщую толстоту телеси, посредством устроений немецких, и забывши торжественное возложение венца церковного с животворящим Крестом Господним, и на его место поставляющие утвари латинский, французский и немецкий, лютеранский и кальвинский, якоже шляпки и гребни, из рогов скотских и нечистой черепаховой кости сотворенные, и сице скотски украшающиеся, такожде от святых Церкве отлучении суть, занеже сияч вся от дщерей западного костела навыкоша, и с ними купно любодействуют» [Кратчайшее изложение..., 1993, с. 94].

А.М. Болтовская рассказала нам старообрядческую притчу, призванную воспитывать у женщин аскетическое отношение к своей внешности. «По писанию нельзя носить, лягушки будут висеть. Когда Господь спустился в ад и идет. И она сидит вся, и вся в украшении этом. Он (Иисус Христос. – Н.Ш.) говорит: “О!” . Она говорит: “Любила украшения”. Он говорит: “А теперь как?” . Здесь она в украшениях, а там она в змеях сидит» (Там же). Наша собеседница, видимо, живо представляя этих пресмыкающихся, когда ей не хватало слов, жестами изображала много-

численных змей, извивающихся над головой страдающей в аду грешницы.

Этот старообрядческий образ, если не заострять внимание на его христианской идеологической интерпретации, напоминает персонаж, изображенный на известных амулетах-змеевиках, бытовавших с XI–XII до XV–XVI вв. На оборотной стороне этих предметов показаны два сюжета – отрубленная голова медузы Горгоны с вырастающими из нее змеями и змееногая прародительница скифов, тоже окруженная змеями. По мнению Б.А. Рыбакова, подобные композиции (голова со змеями и дева-змея) на территории Руси встречаются чаще, чем в греческих землях. Он рассматривает змеевики как прекрасный образец двоеверия [1988, с. 653–656].

Как отмечает Н.И. Толстой, двоеверие оказалось адаптацией язычества к христианству, подчинением его дихотомической корреляции плюс – минус (добро – зло), в которой прежней языческой вере предоставлялось место преимущественно со знаком минус [1995, с. 264–265]. Если в средние века архаическое женско-змеиное изображение использовали вместе с христианским и носили в верхней части туловища (нагрудные знаки), то в середине XX – начале XXI в. у староверов Уймана эти образы, восходящие к древнейшим представлениям, ассоциировались с адом, преисподней. Каково бы ни было происхождение древнерусской «медузы Горгоны», этот образ оказался чрезвычайно живучим. Видимо, он глубоко укоренился в народном сознании, поскольку окончательно не изжит и в начале XXI в. Его отражением являются населившие ад или просто «тот свет» старообрядческие грешницы. Змеи извиваются над головами этих женщин, обвивают их руки, шею и свешиваются с ушей.

В старообрядческих запретах прослеживается соответствие между украшением и хтоническим созданием – змеями. Подразумевается, что земное украшение является выражением хтонического начала и в реальном, физическом мире. Такое понимание подтверждается распространенной воспитательной поговоркой: «Сережки на ушках – ушки в лягушках». Известно, что древнерусские украшения, особенно предназначенные для русалий, были насыщены образами, в которых выражались все природные начала [Рыбаков, 1988, с. 736–737]. Можно предположить, что небесные сферы уже были заняты христианскими персонажами, поэтому языческое начало, выраженное в украшениях, получило в сознании уймонок преимущественно хтоническую интерпретацию.

Старообрядческий костюм является глубоко христианизированным, особое символическое значение придается поясу (рис. 1, 2) [Шитова, 2008, с. 89]. Украшения – единственный элемент, который не признан христианским законом, не носит христианской символики, а потому запрещается. Образ нарядной,

Рис. 1. Изготовление пояса современной мастерицей.

Рис. 2. Фрагмент молитвенной надписи, выполняемой в технике браного ткачества.

привлекающей мужское внимание женщины осуждаем святыми отцами: «Сказано: всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова в сердце своем (Мф. 5, 28). Подлинно, страшное предостережение, и много нужно трезвенности» [Преподобного Ефрема Сириня слово..., 1994, с. 54]. А вот как осуждается плясунья: «Пляшущая бо жена, невеста нарицается сатанина, и любодеица диявола, и супруга бесова. Не токмо бо сама будет сведена во дно адово пляшущая, ено и тии, иже ся с любовию позоруют, и в страстех разжигаются на ню похотью» [Иоанн Златоуст, 2001, с. 115]. Как отмечал Б.А. Рыбаков, запрещающие церковью игры и плясания являлись проявлением функционирующих языческих культов в эпоху двоеверия. При этом свое особое значение в этих обрядах и в выражении архаического мировоззрения в целом занимали женские украшения: «Очевидно, главные языческие действия – потехи в столых городах Руси начинали княгини и именно для этих всенародных, но тайных для церковников, празднеств мастера-ювелиры с таким тщанием и продуманностью изготавливали свое серебряное узорочье, пронизанное языческой символикой» [1988, с. 738]. Это замечание наводит на мысль о том, что христианская борьба с украшениями возникла не из-за эстетического неприятия, а из противостояния альтернативной религии дохристианским верованиям. Скромность при этом как аскетическое обоснование является вторичной.

В наши дни староверы более последовательно следуют аскетическим запретам, чем в первой трети XX в. Сейчас пожилые старообрядцы не носят украшений, хотя прекрасно помнят, что таковые были у их мам и бабушек. Некоторые наши собеседницы вспоминали, что практически не было сережек и брошек: «Брошек не носили, их не было, носили бисера – земщик», «носили только земщик – мелконький бисерок,

серьги вовсе не носили» (ПМА, 1999, М.С. Артаболовская, 1931 г.р., П.И. Черепанова, 1929 г.р., с. Тихонькая). Бытовали и серьги, и брошки, и даже браслеты. Самым распространенным украшением был «земщик» – бусы из многочисленных нитей мелкого бисера. Реже носили плетеные из бисера украшения, а также «восковые бисера» – из янтаря. Особенно яркие и многочисленные украшения привозили с собой бухтарминские невесты и гости: «С Бухтармы приезжали, там, знаете, бисера у них, вот там все завешано – шея, крупны вот тут вот, а тут – помельче» (ПМА, 1999, У.М. Аргокова, 1924 г.р., с. Верх-Уймон).

Украшения носили с целью защиты от сглаза и «от зоба». Их бытование соответствовало народным представлениям в сфере народной медицины. Вплоть до настоящего времени сохраняется вера в колдунов, колдовок и причиняемые ими добрым людям сглазы, кильы: «Кильы каки-то люди ставят... болезнь такая. Напускают хоть в зубы, хоть в ноги, хоть в руки. Даже одной женщине в матку кильы посадили... Одна голубушка в горло кильы посадила мне» (Там же). Уязвимым местом для такой порчи считается шея. Поэтому, несмотря на запреты, чаще всего из украшений используют бусы.

Иногда, стараясь уберечь от сглаза, украшали даже животных. Например, Л.П. Чернова рассказывала нам о том, как ей удалось защитить птичий выводок от дурного завистливого глаза только благодаря повязанным на шею цыплятам красным тряпочкам. В этом случае отчетливо проявляется функциональная близость украшения и красного цвета в значении оберега. Возможно, эта функция красного лежит в основе идеологического отрицания аскетически настроеными староверами. Отголоски использования красного цвета в качестве нехристианского по происхождению апотропея проявляются в представлениях о лечебных

свойствах красной ткани. «Если ребенок оспой заболеет, его в красное одеяло завертывают или красную пеленку» (ПМА, 2007, А.М. Болтовская, 1924 г.р., с. Мульта). Часто красными нитками исполнялся шов «в замок» на вороте рубах, красными нитями плели, ткали и вышивали. Использование красного цвета в качестве апотропея не является специфической чертой уймонцев, но в целом характерно для русских крестьян [Фурсова, 1992].

В с. Верх-Уймон в 1998–1999 гг. нами зафиксированы запреты как на будничную, так и на праздничную одежду красного цвета: «...молются всегда в однотоном. В красном не молются» (ПМА, 1998, Е.К. Бочкирева, 1934 г.р., с. Чендек). Некоторые информанты вспоминают, что «в красном не ходили» (ПМА, 1998, М.М. Чернова, 1911 г.р., с. Верх-Уймон). У староверов не принято хоронить в красной погребальной одежде нетрадиционного покроя. Такой запрет появился относительно недавно и связан с тем, что во второй половине XX в. была нарушена традиция погребения в традиционных белых одеяниях. И сейчас хотя и нечасто, но можно встретить староверов, которые считают, что обязательным традиционным элементом погребального комплекса является саван, а остальная одежда может быть современной, купленной в магазине. Имея в виду именно такие случаи, говорят: «...не кладите в красно, а то сразу в огонь, в муку вечную» (ПМА, 1998, Е.К. Бочкирева, 1934 г.р., с. Чендек). Старообрядческие священники обращают внимание на нежелательность присутствия красного цвета при погребении: «Но... учитывая то, что теперь наиболее привычным стало обивать гробы тканью, скажем, что весьма нежелательно использовать для этого ткань яркую, в особенности красного цвета» [Предисловие об умерших..., 1993, с. 80]. Подобные запреты четко связывают осуждение красного цвета у старообрядцев с ожиданием второго пришествия: красный напоминает о геенне огненной, к которой будут приговорены грешники. Иоанн Златоуст поучает: «А кто враги Божии... Им всем в Страшный день общего воскресения повелит Судия: “идите от Мене проклятии в огнь вечный, уготованный Диаволу и агелом его” (Мф. 25, 41)» [Иоанн Златоуст, 1992, с. 75]. В соответствии с подобными поучениями свое стремление избежать красной одежды староверы объясняют так: «...говорят, от огня красно, от крови красно» (Там же).

Вместе с тем красный – один из основных праздничных цветов. По нашим наблюдениям празднования Пасхи в с. Мульта в 2007 г., женские головные уборы и отчасти рубахи словно окрашивают праздник в этот цвет. Особенно ярко и контрастно на старообрядках преклонного возраста смотрятся чисто красные праздничные кокошники из искусственного шелка, поверх которых повязываются красные платки с цветочным орнаментом. Ярко и нарядно выглядят рубахи и сара-

фаны обладательниц красных кокошников. Красный цвет особенно характерен для женских нарядов, но его можно встретить и в мужском костюме.

У старообрядцев сохранились образцы красной одежды начала XX в. Например, венчальный костюм невесты Х.И. Ивановой из Бухтармы, изготовленный в 1925 г. (рис. 3). Однотонная красная рубаха в этом комплексе относится к типу поликовых. Нами зафиксированы также красные праздничные (моленные и выходные) поликовые и туникообразные женские рубахи с мелким рисунком, изготовленные в начале XX и начале XXI в.

Наши материалы не позволяют говорить об особом пристрастии к красному цвету старообрядок-бухтарминок: среди них зафиксировано отрицательное к нему отношение. Различное отношение к красному у уймонцев связано с этнокультурной спецификой сел Верх-Уймон и Мульта. Как утверждают местные жители, в отношении к традициям между этими селами всегда прослеживалась небольшая разница. Староверы с. Верх-Уймон считались более строгими, тогда как мультинские «маленько помягче»; в настоящее время эти различия сглаживаются. По старообрядческим представлениям, как огонь может быть и созидающим, и разрушающим, так и красный цвет может быть и полезным, и вредным. Это цвет, с которым могут ассоциироваться кровь или адское пламя, а также важнейшие христианские представления о «попрании смерти» и Воскресении Спасителя.

В целом традиции праздничной одежды уймонцев очень интересны в контексте существования аскетизма и яркости. Благодаря работам В.А. Липинской распространено мнение о преобладании исключительно темных расцветок уймонской одежды [Липинская, 1996, с. 124]. Действительно, повседневный и будничный моленный комплекс пожилых кержачек характеризуется скромными цветами, но даже в нем есть одежда довольно насыщенных оттенков зеленого и синего. Безусловно, уймонские кержачки следуют установке, означенной в старообрядческой периодике: «... христианину прилично носить одежду скромную, не кричащую и не соблазнительную» [Кратчайшее изложение..., 1993, с. 103]. Старообрядцы Уймонской долины проявляют специфическое понимание скромности: акцент делается не на запрет яркости в смысле насыщенности цвета, а на осуждение пестроты. При этом под «пестрым» имеется в виду не столько цветовое разнообразие, сколько крупный рисунок на ткани. Например, в с. Мульта пожилая женщина показала нам свое новое демисезонное пальто из ткани с крупным черно-белым рисунком. Этую вещь нашей собеседнице носить запретили, поскольку она «пестряя». Особое внимание кержачки уделяют однотонности ткани как для будничной, так и для праздничной одежды. В случае отсутствия такого материа-

Рис. 3. Девушка в венчальном костюме Х.И. Ивановой.

Рис. 4. Уймонская кержачка в новом пасхальном наряде.

ла одежду (в т.ч. и моленную) допускается шить из ткани с неброским, некрупным рисунком, «мелконькими цветочками». Праздничные наряды уймонцев и начала XX, и начала ХХI в. отличаются красочностью, поразительной на фоне общего аскетизма (рис. 4). Используются красный, оранжевый, малиновый, розовый, бордовый, голубой, синий, зеленый материал. При такой колоритности расцветок уймонские кержачки все таки реализуют свои представления о скромности традиционного костюма – они не используют пестрых (с крупным рисунком) тканей, отдают предпочтение однотонной расцветке. В настоящее время уймонские староверы, известные своей особой строгостью, выглядят значительно менее аскетично, чем их единоверцы из степного Алтая. Традиция наряжаться, готовить к Пасхе новые красивые наряды не только из хлопчатобумажных тканей, но и искусственного шелка может встретить осуждение со стороны горно-алтайских старообрядцов или единоверцев Алтайского края.

Яркость и богатство праздничных нарядов старообрядцы идеологически обосновывают религиозными соображениями. «В праздник было обязательно снаряжаться, если Бога уважаешь. Платок на леву сторону одеть в праздник – Бога не уважать», – объясняла

Е.П. Чернова (ПМА, 1998, Е.П. Чернова, 1928 г.р., с. Верх-Уймон). В ХХ в. по большим праздникам даже очень пожилые женщины надевали яркую нарядную одежду из дорогих тканей: «Вот я бабоньку помню, она уж старенька была. Но на Пасху, например, вырядится в яркое, красивое» (ПМА, 1999, М.С. Артаболовская, 1931 г.р., с. Тихонькая). При всем цветовом разнообразии на праздничную моленную одежду ранее распространялось то же правило, что и на будничную, – она должна быть «без цветков», из однотонной ткани. В праздничных нарядах выразилось как бы примирение христианского аскетизма и жизненного стремления к яркости. Эта непозволительная в обычное время роскошь в одежде обосновывается как «почитание Бога». Наряд – знак уважения годового праздника – выполняет важную психологическую функцию, формируя радостно-возвышенное настроение, подчеркивая христианское значение праздника.

В рассмотренных выше случаях прослеживаются три уровня соответствия между запретом и его жизненной реализацией: а) фактическое несоблюдение запрета, идеологическое отрицание явления; б) частичное следование запрету и частичное идеологическое обоснование запретного явления; в) нивелирование запрета и идеологическое обоснование явле-

ния. Перечисленные уровни различаются по степени идеологической обоснованности дохристианских по происхождению явлений в контексте христианского мировоззрения.

В украшениях мы наблюдаем наиболее сильный языческий след. Украшение как апотропей длительное время выполняло (в житейском понимании) те же функции, что нательный крест: это защита от колдуноў, сглаза, охрана здоровья. В отличие от христианских атрибутов, украшения удовлетворяли эстетические и эмоциональные потребности. Связанные с ними представления оказались живучими и вместе с тем непригодными для христианского переосмысливания. Поэтому возникло идеологическое отрицание этих предметов. Ярким выражением переоценки архаических представлений являются населяющие преисподнюю женско-змеиные образы, в которых можно распознать сходство со средневековыми апотропейными языческими изображениями.

Красный цвет в культуре уймонцев имеет двоякое значение. С одной стороны, он сохранил свою актуальность в культуре как архаический апотропей и жинедатель. С другой стороны, этот цвет, став символом Пасхи, выражением религиозного содержания данного праздника, приобрел также христианское культурное значение. Отрицаемый староверами красный цвет нашел в определенном функциональном срезе идеологическое обоснование. Интересно примирili уймонцы естественное жизненное стремление человека к нарядности и аскетические установки, основанные на учении отцов церкви. В дни годовых праздников колоритность костюмов получила религиозное обоснование как христианский закон. Таким образом, был не только найден способ выражения эстетических предпочтений, стремления к красоте, но и существенно усиlena идеологическая насыщенность важнейших христианских праздников.

Список литературы

Иоанн Златоуст. О втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа, и на слова: все бо предстанем судилищу Христову, и кийждо нас о себе слово даст Богу (Рим. 14, 10, 12) // Старообрядческий церковный календарь на 1993 г. – М.: Церковь, 1992. – С. 73–76.

Иоанн Златоуст. Слово о играх и о плясании // Православный старообрядческий церковный календарь на 2002 г. – Кишинев: Изд-во газеты «Красная звезда», 2001. – С. 115.

Кратчайшее изложение догматов и преданий, чинов же и обрядов и обычаяев древлеправославно-кафолическая Ветковская Церкве // Старообрядческий церковный календарь на 1994 г. – М.: Церковь, 1993. – С. 75–104.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

Предисловие об умерших: о кончине нашей, и о священном чине погребения, и о совершаемых по обычаю поминованиях // Старообрядческий церковный календарь на 1993 г. – М.: Церковь, 1992. – С. 77–94.

Преподобного Ефрема Сирина слово на лукавых жен // Православно-старообрядческий церковный календарь на 1995 г. – М.: Церковь, 1994. – С. 49, 54.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 784 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

Фурсова Е.Ф. Целительные свойства рубах русских крестьян // Изв. СО АН СССР. История, филология и философия. – 1992. – № 1. – С. 49–54.

Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2005. – 121 с.

Шитова Н.И. Христианская символика в одежде уймонских старообрядцев // Гуманит. науки в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 87–90.

Материал поступил в редакцию 30.03.09 г.

УДК 39

Б.Р. Зориктуев

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: imbt@burinfo.ru*

ЯКУТСКИЕ ХОРОЛОРЫ: КТО ОНИ? (К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ)

В статье излагаются итоги исследования старой и до сих пор не решенной в якутской этнографии проблемы происхождения крупной этнической группы хоро, являющейся одним из основных компонентов в этнической структуре якутского народа. Большой интерес к ней проявляют и бурятские ученые. Они считают, что предки хоролоров (мн. ч. от «хоро») до начала XIII в. обитали на западной стороне Байкала и составляли единую общность с хоро, потомки которых входят в состав бурятского народа и живут сейчас в Забайкалье. При отождествлении обеих групп во внимание принималось только созвучие самоназваний хоро и хоро, что не могло обеспечить верный результат. Между тем анализ конкретного фольклорно-этнографического материала, выделение в нем «вороных» и «орлиных» сюжетов не оставляют сомнений в палеоазиатском происхождении хоролоров Якутии.

Ключевые слова: средняя Лена, хоролоры, Ворон, Орел, палеоазиаты.

Введение

В составе якутского народа одним из главных его подразделений является крупная по численности этническая общность хоро, которая широко расселена на территории Якутии. Вопрос о происхождении хоролоров не один десяток лет привлекает внимание якутских и бурятских исследователей. Бурятские ученые по давно сложившейся традиции считают, что, когда в 1207 г. войско Чингисхана под командованием Чжочи вторглось в район Байкала (Баргуджин-Токум), часть предков современных хоринских бурят, не желая покориться монголам, бежала на среднюю Лену [Румянцев, 1962, с. 144]. В исторической литературе о якутах хоролоры также отождествляются с хоринцами, но в ней приход последних в Якутию не связывается с монгольскими завоеваниями. По одной версии хоринцы пришли туда раньше собственно якутов, до рубежа I-II тыс. н.э., по второй – они прибыли на среднюю Лену намного позже Омогоя и Эллэя, считающихся основными предками якутов, в XVI в. [Багдарын, 2004, с. 19;

История Якутской АССР, 1955, с. 359]. Я убежден в том, что при любом варианте предположение об уходе хоринцев из Баргуджин-Токума на север не верно. Особенно это относится к гипотезе бурятских исследователей. Если бы хоринцы действительно были разгромлены монголами у Байкала и бежали от них вниз по Лене, то данное событие обязательно отразилось бы в источниках. Но такого упоминания в них нет, потому что в начале XIII в. военные походы монголов по завоеванию и усмирению лесных народов были направлены исключительно в Саяно-Алтай (подробно об этом см.: [Зориктуев, 2000]).

Сомнения в байкальском происхождении хоролоров

Я далек от мысли, что эхо происходивших в XIII в. в монгольских степях событий не должно было докатиться до Якутии. В якутском фольклоре имеются предания о Татар-Тайме и его сыне Эллэе, содержащие глухие отзвуки этих событий. Предания о хо-

ролорах составляют совершенно иной цикл. В них рассказывается, что старец по имени Улуу Хоро прибыл на среднюю Лену на быстроногом быке, с ним было много людей и скота. Пришельцы говорили на диковинном языке, который у якутов ассоциировался с щебетаньем птиц (*хоро тыла*). В преданиях нет даже отдаленного намека на то, что Улуу Хоро пришел на среднюю Лену, убегая от войны. Поэтому невозможно отождествлять хоролоров с баргуджин-токумовскими хоринцами и считать, что они появились в Якутии вследствие монгольского вторжения в район Байкала. Этот вывод, как будет видно из дальнейшего изложения, согласуется со всеми имеющимися данными.

Сторонники отождествления хоролоров и хоринцев полагают, что если хоролоры имели отличный от остальной массы якутов язык, то тогда они представляли собой монголоязычную этническую группу [Нимаев, 1988, с. 108]. По единогласному мнению исследователей, первые монгольские заимствования в якутском языке появились в районе Байкала, когда находившиеся там предки якутов вступили в контакты с пришлыми монголами. Поскольку на среднюю Лену если не непрерывно, то хотя бы изредка просачивались монголоязычные группы, можно сказать, что тут время от времени функционировал монгольский язык, который обогащал якутский. Сейчас в якутском языке монгольские заимствования наиболее многочисленны и составляют 28,7 % его словарного состава, не считая общетюрко-монгольской лексики [Попов, 1986, с. 73]. Обилие в нем монголизмов и наличие «акающе-го» диалекта, являющегося результатом длительного якутско-монгольского двуязычия, красноречиво свидетельствуют о том, что монгольский язык с давних пор был достаточно хорошо знаком якутам. Закономерно встает вопрос: мог ли в таком случае монгольский язык хоринцев, живших не где-то очень далеко, а всего лишь на смежной с Якутией территории, вдруг стать чем-то совершенно необычным для населения средней Лены, если допустить бегство туда хоринцев из Баргуджин-Токума после их разгрома Чингисханом? По моему глубокому убеждению, нет. Да и вообще о какой экзотичности монгольского языка для якутов можно вести речь, если считается, что часть родов монгольского происхождения в этническом составе якутского народа вошла в него вместе с Омогоем. С учетом всех данных правильнее будет предположить, что непонятный и странный для якутов хоролорский язык был не монгольским, а сами хоролоры не относились к числу монгольских этносов.

На средней Лене предки якутов не забыли названия тех мест, где жили около Байкала. В преданиях говорится, что они обитали там по р. Ангаре, вблизи горных перевалов Ат-Дабан, Огуз-Дабан, Хамар-Дабан (АЯНЦ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 351. Л. 39). Такие же от-

четливые воспоминания о Байкале и прилегающих к нему местностях остались бы, вероятно, и у хоролоров, если бы оттуда состоялся их исход на среднюю Лену. Однако их память сохранила, пусть и отрывочные, но совсем другие сведения. О своей исконной родине хоролоры вспоминали, что ее название *Хоро сирэ* – «страна Хоро». Она находится далеко на юге в теплой (иногда – жаркой) стране вечного лета, где проводят зиму перелетные птицы.

Хоролорской проблеме немалое внимание уделил Г.В. Ксенофонтов. Систематизировав и изучив обширный материал, он заключил: «Хоринские наслеги интересны в том отношении, что они, по-видимому, образовались из частей какого-то чуждого племени, перемешавшегося с якутами. Большинство якутолотов обычно их причисляет к хоринским бурятам, исходя из звучания имен, но это мнение не имеет под собой серьезных оснований» (АЯНЦ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20. Л. 427). Вывод Г.В. Ксенофонтова о неправомерности отождествления хоролоров и хоринцев подтверждается собранными мной в 1987 г. в Якутии полевыми и архивными фольклорно-этнографическими материалами. Прежде всего надо отметить, что во всех вариантах преданий предводитель хоролоров называется Улуу Хоро. Хордой-Хойогос, который отдельными исследователями сближается с мифическим хоринским предком Хоридой-мэргэном, был сыном Эллэя, не имеющего никакого отношения к хоролорам. По сообщению информатора Н.Д. Бурцева, хоролорский наслег Борогонского улуса (Усть-Алданский р-н) состоит из родов хоро, бырдья и торбос, распадающихся на ветви улахаан айылаах, аччыгый айылаах, орлооб, чыраанай, соллат, чэкчэкэн. Разумеется, по одной локальной группе трудно судить об этническом составе всех хоролоров, но все же отсутствие среди перечисленных этнических терминов хотя бы одного, напоминающего название какого-либо подразделения бурятских хоринцев, наверное, не случайно.

Ворон и Орел в хоролорской мифологии

Я.И. Линденау, будучи в Якутии в первой половине 40-х гг. XVIII в., отметил, что роды коро главным образом почитали ворона [1983, с. 18]. Его наблюдение подтверждается наличием мощного «вороньего» пласта, в котором Ворон всегда представлен как общехоролорский персонаж, а не как герой отдельных этнических подразделений. В мифах, записанных у хоролоров в разных районах Якутии, говорится, что Ворон постоянно был голодным и съедал все, что ему попадалось. За это он был наказан и «спущен в здешнюю (т.е. якутскую. – **Б.З.**) землю». В отдельных вариантах мифов говорится, что Ворон принес женщины, медленно умиравшей от внезапных родов, холода

и голода в пустынной местности, огниво с трутницей. Та развела огонь и сохранила себе и своему ребенку жизнь. Ее сын стал родоначальником хоролоров. Поэтому они говорили про Ворона: «Господин наш дедушка знает неведомое, видит невиданное». Основную же сюжетную линию большинства мифов составляет повествование о том, что предок хоролоров во время стихийного бедствия (наводнения) или в результате несчастного случая (сломав ногу) лежал в безлюдной местности и умирал от голода и холода. Внезапно прилетел Ворон и принес ему трутницу с огнивом. Тот развел огонь и остался жив. С этого времени хоролоры стали почитать Ворона и называть его «Наш дедушка», «Наше божество», «Наш предок». Когда к жилищу подлетал ворон, отдать ему дань всеобщего уважения, надев лучший наряд, выходила невестка хоролорского рода. Сложив на груди руки и преклонив колени, она кланялась птице. Хоролоры верили, что ворон может отомстить за проявление неуважения к нему. Поэтому запрещалось доставлять беспокойство этой птице, разорять ее гнездо, топтать валяющиеся на земле вороньи перья. Тяжелым грехом считалось убийство ворона (АЯНЦ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20. Л. 129; Д. 54. Л. 1; Оп. 12. Д. 69. Л. 49–50 об., 68, 109–109 об.; Ф. 5. Оп. 3. Д. 652. Л. 10).

Ворон упоминается в мифологии многих народов, и почти везде он лишен религиозно-мифологического ореола, имея преимущественно негативную оценку. И только у палеоазиатов чукотско-камчатской группы Северо-Восточной Азии (чукчи, коряки, ительмены) и индейцев северо-западного побережья Северной Америки (тлинкиты, хайда и др.) есть обширный мифологический «вороний» цикл, в котором Ворон наряду со свойствами мифологического плута наделен чертами демиурга, культурного героя и первопредка, т.е. в целом оценен весьма позитивно. В мифах о его творческих и культурных деяниях многие мотивы у палеоазиатов и народов Северной Америки, имеющих общие генетические корни, совпадают [Мифологический словарь, 1991, с. 130]. Однако палеоазиатам не знаком, например, североамериканский сюжет, как Ворон добыл огонь, хотя у чукчей он создает сакральный инструмент для добывания огня. В палеоазиатском фольклоре Ворон прожорлив и действует на фоне голода, постигшего всю его семью; в мифах индейцев Северной Америки он также прожорлив, но состояние голода – специфическая черта самого Ворона [Там же, с. 130]. Эти же мотивы прожорливости, голода, добывания огня при помощи трутницы и огнива имеются, как мы видели, в хоролорской мифологии. У индейцев Северной Америки зафиксированы мифы о потопе с участием Ворона [Там же, с. 131], в сказаниях хоролоров об их предке и его спасителе Вороне все действие также часто разворачивается на фоне глобального наводнения.

Существование типологически близких мотивов подчеркивает общность мифологической семантики Ворона у якутских хоролоров, палеоазиатов и североамериканских индейцев. Наличие «вороньего» пласта в традиционной культуре хоролоров показывает всю иллюзорность гипотезы об их монгольском происхождении и тождестве с живущими около Байкала хоринцами. У последних никогда не было культа Ворона. Предположение о том, что они ушли на среднюю Лену и там, подражая кому-то, стали почитать Ворона, будет крайне ошибочным, т.к. заимствовать в Якутии мифы о Вороне в том виде, в каком они бытовали у хоролоров, было не от кого. В мифологии собственно якутов имеются немногочисленные рассказы о Вороне, но они переняты от народов Камчатки и Чукотки и, несмотря на их переделку в соответствии со своими духовными запросами, большого распространения не получили. Из якутского фольклора известно лишь то, что Ворон является внуком (в отдельных мифах – сыном) Улуу Тойона – мифического главы злых духов Верхнего мира *абаасы*, от которого он передал огонь людям (АЯНЦ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 652. Л. 10). Неразвитость «вороньих» мотивов у собственно якутов по сравнению с тем, что имелось у хоролоров, свидетельствует о том, что мифологический цикл о Вороне со всем разнообразием его сюжетных линий, ненамного уступающий в этом плане палеоазиатскому, был принесен в Якутию самими хоролорами.

Ошибканость гипотезы о монгольском происхождении хоролоров иллюстрирует другой материал. В 1920 г. археолог Е.Д. Стрелов на гребне Лысой горы между Хоринской и Атласовской падями юго-западнее Якутска раскопал два хоролорских погребения, в которых были захоронены женщины. Благодаря вечной мерзлоте сохранность трупов и находившихся при них вещей, в частности одежды, оказалась очень хорошей. В одной могиле покойница была одета в сшитую из ровдуги верхнюю демисезонную одежду. Под ней была более короткая, не доходящая до колен, другая одежда, богато украшенная кожаными нашивками со сквозным узором и служившая чем-то вроде камзола (рис. 1). На второй погребенной также была верхняя одежда, сшитая из толстой ровдуги (рис. 2), и нижняя, отороченная мехом. Я не буду останавливаться на подробном описании каждой одежды, т.к. оно приведено в статье Д.Д. Стрелова и к тому же сопровождается цветными рисунками, мастерски выполненным художником М.М. Носовым [Стрелов, 1936, с. 89–98]. Найденная одежда относится к середине XVIII в., на что указывают обнаруженные в могилах монеты и фиши. По покрою и внешнему декору она напоминает одежду эвенков [Историко-этнографический атлас..., 1961, табл. 13 (1), с. 252; табл. VI (6), с. 309] и не имеет ничего общего с традиционным костюмом монгольских народов, в частности хоринских бурят

Рис. 1. Одежда хоролоров Якутии, богато украшенная нашивками из кожи со сквозным узором [Стрелов, 1936].

Рис. 2. Верхняя одежда якутских хоролоров из ровдуги [Стрелов, 1936].

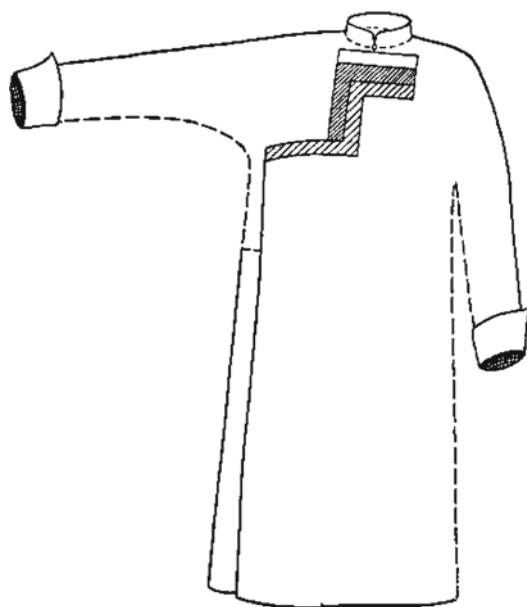

Рис. 3. Верхняя одежда хоринских бурят.

(рис. 3). Видимо, это последние образцы исконной хоролорской одежды, которая к тому времени уже почти полностью вышла из употребления и больше на территории Якутии не встречалась. По мнению Е.Д. Стрелова, смена данного костюма на якутский объясняется тем, что на севере одежда пришедших с юга хоролоров оказалась неприспособленной к местным климатическим условиям. Когда в конце 1920-х гг. рисунки М.М. Носова были выставлены в Якутском музее, они вызвали всеобщее изумление, потому что изображенная на них одежда была совершенно не похожа на древнюю якутскую, зарисовки которой приходились многими авторами, писавшими о якутах [Там же, с. 75, 99].

Если анализ всей источниковой базы показывает ошибочность существующих взглядов на проблему этнической идентификации якутских хоролоров, то тогда кто же они были по своему происхождению? Изложенный мной материал по их «вороньей» мифологии, идентичный тому, что имеется у палеоазиат-

ских народов, однозначно говорит об общности этногенеза хоролоров и этих народов. В палеоазиатском и североамериканском фольклоре Ворон выступает в нескольких ипостасях, одна из них – могучий шаман. В. Иохельсон в начале XX в. писал, что коряки обращают к Ворону свои молитвы и приносят ему жертвы, в корякском фольклоре он фигурирует как Творец (*Тенантомын*), создатель бубна и сочинитель заклинания, искусный целитель. На лестнице, ведущей в их традиционное жилище, коряки изображали Ворона и его супругу Мити [Jochelson, 1908, p. 18, 32]. Е.М. Мелетинский полагал, что эта лестница была не только сакральным охранителем жилища, но и монументом космического столпа, соединяющего землю с Верхним и Нижним мирами. Поэтому изображение на ней Ворона указывало на его шамансскую функцию посредника между различными сферами вселенной [Мелетинский, 1979, с. 42]. Думается, с этой ипостасью Ворона генетически связан образ предка хоролоров Улуу Хоро, который, как гласят предания, был потомком знаменитых шаманов. Поэтому прежде считалось, что в Якутии наиболее сильные шаманы были у хоролоров. Согласно материалам Г.В. Ксенофонтова, в начале XX в. в Западно-Кангалацком улусе у оз. Кураанах-кюэл обитал особый род хоро. Его возглавлял шаман Хоро-Бюктээн. Он имел девять сыновей и восемь дочерей, которые были именитыми шаманами и шаманками (АЯНЦ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 69. Л. 49–49 об.).

Считалось, что огниво, полученное хоролорами от Ворона, обладало чудодейственным свойством избавлять людей от кожных болезней, насылавшихся духом домашнего огня. Поэтому, чтобы излечить больного, приглашали человека хоролорского, предпочтительно шаманского, происхождения. Он от имени духа-хозяина огня высекал огнivом искры, направляя их на больное место, и при этом заклинал:

От зари до зари дьотту,
От хоринца хоро дьотту,
Начинаю высекать я,
Являющийся внуком хоринцев,
Блеск-лучезарность,
(вариант: Блесни лучезарно)
Солнечное высекание,
Лунное высекание,
Солнечное высекание,
Лунное высекание.

Это действие повторялось три раза. Затем совершался обряд угощения огня. Одновременно давали пищу ворону (АЯНЦ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 69. Л. 68; Ф. 5. Оп. 3. Д. 652. Л. 10).

По первому впечатлению, приведенное заклинание всецело связано с небесной сферой. Вероятно, данная связь объясняется тем, что Ворон, с помощью огнива которого исцеляли больного, по представ-

лениям палеоазиатов, первоначально жил на небе. Это, в частности, отметил побывавший на Камчатке С.П. Крашенинников: «Кутху по сотворении земли оставил небо и поселился на Камчатке». Рядом с Кутху обязательно фигурирует его жена Савина, которая в мифах нередко предстает как дочь Рассвета. Ей камчадалы приписывали «творение вечерней зари и утренней» [Крашенинников, 1949, с. 407, 409] (вспомним фразу «от зари до зари дьотту» в хоролорском заклинании). С этими сведениями согласуется существовавшее у чукчей поверье, что Ворон живет близ Полярной звезды и прилетает на зов шамана с целью уничтожить злого духа [Jochelson, 1908, p. 82]. В ряде мифов он выступает партнером верховного небесного божества палеоазиатов. Детьми небожителя являются облачные люди, с которыми Ворон имеет связь через своих детей [Мелетинский, 1979, с. 71].

Я допускаю, что мифы об облачных людях в палеоазиатском фольклоре имеют генетическую связь с легендой о дочерях облаков, которая бытовала у хоролоров Усть-Алданского р-на, а некогда и у всех якутских хоролоров. Приведу дословно то, что я записал в 1987 г. от информатора М.В. Пуховой: «В Усть-Алданском районе есть два небольших, соединенных друг с другом озерка, называемых общим именем Нёкюн. К одному из них вплотную подступает довольно высокий холм. Нам в детстве взрослые запрещали подниматься и играть на нем. Они объясняли это тем, что на вершине холма некогда жили дочери облаков – *былым кыргыттара*. Как они выглядели и на кого были похожи, нам никто не рассказывал. Старики говорили, что дочери облаков брали у людей нянчить маленьких детей. Эти дети не болели и не умирали. Через какое-то время дочери облаков улетели на небо и больше сюда не вернулись».

Палеоазиаты чукотско-камчатской группы на ранних этапах своего развития знали Ворона не только как демиурга, культурного героя и первого шамана, но и как тотемического первопредка. С.П. Крашенинников об этой ипостаси Ворона оставил такую запись: «Богом камчадалы почитают некоего Кутху, от которого произошел народ их» [1949, с. 406]. В. Иохельсон указал, что коряки западного берега Пенжинской губы называли Ворона *Ачченяку* – «Большой дед» [Jochelson, 1908, p. 17]. Это имя имеет самое непосредственное отношение к занимающему одно из центральных мест в мифологических представлениях коряков культу *аппапиль* (букв. «дед») – прямых предков семьи или общины, наделенных шаманскими силами и покровительствующих своим потомкам. Так как у коряков Ворон тоже считался предком, но не семейным или общинным, а, как у всех палеоазиатов, общеплеменным [Крашенинников, 1949, с. 406], они называли его Большим дедом. Теперь вспомним, что якутские хоролоры, в

своих мифах позиционируя Ворона как общехоролорский персонаж, тоже называют его «Господин наш дедушка». Это дает полное право сказать, что Ворон был тотемическим предком не только той части хоролорского этноса, которая непосредственно от него ведет свой род, но и всех хоролоров.

Другая часть хоролоров считала своим родоначальником Орла (*Xotой*), прилетающего из страны *Xoro sирэ*. У бурятских хоринцев не было культа Орла. Следует подчеркнуть, что Орел, в отличие от Ворона, выступает в одной ипостаси – как первопредок незначительной части хоролорской общности. О том, что он был родоначальником хоролоров, свидетельствует обычай табуирования его настоящего имени: Хотой заменялось самоназванием этноса *xоро*. В этой связи В.М. Ионов писал, что вместо *xотои тöрүттäх* («происшедший от орла») говорят *xоро тöрүттäх* («происшедший от хоро»), *xоро* употребляется вместо *xотои* из предосторожности – *харыстän* (оберегая, как говорят якуты) [1913, с. 1–3].

«Орлиные» роды, подобно «вороньим», создали мифы о своем предке Орле, но их доля в хоролорском фольклоре невелика, что объясняется значительным преобладанием в этническом составе хоролоров тех, кто ведет свой род от Ворона. Один из таких мифов был записан В.М. Ионовым. Весной женщина возвращалась из-за Алдана на р. Татту. Голодного коня и ее саму покидали последние силы. Вдруг она увидала падающего сверху глухаря, а поодаль – садившегося на дерево орла. Женщина поняла, что орел именно для нее сшиб на лету глухаря. Она трижды поклонилась ему и сказала: «Орел, господин дед! Пусть это будет твоей радостной встречей, приготовленной тобою для меня со спасительной целью, когда ты знаешь, что я иду, истомившись, по дороге-господже с восемью изгибами!» [Там же, с. 11–13]. В этом мифе привлекают внимание два момента. Во-первых, его основной повествовательной единицей является мифологема спасения Орлом умирающей от голода женщины, несомненно заимствованная у «вороньих» родов. Следовательно, «орлинная» мифология в процессе своего развития испытывала определенное влияние со стороны «вороньей». Во-вторых, к Орлу обращаются так же, как и к Ворону: «Господин дед», что соотносится с корякским культом *аппапиль*. Это подтверждает вывод о том, что Орел был тотемическим предком части хоролоров. В более широком плане данная форма обращения является еще одним бесспорным аргументом в пользу палеоазиатского происхождения всей хоролорской общности и одновременно убедительнейшим доводом не в пользу гипотезы о тождестве хоролоров и хоринцев. У последних вся племенная мифология, по существу, сведена к одному мифу об охотнике Хоридое, чей брак с птицей лебедем полу-

жил начало образованию хоринских родов. Данный миф по своей внутренней структуре и содержанию резко контрастирует с «вороньими» и «орлиными» хоролорскими мифами, что является отражением разного миропонимания и, главное, разного происхождения хоролоров и хоринцев.

Культ Орла отчетливо проявлялся также в случае смерти священной для хоролоров птицы. Интересная запись об этом была сделана в конце 1930-х гг. А.А. Саввиным. Состарившийся орел перед смертью прилетает к жилью. Когда он умирает, ему в жертву приносят телку. Кусочек сердца животного вкладывают в клов, тело птицы завертывают в бересту и в лесу кладут на развилку дерева. Клюв орла направляют на юг и произносят слова: «Господин наш дедушка, мы подняли твой серебряный прах, положили твои медные кости на арангас». Если человек не исполнит желание орла быть похороненным таким образом, то он и члены его семьи заболевают острым ревматизмом суставов, теряют способность двигаться и часто все умирают в страшных муках (АЯНЦ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 69. Л. 26, 32–35).

У индейцев Северо-Западной Америки Ворон был не только общеплеменным, но и одновременно фратриальным предком. В качестве другого фратриального предка выступал Орел. Эта оппозиция сохранилась у них и поныне. Поскольку имеются веские доказательства участия в сложении палеоазиатов и на-денеязычных индейцев Америки общих этнических компонентов, можно предположить, что фратриальная организация племени была характерна и для северо-восточных палеоазиатов. Это находит подтверждение при обращении к фольклору якутских хоролоров. Почитание одной их частью в качестве своего тотемического предка Ворона, а другой – Орла следует рассматривать как отголосок былого фратриального деления хоролорского этноса и в целом всех палеоазиатов, т.е. во времени прибытия на среднюю Лену хоролоры представляли собой племенную общность, состоявшую из фратрий Ворона и Орла. Доминирование у них «вороньей» фратрии, как у американских индейцев, объясняется исторически сложившейся асимметрией в пользу Ворона. Последующее расселение хоролоров почти по всей Якутии привело к ослаблению и разрыву связей не только между фратриями, но и между отдельными подразделениями внутри каждой из них. Поэтому небольшие части прежде цельного этнического образования в местах своего нового проживания закрепились под общеплеменным именем *xоро*. В большинстве районов это с неизбежностью привело к утрате родовых названий. Исключение составили отдельные компактные группы хоролоров в Центральной Якутии (яркий пример – хоролоры Усть-Алданского р-на), у которых сохранилось прежнее родовое и внутриродовое членение.

Палеоазиатское происхождение хоролоров (вместо заключения)

Поскольку хоролоры генетически связаны с палеоазиатами, можно было бы предположить, что они пришли в Якутию с северо-востока Азии. Однако практически во всех преданиях настойчиво проводится мысль о приходе хоролоров из теплой южной страны. По направлению их движения на север и последующего расселения в Якутии можно предположить, что на юге хоролоры жили в нижнем течении Амура. В преданиях говорится о прибытии Улуу Хоро на Лену из страны *Хоро сирэ*. Переправившись на юго-востоке и востоке Якутии через реки Алдан, Амга и Татта, он в местности Мюрю нынешнего Борогонского улуса хотел устроить *ысыах* по случаю новоселья, но был прогнан оттуда давним жителем этой местности Бэрт-Хара. Тогда Улуу Хоро перебрался на западный берег Лены (где сейчас г. Якутск). Там численность его потомков стала быстро расти. Позже хоролоры под натиском кангаласского вождя Тыгына ушли еще дальше на запад и основали свои наследи в Верхневилюйском и Сунтарском улусах (АЯНЦ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 76. Л. 19–19 об.).

С хоролорскими преданиями хорошо увязывается существующая в научной литературе точка зрения, согласно которой в генезисе палеоазиатов важную роль сыграли западные (из континентальных районов Сибири) и южные (с нижнего Амура и Приморья) компоненты. Об участии последних свидетельствуют антропологические данные, изображения на петроглифах нижнего Амура ворона и сохранение этого мифологического персонажа в фольклорных традициях аборигенов [Мелетинский, 1979, с. 13, 194]. В состав южной палеоазиатской ветви, вероятно, входили хоролоры. В пользу данного предположения говорит тот факт, что южнее современного г. Хабаровска, в нижнем течении Уссури, имеются топонимы Хор, являющиеся, как мне кажется, маркером места обитания далеких предков хоролоров. О том же, возможно, свидетельствуют содержащиеся в ряде ранних китайских и корейских хроник («Вэй люэ», «Лян шу», «Лунь хэн», «Бэй ши» и др.) глухие сообщения о нахождении к северо-востоку от китайских владений «варварского государства», одно из названий которого было Кори [Джарылгасинова, 1972, с. 62, 89–96]. Может быть, это и есть та самая страна *Хоро сирэ*, где, по преданиям, до переселения на среднюю Лену жили хоролоры. Надо заметить, что в языке айнов, которые до окончательной локализации на Хоккайдо населяли Сахалин, Курилы, Приморье и юг Приамурья, имеется слово *сири* – «страна, земля» [Таксами, Косарев, 1990, с. 3, 239]. Не исключено, что от айнов это слово заимствовали хоролоры и занесли его на среднюю Лену, где оно прочно вошло в якутский язык.

В корееведении общепризнано мнение об участии в этногенезе корейцев северного палеоазиатского компонента [Джарылгасинова, 1972, с. 176]. Считается, что один из предков корейцев Тонмён, выйдя из местности, которая в ряде источников называется Кори, и достигнув области Пуё, стал родоначальником одноименного народа. Продолжатель его дела Чумон, покинув Пуё и уйдя в центральные районы Корейского полуострова, стал первопредком народа когурё, отпочковавшегося от пуё. Предполагается, что мифы об этих героях отражают два этапа этнической истории родственных народов пуё и когурё. В них запечатлено воспоминание о переселении их предков с севера на более южные территории [Там же, с. 92].

Исследователями предложено несколько дат миграции Чумона из Пуё на юг. Наиболее реальной представляется та, которая дана Н.Я. Бичуриным в его комментарии к «Бэй ши». Он пишет: «Чжумын (т.е. Чумон. – **Б.З.**) основал царство Гаоли (Когурё. – **Б.З.**) в половине третьего столетия по Р.Х.» [Бичурин, 1950, с. 50]. Согласно источникам, Чумон пришел в Когурё не один, а с двумя своими товарищами, которых звали Оин и Ови. Примечательно, что в «Вэй шу» при передаче их имен первый слог записан иероглифом *о* (кит. у), имеющим значение «ворон» [Джарылгасинова, 1972, с. 96]. Вероятно, спутники Чумона, как и он сам и его единокровный предшественник Тонмён, являются олицетворением этнических подразделений палеоазиатов, почитавших ворона, которые пришли из Кори в Пуё и далее в Когурё. На это же указывает, надо полагать, и то, что в Когурё образ Ворона, главного божества палеоазиатов, не только не был забыт, но и получил дальнейшее развитие, приобретя важные дополнительные функции. У когурёсов Солнце, чей культ был одним из важнейших, изображалось на гробницах в виде трехлапого ворона [Там же, 165]. С учетом всего приведенного материала можно предположить, что вошедшие в состав корейцев этнические группы палеоазиатов, родоначальниками которых были Тонмён и Чумон, являлись частями хоролорского этноса, жившего на нижнем Амуре, в области Кори. Отсюда логически вытекает другой важный вывод: если основные предки корейцев Тонмён и Чумон по своей этнической принадлежности были палеоазиатами-хоролорами, то тогда название их древней родины Кори легло в основу названия народа когурё (корё), объединившего в границах одноименного государства население Корейского полуострова. Что касается гипотез, согласно которым этноним *когурё* возник от древнекорейского слова *куру* – «город», нанайского *голо* – «владение», «страна», эвенкийского *карко* – «медведь» и т.д. [Там же, 60–62], то они неубедительны вследствие отсутствия внятной аргументации.

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что в последних веках до нашей эры предки хоролоров, называясь *хоро*, жили в Нижнем Приамурье. Вхождение некоторой их части в состав корейского народа говорит о том, что это был крупный палеоазиатский этнос со всеми сложившимися основными компонентами этнической культуры. Они говорили на палеоазиатском языке, который, как и современные чукотский, корякский и ительменский, был изолированным. В свете данного вывода абсолютно бесперспективными выглядят предпринимаемые время от времени попытки его отождествления на основе сохранившихся в записях отдельных слов и выражений с бурятским или монгольским языком. На мой взгляд, необходимо специальное, с применением новейших методик, исследование по выявлению элементов глубинного структурного тождества в языке хоролоров и северо-восточных палеоазиатов. Только такой подход может дать положительный результат.

То же самое следует сказать в отношении найденной Е.Д. Стреловым хоролорской одежды. Мне представляется, что обнаруженные в погребениях образцы являются элементами палеоазиатского костюма, использовавшегося хоролорами на нижнем Амуре до их переселения в Якутию. Данная одежда, которая по покрою может быть отнесена к типу распашной, наиболее близка эвенкийской. Это не удивительно, ибо, опираясь на стройную концепцию Ю.Б. Симченко об этногенезе древних охотников на дикого оленя Северной Евразии, можно предположить, что в формировании предков палеоазиатов значительную роль сыграл древний тунгусский компонент [1976, с. 39], к тому же Приамурье издавна компактно заселено тунгусо-маньчжурскими народами, и хоролоры жили там в непосредственном соседстве с ними. Возможно, найденная в хоролорских могилах одежда была погребальной, которая в силу этого особого функционального назначения смогла так долго, до середины XVIII в., удержаться в этнической культуре хоролоров. Первоначально она, может быть, использовалась как обычная. Но по прибытии хоролоров в Якутию весь комплекс их традиционного костюма вышел из постоянного употребления вследствие неприспособленности к суровому климату, а отдельные его элементы составили разряд ритуально-погребальной одежды.

Разумеется, в Приамурье хоролоры имели во многом одинаковые с местным населением черты в быту и культуре. В частности, хоролоры также разводили и использовали в качестве тяглового и транспортного животного быка. Можно даже предположить, что это животное, как у многих восточно-азиатских народов, вошло в систему их религиозных обрядов, связанных, например, с культом природы. Поэтому неудивительно, что, по преданиям, предок хоролоров

Улуу Хоро прибыл в Якутию верхом на быке. Сакральное значение быка некоторое время сохранялось у хоролоров в Якутии, о чем свидетельствует его упоминание в преданиях вместе с Вороном. В одном предании говорится, что в Жабыльском наслеге Мегинского улуса обитал род хоринцев. В старину туда решил переселиться человек из западного Хоро Кангаласа. Чтобы осмотреть угодья, он переплыл реку (Лену) верхом на белом быке и, обойдя восточную сторону реки, вернулся домой. В ту поездку, будучи в Таттинской земле, он сломал ногу и лежал, умирая от голода и холода. Тогда прилетевший Ворон спустил ему трутницу с огнivом, с помощью которых он развел костер и остался жив [АЯНЦ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 652. Л. 10].

Согласно распространенной точке зрения, прямые предки чукчей, коряков и ительменов, являвшиеся охотниками на диких оленей, появились в районе Южной Чукотки и северного побережья Охотского моря в середине I тыс. н.э. [Арутюнов, Сергеев, 1975, с. 195–196]. Там произошло окончательное формирование этнической общности северо-восточных палеоазиатов. Это нашло отражение в фольклоре: в нем появились мифологические анекдоты о Вороне-трикстере. Их нет у хоролоров, которые, видимо, несколько позже основной массы палеоазиатов, находившихся в Приморье, покинули нижний Амур и переселились на Лену. Данный вывод согласуется с результатами современных исследований мифологии палеоазиатов и североамериканских индейцев. На основании изучения разных сюжетных пластов в рассказах о Вороне специалистами установлено, что «вороний» эпос в самой своей ранней редакции представлял Ворона как тотемического первопредка и культурного героя. Что касается мифологического путя, то анекдоты о нем сформировались и вошли в состав «вороньего» эпоса позже [Мелетинский, 1979, с. 191–192]. Этим объясняется то, что у хоролоров, которые не были вовлечены в общий миграционный поток и не оказались на северо-востоке Азии, отсутствуют мифы о плутовских похождениях Ворона.

Для того чтобы хотя бы приблизительно определить время прибытия хоролоров на среднюю Лену, необходимо ориентироваться на якутские предания о начальном этапе заселения края. Почти все они называют первым поселенцем Омогоя. Считается, что исход тюркоязычных групп от Байкала вниз по Лене, где началось сложение якутского народа, состоялся в X–XI вв. под давлением монголов. Однако в последнее время выявлены новые данные, согласно которым появление первых монголов на западной стороне Байкала, где обитала основная масса праякутских родов, предположительно произошло в начале VIII в. [Зориктуев, 2005, с. 60–61]. Это означает, что в конце I тыс. н.э., когда ушедшие на среднюю Лену

предки якутов осваивали новые места обитания, туда из страны *Xoro сирэ*, находившейся на нижнем Амуре, прибыли хоролоры и навсегда обосновались на земле Якутии.

Список литературы

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья: Эквенский могильник. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Багдарын Сюлбэ.** Топонимика Якутии. – Якутск: Бичик, 2004. – 190 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 2. – 332 с.
- Джарылгасинова Р.Ш.** Древние когурёсы (к этнической истории корейцев). – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1972. – 187 с.
- Зориктуев Б.Р.** Монголы и лесные народы (события 1207 и 1217 гг.) // Вопр. истории. – 2000. – № 11/12. – С. 119–127.
- Зориктуев Б.Р.** Эргунэ-кун и начальные этапы монгольской истории // Монгольская империя: этнополитическая история. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 9–69.
- Ионов В.М.** Орел по взорениям якутов // Сб. МАЭ. – 1913. – Вып. 16. – С. 1–13.
- Историко-этнографический атлас Сибири.** – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 497 с.
- История Якутской АССР.** – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 432 с.
- Крашенинников С.П.** Описание земли Камчатки. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. – 841 с.
- Линденгау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Мелетинский Е.М.** Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1979. – 219 с.
- Мифологический словарь.** – М.: Сов. энцикл., 1991. – 736 с.
- Нимаев Д.Д.** Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск: Наука, 1988. – 217 с.
- Попов Г.В.** Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). – Якутск: Кн. изд-во, 1986. – 148 с.
- Румянцев Г.Н.** Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1962. – 265 с.
- Симченко Ю.Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 311 с.
- Стрелов Е.Д.** Одежда и украшения якутки в половине XVIII в. (по археологическим материалам) // СЭ. – 1936. – № 2/3. – С. 75–99.
- Таксами Ч.М., Косарев В.Д.** Кто вы, айны?: Очерк истории и культуры. – М.: Мысль, 1990. – 320 с.
- Jochelson W.** The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition: Memoir of the American Museum of Natural History. – Vol. 6. – 842 c.

Материал поступил в редакцию 11.05.09 г.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 314.9

Г.А. Аксянова

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия
E-mail: gaksyanova@gmail.com

ЭТНОДЕМОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ ХХ ВЕКА

Информационно-аналитическая статья по материалам всеобщих переписей, в основном 1989 и 2002 гг. Специальное внимание уделяется динамике демографического состава и языковых процессов у малочисленных автохтонных народов Западной Сибири. Рассматриваются численность и распределение 38 этнических групп из многонациональной среды бывшего СССР, насчитывающих в каждом субъекте РФ (от Ямalo-Ненецкого АО до Республики Алтай) не менее 1 тыс. чел. Документированы разные модели распределения, кластеры сходных по национальному составу районов, соотношение в каждом из них долиaborигенного, пришлого нерусского и этнически русского населения. В конце XX в. наибольшей спецификой выделялись географически самые удаленные территории Крайнего Севера (Ямал) и горной страны (Алтай).

Ключевые слова: малочисленные народы Западной Сибири, мигранты, субъекты РФ, всеобщие переписи, этнодемография.

Западная Сибирь находится в срединной части Российской Федерации и занимает примерно 14 % ее площади. Она является промежуточным регионом между западными (европейскими) и восточными (азиатскими) территориями. По административному делению 1990-х гг. на этом пространстве полностью размещалось девять субъектов федерации: Тюменская обл. (административный центр – г. Тюмень) с Ямalo-Ненецким автономным округом (ЯНАО, центр – г. Салехард) и Ханты-Мансийским автономным округом (ХМАО, центр – г. Ханты-Мансийск), Омская (г. Омск), Томская (г. Томск), Новосибирская (г. Новосибирск), Кемеровская (г. Кемерово) области, Алтайский край (г. Барнаул) и Республика Алтай (г. Горно-Алтайск). В советский период (включая 1991 г.) все эти территории вместе рассматривались как Западно-Сибирский экономический район. Республика Алтай (в то время Горно-Алтайская автономная область) входила в состав Алтайского края. В мае 2000 г. территории Западной Сибири включены в состав новых административных единиц: северные регионы вошли в Уральский федеральный округ (Тюменская обл. с автономными округами), остальные – в Сибирский. В настоящей работе демографическая ситуация в Западной Сиби-

ри анализируется преимущественно по итогам Всеобщей переписи населения 1989 г. (разделы – «постоянное население»), но для сравнения привлекаются данные и других всеобщих переписей.

До прихода русских в конце позднего средневековья территория Западной Сибири была чрезвычайно редко заселена автохтонными народами трех языковых семей – уральской (угры и самодийцы), алтайской (турки и тунгусы) и енисейской. Они известны сейчас как ханты и манси (угры), ненцы, энцы и селькупы (самодийцы), сибирские татары, чулымы, хакасы, телеуты, шорцы, народы Горного Алтая – алтайцы, или алтайки, теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы (турки), эвенки (тунгусы), кеты (енисейцы). В соответствии с мировыми демографическими тенденциями в Западной Сибири наиболее интенсивное увеличение численности и плотности всего населения, его гетерогенности и урбанизации приходится на XX столетие.

Для рассматриваемой территории характерен многонациональный состав постоянного населения как в городах, так и в сельской местности. Общая численность жителей вышеизложенных девяти субъектов Федерации 15,0 млн чел. по данным переписи 1989 г. и 14,8 млн согласно переписи 2002 г. Это составляет

примерно 10 % от всего населения Российской Федерации как в советский, так и в постсоветский периоды. На переломном этапе истории нашей страны динамика общей численности постоянного населения в Западной Сибири была неравномерной. К началу 1993 г. регион потерял суммарно 32 тыс. чел. (это –0,2 % от численности 1989 г.), но быстро компенсировал приростом в 147 тыс. чел. к 1996 г. (+0,77 % от 1989 г.). Однако на самом рубеже столетий зафиксирована новая волна потерь в 337 тыс. чел. по сравнению с 1996 г. (в итоге –1,5 % от 1989 г.). И если в начале 1990-х гг. отрицательная динамика численности народонаселения отмечена только в двух субъектах (ЯНАО, но главным образом в Алтайском крае), то в конце этого десятилетия и в начале XXI в. она распространилась на большую часть Западной Сибири. Прирост за 1996–2002 гг. отмечен только на Крайнем Севере – в районах интенсивных нефтегазовых разработок (ЯНАО и особенно ХМАО), да еще на крайнем юге, в Республике Алтай, где число жителей фактически сохранилось на уровне 1996 г. Суммарные потери постоянного населения в Западной Сибири за межпереписной период 1989–2002 гг. составили 223 тыс. чел.

Коренные малочисленные народы Севера за тот же исторический период обнаружили положительную динамику своей численности, что выразилось в следующих величинах прироста в 2002 г. к данным 1989 г.: ненцы (азиатские и европейские) +20,8 %, ханты +28,7, манси +38,0, селькупы +19,2, кеты +37,8, энцы +19,7 % (табл. 1). Столь значительное увеличение численного состава обусловлено частично изменением национального (этнического) самосознания у потомков межнациональных браков в районах компактного проживания этих народов и повышением привлекательности выбора в пользу коренной этничности у родителей и молодежи. Процесс документирован, например, для нарымских (среднеобских, или южных) селькупов и аборигенных групп Обского и Енисейского Севера [Квашнин, 2000; Косиков, Косикова, 1998; Кривоногов, 2003; Мартынова, Пивнева, 2005; Мархинин, Удалова, 1996; Пивнева, 1999; Шаховцов, 2006, 2007; Шаховцов, Функ, 2000]. Роль его особенно значима, по-видимому, для крайне малочисленных групп аборигенов. Так, фактор перемены этничности национально-смешанными потомками слабо влияет на динамику численности ненцев в ЯНАО [Волжанина, 2007, 2010]. Определенный вклад в рост численности автохтонных народов вносит и стабильно более высокий среди них уровень естественного прироста по сравнению с остальным, прежде всего городским населением. Типичная картина описана для ЯНАО: «В связи с принятием в начале 90-х годов ряда законов, предоставляемых значительные льготы коренным народам, в динамике их численности наметился заметный подъем. Это связано как с более высоким естественным приростом, так и тем,

что при получении паспортов детям, достигшим этого возраста и родившимся в смешанных браках, чаще стали записывать национальность того из родителей, который относился к категории малочисленных народов. Да и многие взрослые, имея на то основания, также меняли свою национальную принадлежность. В 1990-е гг. численность коренных народов Ямала, большинство из которых проживает в сельской местности, выросла как абсолютно, так и относительно» [Оруджиева, 2005, с. 149]. Анализируя материалы последних всеобщих переписей 1979–2002 гг., специалисты приходят к выводу, что «общая картина изменений численности коренных малочисленных народов... видится в более благоприятном свете, нежели демографическая ситуация по России в целом» и определяется как «умеренно оптимистичная» [Соколова, Степанов, 2007, с. 82–83, 93].

Объединенная группа этнических общностей коренных народов Горного Алтая и телеутов тоже численно возросла за межпереписной период на рубеже веков (+11,8 %). И только у чулымяцев и горных шорцев налицо обратная картина: потери составили –23,3 и –11,3 % соответственно.

Татары сибирские в качестве самостоятельной единицы учета представлены только в переписи 2002 г. в составе этнической общности татар. Их зафиксировано 9,6 тыс. чел. (преимущественно в Тюменской обл.), что почти в 20 раз ниже оценки этнографов общей численности коренных сибирских татар [Томилов, 1994; Корусенко, 2002; Корусенко, Кулешова, 1999]. Несмотря на идущий процесс их слияния с татарами – европейскими переселенцами начала прошлого века, численность этнической общности сибирских татар менее 10 тыс. чел. надо признать заниженной.

Материалы табл. 1 говорят о постепенной урбанизации коренных народов. Рост доли городских жителей особенно заметен у обских угров (ханты и манси): в 2002 г. увеличение составило 5–6 % по сравнению с предыдущей всеобщей переписью 1989 г. Для этих народов важную роль играл перевод населенных пунктов в статус городских поселений в связи с развитием в регионе нефтегазовой отрасли хозяйства.

Однако подавляющее большинство представителей коренных народов Западной Сибири в конце XX – начале XXI в. оставалось сельскими жителями (исключение – горные шорцы и манси). Для шорцев, компактно проживающих в Таштагольском р-не Кемеровской обл., показатель урбанизации давно соответствует среднему по России – 73 % горожан по данным 1989 г. Снижение доли городских жителей было отмечено для энцев, селькупов и чулымяцев. Возможно, часть чулымяских тюрков идентифицирована в переписи 2002 г. под прежним этнонимом «хакасы». Следует помнить, что численность энцев и чулымяцев очень мала, поэтому любые изменения в демографическом статусе их представите-

Таблица 1. Динамика численности и состава аборигенных народов Западной Сибири по данным всеобщих переписей населения^{1*}

Показатель	1897 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
1	2	3	4	5	6
<i>Ненцы</i>					
Всего, чел.	11 162	28 487	29 487	34 190	41 302
В том числе:					
городское население, чел.	—	3 721	4 301	5 840	7 844
%	—	13,1	14,6	17,1	19,0
из них мужчин, %	—	49,8	44,8	44,0	40,5
женщин, %	—	50,2	55,2	56,0	59,5
сельское население, чел.	—	24 766	25 185	28 350	33 458
из них мужчин, %	—	48,6	48,3	48,1	48,1
женщин, %	—	51,4	51,7	51,9	51,9
<i>Ханты</i>					
Всего, чел.	16 745	21 007	20 743	22 283	28 678
В том числе:					
городское население, чел.	—	3 143	4 694	6 636	9 924
%	—	15,0	22,6	29,8	34,6
из них мужчин, %	—	46,7	44,3	43,0	41,8
женщин, %	—	53,3	55,7	57,0	58,2
сельское население, чел.	—	17 864	16 049	15 647	18 754
из них мужчин, %	—	47,7	47,8	47,6	47,4
женщин, %	—	52,3	52,2	52,4	52,6
<i>Манси</i>					
Всего, чел.	6 937	7 609	7 434	8 279	11 432
В том числе:					
городское население, чел.	—	1 960	2 624	3 779	5 919
%	—	25,8	35,3	45,7	51,8
из них мужчин, %	—	43,7	43,6	41,4	43,3
женщин, %	—	56,3	56,4	58,6	56,7
сельское население, чел.	—	5 649	4 810	4 500	5 513
из них мужчин, %	—	47,0	47,1	47,9	47,3
женщин, %	—	53,0	52,9	52,1	52,7
<i>Селькупы</i>					
Всего, чел.	5 664	4 249	3 518	3 564	4 249
В том числе:					
городское население, чел.	—	614	668	900	786
%	—	14,5	19,0	25,3	18,5
из них мужчин, %	—	46,3	41,5	43,8	44,9
женщин, %	—	53,7	58,5	56,2	55,1

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
сельское население, чел.	—	3 635	2 850	2 664	3 463
из них мужчин, %	—	49,0	48,6	47,9	48,4
женщин, %	—	51,0	51,4	52,1	51,6
<i>Кеты</i>					
Всего, чел.	837	1 161	1 072	1 084	1 494
В том числе:					
городское население, чел.	—	125	184	193	406
%	—	10,8	17,2	17,8	27,2
из них мужчин, %	—	47,2	41,8	42,5	38,2
женщин, %	—	52,8	58,2	57,5	61,8
сельское население, чел.	—	1 036	888	891	1 088
из них мужчин, %	—	48,0	50,1	48,6	51,2
женщин, %	—	52,0	49,9	51,4	48,8
<i>Энцы</i>					
Всего, чел.	477	ок. 340 [Васильев, 1964]	[300] (оценочные дан- ные: учтены в составе ненцев [Соколова, Сте- панов, 2007])	198	237
В том числе:					
городское население, чел.	—	—	—	81	51
%	—	—	—	40,9	21,5
из них мужчин, %	—	—	—	43,2	45,1
женщин, %	—	—	—	56,8	54,9
сельское население, чел.	—	—	—	117	186
из них мужчин, %	—	—	—	61,5	53,2
женщин, %	—	—	—	38,5	46,8
<i>Чулымцы (чулымские тюрки)^{2*}</i>					
				«Хакасы» Томской обл.	Чулымцы Томской обл. и Красноярско- го края
Всего, чел.	—	—	—	838	643
В том числе:					
городское население, чел.	—	—	—	269	44
%	—	—	—	32,1	6,8
сельское население, чел.	—	—	—	569	599
<i>Шорцы (горные) Кемеровской обл.^{3*}</i>					
Всего, чел.	—	—	—	13 191	11 695
В том числе:					
городское население, чел.	—	—	—	9 557	8 563
%	—	—	—	72,5	73,2
сельское население, чел.	—	—	—	3 634	3 132

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Алтайцы ^{4*}					
Всего, чел.	—	—	—	67 145	75 055
В том числе:					
городское население, чел.	—	—	—	10 828	14 328
%				16,1	19,1
сельское население, чел.	—	—	—	56 317	60 727

^{1*}Составлено по: Народы Сибири и Севера..., 1994; Численность и состав..., 1992; Итоги Всесоюзной переписи..., 1989; Российский статистический ежегодник..., 1999; Итоги Всероссийской переписи..., 2004, табл. 1, с. 7–19; Васильев, 1964; Соколова, Степанов, 2007; <http://www.perepis2002.ru>

^{2*}Чулымцы (чулымские тюрки) среднего Чулыма с 1939 г. и до середины 1990-х гг. в официальных документах записаны хакасами; жители нижнего течения Чулыма учитывались как чулымские татары, а в переписи 1926 г. как карагасы [Львова, Дрёмов, 1991]. Переписью 2002 г. выделены в самостоятельную единицу учета: всего по РФ отмечено 656 чулымцев, из них 484 чел. в Томской обл., 159 чел. в Красноярском крае.

^{3*}Всего в РФ шорцев в 2002 г. учтено 13 975 чел., из них 9 939 чел. – городское население.

^{4*}Алтайцы – суммарно аборигенные народы Горного Алтая и телеуты; всего по РФ 77 822 чел. Согласно переписи 2002 г. телеутов в Кемеровской обл. было 2 534 чел. (из них 41,2 % горожан), что составляет 95,6 % от их общей численности в РФ (2 650 чел.).

лей или населенных пунктов существенно отражаются на статистических показателях.

Соотношение численности полов у народов Крайнего Севера характеризуется ростом преобладания женского населения, особенно среди городских жителей: до 57–58 % у манси и хантов, до 60–62 % у ненцев и кетов (по результатам переписи 2002 г.). В сельской местности женщин тоже больше (исключение – энцы и кеты), но диспропорция полов здесь менее выражена.

В конце XX в. (1989 г.) большая часть сельских жителей коренных малочисленных народов родным называла язык своего народа (исключение – манси, энцы и особенно чулымцы; табл. 2). Эта составляющая этнического самосознания максимально выражена у ненцев, горных шорцев и суммарной группы алтайцев (78–90 %). У них большинство не только сельского, но и городского населения язык своего народа считало родным. С 1970 г. у аборигенов севера Западной Сибири наблюдается тенденция к уменьшению доли сельских жителей, признающих язык своего народа в качестве родного. Эта тенденция наиболее характерна для манси и кетов. Соответственно, в селе возрастает доля лиц, считающих родным языком русский. Для горожан из числа коренных народов языковая ассимиляция – типичное явление. У них, по сравнению с сельскими жителями, перевес в сторону лиц с родным русским языком составил 20–30 % (меньше только у кетов, а у чулымцев отличная от всех аборигенных народов картина – преобладание русификации в селе).

О соотношении между языковым самосознанием, отраженным категорией «родной язык», и реаль-

ным функционированием национального и русского языков у сельских жителей русифицированных районов западно-сибирской тайги дает представление выборочный материал, который получен в контактной группе назымских хантов пос. Кышик Ханты-Мансийского р-на ХМАО в октябре 2006 г. (табл. 3). Отчетливо видно, что у лиц без иноэтнической примеси высокий уровень признания хантыйского языка в качестве родного (71 % против 19 % для русского языка) не подкреплен практикой его использования даже в семейной сфере (только 26 %, причем в сочетании с русским языком). У хантыйско-русских метисов языковая ассимиляция на практике почти завершена (94 % используют только русский язык в семье). Более инертно языковое самосознание, но и здесь русский язык признается родным вдвое чаще, чем хантыйский.

В переписи 2002 г. вместо категории «родной язык» учитывалось «владение языком». Полученные статистические данные свидетельствуют о существенных различиях коренных народов Западной Сибири по этому показателю (табл. 4). Минимальное число владеющих языком своего народа у манси и тубалarov (24–28 %), максимальное – у телеутов, ненцев и алтайцев/алтай-кижи (71–98 %).

По материалам переписи 1989 г. мы рассчитали этническую структуру городского и сельского постоянного населения, доли мужчин и женщин во всем населении, данные по родному языку и доле аборигенных народов в общей численности населения каждого западно-сибирского субъекта РФ. При этом население Тюменской обл. анализируется не только в целом, но

**Таблица 2. Распределение коренных народов Западной Сибири по родному языку
(по данным всеобщих переписей населения), %***

Народ	Доля лиц, считающих родным					
	язык своего народа			русский язык		
	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Ненцы:						
городское население	64,8	54,3	56,5	27,7	41,4	40,6
сельское »	86,6	85,4	82,0	5,9	8,5	12,8
Ханты:						
городское население	42,2	43,9	42,9	57,5	55,9	56,3
сельское »	73,8	75,1	68,4	25,5	24,4	31,0
Манси:						
городское население	30,0	32,7	25,1	69,8	67,2	74,3
сельское »	59,9	58,9	46,4	39,8	40,7	52,9
Селькупы:						
городское население	28,8	34,7	31,4	71,0	64,5	66,6
сельское »	54,7	61,7	53,2	44,1	36,7	45,2
Кеты:						
городское население	39,2	46,8	35,8	56,0	51,6	59,1
сельское »	79,2	62,9	51,6	16,4	34,8	47,4
Энцы:						
городское население	—	—	42,0	—	—	53,1
сельское »	—	—	49,6	—	—	27,3
Чулымцы («хакасы» Томской обл.):						
городское население	—	—	36,4	—	—	63,6
сельское »	—	—	31,8	—	—	68,2
Шорцы горные (Кемеровская обл.):						
городское население	—	—	52,0	—	—	48,0
сельское »	—	—	77,5	—	—	22,5
Алтайцы (народы Горного Алтая и телеуты):						
городское население	—	—	66,7	—	—	33,1
сельское »	—	—	90,1	—	—	9,9

*Составлено по: Численность и состав..., 1992; Итоги Всесоюзной переписи..., 1989.

и раздельно по трем территориям: ЯНАО, ХМАО и южной части области, включающей города Тюмень и Тобольск. Алтайский край также представлен суммарными данными и отдельно сведениями по Горно-Алтайской АО, получившей в 1990-х гг. статус республики в составе РФ (далее – Республика Алтай).

На всех территориях, кроме Республики Алтай, в постоянном населении преобладали городские жители с максимальным удельным весом в ХМАО (90,9 %) и минимальным в Алтайском крае (55,8 %). Последнее значение лишь частично обусловле-

но очень низким показателем по Республике Алтай (27,1 %). В третичном соотношении полов обычно имеется преобладание женского населения над мужским, причем и в городской, и в сельской демографической структуре (разница составила от 0,3 % в Тюменской обл. до 4,0 % в Республике Алтай). Только в автономных округах, входящих в Тюменскую обл., отмечены исключения: мужчины здесь составили от 50,1 до 52,8 % всего населения.

Национальный состав жителей Западной Сибири в 1989 г. исключительно разнообразен: переписью от-

**Таблица 3. Языковая ситуация у назымских хантов пос. Кышик
(по полевым материалам автора), %**

Язык	Ханты (лица без иноэтничной примеси)		Хантыйско-русские метисы – мужчины (18 чел.)
	Мужчины (31 чел.)	Женщины (40 чел.)	
Родной:			
хантыйский	71	70	28
русский	19	13	55
хантыйский + русский	10	17	17
Разговорный в семье:			
хантыйский	0	0	0
русский	74	70	94
хантыйский + русский	26	30	6

**Таблица 4. Доля владеющих языком своего народа у коренных народов Западной Сибири
по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. (суммарно по РФ)***

Язык	Народ	Численность, чел.	Владеют языком своего народа, %
Ненецкий	Ненцы	41 302	75,9
Хантыйский	Ханты	28 678	47,3
Мансийский	Манси	11 432	24,0
Селькупский	Селькупы	4 249	38,6
Кетский	Кеты	1 494	32,5
Энечкий	Энцы	237	50,2
Чулымско-тюркский	Чулымцы	656	41,2
Шорский	Шорцы	13 975	44,4
Алтайский	Алтайцы**	67 239	97,5
Тубаларский	Тубалары	1 565	27,9
Кумандинский	Кумандинцы	3 114	33,5
Челканский	Челканцы	855	63,0
Теленгитский	Теленгиты	2 399	Нет данных
Телеутский	Телеуты	2 650	71,4

*Составлено по: <http://www.reregis2002.ru>; Итоги Всероссийской переписи..., 2004, табл. 1, с. 7–19; табл. 4, с. 123–124.

**Дана только численность алтай-кижи, чей язык принят в качестве литературного варианта. Очевидно, в число владеющих алтайским языком попадает и часть тубаларов, кумандинцев, челканцев, теленгитов – носителей изучаемого в школе литературного языка.

мечены представители 125 национальностей. Это отражает общую ситуацию в стране со значительными по масштабу и разнонаправленными миграциями: в начале 1989 г. (время проведения всеобщей переписи в СССР) более 54 млн чел., т.е. 19 % населения страны, жили за пределами своих национально-государственных образований [Брук, 1992, с. 60]. Практически во всех субъектах рассматриваемого региона преобладали этнические русские с максимальной долей в городском населении Новосибирской обл.

(93,1 %) и минимальной в сельской местности Республики Алтай (52,3 %). Исключение составляет сельское население ЯНАО, где этот показатель 44,9 %. Невелика доля этнических русских и в городских поселениях автономных округов, входящих в Тюменскую обл., а также в сельской местности ХМАО и Омской обл. – от 63,2 до 69,9 %.

Без учета восточно-славянских народов во всех субъектах было от 2 до 15 этнических групп (учитывая иaborигенное население) с численностью не менее

Таблица 5. Наиболее многочисленные этнические группы Западной Сибири по данным переписи 1989 г. (без учета восточно-славянских народов)

Территория	Народы с численностью		
	от 1 000 до 2 999 чел.	от 3 000 до 4 999 чел.	не менее 5 000 чел.
1	2	3	4
Тюменская обл.:			
ЯНАО (население 494 844 чел.)	А. Селькупы (1,5/0,31) Б. Мордва (2,0/0,40), марийцы (1,2/0,24) В. Казахи (1,4/0,28) Г. Армяне (1,3/0,26) Е. Евреи (1,2/0,24)	Б. Чуваши (3,7/0,75) Г. Азербайджанцы (3,4/0,69) Д. Немцы (3,2/0,64)	А. Ненцы (20,9/4,23), ханты (7,2/1,47) Б. Татары (26,4/5,34), башкиры (6,8/1,37), коми (5,7/1,16) Д. Молдаване (5,6/1,13)
ХМАО (население 1 282 396 чел.)	А. Ненцы (1,1/0,09) Б. Коми-пермяки (2,6/0,20) В. Узбеки (2,1/0,16) Г. Чеченцы (2,8/0,22), армяне (2,5/0,19), аварцы (1,2/0,09), осетины (1,0/0,08) Д. Поляки (2,0/0,16), литовцы (1,1/0,09), греки (1,1/0,09) Е. Евреи (2,3/0,18)	Б. Удмурты (4,0/0,31), коми (3,4/0,27) В. Казахи (3,1/0,24) Г. Кумыки (3,1/0,24), лезгины (3,1/0,24)	А. Ханты (11,9/0,93), манси (6,6/0,51) Б. Татары (97,7/7,62), башкиры (31,1/2,43), чуваши (14,0/1,09), мордва (7,1/0,55), марийцы (5,8/0,45) Г. Азербайджанцы (12,9/1,01) Д. Молдаване (10,4/0,81), немцы (8,9/0,69)
Юг области (население 1 320 417 чел.)	А. Ханты (1,3/0,10) Б. Удмурты (2,3/0,17), мордва (2,1/0,16), марийцы (2,0/0,15), коми (1,8/0,14) В. Узбеки (1,0/0,08) Г. Грузины (1,2/0,09), ингуши (1,0/0,08), армяне (1,4/0,11) Д. Молдаване (1,7/0,13) Е. Цыгане (1,1/0,08), евреи (1,0/0,08)	Б. Башкиры (3,2/0,24) Г. Азербайджанцы (3,2/0,24)	Б. Татары (103,3/7,82), чуваши (13,5/1,02) В. Казахи (11,2/0,85) Д. Немцы (17,5/1,33)
Омская обл. (население 2 141 909 чел.)	Б. Мордва (2,8/0,13), коми (1,2/0,06), удмурты (1,2/0,06), башкиры (1,3/0,06) В. Узбеки (1,3/0,06) Г. Армяне (2,2/0,10), азербайджанцы (2,0/0,09), грузины (1,1/0,05), чеченцы (1,1/0,05) Д. Поляки (2,6/0,12), молдаване (1,7/0,08) Е. Цыгане (1,5/0,07)	Д. Эстонцы (4,1/0,19), латыши (3,2/0,15)	Б. Татары (49,8/2,33), чуваши (5,7/0,27) В. Казахи (75,0/3,50) Д. Немцы (134,2/6,27) Е. Евреи (5,5/0,26)
Томская обл. (население 1 001 653 чел.)	А. Селькупы (1,4/0,14) Б. Мордва (2,6/0,26), удмурты (1,9/0,19), марийцы (1,1/0,11), башкиры (2,3/0,23)	В. Узбеки (3,3/0,33)	Б. Татары (20,8/2,08), чуваши (7,8/0,78) Д. Немцы (15,5/1,55)

Окончание табл. 5

1	2	3	4
	В. Казахи (2,0/0,20) Г. Азербайджанцы (2,8/0,28), армяне (1,4/0,14) Д. Молдаване (1,9/0,19), поляки (1,7/0,17), латыши (1,1/0,11) Е. Евреи (1,5/0,15), корейцы (1,0/0,10)		
Новосибирская обл. (население 2 778 724 чел.)	Б. Марийцы (2,1/0,08), удмурты (1,3/0,05), башкиры (2,3/0,08) В. Узбеки (2,2/0,08), киргизы (1,2/0,04) Г. Армяне (2,3/0,08), грузины (1,2/0,04) Д. Эстонцы (2,0/0,07), латыши (1,2/0,04), молдаване (1,4/0,05), поляки (1,4/0,05) Е. Цыгане (1,9/0,07), корейцы (1,3/0,05)	Б. Мордва (4,4/0,16) Г. Азербайджанцы (3,6/0,13)	Б. Татары (29,4/1,06), чуваши (6,1/0,22) В. Казахи (12,3/0,44) Д. Немцы (61,5/2,21) Е. Евреи (7,6/0,27)
Кемеровская обл. (население 3 171 134 чел.)	А. Алтайцы (2,6/0,08) Б. Марийцы (2,3/0,07) Г. Армяне (2,3/0,07), грузины (1,3/0,04), чеченцы (1,2/0,04) Д. Молдаване (2,3/0,07), поляки (2,2/0,07), эстонцы (1,5/0,05), латыши (1,4/0,04) Е. Евреи (2,9/0,09), цыгане (2,4/0,08)	Б. Удмурты (4,4/0,14), башкиры (4,4/0,14) В. Казахи (3,4/0,11), узбеки (3,0/0,09) Г. Азербайджанцы (3,9/0,12)	А. Шорцы (12,6/0,40) Б. Татары (63,1/1,99), чуваши (24,4/0,77), мордва (13,9/0,44) Д. Немцы (48,0/1,51)
Алтайский край (с Республикой Алтай) (население 2 822 092 чел.)	Б. Удмурты (1,2/0,04) В. Узбеки (1,6/0,06) Г. Армяне (2,7/0,10), грузины (1,3/0,05) Д. Молдаване (2,1/0,07), поляки (1,0/0,04) Е. Цыгане (2,8/0,10), евреи (2,1/0,07)	Б. Чуваши (4,7/0,17) Г. Азербайджанцы (4,0/0,14)	А. Алтайцы (64,0/2,27) Б. Татары (8,1/0,29), мордва (7,5/0,27) В. Казахи (21,7/0,77) Д. Немцы (127,7/4,53)
Республика Алтай (население 190 831 чел.)	Нет	Нет	А. Алтайцы (59,1/31,0) В. Казахи (10,7/5,61)

Примечание. А – автохтонные народы, Б – народы Поволжья и Приуралья, В – Средней Азии и Казахстана, Г – Кавказа, Д – зарубежной Европы (по состоянию на 1 января 1992 г.), Е – другие народы. В скобках указана абсолютная и относительная численность этнических групп (тыс. чел. / %).

Сибирские татары переписью 1989 г. учтены в категории учета «татары». Казахи во всех субъектах рассматриваются как условно неавтохтонное население. В группу евреев включены следующие категории учета переписи: евреи, евреи горские, евреи грузинские, евреи среднеазиатские.

5 тыс. чел. (табл. 5): от 5,2 тыс. (армяне всей Тюменской обл.) до 134,2 тыс. (немцы Омской обл.). Доля автохтонных западно-сибирских этносов наибольшая в сельском населении Республики Алтай (38,1 %) и ЯНАО (24,0 %), а минимальная – среди сельских жителей Новосибирской обл. (0,44 %). Именно к последней очень низкой величине тяготеют значения данного показателя в демографической структуре большинства рассматриваемых субъектов федерации (0,52 – 12,1 %).

Доля лиц любых национальностей, которые в 1989 г. называли русский язык родным, варьирует преимущественно в интервале от 75,4 % общей численности конкретного региона (город, ЯНАО) до 96,4 % (город, Алтайский край). Имеются два заметно выпадающих значения: 55,1 и 57,0 % у сельских жителей соответственно на крайнем севере (ЯНАО) и крайнем юге (Республика Алтай) Западной Сибири. Доля лиц с родным языком своей национальности во всем постоянном населении составила 87–96 % по городской части этнодемографической структуры и 86–95 % по сельской в каждом из анализируемых регионов.

В 1989 г. доля национальностей, представляющих европейские и азиатские страны дальнего зарубежья, в Западной Сибири обычно не достигала 0,10 % (без учета немцев и поляков). Практически везде преобладали европейцы, относительная численность которых в 3–4 раза выше в ЯНАО, ХМАО и среди городского населения Тюменской обл. в целом. Азиатские народы дальнего зарубежья в наибольшей степени представлены в поселениях городского типа Новосибирской и особенно Томской обл. (0,08–0,16 %).

Итак, Западная Сибирь в конце XX в. характеризовалась многомиллионным полигетничным постоянным населением. В целом здесь преобладали жители городских поселений, женщины, этнические русские, лица, признающие русский язык родным. Доля аборигенных народов, по обобщенным для субъектов данным, варьировала преимущественно в пределах очень низких величин (0,36–3,2 %, с учетом условной доли татарского населения). Исключением являются ЯНАО (6 %) и особенно Республика Алтай (31 %).Автохтонные этнические группы везде более многочисленны среди сельских жителей. Но и тут их совокупная доля обычно не превышала 7 % при исключительной картине на крайнем севере и крайнем юге Западной Сибири (ХМАО – 11 %, ЯНАО – 24, Республика Алтай – 38 %). Наиболее многочисленными этническими общностями, не считая русских, были в Тюменской обл. в целом и отдельно в ЯНАО и ХМАО украинцы, татары, народы Поволжья и Приуралья (суммарно, без учета татар), в Томской и Кемеровской областях те же группы и дополнительно немцы; в Омской обл. немцы, украинцы, казахи и татары; в Новосибирской обл. немцы, украинцы и тата-

ры вместе с другими народами Поволжья и Приуралья; в Алтайском крае в целом немцы и украинцы; в Республике Алтай казахи. Максимальной специфичностью этнодемографического пейзажа среди западно-сибирских субъектов характеризуются окраинные территории – ЯНАО и Республика Алтай, т.е. районы наиболее экстремальных физико-географических условий в регионе.

В конце XX в., особенно после распада СССР (декабрь 1991 г.), в Западной Сибири существовали факторы, способствовавшие появлению социально-психологической (в т.ч. межэтнической) напряженности: агрессивное развитие нефтегазовой отрасли хозяйства, диспропорция в уровне образования, занятости и доходов разных слоев многонационального населения, общая нестабильность социальной обстановки в стране, значительный рост этнического самосознания у представителей большинства этносов, в т.ч. коренных малочисленных народов Севера, рост численности мигрантов и расширение их национального состава [Мархинин, Удалова, 1996; Степанов, 1999]. Однако открытых конфликтов на этнической почве не отмечалось.

Далее остановимся на статистическом сравнении численности и распределения 38 российских этнических групп в тех же девяти регионах РФ, на соотношении доли аборигенного и пришлого населения в Западной Сибири. Для этого анализа этнические группы по их численности подразделены на три категории: от 1 000 до 2 999 чел., от 3 000 до 4 999 и не менее 5 000 чел.; определена их доля в постоянном населении каждой территории (табл. 5). На первом этапе не учитывались сведения по восточно-славянским народам (русским, украинцам и белорусам). Без них самые многочисленные этнические группы пришлого населения в Западной Сибири, по данным переписи 1989 г., составили немцы в Омской обл. и Алтайском крае, татары* на юге Тюменской обл., в ХМАО и Кемеровской обл., казахи** в Омской обл. и Алтайском крае, в т.ч. 10,7 тыс. чел. в Республике Алтай (табл. 6).

В распределении поволжских и южно-уральских народов видны следующие тенденции: башкиры сосредоточены преимущественно на севере – в ХМАО и ЯНАО, а чуваши – в Кемеровской обл., на юге Тюменской и в ХМАО. Мордва, подобно многим народам, представлена в большинстве субъектов региона, но районы наиболее компактного проживания ее представителей находятся в основном на юге – в Ке-

*В переписи 1989 г. одной категорией учета «татары» представлены волго-уральские татары (включая кряшен и ногайбаков) и сибирские.

**Казахи условно рассматриваются в числе неаборигенных этнических групп.

Таблица 6. География максимальной и ближайшей к ней абсолютной численности национальных групп в Западной Сибири по данным переписи 1989 г., тыс. чел.

Группа	Численность	Территория	Ближайшее значение
<i>Некоренные</i>			
Немцы	134,2	Омская обл.	127,7 в Алтайском крае
Татары	103,3	Юг Тюменской обл.	97,7 в ХМАО
Казахи	75,0	Омская обл.	21,7 в Алтайском крае
Башкиры	31,1	ХМАО	6,8 в ЯНАО
Чуваши	24,4	Кемеровская обл.	14,0 в ХМАО, 13,5 на юге Тюменской обл.
Мордва	13,9	То же	7,5 в Алтайском крае, 7,1 в ХМАО
Азербайджанцы	12,9	ХМАО	4,0 в Алтайском крае, 3,9 в Кемеровской обл.
Молдаване	10,4	»	5,6 в ЯНАО
Евреи (суммарно)	7,6	Новосибирская обл.	5,5 в Омской обл.
Марийцы	5,8	ХМАО	2,3 в Кемеровской обл., 2,1 в Новосибирской обл.
Коми (зыряне)	5,7	ЯНАО	3,4 в ХМАО
Удмурты	4,4	Кемеровская обл.	4,0 в ХМАО
Эстонцы	4,1	Омская обл.	2,0 в Новосибирской обл.
Узбеки	3,3	Томская обл.	3,0 в Кемеровской обл.
Латыши	3,2	Омская обл.	1,4 в Кемеровской обл., 1,2 в Новосибирской обл.
Кумыки	3,1	ХМАО	—
Лезгины	3,1	»	—
Чеченцы	2,8	»	1,2 в Кемеровской обл., 1,1 в Омской обл.
Цыгане	2,8	Алтайский край (с Республикой Алтай)	2,4 в Кемеровской обл.
Армяне	2,7	То же	2,5 в ХМАО, 2,3 в Новосибирской, Кемеровской областях
Коми-пермяки	2,6	ХМАО	—
Поляки	2,6	Омская обл.	2,2 в Кемеровской обл., 2,0 в ХМАО
Грузины	1,3	Кемеровская обл., Алтайский край (с Республикой Алтай)	1,1–1,2 на юге Тюменской, в Омской, Новосибирской областях
Корейцы	1,3	Новосибирская обл.	1,0 в Томской обл.
Аварцы	1,2	ХМАО	—
<i>Автохтонные</i>			
Алтайцы	59,1	Республика Алтай	—
Ненцы	20,6	ЯНАО	—
Шорцы	12,6	Кемеровская обл.	—
Ханты	11,9	ХМАО	—
Манси	6,6	»	—
Селькупы	1,5	ЯНАО	—
»	1,4	Томская обл.	—

Примечание. Сибирские татары переписью 1989 г. учтены в составе татар. Казахи рассматриваются как условно пришлое население. В группу евреев включены следующие категории учета переписи: евреи, евреи горские, евреи грузинские, евреи среднеазиатские.

меровской обл. и Алтайском крае (табл. 6), однако максимальная доля отмечена все же в ХМАО (0,55 % всего населения).

Молдаване имели наибольший удельный вес в ХМАО (0,81 %) и ЯНАО (1,13 %), азербайджанцы – в ХМАО (1,01 %). Армяне и поляки, в отличие от азербайджанцев, расселены по территории Западной Сибири более равномерно при небольшой абсолютной численности в каждом субъекте (не более 3 тыс. чел.). С этими группами сходны узбеки. Численность евреев (суммарно разные историко-территориальные группы Европы, Закавказья и Средней Азии) заметно выше в Новосибирской и Омской областях, но их доля здесь почти такая же, как в ЯНАО (0,24–0,27 %). В наименьшей степени представлены осетины, ингуши, греки и литовцы (по 1,0–1,1 тыс. чел. в ХМАО и на юге Тюменской обл.). Территория ХМАО примечательна тем, что наибольшее количество разных этнических групп имеет здесь максимальную в Западной Сибири численность (табл. 6).

Можно выделить разные модели распределения неавтохтонных этнических групп в регионе по взятым нами критериям учета (численность в субъекте не менее 1 тыс. чел.): 1) локальную (то же «островная»: коми-пермяки, кумыки, лезгины, аварцы, ингуши, литовцы, греки, осетины, корейцы); 2) дисперсную (то же «сплошная»: удмурты, армяне, грузины, поляки, латыши); 3) очагово-дисперсную (то же «ступенчатая»: немцы, татары, башкиры, чуваши, мордва, марийцы, казахи, молдаване, азербайджанцы, евреи); 4) градиентную (вариация «ступенчатой»: коми-зыряне, эстонцы, цыгане); 5) многоостровную (то же «чересполосная»: чеченцы). При локальной модели каждая этническая группа расселена в одном, максимум в двух (корейцы)

границающих друг с другом субъектах. Для дисперсной модели характерны относительно небольшая в каждом субъекте абсолютная численность этнической группы и равномерное расселение в большом неразомкнутом ареале, т.е. монотонное распределение, а для очагово-дисперсной – наличие одного-двух очагов резко повышенной численности группы в сплошном ареале. При градиентной модели фиксируется четко выраженная географическая направленность убывания численности с севера на юг (коми, чеченцы вместе с ингушами), с запада на восток (эстонцы), с юга на север (цыгане) на территориях не менее трех соседних субъектов. К многоостровной модели отнесен вариант разомкнутого террииториями других субъектов ареала; она характерна только для одной этнической группы – чеченцев.

Территории Западной Сибири сравнивались далее по соотношению численности 18 этнических групп (туркские и финские народы Поволжья, эстонцы, латыши, немцы, поляки, молдаване, евреи, цыгане, казахи, армяне, азербайджанцы, узбеки). Для выявления типологически сходных регионов была проведена их кластеризация по долям этих групп, рассчитанным по отношению к численности татар, условно принятой за единицу (рис. 1). Установлена наибольшая близость этнодемографических структур ЯНАО и ХМАО, Томской и Кемеровской, а также Омской и Новосибирской областей, т.е. соседних, географически похожих территорий. Несколько специфична южная часть Тюменской обл. Она группируется прежде всего с северными автономными округами (ЯНАО и ХМАО), но имеет тенденцию и к сближению с Томской обл. Алтайский край (с Республикой Алтай суммарно) характеризуется очень большим своеобразием, главным образом вследствие резкого преобладания числа немцев над татарами. Если исключить влияние численности немецкого населения на общий результат, то этноструктура края сближается с таковой Омской обл. (рис. 2). Ведущим фактором в данном случае является их сходство по преобладанию этнических казахов над татарами. Наконец, самой своеобразной по этническому составу населения и его пропорциям в конце XX столетия можно считать горную приграничную территорию – Республику Алтай. При минимальной среди западно-сибирских субъектов РФ абсолютной численности всего постоянного населения здесь нет ни одной пришлой этнической группы численностью от 1 тыс. чел. (конечно, кроме русских – 115,2 тыс. чел. и украинцев – 1,7 тыс. чел., которых мы пока

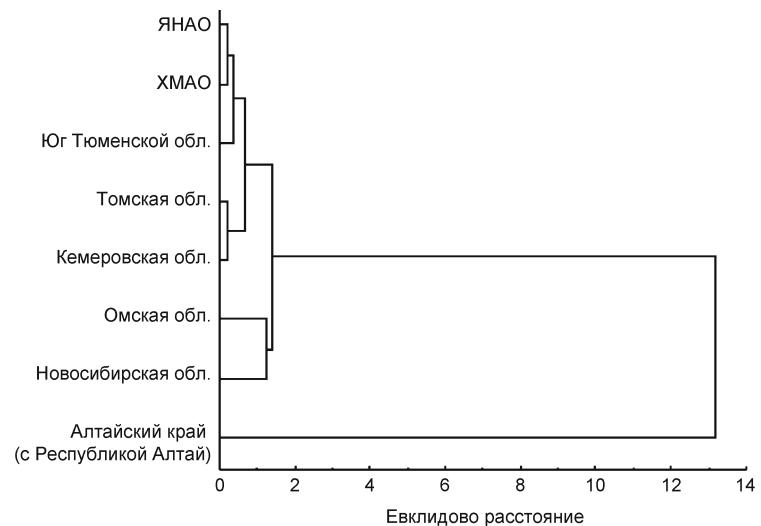

Рис. 1. Кластеризация территорий Западной Сибири по доле 18 этнических групп (по отношению к численности татар).

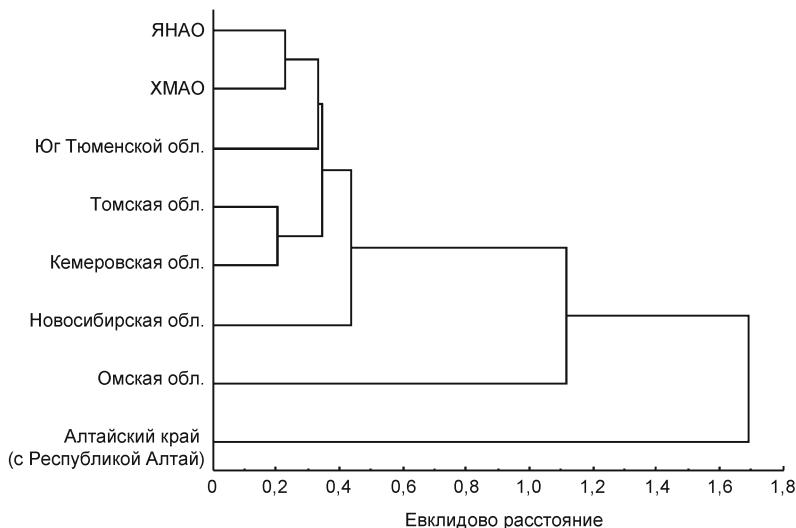

Рис. 2. Кластеризация территорий Западной Сибири по доле 17 этнических групп (без учета немцев; по отношению к численности татар).

не рассматриваем, а также казахов, исторически являющихся частью аборигенного населения).

Обратим внимание на то, что географически экстремальные районы крайнего севера и крайнего юга Западной Сибири – ЯНАО и Республика Алтай – единственные среди анализируемых субъектов, которые характеризуются отсутствием максимальной численности новых для региона этнических групп при наибольшей численности коренных народов – соответственно ненцев (20,6 тыс. чел.) и алтайцев (59,1 тыс. чел.). Исключение представляют толь-

ко коми (зыряне) в ЯНАО, живущие здесь уже несколько столетий и не отличающиеся от автохтонного населения ведущим типом традиционного хозяйства (это северные коми – оленеводы, или ижемцы).

Рассмотрим кратко этническую панораму Западной Сибири 1989 г. с учетом представителей русского народа. С этой целью мы провели сравнение тех же территорий по удельному весу нескольких компонентов этнодемографической структуры постоянного населения: 1) трех восточно-славянских народов раздельно, 2) остальных некоренных этнических групп (совокупно), 3) аборигенов (с условной долей сибирских татар), 4) всего пришлого нерусского населения суммарно (табл. 7). Ясно выделяются все территории Тюменской и

Омской обл. повышенной примерно в 2 раза долей пришлого населения, объединенного во вторую подгруппу (графа 3 табл. 7); максимальная величина 17,4 % отмечена в ХМАО. Удельный вес аборигенов особенно высок в Республике Алтай (31,1 % – алтайцы), а русских – в Кемеровской и Новосибирской областях (90,5–92,0 %). Этнические русские везде были преобладающей по доле группой в общем составе населения с минимальными значениями на окраинах региона – в ЯНАО и Республике Алтай. И все же различия между этими удаленными друг от друга

Таблица 7. Соотношение пришлого, аборигенного и русского населения по данным переписи 1989 г., %

Территория	Украинцы	Белорусы	Другие некоренные этнические группы (численностью $\geq 1\,000$ чел.)	Все пришлые нерусское население	Аборигены	Русские	Соотношение численности аборигенного, пришлого и русского населения
ЯНАО	17,18	5,09	12,50	34,77	6,06	59,17	1 : 5,7 : 9,8
ХМАО	11,58	2,17	17,41	31,15	2,33	66,30	1 : 13,4 : 28,5
Юг Тюменской обл.	2,03	0,66	12,77	15,46	2,71	83,70	1 : 5,7 : 30,9
Омская обл.	4,89	0,51	13,90	19,30	0,78	80,32	1 : 24,7 : 103,0
Томская обл.	2,58	0,91	6,87	10,36	1,00	88,23	1 : 10,4 : 88,2
Новосибирская обл.	1,84	0,47	5,27	7,58	0,35	92,02	1 : 21,7 : 262,9
Кемеровская обл.	2,06	0,61	5,93	8,60	0,48	90,51	1 : 17,9 : 188,6
Алтайский край (с Республикой Алтай)	2,72	0,41	6,70	9,83	2,27	87,51	1 : 4,3 : 38,6
Республика Алтай	0,90	0,19	5,61	6,70	31,08	60,36	1 : 0,2 : 1,9

Примечание. Татары учтены дважды: в пришлом и аборигенном населении, при этом в совокупность «аборигены» по ХМАО включена 1/10 от общей численности категории учета «татары», по югу Тюменской обл., по Омской, Новосибирской и Томской областям – по 1/3 той же категории учета. Казахи учтены только в пришлом населении.

субъектами РФ велики по соотношению долей всего пришлого (нерусского), аборигенного и русского населения: масштабы иноэтничной, главным образом трудовой миграции в быстро развивающейся индустриально ЯНАО во много раз больше, чем в Горный Алтай. В ЯНАО доля разноэтничных мигрантов в 5,7 раза выше, чем народов Севера, причем в составе пришлого населения (всего ок. 35 % от общей численности) половина – представители украинского народа. Именно здесь перед распадом Советского Союза была самая высокая концентрация украинцев в Западной Сибири. В Горном Алтае, наоборот, кроме русских (115,2 тыс. чел.) и украинцев (1,7 тыс. чел.), практически нет некоренных этнических групп большой численности. Этот компонент в демографической структуре представляют только чуйские казахи – условно пришлые (о появлении казахов в Чуйской степи см., напр.: [Октябрьская, 2003]).

Как показано в последнем столбце табл. 7, на одного представителя аборигенных народов больше всего пришлого нерусского населения приходилось в Омской и Новосибирской областях, а меньше всего – в Республике Алтай; этнических русских больше всего в Новосибирской и Кемеровской областях, а меньше всего – в Горном Алтае и ЯНАО. В конце XX в. был ясно выражен градиент нарастания с юга на север Западной Сибири совокупной доли пришлого нерусского населения: 6–7 % в Республике Алтай, 8–10 % в Алтайском крае (в целом), а также Кемеровской, Новосибирской и Томской областях, 15–20 % в Омской и на юге Тюменской обл., 31–35 % в районах интенсивных нефтегазовых разработок – ХМАО и ЯНАО.

Причины и время переселения в Западную Сибирь многих этнических групп различны. Они связаны с историко-географическими факторами (например, для казахов и коми) и geopolитическими интересами Российского государства, а в последнее столетие обусловлены внутренней государственной политикой (экономической – создание леспромхозов, добыча и разработка нефти и газа, индустриализация региона; национальной – расселение депортированных народов; социальной – миграции в ходе проведения столыпинской реформы, раскулачивания). Характер расселения представителей многих народов определился совокупным действием нескольких причин (см., напр.: [Коровушкин, 2003, 2004; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003; Иванов, 2003; Дерябин, 2003; Повод, 2003, 2006; Гарифуллин, 1997, Корейцы..., 2005]). Для большинства мигрировавших в данный регион этнических групп этот вопрос пока недостаточно освещен в научной литературе. Уровень их консолидации в конце XX в. проанализирован В.В. Степановым для разных субъектов РФ [1999], а динамика и вероятные причины отмечен-

ных за последние десятилетия демографических процессов среди коренных малочисленных народов Севера и Сибири отражены в работе З.П. Соколовой и В.В. Степанова [2007].

Список литературы

- Брук С.И.** Народы бывшего СССР в стране и за рубежом // Расы и народы. – М.: Наука, 1992. – Вып. 22. – С. 49–75.
- Васильев В.И.** Современные этнические процессы в низовьях Енисея. – М.: Наука, 1964. – 10 с.
- Волжанина Е.А.** Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2007. – 22 с.
- Волжанина Е.А.** Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. – Новосибирск: Наука, 2010. – 312 с.
- Гарифуллин И.Б.** Социально-демографическое развитие татарского населения Тюменской области в годы освоения Севера (1960–1996 гг.). – Тюмень: ТОИПК ПК, 1997. – 72 с.
- Дерябин В.С.** Коми-пермяцкая диаспора в Сибири: причины ее формирования и ассимиляции в XX в. // V Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. – М.: ИЭА РАН, 2003. – С. 362.
- Иванов В.П.** Формирование чувашской диаспоры // Расы и народы. – М.: Наука, 2003. – Вып. 29. – С. 105–123.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 т. – М.: Статистика России, 2004. – Т. 4. – Кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. – 946 с.**
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г.: Текущий учет Госкомстата СССР по разделу «Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР».** – М.: Госкомстат, 1989. – [Вып.] по Тюменской области. – 200 с.; [Вып.] по Ямало-Ненецкому автономному округу. – 129 с.; [Вып.] по Ханты-Мансийскому автономному округу. – 117 с.; [Вып.] по Омской области. – 163 с.; [Вып.] по Томской области. – 139 с.; [Вып.] по Новосибирской области. – 147 с.; [Вып.] по Кемеровской области. – 224 с.; [Вып.] по Алтайскому краю. – 164 с.; [Вып.] по Горно-Алтайской автономной области. – 81 с.
- Квашнин Ю.Н.** Сравнительные социально-демографические характеристики народов Западной Сибири (ненцы, ханты, сибирские татары) // Этнодемографический сборник: Народы Севера России. – М.: ИЭА РАН, 2000. – С. 5–75.
- Корейцы** в Тюменском kraе. – Тюмень: Экспресс, 2005. – 64 с.
- Коровушкин Д.Г.** К вопросу о формировании чувашской сельской диаспоры в Западной Сибири // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 436–438.
- Коровушкин Д.Г.** Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 41 с.
- Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б.** Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 272 с.

- Корусенко С.Н.** Этническая самоидентификация татар Сибири на современном этапе // Тюркские народы: мат-лы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ТГИАМЗ, 2002. – С. 543–545.
- Корусенко С.Н., Кулешова Н.В.** Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск: Наука, 1999. – 312 с.
- Косиков И., Косикова Л.** Ханты-Мансийский автономный округ: Модель этнологического мониторинга. – М.: ИЭА РАН, 1998. – 136 с.
- Кривоногов В.П.** Кеты: десять лет спустя (1991–2001). – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. – 200 с.
- Львова Э.С., Дрёмов В.А.** Введение // Тюрок таежного Причулымья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – С. 3–24.
- Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.** Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации. – М.: ИЭА РАН, 2005. – 32 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 181).
- Мархинин В.В., Удалова И.В.** Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. – Новосибирск: Наука, 1996. – 190 с.
- Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика).** – М.: ИЭА РАН, 1994. – 272 с.
- Октябрьская И.В.** Теленгиты Республики Алтай: комментарии к фотопортрету // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 122–125.
- Оруджиева А.Г.** Особенности этнодемографического развития Ямало-Ненецкого автономного округа // Урал. ист. вестн. – Екатеринбург; Салехард, 2005. – № 12. – С. 145–150.
- Пивнева Е.А.** Этнодемографические процессы у манси в XVIII–XX вв. (в аспекте проблем естественного воспроизведения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1999. – 25 с.
- Повод Н.А.** Формирование коми диаспоры на территории Северного Зауралья // V Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. – М.: ИЭА РАН, 2003. – С. 364.
- Повод Н.А.** Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). – Новосибирск: Наука, 2006. – 272 с.
- Российский статистический ежегодник** 1999 г. – М.: Госкомстат, 1999. – 621 с.
- Соколова З.П., Степанов В.В.** Коренные малочисленные народы Севера: Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 5. – С. 75–95.
- Степанов В.В.** Понятие «население под воздействием» // Методы этноэкологической экспертизы. – М.: ИЭА РАН, 1999. – С. 87–116.
- Томилов Н.А.** Татары сибирские // Народы России: энцикл. – М.: Бол. рос. энцикл., 1994. – С. 328–331.
- Численность и состав населения народов Севера по данным переписи населения 1989 г.** / Госкомстат России. – М.: Респ. информ.-изд. центр, 1992. – Т. 1, ч. 1. – 417 с.
- Шаховцов К.Г.** Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири. – М.: ИЭА РАН, 2006. – С. 157–172.
- Шаховцов К.Г.** Этническая идентификация южных селькупов (XX – начало XXI века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИЭА РАН, 2007. – 26 с.
- Шаховцов К.Г., Функ Д.А.** О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири: к юбилею д.и.н. проф. З.П. Соколовой. – М.: ИЭА РАН, 2000. – С. 310–324.

Материал поступил в редакцию 21.10.10 г.

УДК 572'632' (470.314)

М.В. Добровольская, М.Б. Медникова*Институт археологии РАН**ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия**E-mail: mk_pa@mail.ru; medma_pa@mail.ru*

**«МЕДНЫЕ ЛЮДИ» ЭПОХИ БРОНЗЫ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ
И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА**

...И еще третье царство, медное,
которое будет владычествовать над всею землей.

Дан. 2, 39

Использование металла открыло перед человечеством новую сферу деятельности. Возникла категория профессионалов – горняков, литейщиков, кузнецов, которые применительно к эпохе бронзы могут быть названы «медными людьми». Настоящая публикация посвящена новым методическим возможностям идентификации в палеоантропологических коллекциях скелетных остатков представителей древнейших металлургов. На основании данных антропологии реконструируются особенности образа жизни кузнеца – носителя абашевской археологической культуры и его соплеменников, погребенных в коллективном захоронении Пепкинского кургана. Методы посткраниальной морфологии, палеопатологии, рентгенография и компьютерная томография скелетных остатков, гистологический, атомно-абсорбционный и изотопный анализ костной ткани позволяют определить специфику питания, уровень физиологических стрессов, сроки начала профессиональной специализации и влияние на состояние здоровья тяжелого физического труда.

Ключевые слова: эпоха бронзы, литейщик, образ жизни по данным антропологии, физические нагрузки, скелетная морфология, палеопатология, химия костной ткани.

Введение

Освоение металла как источника для создания орудий труда открыло перед человечеством новую сферу деятельности – изначально таинственную и загадочную. Преобразование природной среды и создание качественно нового материала было невозможно без выдвижения людей, сведущих в добыче и переработке металла. Так возникла категория профессионалов – горняков, кузнецов, литейщиков, которых мы применительно к эпохе бронзы можем назвать «медными людьми». Их знания и умения, с одной стороны, выходили за рамки повседневного опыта, а с другой – были его неотъемлемой частью. По словам М. Элиаде, кузнец, гончар, а позже алхимик, – «хо-

зяева огня». Огонь как средство «делать быстрее» и «делать иное» по сравнению с тем, что существовало в природе, объединяет специалистов в области сакрального – шамана, знахаря, колдуна. У якутов «кузнецы и шаманы из одного гнезда» [Элиаде, 1998, с. 184]. Обращалось внимание на метафорическое соотнесение процесса плавки с идеей мистического брака между человеком и металлами [Там же, с. 175]. По мифам Центральной Индии о кузнецах Асурах известны человеческие жертвоприношения плавильным печам, их следы можно проследить и в Африке [Там же, с. 176–177]. Обширные этнографические сведения, говорящие о потаенной жизни металлургов традиционного общества, собрал Е.Н. Черных [2007]. Эти данные свидетельствуют о двойственном

отношении к кузнецам, которые в разных традициях могут составлять как презираемые, так и особо почитаемые кланы.

Каков же был социальный статус кузнеца или литейщика в эпоху бронзы? Ответ на этот вопрос могут дать не только археологические, но и палеоантропологические исследования. На сегодняшний день опубликована единственная биоархеологическая реконструкция по скелетным остаткам из захоронения, содержавшего литейную форму. Погребение 4 кург. 1 Першинской группы памятников (Оренбургская обл.) принадлежало мальчику-подростку, представителю ямно-полтавкинской культурно-исторической общности [Черных и др., 2005]. А.П. Бужиловой [2005, с. 166–167] удалось определить на его правой лучевой кости усиленное развитие рельефа, указывающее на интенсивную работу кисти. Об активных физических нагрузках свидетельствовала архитектура костных блоков на бедренных костях и формирование шероховатостей в области прикрепления ягодичных мышц. Параллельно М.В. Добровольской [2005а, с. 181] было установлено, что концентрация меди в локтевой кости в 2 раза выше, чем в бедренной. Таким образом, впервые была убедительно доказана вовлеченность индивидуума в процесс металлообработки. Стал очевиден и ранний возраст приобщения к этой деятельности, ведь литейщик умер в 12–13,5 лет. Какие же биологические последствия имели занятия металлургией для взрослого населения той эпохи? Ответить на этот вопрос мы постараемся в данной работе.

Пепкинский курган: «кузнец» и его окружение

Этот уникальный памятник абашевской культуры у д. Пепкино был исследован в 1960 г. Марийской археологической экспедицией под руководством А.Х. Халикова. Центральное погребение, содержащее останки не менее 27 чел., не имеет синхронных аналогов [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966]. По мнению первых исследователей, Пепкинский курган стал братской могилой воинов [Там же, с. 9]. Повторно проведенное обследование подтвердило эту гипотезу [Медникова, Лебединская, 1999; Медникова, 2001]. Несмотря на фрагментарную сохранность антропологического материала, отобранного во время раскопок для последующего хранения, удалось типологизировать травматические повреждения и воссоздать картину боя. Также были выявлены следы ритуальных присмертных и посмертных манипуляций с телами (трепанирование, скальпирование, посмертное извлечение крупных фрагментов свода черепа, разрушение целостности костей конечностей) и сформулировано предположение, что погребенных

объединяли не только обстоятельства гибели, но и сходные особенности жизни. Это могли быть не просто активные молодые соплеменники, принимавшие участие в военном походе, а члены одного «мужского дома», и тогда сложные манипуляции с телами новопосвященных, представлявших ценность для социума, проходивших специфическую стадию инициации, обретают особый смысл. Сопутствующий инвентарь свидетельствует об особой тщательности захоронения, контрастирующего с другими абашевскими могилами, обычно не богатыми артефактами. Все индивидуумы были мужчинами, не достигшими 30-летнего возраста [Медникова, 2001], самый младший – 15–19 лет (№ 20), большинство – 20–25 лет (табл. 1). Графические реконструкции лица говорят о чертах их сходства. Очевидно, большинство погребенных состояли в кровном родстве. Морфологическим своеобразием выделяются лишь останки индивида № 8. Было установлено, что он отличается низким ростом, большей массивностью черепа, значительной шириной лица [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 39–43] и чрезвычайным развитием костного рельефа верхней конечности [Медникова, 2001, рис. 8 к гл. 8]. С этим погребенным был найден набор предметов бронзолитейщика, здесь же лежали три медвежьих астрагала. Итак, данные археологии определенно свидетельствуют о профессиональном статусе индивида № 8. Поэтому его скелет был использован нами для выделения специфических черт кузнеца.

Результаты химического анализа костной ткани

Медь является активным биогенным металлом, проникновение значительных количеств которого при жизни может проявляться в повышенных его концентрациях в биологических тканях человека, в частности, в скелетных, непосредственно прилегающих к месту физического контакта. Нами было проведено исследование состава минеральной части костных тканей индивидов. Использовался атомно-абсорбционный метод по методике, неоднократно апробированной в биоархеологических исследованиях [Историческая экология..., 1998]. В целом концентрация меди в костных тканях достаточно низкая. Исключение составляет индивид № 8 – «кузнец». В этом образце концентрация меди выше на математический порядок. Можно предполагать, что данный индивид на протяжении многих лет активно контактировал с металлом. В образце костной ткани другого погребенного (№ 21) также относительно повышенная концентрация меди. Возможно, это связано со спецификой его занятий. В подобных реконструкциях важен вопрос о возможности контаминации. Известно,

**Таблица 1. Возрастной состав погребенных
(определения М.В. Добровольской, М.Б. Медниковой)**

Нумерация погребенных*	По черепу	По посткраниальному скелету
Череп № 73 (костяк 1)	Ок. 25	Adultus
Череп № 74 (костяк без номера)	20–24	—
Череп № 76 (костяк 3)	25–29	—
Череп № 75 (костяк?)	25–29	—
Череп № 77 (костяк 4)	Ок. 25	—
Череп № 78 (костяк 5)	Ок. 25	—
Череп № 79 (костяк 8 – правые плечевая, локтевая, бедренная, большеберцовая, левая тазовая)	Ок. 25	20–24, ближе к 20 (следы недавнего прирастания верхнего эпифиза плечевой кости)
Череп № 80 (костяк 12 – левые плечевая, локтевая, бедренная, большеберцовая, фрагмент правой тазовой)	20–24	25–29
Череп № 81 (костяк 15?)	Ок. 30	—
Череп № 82 (череп 13б)	Ок. 25	—
Череп № 83 (костяк 26 – правая плечевая)	Ок. 25	Adultus
Череп № 84 (костяк 21)	20–24	18–20 (правая плечевая кость демонстрирует недавнее прирастание верхнего эпифиза)
Без номера (бедренная кость)	—	25–29
Костяк 7 (парные тазовые разрушенные, правая большеберцовая)	—	Adultus
Костяк 10 (левые локтевая, бедренная, большеберцовая, парные тазовые разрушенные)	—	25–29
Костяк 14 (правая локтевая)		20–29
Костяк 16 (правые плечевая, лучевая, локтевая, большеберцовые)	—	25–29
Костяк 17 (правая лучевая и левая тазовая)	—	20–29
Костяк 18 (левая лучевая, правые бедренная и большеберцовая)	—	Adultus
Костяк 19 (левая тазовая)	—	»
Костяк 20 (фрагмент правой плечевой с разрушенным верхним эпифизом, правая локтевая, фрагмент левой бедренной)	—	15–19, ближе к 15 (верхние эпифизы бедра, включая трохантер и нижний эпифиз локтевой, не приросли)
Костяк 24 (правая тазовая)		Adultus
Костяк 25 (левая локтевая)		»

*Мы вынуждены использовать двойную нумерацию останков, т.к. при поступлении их на хранение черепа получили коллекционные номера (причем для части из них археологическая документация утрачена), а кости посткраниального скелета сохранили археологическую нумерацию (один посткраниальный скелет депаспортизован).

что при длительном пребывании скелетных остатков в непосредственной близости от медных, бронзовых, биллоновых предметов соли и окислы металлов проникают в поверхностные слои кости, окрашивая ее в характерный зеленый цвет. Такая окрашенная ткань не может быть использована для анализа. В нашей практике встречались многочисленные случаи посмертного загрязнения цинком, медью, тяжелыми металлами. Эти образцы отличаются сверхвысокими концентрациями металлов-загрязнителей. Так, при исследовании погребения середины I тыс. н.э. анализировалась гороховидная кость запястья хорошей со-

хранности, без окрашивания и внешних нарушений. Полученный результат – 14 315,8 ppm меди – заставил обратиться за консультацией к археологам, т.к. подобная величина значительно превышает возможную прижизненную концентрацию. Оказалось, что на запястье индивида находилось бронзовое украшение. Итак, результат посмертного загрязнения легко распознается химическим методом. Нарушение минеральной целостности костной ткани проявляется и в формировании посмертных минеральных новообразований в кости. Нами был подготовлен шлиф, при исследовании которого разрушений прижизнен-

ной минеральной структуры не обнаружено. Итак, независимый метод доказал принадлежность скелета № 8 человеку, при жизни тесно контактировавшему с медью. Кроме того, обращает на себя внимание погребенный № 21, в костной ткани которого также повышена концентрация меди.

Маркеры стресса

Уже предварительное знакомство с присутствием показателей физиологического стресса на черепах пепкинских абашиевцев выявляет их сходство (табл. 2). В целом можно говорить о неоднократном эпизодическом негативном воздействии в детском возрасте. Частота эмалевой гипоплазии составляет 81,8 %, причем во всех случаях она регистрируется на протяжении зубного ряда (множественная). У двух из девяти (22,2 %) обследованных по этому признаку задержка роста происходила трижды (приблизительно в 3; 4,5 и 6 лет), у четырех (44,4 %) – дважды (ок. 3 и 4,5 лет; к данной категории детей принадлежал

будущий «кузнец»), у одного (11,1 %) – единожды. По-видимому, больше всего стрессов испытал погребенный № 21 (череп № 84): коронки его зубов имеют по четыре трансверзальных линии задержки роста в возрасте от 3 до 6 лет.

В группе не выявлено случаев кариеса, одонтогенного остеомиелита. Пришеечный зубной камень существует у всех. Возможно, именно поэтому у 16,7 % пепкинцев наблюдается прижизненная потеря зубов и несколько реже (8,33 %) – пародонтопатия. О питании твердой, грубоволокнистой пищей свидетельствует сильное развитие рельефа в месте прикрепления жевательной мышцы на нижней челюсти (у 80 % обследованных, в т.ч. у «кузнеца»).

Криброзных изменений на внутреннем крае глазниц не выявлено. У 41,7 % пепкинских абашиевцев (включая «кузнеца») выражена поверхностная васкулярная реакция (VIP) в области надбровья – вероятное свидетельство относительно долгого пребывания в холодных влажных условиях. Итак, нет указаний на обосabolение будущего «кузнеца» в период первого детства от его соплеменников.

Таблица 2. Наличие индикаторов физиологического стресса у погребенных в Пепкинском кургане

Номер черепа	Эмалевая гипоплазия	Кариес	Абсцесс	Прижизненная потеря зубов	Зубной камень	Пародонтопатия	Cribra orbitalia	VIP	Развитие masseter
73	Множественная (в 3; 4,5 и 5 лет)	–	–	–	?	–	–	–	Сильное
74	Множественная (в 3; 4,5 и 6 лет)	–	–	–	+	–	–	–	Умеренное
75	–	–	–	–	+	+	–	+ (надбровье)	Сильное
76	?	–	–	+	+	–	–	–	–
77	Множественная (в 3 и 4,5 года)	–	–	–	+	–	–	–	Сильное
78	Множественная (в 3; 4,5 и 6 лет)	–	–	–	+	–	–	+ (надбровье)	»
79	Множественная (в 3 и 4,5 года)	–	–	–	+	–	–	+ (надбровье)	»
80	Множественная (в 3 года)	–	–	–	+	–	–	–	»
81	Множественная (в 3 и 4,5 года)	–	–	+	+	–	–	+ (надбровье)	»
82	–	–	–	–	+	–	–	+ (надбровье)	»
83	Множественная (в 3 и 4,5 года)	–	–	–	?	–	–	–	?
84	Множественная (в 3; 4,5; 5 и 6 лет)	–	–	–	+	–	–	–	Умеренное

Патологии посткраниального скелета

Почти все рассмотренные нами кости демонстрируют отсутствие суставных патологий, последствий воспалительных процессов. У костяка 8 («кузнец») на левой тазовой кости в верхней части сочленовной поверхности наблюдается костное разрастание длиной 11 мм, высотой до 2 мм. Центрально-задняя часть сочленовной поверхности бугристая, «мелкопупырчатая». Правая тазовая кость и крестец не сохранились, что не позволяет судить о симметричном характере патологических изменений. Присутствие костного разрастания, возможно, указывает на последствия локального сакроилеита. К числу пограничных с патологией состояний может быть отнесена энтеосопатия на правой бедренной кости в месте прикрепления m. *gastrocnemius* (*caput mediale*).

Повышенная концентрация меди в костной ткани индивида побуждает нас рассмотреть в рамках дифференциальной диагностики проявления редкого наследственного заболевания, связанного с избыточным накоплением этого элемента в организме в результате нарушения его метаболизма. Болезнь Вильсона–Коновалова (гепатолентикулярная дегенерация) наблюдается преимущественно в молодом возрасте, проявляется признаками поражения сперва печени, потом головного мозга. Чрезмерное отложение меди в печени вызывает хронический гепатит и, как следствие, цирроз. После насыщения печени медью металл накапливается в центральной нервной системе. Среди сопутствующих нейропсихических изменений отмечают трепмор, дисартрию, снижение интеллекта, атаксию, изменения личности, эпилептиформные судороги. Поступающий в кровоток избыток меди может воздействовать на эритроциты, приводя к развитию гемолитической анемии. У некоторых больных развивается артропатия, вызванная накоплением меди в суставных тканях, что проявляется в деформирующем остеоартрозе, преимущественно коленных и тазобедренных суставов. Не исключен вторичный хондрокальциноз – псевдоподагра или пирофосфатная артропатия [Ивашкин, Султанов, 2005, с. 368–369]. Некоторые клинические проявления болезни Вильсона–Коновалова, по-видимому, могли быть и у пепкинского «кузнеца», причем по мере накопления в организме меди они могли только усугубляться. Вместе с тем повышенная концентрация биогенного металла у него носила локальный характер, в отличие от гораздо более тяжелого врожденного заболевания Вильсона–Коновалова.

Хотелось бы подчеркнуть, что на тазовых костях большинства других погребенных в Пепкинском кургане (№ 7, 10, 19, 24) патологии не обнаружено. Впрочем, начальная стадия изменений крестцово-подвздошного сочленения наблюдается симметрич-

но на парных костях у погребенного № 12. К числу других его особенностей относится изогнутость левой локтевой кости в нижней трети. Первичные изменения поверхности крестцово-подвздошного сочленения наблюдаются и у погребенного № 17 на левой тазовой кости. У него же имеются три крупных отверстия в крыле подвздошной кости, которые могут быть рассмотрены либо как питательные, либо как следствия неполной оссификации в местах хрящевых включений.

Абашевские племена использовали мышьяковые бронзы [Черных, 1966]. Биологические последствия активного контакта с мышьяком практически не изучены. Между тем летучесть его окислов, способность элемента накапливаться в тканях и высокая токсичность заставляют полагать, что древние литейщики не могли не подвергаться его влиянию. Очевидно, постоянный контакт с медью и мышьяком сказывался на особенностях их морфофизиологического статуса.

Реконструкция физических нагрузок

Без номера. Бедренная кость мужчины 25–29 лет характеризуется гипертрофией рельефа большого и малого вертелов, умеренным развитием ягодичной бугристости, шероховатой линии бедра и латерального надмыщелка.

№ 1. Фрагмент правой лучевой кости демонстрирует очень сильное развитие межкостного края. Правая бедренная характеризуется гипертрофией рельефа большого и малого вертелов, средним развитием ягодичной бугристости и шероховатой линии.

№ 7. На фрагменте правой большеберцовой кости наблюдаются гипертрофия переднего края (2–3 балла по трехбалльной шкале), развитие межкостного края, сильно акцентированная линия камбаловидной мышцы.

№ 8. На правой плечевой кости все элементы рельефа, включая малый бугорок, межбуторковую борозду, дельтовидную бугристость и латеральный край, чрезвычайно развиты. На правой локтевой (за исключением поверхности заднего края, которая разрушена) аналогичная картина наблюдается в отношении межкостного края, бугристости, гребня супинатора и дистального латерального гребня. Таким образом, воссоздается постоянная и чрезмерно интенсивная физическая нагрузка, приходившаяся на правую руку. Нагрузки на нижнюю конечность были несколько меньше. Как и у многих других пепкинцев, у «кузнеца» максимально развит рельеф вертелов. На поверхности большого вертела начиналась широкая латеральная мышца бедра, прикрепляясь средняя и малая ягодичные, грушевидная, запирательные мышцы. Развитие рельефа в этой области в основном отражает

движения бедра при отведении и повороте наружу и внутрь. На малом вертеле крепилась подвздошно-поясничная мышца, сгибавшая бедро в тазобедренном суставе, а при фиксированной нижней конечности – поясничную область и наклонявшая тело вперед. Сильно развита ягодичная бугристость – место прикрепления большой ягодичной мышцы, начинавшейся от гребня подвздошной кости. Сокращаясь всей массой, мышца разгибалась бедро, поворачивая его наружу. При фиксированной нижней конечности она разгибалась поясничный отдел, обеспечивая «военную выправку». Шероховатая линия бедра, развитие которой также связано с прикреплением мышц, обеспечивающих его движения, развита уже скорее умеренно, чем сильно. Умеренным развитием характеризуется и рельеф латерального надмыщелка, что может говорить о средней тренированности двуглавой мышцы бедра, а также подколенной и икроножной. На правом большеберцовой кости многие элементы рельефа (бугристость, передний и межкостный края) развиты средне. Минимально обозначен рельеф линии камбаловидной мышцы. Зато максимальных значений достигает развитие бороздок и бугорков дистальной части задней поверхности – места прохождения мышц – сгибателей стопы.

№ 10. На левой локтевой кости чрезвычайно развиты межкостный край и особенно бугристость, гребень супинатора, дистальный латеральный гребень. На левой бедренной рельеф большого вертела выражен несколько сильнее, но остальные элементы сформированы средне. На большеберцовой кости бугристость развита сильно, но передний и межкостный края, линия камбаловидной мышцы – умеренно и даже слабо. Характер двигательной активности данного индивидуума во многом совпадает с физическими нагрузками «кузнеца».

№ 12. На левой плечевой кости сильно развит только малый бугорок, остальные элементы – средне. Однако рельеф левой локтевой максимально выражен по большинству признаков. Рельеф левого бедра на всем протяжении развит средне. На левой большеберцовой, кроме сильно обозначенной бугристости, все элементы выражены слабо, чем умеренно.

№ 14. На единственной сохранившейся правой локтевой кости регистрируется сильное развитие всех элементов рельефа.

№ 16. На правой плечевой кости гипертрофированы малый бугорок, межбуторковая борозда, в меньшей степени – дельтовидная бугристость, средне развит латеральный край. Рельеф правых костей предплечья выражен очень сильно, особенно в месте бугристости и гребня супинатора локтевой, где изменения граничат с патологией. Рельеф правой большеберцовой кости развит слабо, за исключением межкостного края. Для малоберцовой характерна «граненая» форма.

№ 17. Рельеф правой лучевой кости развит сильно в области бугристости и межкостного края и умеренно – в месте прохождения сухожилий – разгибателей кисти.

№ 18. Рельеф левой лучевой кости выражен сильно. На правом бедре средне развиты рельефы большого и малого вертелов, крайне гипертрофированы ягодичная бугристость и шероховатая линия бедра, умеренное развитие наблюдается в области латерального надмыщелка. На правой большеберцовой кости бугристость, передний и межкостный края максимально рельефны; линия камбаловидной мышцы выражена слабо, а рельеф в месте прохождения мышц – сгибателей стопы – умеренно.

№ 20. Данный индивидуум, самый молодой из пепкинцев, не закончивший лонгитудинальный рост, демонстрирует наименьшее развитие костно-мускульного рельефа трубчатых костей. Рельеф левой плечевой кости выражен минимально (на уровне 1 балла по трехбалльной шкале), а правой – несколько сильнее, особенно в области заднего края и бугристости, где достигает средних значений для взрослых.

№ 21. Данный индивидуум также относится к наиболее молодым (примечательно однако, что вокруг его черепа лежали «венцом семь астрагалов медведя», в меньшем количестве встреченные до этого лишь у «кузнеца»). По-видимому, он несколько моложе «кузнеца» и немного старше индивида № 20. Однако на его плечевой кости уже регистрируется крайняя гипертрофия малого бугорка и межбуторковой борозды. Таким образом, можно предполагать тренированность широчайшей мышцы спины, подлопаточной, клововидно-плечевой, большой круглой и большой грудной мышц. Характерные привычные движения – приведение руки к туловищу, поворот, разгибание плеча, опускание поднятой руки с поворотом вовнутрь. Дельтовидная бугристость развита умеренно; не исключено, что здесь сказался молодой возраст человека. Латеральный край, структурно и функционально связанный с мышцами, сгибавшими предплечье и разгибавшими кисть, обнаживает тенденцию к увеличению.

№ 25. На единственной сохранившейся левой локтевой кости рельеф максимально выражен.

№ 26. На фрагменте правой плечевой кости наблюдается умеренное развитие дельтовидной бугристости и латерального края.

Таким образом, все представители группы были физически тренированными молодыми людьми. Однако характер привычной для большинства из них двигательной активности несколько отличался от повседневных занятий «кузнеца» и был не столь интенсивен. Обращают на себя внимание и повышенные физические нагрузки, реконструируемые для погребенного № 21, ранее выделявшегося наряду с «кузнецом» и по возрасту, и по высокой концентрации меди.

Типичные для этого юноши движения несколько отличались от тех, что вызвали гипертрофию рельефа у «кузнеца», но биомеханический стресс, испытанный индивидуумом, был также очень сильным.

Реконструкция особенностей питания

Химический анализ костной ткани позволяет реконструировать соотношение основных пищевых компонентов в рационе пепкинских мужчин. В качестве основных индикаторов питания мы использовали цинк и стронций. Концентрации этих элементов умеренные (табл. 3), что характерно для обитателей скорее лесных ландшафтов. К такому же выводу можно прийти, обратившись к данным о содержании стабильного изотопа ^{13}C (табл. 4), которые соответствуют пищевым ресурсам наземного происхождения в умеренной зоне [Ambrose, 1993]. Индивидуальная изменчивость концентраций цинка достаточно высока, что может быть связано с различными вариантами рациона питания. Так, наименьшее содержание цинка и стронция отмечено у индивида № 74 (костяк без номера), а максимальное – у индивида № 82 (13б). «Кузнец» не выделяется экстремальными концентрациями. У индивида № 21 выражена тенденция к повышению содержания цинка и стронция, что, вероятно, свидетельствует о более полноценном питании. В целом можно предполагать, что значительную долю обыденного рациона составляли белки животного происхождения, растительный компонент был представлен в меньшей степени. Как правило, у охотников-собирателей, получающих белки из мяса, концентрация цинка более высока [Добровольская, 2005б]. Возможно, умеренные ее значения связаны с большой долей молочных белков.

Морфология посткраниального скелета

Особенности ростовых процессов и формирование определенного варианта скелетной конституции человека зависят от наследственных факторов и окружающей среды [Медникова, 1995]. Доказано, что на продольные размеры длинных костей оказывают влияние диета, температура воздуха, гелиогеофизические характеристики и степень физической нагрузки [Федосова, 1989]. Учитывая высокую вероятность совместного проживания и даже питания пепкинских абашиевцев, можно предположить сходство большинства экзогенных факторов, формировавших структуру их скелета, за исключением, по-видимому, биомеханического стресса, уровень которого у разных людей мог заметно различаться. Первое остеометрическое исследование пепкинских материалов было выполнено

Таблица 3. Концентрации цинка, меди и стронция в минеральной части костной ткани, ppm

Номер индивида	Cu	Zn	Sr
8	14,40	69,83	39,82
1	4,04	46,07	38,06
Без номера	4,02	42,17	32,82
Без номера	5,49	54,26	36,65
3	5,72	74,98	35,51
4	5,20	65,52	42,63
5	4,14	48,01	37,14
12	4,00	54,75	38,78
15	4,13	60,06	36,71
13б	4,62	72,57	45,63
26	4,65	56,14	41,57
21	7,05	61,31	43,72
x	5,621667	58,80583	39,08667
s	2,789396	10,1046	3,560548

Таблица 4. Результаты радиоуглеродного анализа образцов костной ткани*

Лабораторный номер	Номер костяка (черепа)	$\delta^{13}\text{C}$	Дата, л.н.
Hela-1199	13б (82)	-21,4	3 640 ± 35
Hela-1200	5 (78)	-20,0	3 665 ± 35
Hela-1201	15 (81)	-20,9	3 690 ± 35
Hela-1202	12 (80)	-21,0	3 640 ± 35

*Изотопный анализ был проведен в лаборатории радиоуглеродного датирования (Radiocarbon Dating Laboratory) университета г. Хельсинки. Авторы пользуются случаем поблагодарить руководителя лаборатории Х. Юнгнера, а также К. Карпелана и С.В. Кузьминых за оказанное содействие.

нено М.М. Герасимовой, опубликовавшей результаты измерения 19 погребенных по восьми признакам строения посткраниального скелета [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 43, табл. Д]. Необходимость более дифференцированной характеристики скелетного материала в связи с задачами биоархеологической реконструкции побудила нас к повторному изучению сохранившейся к настоящему моменту выборки по более обширной программе (табл. 5).

При рассмотрении параметров плечевой кости обращает на себя внимание повышенная диафизарная массивность, характерная для № 8 и 21. По величине указателя прочности наибольшую внешнюю массивность в выборке демонстрирует «кузнец» (№ 8). Сравнение абсолютных значений минимальной окружности

Таблица 5. Особенности строения посткраниального скелета*

Продолжение табл. 5

Признак	Без номера	№ 1	№ 7	№ 8	№ 10	№ 12	№ 14	№ 16	№ 17	№ 18	№ 20	№ 21	№ 25	№ 26
11 : 12	—	—	—	88,4	—	—	—	75,8	—	—	81,5	—	—	—
	—	—	—	—	75,7	80,7	86,7	—	—	—	—	—	100	—
13 : 14	—	—	—	102,3	95,8	109,5	122,5	—	—	—	83,3	—	83,3	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Лучевая кость</i>														
1	—	—	—	—	—	—	—	254	251	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—	—	—	243	244	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	—	—	—	—	—	—	42	41	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	17,5	—	—	—	—	—	17,5	15	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	—	13	—	—	—	—	—	12	11	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3 : 2	—	—	—	—	—	—	—	17,3	16,8	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5 : 4	—	74,3	—	—	—	—	—	68,6	73,3	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Бедренная кость</i>														
1	454	452	—	426	—	474	420	—	—	—	438	—	—	—
	—	—	—	—	—	474	420	—	—	—	—	—	—	—
2	—	446	—	422	—	470	418	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	470	418	—	—	—	—	—	—	—
6	25	31,5	—	23	—	—	—	—	—	—	33	—	—	—
	—	—	—	—	—	27	24	—	—	—	—	—	—	—
7a	24	30	—	29	—	—	—	—	—	—	28,5	—	—	—
	—	—	—	—	—	30	27	—	—	—	—	—	—	—
8	76	95	—	90	—	100	83	—	—	—	95	—	—	—
	—	—	—	—	—	100	83	—	—	—	—	—	—	—
9	33	37	—	34	—	—	—	—	—	—	36	—	—	—
	—	—	—	—	—	37	32	—	—	—	—	—	—	—
10	21,5	32,5	—	27	—	—	—	—	—	—	27	—	—	—
	—	—	—	—	—	26	22,5	—	—	—	—	—	—	—
18	—	—	—	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	49	—	—	—	—	—	—	—	—
19	—	—	—	47,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	45	—	—	—	—	—	—	—
20	—	—	—	152	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	—	—	—	76	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	76	—	—	—	—	—	—	—	—
8 : 2	—	—	—	21,3	—	21,3	19,9	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	21,3	19,9	—	—	—	—	—	—	—

Продолжение табл. 5

Окончание табл. 5

Признак	Без номера	№ 1	№ 7	№ 8	№ 10	№ 12	№ 14	№ 16	№ 17	№ 18	№ 20	№ 21	№ 25	№ 26
Tаз														
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1 : F2. Тазобедренный указатель	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15. Высота седалищной кости	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17. Длина лобковой кости	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

*В верхней строчке измерения правых костей, в нижней – левых.

**Без неприросшего нижнего эпифиза.

и окружности в середине диафиза свидетельствует о высокой вариабельности этих признаков. Большая разница между двумя указанными размерами имеет отчетливую функциональную причину, поскольку в нормальной анатомии утолщение кости на уровне середины может быть вызвано преимущественно развитием области дельтовидной бугристости. «Кузнец» демонстрирует наиболее значительное различие (рис. 1). В то же время указатель поперечного сечения диафиза в выборке достаточно изменчив (табл. 5), что не позволяет сделать определенного заключения о воздействии биомеханического стресса. Строение локтевой кости у «кузнеца» также характеризуется повышенной массивностью. Это проявляется в высоких значениях указателей прочности и поперечного сечения диафиза. Примечательно, что указатель платолении большой информативностью, по-видимому, не обладает, подчиняясь формообразующему влиянию других, не механических факторов. По строению бедренной кости «кузнец» демонстрирует средние для данной группы значения признаков, не обнаруживая повышенной массивности диафиза. Напротив, у него самый низкий указатель пиластрии, связанный со слабым развитием диафиза в сагиттальном направлении. В подвергательной области бедренная кость, наоборот, уплощена в меньшей степени, чем у многих других абашиевцев. Диафиз его большеберцовой кости относительно утолщен по сравнению с остальными индивидами. В частности, это проявляется в наиболее высоких значениях индексов платикнемии и прочности. Примечательно, что «кузнец» и индивидуум № 12 ниже других в выборке (табл. 6), возможно, они подвергались действию факторов, замедлявших рост. На рентгенограмме*

большеберцовой кости «кузнеца» 13 линий Гарриса, в то время как у его соплеменников максимальное число подобных свидетельств неблагоприятных воздействий 3 (рис. 2).

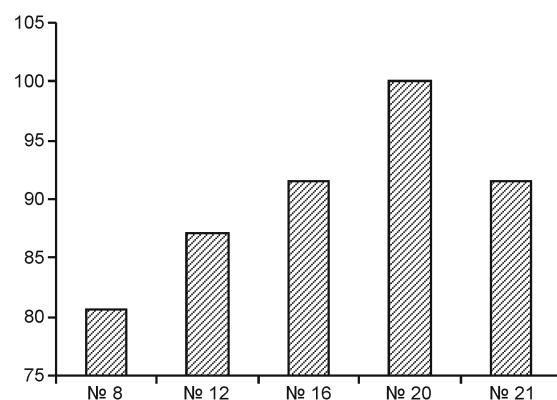

Рис. 1. Соотношение окружностей диафиза плечевой кости (индекс 7 : 7a, %).

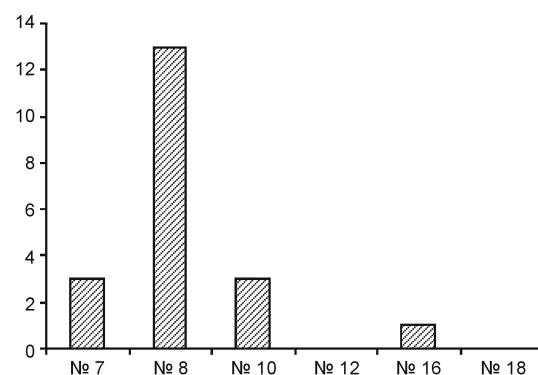

Рис. 2. Количество линий Гарриса на рентгенограммах нижней части диафиза большеберцовых костей.

*Съемки трубчатых костей в этой выборке производились нами в стандартных проекциях аппаратом «Арман» при режиме 80 кВ, 100 МА/с на пленке ORWO.

Таблица 6. Длина тела (по формулам М. Троттер, Г. Глазер для европеоидов), см*

Кость	Номер погребенного									
	Без номера	1	8	10	12	14	16	17	18	21
Бедренная	171	170	164	175,5	163	—	—	—	167	—
Большеберцовая	—	—	167	177	167,5	—	173	—	176	—
Малоберцовая	—	—	—	—	—	—	173	—	—	—
Плечевая	—	—	165	—	164	—	178	—	—	175
Лучевая	—	—	—	—	—	170	176	174,5	—	—

*Определения производились по сохранившимся костям.

Геометрия поперечного сечения плечевой кости

Геометрия поперечного сечения трубчатых костей человека в последние десятилетия часто применяется для описания особенностей действия биомеханического стресса. Мы использовали два способа, позволяющие оценить форму поперечного сечения и степень внутренней массивности костей. Во-первых, правая плечевая кость пепкинского «кузнеца» была обследована на компьютерном томографе CT Aura Philips. Томография позволила получить аксиальные срезы толщиной от 1,0 мм и их реконструкции толщиной до 0,2 мм. Определение расстояний между анатомическими точками производилось в программе Centricity DICOM Viewer (version 2,2, 2004). Во-вторых, были получены рентгенограммы трубчатых костей в латеральной и сагиттальной проекциях. После измерений толщины стенок диафиза и ширины медуллярного канала в стандартных плоскостях по формулам эллипса определялись площадь сечения плечевой кости в середине диафиза (СА), площадь сечения медуллярного канала (МА), показатель относительной кортикаллизации (%СА), а также вычислялись индексы компактизации других трубчатых костей (бедренной и большеберцовой). На поперечном

срезе правой плечевой кости «кузнеца» (рис. 3) наблюдается заметное утолщение стенок, достигающее чрезвычайных величин в латеральном квадранте, что можно ассоциировать с костным разрастанием в месте максимального развития дельтовидной бугристости. На уровне последней компакта латеральной стенки неоднородна, демонстрирует очевидную разреженность толщи. Мы можем предположить сходные морфологические реакции костной ткани лишь у современных тяжелоатлетов. При рассмотрении показателей поперечного сечения плечевой кости (табл. 7) обнаруживается высокая индивидуальная изменчивость и по значениям площади сечения, и по степени кортикаллизации диафизов. Следует вновь подчеркнуть, что «médные люди» – индивидуумы № 8 и 21 – попадают в категорию лиц с широким сечением диафиза. При этом № 21 характеризуется средним для этой выборки развитием стенок, а «кузнец» выделяется повышенной кортикаллизацией, уступая в данном отношении лишь погребенному № 12. Учитывая выявленную при компьютерном томографировании картину активной реакции костной ткани, мы можем предположить, что, не скончавшись «кузнец» в возрасте ок. 20 лет, толщина компакты его правой плечевой кости достигла бы еще более значительной величины.

Рис. 3. Поперечный срез диафиза правой плечевой кости «кузнеца» в месте максимального развития дельтовидной бугристости.

Таблица 7. Геометрия поперечного сечения плечевых костей в середине диафиза

Номер по-погребенного	СА	МА	%СА
8	471	122,46	74,0
21	431,75	150,72	65,09
12	314	52,20	83,37
16	314	113,04	64,01
20	226,89	102,05	55,02
26	469,43	153,08	67,35

Микроструктурные особенности строения плечевой кости «кузнеца»

Был изготовлен шлиф на основании образца, выпиленного из диафиза правой плечевой кости индивида № 8 («кузнец»). В толще компактной ткани на месте максимального развития дельтовидной бугристости выражены значительные костные перестройки, проявившиеся в первую очередь в образовании обширных полостей резорбции (рис. 4). А, как известно, формирование новой костной ткани происходит после резорбции. Благодаря этим преобразованиям и мог сформироваться описанный выше рельеф. Значительное число полостей резорбции, наряду с большим количеством мелких остеонов, свидетельствует о том, что перестройка костной ткани не была завершена. Смерть индивида прервала формирование функционального костного рельефа. Важно отметить, что максимальное число полостей резорбции находится в средней части толщи компактного слоя, а не на периферии. Возможно, процесс костных перестроек прошел уже свою самую активную фазу. Вероятно, большое число полостей резорбции могло привести к формированию стабильной ткани с элементами строения губчатой кости, имеющей, как известно, интенсивное кровоснабжение. Не исключено, что описанные костные перестройки происходили и для улучшения кровоснабжения плечевой кости, которая постоянно испытывала большие физические нагрузки.

Заключение

Итак, методы комплексного биоархеологического анализа показали способность идентифицировать в скелетной выборке останки представителей важнейших профессий древнего мира – кузнецов и литейщиков. Подтверждается вывод о раннем начале их профессиональной специализации. На примере «кузнеца» и его соплеменников оценивался уровень стрессов в детстве и возрасте активного роста. Такие показатели, как эмалевая гипоплазия, состояние зубо-челюстного аппарата и др., у «кузнеца» соответствуют средним значениям для всей группы. Питались члены этого мужского коллектива, по-видимому, одинаково, что позволяет предположить их долговременное совместное проживание. Проанализированные данные не подтверждают привилегированное положение «кузнеца» у абашиевцев. Морфологические признаки позволяют реконструировать постоянные экстремальные физические нагрузки, которые испытывал «кузнец». Такие нагрузки в период подросткового спурта могли препятствовать реализации генетической программы роста, в результате

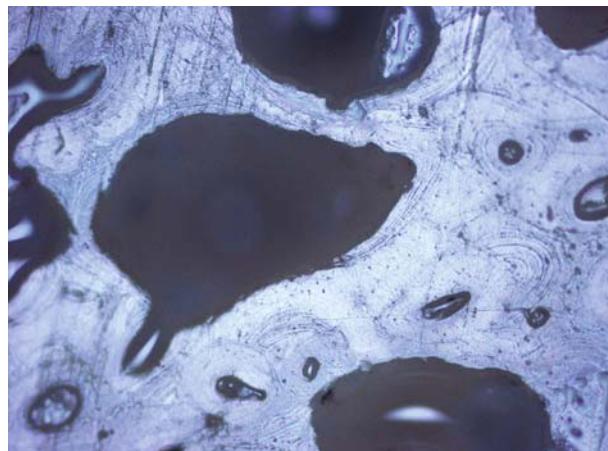

Рис. 4. Гистологическое строение компакты диафиза на уровне максимального развития дельтовидной бугристости.

чего он относится к самым низкорослым индивидуумам данной группы, будучи и наиболее брахиморфным. Если в раннем детстве количество стрессов у будущего «кузнеца» соответствовало средним показателям для всей группы (выраженность эмалевой гипоплазии), то в подростковом возрасте число негативных эпизодов, приводивших к остановкам роста, у него во много раз больше, чем у соплеменников (число линий Гарриса). Последствия биомеханического стресса у «кузнеца» регистрируются и на макроморфологическом уровне, и в показателях внутренней массивности трубчатых костей правой руки, и при гистологическом обследовании костной ткани. Вместе с тем мы не исключаем, что собственно контакт с металлом и другими химическими агентами металлургического производства мог негативно влиять на здоровье. Избыточное накопление меди в организме в результате профессиональной деятельности могло иметь проявления, сходные с т.н. болезнью Вильсона–Коновалова – врожденным нарушением метаболизма этого элемента. Очевидно, что интенсивное занятие литейным делом могло существенно влиять на здоровье человека эпохи бронзы.

Список литературы

- Бужилова А.П.** Анализ двигательной активности и реконструкция профессиональной деятельности // Каргалаы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т. 4: Некрополи на Каргалах; Население Каргалов: палеоантропологические исследования / отв. ред. Е.Н. Черных. – С. 166–170.
- Добровольская М.В.** Химический состав минеральной части скелета // Каргалаы. – М.: Языки славянской культуры, 2005а. – Т. 4: Некрополи на Каргалах; Население Каргалов:

палеоантропологические исследования / отв. ред. Е.Н. Черных. – С. 177–184.

Добровольская М.В. Человек и его пища. – М.: Науч. мир, 2005б. – 368 с.

Ивашкин В.Т., Султанов В.К. Болезни суставов: Продевтика, дифференциальный диагноз, лечение. – М: Лицерра, 2005. – 544 с.

Историческая экология человека: Методика биологических исследований / А.П. Бужилова, М.В. Козловская, Г.В. Лебединская, М.Б. Медникова. – М: Старый сад, 1998. – 260 с.

Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. – М.: Ин-т археологии РАН, 1995. – 216 с.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Науч. мир, 2001. – 304 с.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / отв. ред. В.И. Гуляев, И.С. Каменецкий, В.С. Ольховский. – М.: Вост. лит., 1999. – С. 200–216.

Федосова В.Н. Морфофункциональная изменчивость трубчатых костей человека (в связи с проблемами палеоэкологии): автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 24 с.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (Абашевский человек). – Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1966. – 48 с.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.: Наука, 1966. – 176 с.

Черных Е.Н. Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – Т. 5: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – 200 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Першинский некрополь: курган 1 // Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т. 4: Некрополи на Каргалах; Население Каргалов: палеоантропологические исследования / отв. ред. Е.Н. Черных. – С. 21–47.

Элиаде М. Азиатская алхимия. – М.: Янус-К, 1998. – 604 с.

Ambrose S.H. Diet reconstruction with stable isotopes // Investigation of ancient human tissue: Chemical analysis in anthropology / ed. by M.K. Sandfort. – Langhome: Garden and Beach Science Publishers, 1993. – P. 59–130.

Материал поступил в редакцию 01.11.08 г.

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ОХОТЫ

Приводим дословно, без комментариев, информацию, собранную по теме «Традиционные способы охоты» в с. Качуково Омской обл.:

«Охота на зайца. Способ № 1. Берут кирпич и специи (обычно перец). На заячьей тропе кладут кирпич и сильно посыпают его перцем. Заяц бежит и видит незнакомый предмет, подходит понюхать, начинает чихать и ударяется о кирпич головой. Бац! Готов.

Способ № 2. Зимой достают морковку из погреба, вешают на березу. Охотник с ружьем и в маскхалате ложится неподалеку. Зайцы видят морковку, подходят и начинают за ней прыгать. Заяц подпрыгивает – в него стреляют, затем второй прыгает – в него стреляют, и так пока зайцы не кончатся.

Способ № 3. На заячьей тропе устанавливают бро-небойное стекло. Заяц бежит, стекла не видит и ударяется в него лбом. Бац! Готов.

Охота на медведя. Берут металлический прут, на нем нарезают резьбу (лучше, как на шурупе, так быстрее вкручивается). На конце оставляют сво-

бодное место для крепления (чертеж прилагается). Прут крепится к дереву насквозь и закрепляется с оборотной стороны, чтобы нельзя было выдернуть. Прут по резьбе обильно намазывается медом. Охотник садится в засаду. Подходит медведь и начинает слизывать мед. Как только прут покажется из заднего прохода медведя, надо побежать и закрутить гайку. Если медведь будет сопротивляться, гайку надо закрутить посильнее».

«НЕГРЫ»

Во всех экспедициях делают копии похозяйственных книг сельских администраций, в которых указываются сведения о всех жителях села – ФИО, отношение к главе семьи, пол, возраст, образование, место работы и т.д. Однажды студенты-первокурсники, делавшие выписки из похозяйственных книг, вернулись с «круглыми глазами» и заявили, что «в этой деревне живет полно негров». Еще и спрашивали всех: «А вы негров здесь видели?». Господи, какие могут быть негры в сибирской глухомани, откуда? Выяснилось, что в похозяйственных книгах напротив многих фамилий стояла запись «негр». Сокращенное от «неграмотный».

Записала Т.Б. Смирнова
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
пр. Мира, 55а, Омск, 644077, Россия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РК – Академия наук Республики Казахстан

АО – Археологические открытия

АЯНЦ – Архив Якутского научного центра СО РАН

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН

ГАУК ТО – Государственное автономное учреждение культуры Тюменской области

ГИМ – Государственный Исторический музей

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН

ИГИ ТюмГУ – Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета

ИГУ – Иркутский государственный университет

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН

ИАЭ РАН – Институт этнологии и антропологии РАН

КА (ПНИАЛ) УрГУ – Кабинет археологии (Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория) Уральского государственного университета

МАЭ – Музей антропологии и этнографии РАН (АН СССР)

МВД – Министерство внутренних дел

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МУ ИКНПЦ – Муниципальное учреждение Историко-культурный научно-производственный центр

НПМП – Научно-производственное многопрофильное предприятие

РА – Российская археология

СА – Советская археология

СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР

СЭ – Советская этнография

ТГИАМЗ – Тюменский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ТОИПК ПК – Тюменский областной институт повышения квалификации педагогических кадров

УрО РАН – Уральское отделение РАН

Абдулганиев М.Т. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия.

Аксянова Г.А. – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. E-mail: gaksanova@gmail.com

Берлина С.В. – научный сотрудник Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: svb82@mail.ru

Богданов Е.С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Борзунов В.А. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Уральского государственного университета им. А.М. Горького, пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия. E-mail: borzunov@usu.ru

Васильева И.Н. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Поволжья, ул. Ленинская, 127, Самара, 443041, Россия. E-mail: in.vasil@mail.ru

Глушков И.Г. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой Сургутского государственного педагогического университета, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия.

Горюнова О.И. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего Иркутской лабораторией археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: as122@yandex.ru

Деревянко А.П. – академик, директор Института археологии и этнографии СО РАН, ул. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Добровольская М.В. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: mk_pa@mail.ru

Зиливинская Э.Д. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ленинский пр., 32А, Москва, 119991, Россия. E-mail: eziliv@mail.ru

Зориктуев Б.Р. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия. E-mail: imbt@burinfo.ru

Кирюшин К.Ю. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Кирюшин Ю.Ф. – доктор исторических наук, профессор, ректор Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: rector@asu.ru

Кузменкин Д.В. – научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: kuzmenckin@yandex.ru

Лозей Р.Дж. – профессор отдела антропологии Университета Альберта, Эдмонтон, Канада. University of Alberta, Edmonton, AB, T6G2H4 Canada. E-mail: tatianan@ualberta.ca; rlosey@ualberta.ca

Медникова М.Б. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: medma_pa@mail.ru

Номоконова Т.Ю. – аспирантка отдела антропологии Университета Альберта, Эдмонтон, Канада. University of Alberta, Edmonton, AB, T6G2H4 Canada. E-mail: tatianan@ualberta.ca

Полосьмак Н.В. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630030, Россия. E-mail: polosmakanatalia@gmail.com

Рафикова Т.Н. – научный сотрудник Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: TNRafikova@yandex.ru

Савельев Н.А. – кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: as122@yandex.ru

Салугина Н.П. – кандидат исторических наук, доцент Самарской государственной академии культуры и искусств, ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010, Россия. E-mail: nsalug@gmail.com

Степанов В.И. – заведующий Проблемной научно-исследовательской археологической лабораторией Уральского государственного университета им. А.М. Горького, пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия. E-mail: PNIAL@usu.ru

Цэвээндорж Д. – доктор наук, профессор, директор Института археологии АН Монголии, ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 210646, Монголия. E-mail: dtseveen@yahoo.com

Шитова Н.И. – кандидат исторических наук, сотрудник Управления информатизации Горно-Алтайского государственного университета, ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000, Россия. E-mail: natalja.sni2011@yahoo.ru

Шмидт А.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: schmidt.alexander@yandex.ru

Эрдэнэ-Очир Н. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии АН Монголии, ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 210646, Монголия. E-mail: nochiroo@yahoo.com